

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРИОКСКИЕ ЗОРЬ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3

2026

Приокские зори

ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2026 — 3(82)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

«Как нам реорганизовать Рабкрин». Благонамеренные рассуждения о нынешних делах писательских..... 3

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ, ПЬЕСА

Борис Григорьев. Служба, или Иуда из Ясенева-2 (главы из романа)..... 19

Татьяна Сапрыкина. Миленький ты мой... (повесть)..... 42

Владимир Спиридонов. Осенний блюз для двоих (повесть)..... 54

Владимир Милов. Волчья любовь (главы из повести)..... 68

Рагим Мусаев. «Пряники» для Гитлера: драма в 2-х действиях на основе реальных событий (окончание)..... 77

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Надежда Давыдова. Варечка..... 92

Кристина Денисенко. Тринадцать дней сеньора Бистио..... 97

София Кривохина. Невидимая ранка..... 100

Анатолий Ливри. Он..... 102

Виталий Ковалев. Танец бабочек..... 109

Анна Гройсс. Вымышленный адресат..... 122

Татьяна Ярушина. Право на опыт..... 128

Яков Шафран. Пятьсот метров. Побратимы..... 133

Татьяна Бугримова. Женская дружба..... 138

Евгений Асташкин. За металлом..... 146

Илья Чесноков. Морзе, пес и пустая тарелка..... 153

Сергей Криворотов. Последняя Иордань..... 160

Алексей Яшин. Триолеты в прозе из цикла «А роза упала на лапу Азора»..... 170

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валерий Демидов. Творчество..... 186

Елена Колесникова. Прощальная..... 193

Александр Романов. Полярность..... 197

Ирина Егорова-Нерли. Березовый плач от земли..... 199

Николай Тимохин. «Я вам нравлюсь хоть немного?»..... 202

Анфиса Третьякова. Важней цветов — плоды.....	205
Александр Шепшелевич. Свидетели.....	208
Юрий Пчелинцев. Когда ладонь ложится на плечо.....	212
Станислав Черняк. Цветок катальпы.....	216
Ольга Молодцова. Пишу о главном: о любви, о жизни.....	221
Иван Чудасов. Поиск покоя.....	227
ALTER EGO: РАССКАЗЫ ЛЮДЕЙ УВЛЕЧЕННЫХ	
Евгений Скоблов. Первые планетоходы.....	232
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Александр Субетто. Пора задуматься.....	241
Николай Макаров. Чемпионы и призеры Олимпийских игр с тульскими корнями.....	245
Геннадий Маркин. Продолжение разговора за круглым столом с главным редактором.....	256
Евгений Трещев. «Эхо Вселенной».....	259
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	261

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz

E-mail и телефон редакции: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Литературный шеф-редактор Алексей ЯШИН, член правления АРЛ
Ответственный редактор-секретарь Яков ШАФРАН
Ответственный оргредактор Николай ЖУКОВ, председатель ТРО СПР
Руководитель творческого совета журнала Геннадий МАРКИН

Редколлегия:

Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
 Евгений АСТАШКИН (Омск) —
 зав. отделом прозы
 Владислава ВАСИЛЬЕВА (Узловая)
 Людмила ВОРОБЬЕВА (Минск, Белоруссия)
 Андрей ГАЛКИН (Тула) — зав. отделом
 театральных текстов
 Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) —
 зав. отделом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
 Игорь КАРЛОВ (Стамбул, Турция) —
 зав. отделом международных связей
 Егор КОЗЛОВ (Тула) — главный редактор
 альманаха «На крыльях Пегаса»
 Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
 Николай МАКАРОВ (Тула)
 Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
 Валерий САВОСТЬЯНОВ (Тула)
 Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
 Евгений СКОБЛОВ (Москва) —
 председатель Правления АРЛ
 Николай ТИМОХИН (Семипалатинск,
 Казахстан) — зав. отделом поэзии
 Евгений ТРЕЩЕВ (Щекино) — зав. отделом
 краеведения
 Владимир ТРУСОВ (Санкт-Петербург) —
 зав. отделом критики и литературоведения
 Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) —
 Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
 Художник Олеся ЯНГОЛ (Тула)
 Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
 WEB-мастер Оксана МИТЮШКИНА (Тула)
 Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
 — журнал «Истоки» (Красноярский край)
 — журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
 — журнал «Новая Немига литературная»
 (Минск, Белоруссия)
 — журнал «Западная Двина» (Минск, Белоруссия)
 — альманах «Московский Парнас»
 — газета «День литературы» (Москва)
 — поэтическое издательство «Образ» (Москва)
 — журнал «АлександрЪ» (Москва)

Журнал издается Тульским региональным отделением Союза писателей России при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы (АРЛ) и Тульского госуниверситета.

Полные тексты журнала и его альманаха «Ковчег» публикуются на сайтах Интернета (в PDF-формате):

<http://www.pz.tula.ru>

<http://www.tro-spr.ru>

Портал «Журнальный зал»:

<https://magazines.gorky.media/page/portal-zhz>

Согласно постановлению Правления СПР, публикации в «Приокских зорях» засчитываются при приеме в СПР.

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

«КАК НАМ РЕОРГАНИЗОВАТЬ РАБКРИН»

Благонамеренные рассуждения о нынешних делах писательских

*Я мысленно вхожу в ваш кабинет...
Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,
Но чья для нас не умерла химера,
И бьется сердце, взятое в их плен...
Бодлера лик, нормандский ус Флобера,
Скептический Франс, святой сатир — Верлен,
Кузнец — Бальзак, чеканищики Гонкуры...
Их лица терпкие и четкие фигуры
Глядят со стен, и спят в сафьянах книг
Их дух, их мысль, их ритм, их бунт, их крик...
Я верен им... (выд. нами.— А.Я.)*

Максимилиан Волошин «Р. М. Хин».
Из книги «Selva Oscura»

Горьковское и сегодняшнее объединение литературных сил: славны бубны за горами, или звонок бубен, да страшен игумен. Поскольку народ сейчас беспокойно мнителен и всегда ищет к чему бы придраться, то вначале поясним используемый ниже смысл определяющих слов, приведенных в фольклорных высказываниях. *Под бубном*, естественно, понимаем литературное творчество: как бубен отвлекает человека от уныния и монотонности тягучего течения дня, так и писатель своим творчеством будит мышление, сознание того же человека, загипнотизированного безысходностью серых будней и потерей ориентиров даже на ближайшее будущее. *Игумен* же, вне всякого сомнения, есть сверхзадача художника слова: она всегда *страшит* писателя: а справлюсь ли я с ней? по Сеньке ли шапка? Это не упомянутая выше мнительность, но самовдохновение себя, труженика гусиного пера и паркера*, на трудовой подвиг. Опять же: глаза боятся, а руки делают... Но главный оттенок этого страха: творчество всегда индивидуально, а не станет ли ему камнем преткновения участие в некой организации писателей? Не мою ли руку будут направлять? Наконец, *за горами* — ориентир художника на авторитет. Отсутствие последнего — излишнее самомнение писателя-средняка. А вот «Я гений Игорь Северянин» — это другое дело. Получивший звание Короля поэтов в финале с Маяковским имел на то право.

Теперь же поставим насущный вопрос: горьковское в 1930-х годах и нынешнее объединение писателей одного ли корня? и задачи — имеют ли они сходство или еще больше различия? Гм-м, получилось даже два вопроса, Впрочем, на одну и ту же тему.

Говоря о сходстве корней горьковского (оно же сталинское) и нынешнего моносоюзного объединения литераторов, мы не для красного словца в заголовок очерка по-

* Клавиатура — это уже иной вид письменного отображения творческой мысли: исключается мнемоническая память, ослабевает функция центра Вернике в левом полушарии мозга (мысленное звуковое сопровождение речи и письма) и пр.— предтечи клипового мышления.— Прим. авт.

ставили название работы В. И. Ленина, столь памятной всем, заставшим советское школьное, техникумовское и особенно вузовское образование. Мы же имеем в виду подтекст содержания «Рабкрина», датированного 1922 годом. То есть Ленин писал его близко к окончанию своего жизненного пути, уже имея пятилетний политический, социальный и экономический опыт (а по тем стремительным временам это не мало!) построения государства принципиально нового типа: *социалистического* по Марксу и *советского* по русской исторической традиции. Революция, Гражданская война, идеологическое «разнотравье» в партии, особенно с неумеренным интернационализмом Троцкого (движение все, цель ничто), военный коммунизм и НЭП — все это научило, подвигнуло советского Вождя к самоочевидной мысли, особенно наглядно проявившейся в работах последних его лет, а именно (передаем своими словами): не ломать все до основания, как в известной революционной песне, а максимально брать все полезное, даже в совершенно иных условиях. По всей видимости Сталин, как верный ленинец, такую установку и давал Горькому при создании Союза писателей СССР.

Потому-то Алексей Максимович сразу отверг вроде как «идеологически выдержанную» мысль об организации Союза исключительно на основе «классово близкого» Пролеткульта. ...Кто за сумятицей постсоветских лет или по молодости забыл, просто никогда не знал об этой славной общественной организации, не торопитесь одурманиваться пищей интернета-*уманета*, а освежите в памяти энциклопедию жизни 1920-х годов — диалогию одесских классиков о похождениях Остапа Бендера (именно в книжном виде, не в киношном!). В нескольких абзацах, разбросанных по шестистам с лишком страницам, авторы почти все сказали о Пролеткульте; как говорится, в образах и акцентах.

В то же время из тогдашнего обилия (даже избытия!) всевозможных литературных течений, объединений, тенденций и пр., как говорится, от «Серapiоновых братьев» до «Стаального вымени» (это из диалогии Ильфа и Петрова), ни одно из них не могло претендовать даже на условную избранность в качестве идеологической, творческой, актуальной, потенциальной и пр. основы будущего Союза писателей. Возникла дилемма: все объединения и течения похерить, а на пустом месте заново взрастить новую советскую литературу... благо и Литературный институт, преемник Университета Шанявского и ИФЛИ, уже готовился загодя. Либо же, говоря словами Сталина: «других писателей у меня нет», строить Союз как объединение уже проявивших себя в творчестве писателей, лояльных советской власти и тем более коммунистических (тогда — большевистских) убеждений.

Первое отвергалось как нереальное во всех отношениях, особенно во временных (об этом чуть ниже). Поэтому Союз писателей и был создан по второму, реальному и достаточно просто исполнимому варианту. Условная простота обеспечивалась уже де-факто созданной советской литературой, творчески вобравшей в себя лучшие традиции великой русской классической литературы XIX и начала XX веков — литературы, как это ни странно звучит, дворянской, заложившей в нее стержень и образность *русскости*. Далее к этой образности разночинная литература добавила идейность — «направления», как говорили в те времена. А Некрасов своими «Современником» и «Отечественными записками» и создал мировой феномен русской литературы. «Серебряный век», «чеховский водораздел» и горьковский начало завершили полное формирование русской литературы критического реализма, а поросли этого могучего дерева в новой, советской России получили дальнейшее развитие... в чем-то, обычно в принципиальном, не отвечавшее идеологии и практике советского социалистического строительства, к чему опять же вернемся чуть ниже. Пока же сделаем промежуточный вывод: горьковский (сталинский) писательский союз при его организации имел *исключительно* хорошо подготовленный «кадровый базис» в лице писателей, опиравшихся в своем творчестве на традиции великой русской литературы.

И другой существенный момент: создавая Союз писателей, его организаторы тем

самым консолидировали творческие силы, не дав им со временем — а времена стремительно надвигались страшные — нивелироваться. Таким образом, литературный процесс от пушкинского «Современника» и «Арзамаса» с их объединительными тенденциями, до создания Союза писателей СССР занял сотню лет — с государственным переустройством страны — и может быть уподоблен росту дерева: от единичного семечка к разлапистости набирающего силу растения, а затем к его оформлению, как тот же пирамидальный тополь: устремленная вверх крона, вобравшая в себя все жизненные, долгим временем роста накопленные, силы. Надеемся, аналогия прозрачная...

Жизненный цикл, словом. А коль скоро социобиология сейчас вышла из почетного статуса лженауки, то и к предмету наших рассуждений вполне применимо.

И древо писательского союза возросло удачным и плодотворным — в данном случае не о тополе с его сомнительными (для человека в гастрономическом плане) плодами говорим. Советская русская литература стала естественным и достойным продолжением и развитием (времена-то меняются!) великой русской словесности. И пресловутая заорганизованность и «следование указаниям партии и правительства», как основной довод *наших* (именно наших, имею на то право, как учившийся в Литинституте и издавший первые книги в СССР) врагов, здесь явно не срабатывает. Когда в разгуле либерал-антисоветизма девяностых годов таковые оплевывали все и вся из семидесятилетней истории советской страны, даже доходя до прямого сопоставления советского социализма с национал-социализмом Третьего рейха, то и они не решились поставить знак равенства между Союзом писателей СССР и гитлеровской организацией (условно называемых) литераторов. Остатки совести и разума не позволили.

Действительно, вспомним кадры из «Обыкновенного фашизма» Ромма, где показывают съезд этих самых «литераторов»: обширный зал заполнен таковыми, по стойке смирно, стройными рядами внимающими направляющей речи фюрера среднего ранга, наставляющего от ведомства Геббельса как писать и о чем писать... конечно, о единственно верном пути Германии — тысячелетнего рейха во главе... и так далее. И все эти сотни сидящих по стойке «смирно» подопечных доктора Геббельса, без единого исключения одеты в мундиры! — все от того же ведомства.

Союз же советских писателей даже в самые тревожные — на то была необходимость! — годы являл собой полнокровный живой организм. Если иные писатели и надевали мундир (вроде как по интендантству их числили?), то в войну, отправляясь служить в редакции фронтовых газет или командированные ведущими изданиями в штабы фронтов и флотов. Как тот же Вениамин Каверин, перед самой войной издавший первую книгу «Два капитана», которого во флотском кителе встречал мой отец, Афанасий Андреевич, старшина-краснофлотец, на улицах Полярного, в Великую Отечественную войну бывшего главной базой Северного флота. Сейчас в Полярном установлен топоним «Два капитана»...

А какая там «мундирность» в обыденной писательской жизни? — вспомните все человеческие страсти в этой среде, столь колоритно выведенные Михаилом Булгаковым в «Мастере и Маргарите», романе мстительном, хотя бы и написанном значимым талантом... И совсем кратко о заявленном выше «об этом чуть ниже»: время ожидания суровых дней торопило с объединением писательских сил страны; по той же причине и идеологическая доминанта, заданная первым, организационным съездом советских писателей.

А с наступлением «хрущевской оттепели», с последующим появлением «лейтенантской прозы», «шестидесятников», «деревенщиков», «интеллектуальной (городской) литературы» (Битов со сподвижниками) и пр., вопрос с «мундирами» и «идеологической заорганизованностью» и вовсе был решен с чисто русской находчивостью. На оставшиеся тридцать советских лет установилось негласное, но всех устраивающее правило, оно же *modus vivendi* и *modus operandi* советского литературного процесса и бытия: пиши, что хочешь и о чем хочешь, но пиши талантливо, грамотно

и благопристойно, с глубоким смыслом, в лучших традициях русской литературы, тогда тебя будут печатать и одаривать гонорарами и почестями. Но при одном условии: явно не выражать сомнений в верности курса партии и правительства, не выводить отрицательными персонажами должностных лиц выше завгоркомхоза (как товарищ Саахов в известном фильме...), а главное — не касаться лично дорогого товарища (далее следовало ФИО текущего генсека). Конгениально! Возникший советский вариант эзопова языка только добавил блеска в нашу литературу.

Иное дело сегодняшнее объединение писателей страны. Сказать, что это задумано как попытка восстановить прежний советский Союз писателей, то есть чисто «механически», административно собрать все, что осталось от него и вновь объединить — значит напропалую лукавить, ибо (а) сейчас мы живем совсем в другой стране; полагаю, пояснять незачем; (б) хотя международная обстановка и ее текущее обострение — в отношении к России — в чем-то схожи с ситуацией 1930-х годов, но опять же все в ином качестве; (в) в самом разгаре первого, решительного приступа, на горло мира наступила кованым сапогом глобализации с ее расчеловечиванием*, для которой художественное творчество излишне. И, наконец, *самое* существенное для предмета нашего интереса: (г) современный литературный потенциал творчества упал донельзя; (д) практически исчезла читающая аудитория.

...Но для анализа (а) — (д) в контексте нынешнего объединения писательских сил сочтем необходимым и полезным для дела напомнить сценарий ликвидации Союза писателей СССР.

Общепринятое «Союз советских писателей *развалился*» (распался — более мягкий эвфемизм) вместе с развалом Советского Союза» малоубедительно «в квадрате». Советский Союз и Союз писателей были *разрушены*. Страна — в результате слаженного действия мирового империализма и его внутренних вольных или невольных агентов, плюс мины замедленного действия, заложенные в структурном образовании СССР. А вот Союз писателей ожидали более сложные метаморфозы. Кстати, первые несколько лет «лихих девяностых» еще сохранялся римейк былого Союза — что-то вроде Межгосударственного (или иного? — дело давнее...) союза писателей, что на Поварской улице. Но главное: то, что отпали национальные литературы бывших союзных (уже не советских) республик, не разрушало сам костяк бывшего Союза, а именно русскую литературу и соответствующий ей литературный процесс. Это архипонятно и разъяснений не требует.

Поэтому разрушить этот костяк — русскую (русскоязычную, здесь не на национальности ставится акцент!) литературу, в ее объединительном единстве — преемнике Союза писателей, стало одной из задач наших внешних и внутренних врагов. «Разделяй и властвуй» — отработанный в европейской политической традиции, от Макиавелли до Меттерниха и британских лордов-премьеров, безотказно действующий прием. А тут еще главная специфика литературной среды, в которой каждый второй полагает себя, хотя бы в душе, без огласки, самобытным талантом, а третий и вовсе непризнанным гением. Поэтому ставка была сделана на человеческий фактор: расколоть и увести, противопоставить и пр. И кандидат на роль такого раскольника ожидать себя не заставил. К сожалению (искренне пишу!), им оказался Евгений Евтушенко, тот самый, который в шестидесятые годы единственный из поэтов собирал стадионы восторженных слушателей. Школьниками в те же годы мы переписывали его стихи из тетрадки в тетрадку.

Спустя десяток лет, уже в Литинституте, мы писали зачетные контрольные работы, ставя эпиграфом слова Евтушенко: «Поэт в России больше чем поэт», а на вечер-

* Это не тема настоящего очерка, поэтому интересующихся отошлем к недавно вышедшей книге: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Глобальное расчеловечивание: монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 21. — СПб: Изд-во «ЦСЛК на Васильевском», 2025. — 301 с. (в электронной форме на сайте www.pz.tula.ru). — Прим. авт.

них посиделках (с ординарным «портвешком») в великолепном литературном общении, что рядом с останкинской телебашней, цитировали его творческие откровения: «До тридцати поэтом быть почетно, но срам крошечный после тридцати!» — Максимализм молодого Евтушенко и рано пришедшая к уроженцу сибирской станции Зима всесоюзная слава побуждали его вести себя несколько безоглядно, что называется, на грани фола. Неудивительно, что в пятьдесят седьмом году его исключили из Литературного института (кажется, со второго курса?) за публичную поддержку романа Дудинцева «Не хлебом единым», заклеянного на самом высоком партийном уровне... Но Евгений Александрович очень разумно не поднял шума, не задиссидентствовал, а слава его поэтическая все росла. Но, как пишет в своей нашумевшей книге «Против течения» Вячеслав Огрызко, власть в целом одобрительно, но несколько осторожно, «дозированно ласкала» поэта. Госпремию-то ему дали, но вот с редакторством литературным журналом — «толстым», даже «тонким», что называется «комсомольского формата», — у Евтушенко не получалось.

Здесь уже из лично виденного литературным коллегой. «В сессию, сидя в ожидании своей очереди идти на экзамен на скамейках у памятника А. И. Герцену, с интересом наблюдали, как из «дома Герцена»* выбежал крайне раздосадованный... и не кто иной, как кумир наших однокурсников-поэтов Евгений Евтушенко, быстро прошагал по дорожке к выходу на Тверской бульвар, сел, гневно хлопнул дверцей, в поджидавшую его «Волгу», и был таков.

...Только и успели мы сдать экзамен — то ли главной «античной гречанке» страны Азе Алибековне Тохто-Гади (и супруге последнего классика русской философии А. Ф. Лосева), а может и суровому литературному критику Владимиру Ивановичу Гусеву? — и дойти отметить это святое дело в недалёкую подвальную пивную «Серебряная ладья», что рядом с новопостроенным зданием Генпрокуратуры СССР, как уже узнали от старших товарищей сущность интриги. Оказывается, в верхах было принято решение об издании — под эгидой ВЛКСМ — первого в стране поэтического журнала с предположительным названием «Садовое кольцо». Главное, что кандидатом номер один в главные редактора явно значился Евгений Александрович! Но при условии обретения литинститутского диплома. Вот с этой-то целью он и явился к ректору Пименову. Милейший в обращении со студентами, да и вообще со всеми, Владимир Федорович, который достойно носил негласный титул «сталинского главного по театрам», принял бывшего литинститутовца с распростертыми объятиями, выслушал того сочувственно, опять развел руками и добросердечно посоветовал восстановиться, хотя бы заочно, в институте, сдавать на сессиях экзамены, переходить с курса на курс и, завершив учебу в положенный срок дипломной работой, обрести вождя диплом...**».

Тем и закончились претензии на главредаторство. К слову сказать, и сам поэтический журнал не состоялся.

Итак, лучшего кандидата на роль обиженного и амбициозного «сотрясателя основ» особо и искать было не надо. И хотя марксизм-ленинизм (вспомните, кто учился в советское время!) отвергает ведущую роль личности в истории, но житейское «в свое время и на своем месте» всегда срабатывает... опять же марксизм-ленинизм к тому времени успели отменить.

...Мы к тому сделали предыдущее ностальгическое *intermezzo*, отвлекая нетерпеливого читателя, привыкшего уже к телеграфной СМС-краткости, что, при всем уважении и почитании выдающегося поэта Евгения Евтушенко, именно на нем, в частном конкретном случае, история показала истинность известного утверждения: с ка-

* Все это условно: Герцен в нем никогда не жил, просто волею случая появился в нем на свет...— Прим. авт.

** Только в новейшее время, в 2000-м году, после возвращения из США, где он преподавал в университете русскую литературу, Евтушенко *honoris causa* (почета ради) получил таковой...— Прим. авт.

ждой победоносной войны возвращается новый Наполеон, а после поражения — разрушитель устоев. Увы, хотя бы и невольный, «в темную используемый»...

Дальше дело пошло стремительно, возможно, с невидимой поддержкой кем надо. Ведь на старт выходили «лихие девяностые»! Зримая примета нашего времени: память быстротечна в вихре стремительно сменяющихся и торопящих друг друга событий. Это к тому, что сейчас, спустя поболее трети века, даже люди пишущие (пока в массе своей без нейросетевых программ...) не сразу вспомнят определяющее слово *апрелевцы* — от названия второго весеннего месяца, когда «инициативная группа» тех самых амбициозных, со знаемыми страной именами писателей, в которой не последнюю роль, навязчиво-услужливо ему предоставленную, играл Евгений Александрович, заявила об отходе от «консервативного и старорежимного писательского союза». Примерно в такой терминологии изъяснялись главные либеральные газеты, именую горьковское детище осколком рухнувшего советизма и социализма...

Напротив, еще мощная тогда традиционно советская печать с сарказмом обличала «литературных раскольников» в скороспешности (за апрель месяц успеть!) и неразборчивости в сколачивании альтернативного писательского сообщества. Дескать, переманивают чем-то недовольных (а кто и в какие времена из писательской братии был чем-либо доволен?) и малоизвестных, чуть ли не на московских улицах встречаемых-поперечных, по рукописям принимают в новый Союз российских писателей и пр. Вполне возможно так и было.

Не ограничиваясь «столицами и университетскими центрами», инициативники развернули работу в областных писательских организациях. В некоторых регионах даже успешную работу, где по численности и по влиянию они оттеснили «прежних» на второе место... Во всяком случае так мне говорили литераторы из этих мест. И нашу Тулу не миновали новые веяния: очень даже «весомый» поэт *N.* перешел в стан «апрелевцев» и создал из «необилеченных» молодых и средневозрастных литераторов областную ячейку СРП. ...Правда, потом он вновь запросился в *alma mater*, но по голосованию не прошел.

В итоге альтернативный союз создали, но он никак не мог потягаться с СПР, официально и де-факто признанным правопреемником Союза писателей СССР (РСФСР). И Евгений наш разочаровался, убыл в Штаты доллары зарабатывать, проффессорствуя в тамошних университетах по части русской словесности...

Таким образом, к третьему десятилетию XXI века сложилась ситуация: вроде как выстоявший СПР — правопреемник горьковского союза, альтернативный (в чем альтернативность? — за прошедшее время напрочь забылось) ему СРП и множество самостоятельного-самострочных союзов с определяющими прилагательными: интернациональный, международный (перевод на русский), профессиональный, независимый и пр. И почти до юмора: кто помнит из математики понятие «сочетания из столько-то знаков», так вот и здесь оно сбылось в тройке: Союз писателей России — Союз российских писателей — Российский союз писателей. Правда, для «свободы творчества» еще остаются свободными: Писательский союз России и Писательский российский союз...

...А это значит, что при внешнем сходстве, если условно уравнивать РАПП двадцатых-тридцатых годов и сегодняшний СПР, нынешнее объединение писателей страны по качествам (а) — (д) (см. выше) суть совершенно иное дело, нежели создание Горьким Союза писателей СССР.

Насыщенная необходимость или следование «административным» традициям? Поскольку пишущий эти строки, как двуликий Янус, одинаково служит музам словесности и научного, академического творчества (где-то примерно музам Каллиопы и Урании), то *есть с чем сравнить* нынешнее «литературное многообразие», причем, как одинаковые по характеру своего возникновения, недолгой истории и логического завершения. Речь пойдет о пресловутых общественных академиях в научных, научно-прикладных, инженерных и иных сферах деятельности. То есть побудитель-

ная причина возникновения таких (незаконнорожденных? — да нет, был издан какой-то закон в части регистрации общественных академий: если не менее двух учредителей имеют степень... кандидата наук (!)) академий: все та же амбициозность еще «недостаточно признанных», фольклорные упреки госакадемиям, навроде «Академик — не звание, а счастье», и «Академиками не становятся, а рождаются», и пр. Формальное же самооправдание «новых академистов»: наука сейчас развивается бешеными темпами и дифференцируется по отраслям прямо на глазах; вот мы и «подхватим» такую отрасль по нашим знаниям и устремлениям.

Как итог — к концу 90-х годов таких «академий» образовалось где-то близко к полутысяче (!)... с самой диковинной дифференциацией: от «Академии биоэнергетики» до «Академии фундаментов и оснований». Вволю наигравшись числом благоприобретенных дипломов (называли имя коллекционера из Москвы, ставшего «четырежды академиком») и пестротой академических титулований, где-то к середине 2010-ых годов про существование «академий» научный мир напрочь забыл. А тут и все (счетные числом) традиционные госакадемии объединили в единую Российскую академию наук. Все вернулось на круги своя. Учитывая же, что у РАН отобрали все их академические институты, то и вовсе к временам Михайлы Васильевича вернулись... это сейчас такой юмор у настоящих академиков.

Но это дело высокой научной политики. Для нашего же интереса важно то, что здесь все возвратилось к устоявшемуся: Российская академия наук (РАН) стала единственным правопреемником Академии наук СССР и остальных государственных академий; вроде как Академия художеств самостоятельной осталась. Оно вполне разумно: нельзя в одну телегу впрячь... и так далее.

Вернемся к делам литературным, сопоставляя их с делами научными, академическими. В части последних вопрос, вынесенный в заголовок этого раздела, вне всякого сомнения, подразумевает утвердительный ответ: это *насущная необходимость*. Тем более, что после отъединения от РАН десятков научных институтов, ранее находившихся под эгидой АН СССР, сам статус РАН существенно поменялся. Теперь ее главной задачей стала координация текущих, а главное перспективных, научных исследований — фундаментальных и межотраслевых. Если ошибаюсь, и если это не секрет полишинеля, пусть товарищи академики поправят... Что же касается «административных» традиций, то в отношении академий она, так сказать, интернациональна. В той же Европе, исключая традиционно сложившиеся еще в Средневековье, как правило, академии единственны в своей стране.

А вот в отношении единичности писательского союза в преемственности СП СССР → СПР с однозначностью ответа на тот же вопрос не стоит торопиться. Опять же писатели не академики; имеется в виду не столько различие «коллективных характеров», сколько их социумные предназначения. Хотя... и преобладающие типы характеров, психологические типы, говоря по-ученому, здесь играют немаловажную роль. Если академики, как люди с преобладающим «левосторонним» (речь идет о физиологии мозга — левом полушарии) мышлением, все расставляют по полочкам строго логически, то творцы слова, как «правополушарные», мыслят образами. Поэтому для первых субординированность и дисциплинированность академического устройства даже желательна. Для литераторов же — писатель в своем творчестве сугубо одинок; Ильфы-Петровы, братья Гонкуры и наши отечественные Стругацкие и Вайнеры скорее исключения — потребность в объединении не то что формальная, но скорее «опекающая». И Алексей Максимович это имел в виду, как фактор поддержки писателей: моральной, социальной и пр. Материальной далеко не в последнюю очередь... чтобы труженик пера — повторимся, от гусиного и паркера до нынешних «электронно-цифровых причиндалов» — не отвлекался от своего творчества.

...Здесь позвольте из личного опыта привести. Из первых рук (уст) наиболее убедительно звучит. Учась на третьем курсе Литинститута, заочно, поскольку уже имел

очное высшее образование, обзавелся семьей и успешно двигался по инженерно-исследовательской стезе, опубликовал первую свою чисто художественную вещь. До той поры печатался, еще со школьных лет, в журналах «Радио» и «Филателия СССР», поскольку являлся радиолюбителем и коллекционером марок — массовые увлечения «золотых» (можно и без заковычивания...) 60—70-х советских лет. Так вот, тот опубликованный рассказ «Сизиф» в первом номере за 1978 год свердловского журнала «Уральский следопыт» приятно удивил как авторитетностью этого издания (с тиражом в 300 000 экз. его иначе как урало-сибирским конкурентом московской «Юности» и не называли...), так и гонораром: за 2,5-страничный рассказик почтальонша тетя Вера отсчитала новенькими, хрустящими двадцатипятирублевками почти мой месячный оклад инженера-конструктора II категории, то есть третьего по ступенькам табеля о рангах инженерного чина. А успев издать под исход советской власти в Приокском книжном издательстве две книги — дипломную литинститутскую работу, сборник из повести и полудесятка рассказов «На островах», и роман «В канцелярии», — на себе убедился, что кассиры бухгалтерий книжных издательств выплачивают авторам гонорары не кредитками, а их обандероленными пачками...

А на денежную составляющую Сталинской премии* (я едва не стал таким лауреатом, когда инициативная группа к 130-летию Иосифа Виссарионовича намеревалась возродить Сталинскую премию по литературе — за роман-размышление «Катехизис идеалиста») можно было жить не один год: размеренно, не отвлекаясь на заботы о хлебе насущном, работая над очередным своим произведением.

...Все же читателю не терпится получить (наш — в сопоставлении со своим мнением) ответ на вопрос: насущная ли необходимость, следование традиции все административно оформить, вызвали к жизни сегодняшнее объединение литературных сил страны? Попутно отметим, что во всех обсуждениях нового статуса Союза писателей России как-то опускается фактор пишущих на русском языке литераторов, волею судеб оказавшихся в Зарубежье: ближнем и дальнем? А их число значительно, в том числе талантом не обиженных; и пишут-то они, опять же традиционно, как Бунин и вся великая плеяда писателей первой волны послереволюционной эмиграции, исключительно о России, о русской жизни. Уж поверьте, как главному редактору журнала «Приокские зори»: за двадцать лет издания редкий номер выходил без одной-двух-трех публикаций таких вот зарубежных авторов из нескольких десятков стран, со всех материков и континентов... разве что Австралию исключая. Далеко, понимаете ли.

Но — раз взялся за гуж... дадим и резюмирующий ответ, к которому ощущую подбираемся уже за дюжину рукописных страниц настоящего очерка.

В пользу административной традиции, в чем, кстати говоря, ничего предосудительного нет, для писателей (см. выше) в особенности, однозначно говорит нынешняя, очередная по счету, ситуация агрессивного «железного занавеса» Запада от России... Впрочем, мы по принятым грамматическим правилам поставим кавычки. Ибо нынешний таковой местами, на границах с прибалтийскими лимитрофами** — с их стороны, разумеется, — уже сооружается не умозрительно, но сугубо физически, с бетонными столбами и плетеной металлической изгородью. Лабас диас, словом, добрый день, соседушки!

Впрочем, хотя во все предыдущие «занавесы» Европы от России, начиная со времен Гостомысла и Рюрика, в особенности два предыдущих — времен Крымской

* Когда Хрущев упразднил Сталинские премии, якобы заменив их равнозначными Государственными премиями, он явно слукавил: равнозначия здесь не могло быть по определению, ибо первая, говоря современным языком, являлась частной, поскольку денежное ее содержание складывалось из личных гонораров Вождя за издание его книг. Впрочем, ВКП(б) и КПСС по статусу также являлись общественными организациями. — Прим. авт.

** В смысле «ограниченная территория». Так в европейской политической терминологии 1920—40-х г.г. именовали государства (кроме Польши), ранее входившие в состав Российской империи, в особенности прибалтийские. — Прим. авт.

войны («нулевой мировой») и двадцатых-тридцатых годов прошлого века,— до железобетонных изгородей не доходило, но жесткости «оград» доставало. И административное укрепление государственного и социумного устройства страны, огороженной агрессивным «занавесом», суть естественный ответ.

Итак, горьковский Союз писателей СССР и нынешний, реорганизуемый Союз писателей России, имеют одинаковые побудительные мотивы к своему созданию в плане русской административной традиции. (Просьба никак не ассоциировать ее с другой русской традицией — чиновничьей бюрократией. Это совершенно разного поля ягоды. Как морошка и клубника, внешне сходны, но содержанием отличны). Такое объединение дает государству мощный — это скорее имело место быть для горьковского Союза — инструмент творческого воздействия в части консолидации российского социума перед лицом закобенившегося Запада. И встречно: уже было выше сказано, что писатель одинок в личном творчестве, но в общегосударственном литературном процессе, особенно если оно, государство, понимает, что писатель — лицо творческое, зачастую и «штучное», такое одиночество компенсируется, как в математике «минус на минус дают плюс», чувством дружеского локтя и осознанием непреложного: я не одинок под луной. Несколько сложно для объяснения, но архипросто для понимания, как сказал, понятно, в иной формулировке, Конфуций...

В такой интерпретации административной традиции сама собой решается и правота насущной необходимости нынешней реорганизации писательского Союза. Понятно, опираясь на сходства и различия «исходной литературной базы» с созданием горьковского Союза, о чем пространно было сказано выше. Налицо тот, закономерный, впрочем, онтологически предопределенный, как бы сказали философы, двоюродные «брательники» писателей, случай, когда необходимость и традиция сходятся в единстве для общего устремления государства, в данном случае социума, и писателя. И это не искусственная химера, но только когда писатель остается творцом в генеалогии своего художественного ремесла:

*...Все вы, все вы —
вы молчали ваш долгий век,
и вот вы кричите сотнями голосов,
погибшие, но живые,
во мне: последнем, бедном,
но имеющем язык за вас,
и каждая капля крови
близка вам,
слышит вас, любит вас;
и вот все вы:
милые, глупые, трогательные, близкие —
благословляйтесь мною
за ваше молчаливое благословенье.*

(Михаил Кузмин «Моя родословная». Из книги «Сети», 1908).

Как избежать «литературометрии» и оцифровывания литературного творчества. Что имеем, то и имеем на текущий день: хотя и выстоявший в «лихие девяностые» разгула либерального «до основания все разрушим», в чем-то сохранивший преемственность от Союза писателей СССР — если не по творческому потенциалу (здесь-то как раз увы!), то по верности идеалам великой русской и основательной советской литературы... словом, имеем Союз писателей России в его нынешнем *status quo*. И в части выполняемой сейчас его реорганизации отнюдь не самое сложное — «подтянуть» к нему творческий актив многочисленных «союзов» и «союзиков» с дикинскими названиями. Они и сами по себе к сегодняшнему дню в состоянии перманентного полураспада, если взять этот термин из радиационной физикохимии. Все просто, почти что полюбовно решается: кто достоин — приходите в СПР, а осталь-

ные — милости просим в очередь, пока творчески не созрете. Как оно и имело место быть в СП СССР: редко кто удостоивался его членского билета с первого захода — голосования! Ведь не зря в те времена ходила присказка, которую принимали весьма серьезно: проще стать доктором филологических наук, нежели членом писательского союза. Опять же особо не заостряется достаточно злободневный вопрос о численности состава СПР, в последние полтора десятилетия стахановскими темпами далеко оставившего позади по этому показателю прежний советский Союз. Как видно из официального документа «*Критерии приема в СПР и правила перерегистрации членов СПР*» (от 05.03.2026 г.), условия прохождения перерегистрации членов СПР и введения в его состав членов иных писательских союзов достаточно щадящи. Чем-то напоминают «организационную амнистию»: дескать, раз доселе приняли, то и оставайтесь, раз *литминимум* набираете, а дальше? — дальше по трудам вашим. Во всяком случае все это далеко от «чистки рядов», о которой взволнованно перешептывались в литературных кругах, особенно на периферии (провинции по-нынешнему), еще совсем недавно...

А вот к вновь вступающим в СПР, начиная с этого года, требования существенно повышаются. И это напрямую свидетельствует, что рост численности членов Союза достаточно резко замедляется. Повышенные же требования суть и повышение творческого потенциала литературного процесса. Во всяком случае такова была prerogativa политики СП СССР (см. выше о докторах филологических наук...).

Так в чем же сложность достижения существа нынешней реорганизации (или перерегистрации? — одно подразумевает другое)? — А она в том, что *по определению нерешаемо* в современной ситуации наступления активной фазы глобализации с ее расчеловечиванием (см. выше ссылку на нашу книгу «Глобальное расчеловечивание»), которой, то есть глобализации как доминирующему социумному устройству, *творчество без надобности*. Как творческую науку заменяет утилитарная технология, так и собственно творческое аналоговое мышление вытесняет утилитарное цифровое*. «От слова к цифре!» — сплеча и откровенно донельзя рубит вездесущая реклама.

...Не считите за дерзость следующее «цифровое упражнение». В золотые 60—70-е годы в инженерных кругах бывал такой показатель, как «грамм-градус-копейка» = [грамм × градус / копейка] — в приложении в том, что продается в бутылках и веселит трудовой (нетрудового тогда не было) народ в свободное его время. Чем выше этот цифровой показатель, тем за меньшую денежную трату можно привести себя в благодушное расположение и отдохнуть от трудовых и бытовых забот.

По понятной аналогии введем и для литературы, точнее для конкретной книги индивидуального писателя, показатель [тираж × число читателей / объем книги (стр.)]. И назовем его показателем творческой престижности (ПТП), в цифрах условных единиц. Просьба не путать с пресловутыми *у.е.*, как в девяностые лицемерно называли доллар, ставший тогда основной денежной единицей в нашей стране...

Писатели уважают математику только в единой ситуации: в советское время — когда получали гонорар в бухгалтерии издательства (см. выше) с удовлетворенным выражением лица; в нынешние годы — когда сами платят в той же бухгалтерии свои кровные за издание своей же книги. При этом выражение лица горестное. Но мы все же прибегнем к элементарным математическим упражнениям все стен бухгалтерии, а возьмем типичного советского писателя средней «фруки» известности, его книгу в триста страниц, тираж в пятьдесят тысяч и такое же (явно уменьшенное!) число читателей. И получим ПТП = 8 миллионов единиц. Для такого же современного литератора средней степени, но уже неизвестности, для такой же 300-страничной книги, изданной солидным по нынешним меркам полутысячным тиражом, который вряд ли найдет свыше полусотни читателей (статистика не обманывает; меня, например, в

* Опять же см.: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Струнный квартет, или аналоговое и цифровое мышление: монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 10.— Тверь: Изд-во «Триада», 2014.— 512 с. (в электронной форме на сайте www.pz.tula.ru).— Прим. авт.

родной Туле вообще никто не читает; мол, слишком классическим языком пишет — не воспринимается...), получим ПТП = 83 единицы (!?). Это все реально и даже оптимистично завышено.

Поделим первое на второе и ужаснемся: условные, но абсолютно реально отображающие положение дел, показатели литературного процесса за прошедшую треть века уменьшились в 100 000 раз! С трудом верится в такую цифру, но с математикой не поспоришь. На резонные вроде бы возражения — дескать, все вновь выходящие книги сейчас размещаются на сайтах интернета, а значит все, от кешбэкистых тинейджеров до заслуженных ветеранов труда и *business*, запоем читают эти самиздатовские книги с экрана — отвечу грубо, по-ямщицки: тп-п-ру! осадите! Никто их с экрана не читает. Даже сама нынешняя терминология об этом свидетельствует нелицеприятно: ведется «цифровой учет» не чтений, но *просмотров*. А это от лукавого, все одно что зайти в библиотеку и *просмотреть* названия на корешках книг, тесно заполнивших стеллажи, что уставили комнаты от пола до потолка...

Впрочем, все это всем известно, понятно, но само-от-себя стыдливо скрывается: обидно быть сапожником без сапог. А еще точнее: тачать сапоги, которые никто не купит и не наденет...

И вообще мы начали данный раздел очерка с числовых упражнений лишь для того, чтобы приступить к его, раздела, теме, обозначенной в заголовке. Опять же обратимся к опыту «двуликого Януса»: есть что и с чем сравнивать. В научных и инженерно-прикладных журналах активно печатаюсь со студенческих времен: имею за тысячу публикаций в самых престижных советских и российских изданиях, включая «Доклады Академии наук» и «Успехи физических наук», основанный И. П. Павловым «Бюллетень экспериментальной биологии и медицины» — это вам не фунт изюма! И до конца прошлого века забот с публикациями не было, благо есть что нового в науке сказать. И гонорары исправно платили. А коль скоро старался печататься в самых солидных журналах, что переиздавались на Западе *ins english* (тогда советская наука в числе мировых лидеров значилась), то и гонорары получал двойные: в рублях и в эквиваленте долларов — чеках Внешпосылторга, которые в магазинах «Березки» отоваривались...

Престижность престижностью, но все публикации тех времен *одинаково* засчитывались *во всех* научных делах: от защит диссертаций до баллотировки на академических выборах. Но вот где-то лет пятнадцать-двадцать тому назад «ветром западным» занесло на наши просторы нечто диковинное, с восторгом тотчас воспринятое нашими вечными реформаторами либерального толка, а именно понятие *наукометрии*. То есть теперь вклад конкретного исследователя и даже обобщенный «вес» университетов, научных школ, научно-исследовательских организаций оценивался не признанными, практически внедренными научными результатами, а некими виртуальными цифрами, именуемыми «индексами Хирша» «списками Скопуса» и пр. Соответственно и все журналы «построили по ранжиру». Чем выше ранг, тем больше наукометрический показатель. Соответственно (не гонорар! — таковое понятие исчезло) и размер оплаты авторам за публикацию.

И все, на этом наука завершилась как творчество непустой головы. Всепобеждающая *цыфирь* стала мерилом всего и вся.

Вот и мои коллеги-литераторы, особенно из университетской среды, то есть на себе испытавшие все сомнительные прелести наукометрии, сразу забеспокоились, ознакомившись с названным выше документом СПР «Критерии приема...». Ведь там сплошные цифры стоят в части требуемого от перерегистрируемого: 10, 20 публикаций; 1000, 1500, 3000, 5000, 15000 и даже 100 000 экземпляров изданных книг. Мол, други-письменники, и на нас *литературометрия* накатывается! опять происки мирового империализма!

Насчет «ветра западного» в чем-то они правы. Сразу вспомнился давний автор наших «Приокских зорь», американский профессор русской словесности (как неко-

гда Евтушенко — см. выше), понятно, родом из нашего отечества. И он настолько хорошо себя проявил, что вошел в состав редколлегии журнала. Но как-то он поинтересовался у меня номером ISSN* журнала. Услышав же, что такового у нас нет («не до того, Федя, не до того» — из классики), мы более *не на* цифру налагаем, а на творческий уровень, то мигом потерял к нам всякий интерес и вышел из состава редколлегии. Повод нашел стереотипный: «Вы что-то о Сталине в позитивном ключе печатаете, а он — кровожадный убийца» и пр.

Ларчик просто открылся: оказывается у них уже тогда, а это имело место быть полтора десятка лет назад, появились зачатки литературометрии! То есть симуляция традиционного литературного творчества.

Ну-у, в части «Критериев приема...» опасения напрасны. Конечно, цифры здесь несколько коробят творческую душу, особенно у импульсивно-эмоциональных друзей рифмы и поэтической тропы... С другой, объективной стороны поставьте себя (см. сказку о солдате, носящем в своем ранце маршальский жезл...) на место нынешних руководителей СПР? Ибо, начав реорганизацию литературного процесса и всей структуры писательского сообщества, они столкнулись с многотысячной ратью во многом разобщенных, «разносоюзных», лишенных читательской аудитории, поменявшей книгу на «перелистывание фоток на смартфоне» и пр., и пр. Массу, лишенную авторитетов, во многом нивелированную до нижесреднего (по творческим меркам, конечно) уровня, совершенно разнородную все по тем же меркам: от авторов робких «зарисовок» (прежнего) стенгазетного уровня до вполне уверенных способностей, кандидатов в таланты. И все с членскими билетами различных полиграфических фасонов.

И из этой рати во многом наивных неофитов, не осознающих существа писательского дела, но искренне стремящихся к (не созревшему еще, либо же опоздавшему, увы) творческому самовыражению, соседствующих с людьми иного толка — от довольных самим фактом «обилечивания» до осененных вниманием муз и струй Кастальского ключа... словом, из всего этого многообразия щадяще следует структурно создать исходную организацию, основу — не в смысле численного расширения, но полезного сужения — реорганизованного, во многом по горьковскому образцу, писательского Союза. А в таком деле без первоначальной «цифровой обработки» не обойтись... разумеется, не принимая ее бухгалтерски точно, до единицы и промилле. Лишь как условный ориентир.

Вот и Николай Федорович Иванов, зам. председателя Правления СПР, в конце апреля месяца сего года, выступая на собрании Тульской писательской организации, убедительно говорил собравшимся, что при перерегистрации формализм исключен, а литераторы со способностями и творческими устремлениями ни в коем случае не будут обойдены... своими словами передаю.

Но вот подлинная литературометрия, то есть предвестник симуляции литературы, начинается вроде бы с баловства. ...Уже третий десяток лет на старте, как являюсь главным редактором литжурнала «Приокские зори». Много чего тенденциозного *подметил*, знакомясь с присылаемыми и публикуемыми материалами — именно «со стороны» главреда, а не отстраненного от «литературной кухни» читателя. Вот и в творческо-биографических справках об авторах уловил этикие спортивно-соревновательные мотивы: дескать, публиковался в 30, 50, 100(!) журналах, в том числе в полубесконечных числом электронных журналах русского Зарубежья. Итак, началось со спортивного азарта, а далее в действие вступает уже закон психологии: *сдвиг мотива на цель*. Цифра уже довлеет над творчеством! Незаметно, подлая (для художественного мышления), подбирается, вроде как с хихиканьками и хахаканьками...

И совсем иное, серьезное дело — опасность активного натиска литературометрии и оцифровывания словесного творчества — это опять же баловство и заигрывание с пресловутыми «новыми информационными технологиями». Добрый старый (уже)

* Номер по международной классификации для периодических изданий; это как номер ISBN для книг.— Прим. авт.

интернет-уманет достаточно за треть века «посушил» мозги по части правого полушария, нивелируя творческое мышление неискушенного литератора. Склизкий — очень напоминает со стороны несмышленного дитя, с интересом размазывающего свои простудные сопельки по блюдецку — смартфон уже начал поджаривать эти самые мозги. ...Сейчас в писательские союзы устремилось много женщин; обратил внимание: на собраниях нашей областной писательской организации некоторые из них, отвлекаясь от происходящего, с увлечением водят пальчиками по экранам, перелистывая некие фотки.

Но вот Великий глобализатор, он же Верховный расчеловечиватель (у Достоевского — Великий инквизитор), бросил в бой оружие помощнее. Речь идет о пресловутом «искусственном интеллекте» (которого быть не может; еще тридцать лет тому назад доказал соответствующую теорему, опубликованную во многих научных изданиях — ни единого возражения от «высоколобов» не получил...), то есть нейронных искусственных сетей, они же «конечные автоматы» или «машина Тьюринга с остановом», а совсем просто и понятно — разновидность компьютерных программ, в которые (их разработчиком) заложено качество приспособительного самопрограммирования, что в *нулевом* приближении имитирует простейшие операции поискового характера в функциональной структуре мозга.

Самое пугающее, что не десятилетия (как с интернетом), не год-другой (смартфон), а считанные месяцы прошлого и нынешнего года потребовались, чтобы эти самые дебилизирующие программы за триста рублей (!) стали достоянием каждого желающего. И баловство с ними до добра не доведет; все по присказке: коготок увяз — всей птичке пропасть. Вот и мои коллеги по тульской литературной музе уже начали баловаться неосторожно своими коготками. Якобы для смеха. Один стихи по «нейронке» сочиняет, другой — якобы для интереса — нечто сценарное «прогоняет по искусственному интеллекту». Мол, хочется сравнить им написанное с искусственно выдаваемым на горь... Лиха беда начала, а дальше-то и не остановишь!

Резюме к разделу: от глобального расчеловечивания (см. выше), понимаемого как усреднение, нивелирование творческого потенциала человека, превращения человеческого социума в члвечейник (термин А. А. Зиновьева), защиты нет — это закон эволюции на данном этапе. Но литературный процесс должен до последнего сохранять творческое, художественное самовыражение... иначе и сам предмет литературы пропадет. Это должно первостепенно учитываться в работе реорганизованного СПР. Как и в каких формах? — «не моего чина вопрос», — ответу по-армейски. Думать надо. Комиссией или подкомиссией (как подотделом товарища Шарикова у Булгакова) по «борьбе с литературометрией и оцифровыванием литтворчества» здесь явно не обойдешься... Ибо формализм — лучший друг «показательной цифры». Всем литературным миром думать надо.

Итак, богу богово, а кесарю кесарево. Это к тому из сказанного выше, что технический «прогресс» не остановим, и вполне разумно ограничить использование всех этих «новых информационных технологий» промышленностью (к сожалению, у человечества на первом месте всегда идет милитаризация...), а социум с социогуманитарным комплексом* человека милости просим оставить в покое! ...Только кто бы нас слушал? А ведь для писателя, литературы, литературного процесса — это единственный путь к продлению их исторического существования. Это просто понять, трудно в это поверить, а тем более взять за основу. Скептик и вовсе скажет: толстовство какое-то, начни с себя, один в поле не воин и пр. житейское...

Но — вернемся к перерегистрации, она же задуманная реорганизация.

«Париж — это Франция!» Опасения в части «москвоцентричности» современной русской литературы. В части «географии» литературного процесса в мире

* Сейчас заканчиваю новую монографию из указанной выше серии: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Глобальное расчеловечивание (2): Ноосферная трансформация социогуманитарного комплекса. — Прим. авт.

устоялись две формы, которые условно назовем «американской» и «французской»; то есть более или менее распределенной по (конкретной) стране и сосредоточенной в ее столице, как культурном центре. Еще можно выделить «немецкую форму», где лит-процесс осуществляется, говоря словами одесских классиков, «в столицах и университетских центрах». Это из исторической раздробленности немецких земель. Россия, с ее солидной европейской территорией и почти тогда необитаемой — в культурном плане — огромной Сибирью и южными «окраинами великой империи» (а это уже слова Валентина Пикуля...), как страна «москвоцентричная» исторически, изначально, то есть со старта XIX века, выбрала вариант «французской», хотя бы с раздвоением центров литературного притяжения: московским преобладающим и петербургским. А сто с небольшим лет тому назад Москва и вовсе оказалась единоличным центром. Пояснять не следует — окиньте мысленно, «по диагонали», всю историю русской словесности.

...Опять же из давних воспоминаний, раннеюношеских, когда слова авторитетного человека воспринимаются безусловно и на всю жизнь остаются тем самым *raison d'être* (разумным основанием, фр.), которое направляет мышление в конкретной ситуации. Довелось же мне, десятикласснику, в родном заполярном городе Полярном — извините за невольную тавтологию — иметь короткую беседу с выдающимся нашим поэтом, одним из тогдашних, в шестидесятые годы, кумиров молодежной аудитории. Оговорюсь: не с Евтушенко, упомянутом выше. Также не называю имени, чтобы не пришлось долго объяснять эту встречу в «полярную ночь» 1965-го года в городе подводников Северного флота СССР. В разговоре всплыло имя Вениамина Каверина, который в войну служил в Полярном, тогда главной базе Северного флота, являясь спецкором столичных газет и работая над второй частью «Двух капитанов». И Поэт (а он был именно с большой буквы!) высказался в том смысле, что не будь Каверин уже «утвержденным в столице», а жителем этих отдаленных мест или иной русской глубинки, то и остался бы со всеми своими замечательными произведениями «писателем второго-третьего ранга...». Крепко в голову запало. Спустя десяток с лишним лет при случайной встрече в Литинституте вспомнили Полярный.

...Итак, Москва была два века литературным центром, двойной столицей, так сказать, для отечественной словесности. Ничего плохого в этом нет. Многие ли мастера художественного слова родом и воспитанием из Москвы? — то-то и оно, что вся Россия литературных способностей притекала в Москву, а не она рассылала рожденные и взращенные ею таланты по просторам страны. Даже Хрущев — в административном плане — не решился, «разгружая» столицу, разослать из нее писателей по разным весям. Другим творческим профессиям меньше повезло.

И писатели периферии не были обижены вниманием руководства Союза писателей: сам застал в таком качестве окончание советских лет. На Москву равнялись, но в рот ей, тараша глаза, не смотрели.

Совершенно другая картина сейчас. Она достаточно полно обрисована в начале очерка. То есть «претензии» московской литературы на первенство во всероссийском литературном процессе в последние десятилетия, увы, несостоятельны. Все та же, что и по всей стране, разобщенность, нивелированность, значительные личные претензии при обычной скромности демонстрации своих дарований... как бы это помягче, необходимо сказать. Самое существенное, что сейчас не позволяет равняться на столь личную литературу, так это ликвидация де-факто самого института писательских авторитетов. А раз таковых не стала, то утрачен и, пожалуй, самый мощный творческий импульс: устремленность к совершенствованию своего мастерства... до пределов отпущенного природой дарования. Предел же этот, как гласит наука психологии творчества, проявляется в литературной сфере по-разному: у поэтов едва ли не с первых стихов (см. выше цитирование Евтушенко), а у прозаиков зачастую до момента, когда перо уже не держится в ослабевшей руке...

А если говорить без лирико-психологических отступлений, то опасения «москвоцентричности» в современном положении литературных дел вызываются не собственно «литературным администрированием» — оно и вовсе необходимо, раз речь идет о союзе-организации, — но вполне реальной формализацией, а значит и угнетением современного литературного процесса... и без того уже весьма и весьма хлипкого. Позволим себе, объективности ради, этот «неуставной» определяющий термин.

И особо ведь не заметишь поначалу эту искусственную «центричность», а спохватишься? — ан уже все ранжировано и заведенным порядком идет. Главное, все при деле, всё как надо идет. Только порой, ночью при полной луне (см. «Мастера и Маргариту»), вспоминается: а был ли мальчик? — в смысле русская литература с еще не исчерпанным, даже в наступившем зловещем XXI веке, творческим потенциалом.

Главное, все делается просто и внешне ненавязчиво, вроде как и опробованно. Авторитетов можно назначить; премии, награды и звания всякие и того проще адаптировать. Не обижать в чем-то литературную периферию. А вот соблюсти определенный паритет между минимально достаточной, необходимой «дозой» администрирования и литературной «полицентричностью» современного литературного процесса — это и есть сверхзадача (как нам представляется?) при нынешней реорганизации-перерегистрации СПР, отныне уже единого и единственного в России писательского союза.

Еще одно необходимое *nota bene*: бога ради не считайте сказанное выше традиционным (личным) провинциальным нонконформизмом, коль скоро речь заходит о той или иной стороне столичной жизни (см. выше о славных и звонких бубнах...). Во-первых, Тула — не дальний свет от Москвы; во-вторых, с литературной Москвой тесно связал Литинститут и пр. Вообще-то говоря, к вашему покорному слуге градации провинциал / не провинциал не относятся. Характер человека полностью формируется до восемнадцатилетнего возраста. Их же я провел, если можно так выразиться, «экстерриториально» от такой градации, ибо Полярный и Северный флот неразделимы в понятиях. А флот, особенно такой отъединенный от Большой земли, и есть абрис содержания всей страны: «От Москвы до самых до окраин...».

То есть наши опасения суть предмет объективности при анализе возможных путей русского литературного процесса: сейчас и далее по шкале времени...

Резюмируем сказанное выше — *ad rem* (применительно к делу, лат.). Самое же насущное сейчас, причем, в любой отрасли жизнедеятельности человека, — это накрывшая земшар (по Маяковскому) эпоха гибридации, где последняя есть действенный инструмент Великого глобализатора по расчеловечиванию. Вкратце поясним: гибридность — в ее социальном плане — это внешний, непонимаемый человеком, хаос. Но именно только внешне озадачивающий несамодостаточно (апологет интернета-уманета и СМИ, а это сейчас почти 100 %-ое большинство в мире!) мыслящего человека. На самом же деле это «перенесенный» из физики эффект детерминированного хаоса с явлением стохастического резонанса. То есть, говоря общепонятным языком, в социальном хаосе и информационном шуме* закодировано конкретное, директивное указание на социумные действия человека.

Словом, от гибридного мироустройства не спрячешься никуда. Никакой эскапизм (ученый эквивалент фразеологизма «спрятаться под крылом страуса») не поможет. Или, как шуткуют сотрудники «органов услуг правопорядка» (а это из юмора криминальных телесериалов): «Бережёного бог бережет, а не бережёного конвой стережет».

Собственно же *at rem* в части гибридности современного мира к тому, что литература суть наиболее уязвимый объект воздействия «инструмента гибридации». И как предмет (отрасль человеческого занятия, творческого самовыражения) литерату-

* См.: Алексей Яшин. Информационный шум как социально-вирусная пандемия нивелирования-зомбирования творческого мышления // Приокские зори. — 2026. — № 1. — С. 3—19; <то же самое> // Московский Парнас. — 2026. — № 1. — С. 40—55. — Прим. авт.

ра, и как социальный процесс — литературный процесс. Оба в одинаковой степени уязвимы. Поэтому каждый литератор, уже осознавший себя русским писателем, прежде всего видит в консолидации творческих сил страны цель и задачи проводимой реорганизации Союза писателей России. Причем таковая — консолидация и реорганизация — мыслится им как некая внешняя панацея от директивной гибридности.

...Конечно, он несколько наивен и доверчив русским, незлобивым умом; не совсем понимает, а может и осознанно не хочет понимать (элемент все того же эскапизма!) мощь натиска Великого глобализатора, но — «надежда юношей питает...» и более старшим по нутру. В конце концов, русский человек исторически, то есть эволюционно генофенотипически суть человек общинный, коллективный. Ему до сих, торгово-частнособственнических то есть, времен *подсознательно чужд* вектор западной (да и восточной тоже...) буржуазной, ныне финансово-олигархической устремленности по типу «человек человеку волк» (обычно высказывание это приписывают Гоббсу; на самом деле оно из комедии Плавта, древнеримского писателя). Именно потому во всяком организующем начале, в любом объединении, тем более в творческом литературном, наш человек прежде всего ищет духовное единство — близость дружеского, не завистливого, не корыстного и пр. общения.

Вот и от грядущей (а подготовительно уже идущей!) реорганизации объединенного Союза писателей России наш мастер пера, или еще пока подмастерье, *ждет* *вовсе* не какой-либо материальной подмоги, о которой слишком самонадеянно и думают-то в наше нелегкое время; не распахнутые для него гостеприимно двери (ворота! — чтобы грузовиками, грузовиками тиражи вывозить...) возвращенных к жизни, не снесенные еще (как в Туле год назад снесли в буквальном смысле издательско-полиграфическое объединение «Лев Толстой», бывшее базовое для ЦК КПСС, а на освободившемся квартале площади строят по-стахановски ударно «элитное жилье»...), издательств и типографий, что само по себе смешно: читателей-то и *вовсе* не осталось!

Ждет же он, смиренный и робкий, бескорыстный служитель уравненных в правах столичных и провинциальных (см. выше) муз, хоть какого-либо признания, как носителя творческих начал, еще чудом сохранившихся в это сумасшедшее время гибридизации и глобализации. И не надо забывать, что Россия сейчас, пожалуй, единственная в мире страна, где это начало сохранилось! Именно в силу мощного, не растраченного еще до конца за последние десятилетия, задела великой русской литературы и вышедшей из нее советской, а также упомянутой выше общинной генофенотипики русского человека и его коллективистского социума. А очередной «железный занавес», в считанные годы сооруженный «плотниками и газосварщиками с бетонщиками» Запада, расширенного бывшими «странами народной демократии» и «советских союзных», также невольно подталкивает русскую литературу к объединению и придает творчеству наших писателей патриотическую направленность объективного характера — не шапкозакидательского!

А в завершение этих благонамеренных рассуждений вдруг вспомнилось, что Литинститут, в бытность моей учебы в нем (на всякий случай достал из стола диплом для сверки), официально назывался: *Литературный институт им. А. М. Горького Союза писателей СССР*. К чему бы это? Тем более, что нынешняя роль учебного заведения на «Твербуле-25» не совсем ясна. Но это дело архитонкое. А вот «толстое», пожалуй, и неразрешимое, — это исчезновение массового читателя. Увы! Старый лозунг: «Искусство для искусства»? — а скорее эпоха «Темного Средневековья», когда литературное творчество теплело лишь в монастырских стенах? Но ведь выжила! Значит, нужна была в задачах эволюции человечества?..

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ, ПЬЕСА

Борис Григорьев

(г. Москва — с. Курапово Лебедянского р-на
Липецкой обл.)

СЛУЖБА, ИЛИ ИУДА ИЗ ЯСЕНЕВА-2

Главы из романа

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Тридцать лет (1966—1996 гг.) отдал Службе внешней разведки, преимущественно в скандинавских странах: Дания, Швеция, Норвегия (Шпицберген). С 1996 г. полковник СВР запаса, активно занимается литературной работой. В 1996 году вышла первая книга «Иуда из Ясенева» о предателе Олеге Гордиевском, хорошо знакомого автору по совместной службе (1970—1990). О содержании второй книги читатели могут составить свое мнение по публикуемым ниже начальным ее главам.

*Пути Мои выше путей ваших,
и мысли Мои выше мыслей ваших.*

Экклезиаст

Часть первая СМЕРТЬ МИСТЕРА НИКОЛАСА (вместо пролога)

*Кто знает, не говорит,
а кто говорит — не знает.*

Лао Цзы

Весь вечер до самого заката солнца черная «Шкода» стрелой летела от Праги на юг, к австрийской границе, не встречая никаких препятствий. Только под самую полночь, переехав через какую-то реку, она сбилась с пути и стала плутать по проселочным дорогам, то натываясь на незнакомые деревеньки, погруженные в глубокий сон, то заезжая в тупики, кончавшиеся шлагбаумами, за которыми темнели рощицы или сверкали серебряными россыпями луга, а то сталкиваясь с пограничными патрулями, вынырывающими откуда-то из-под самой земли. В последних случаях сидящий рядом с водителем грузный и флегматичный полковник Плучек чертыхался, доставал из бокового кармана удостоверение и совал его под луч карманного фонарика, на-

правляемого какой-то анонимной, расплывшейся в темноте, рукой прямо в глаза «шкодливым» сидокам.

Сзади сидели два человека. Один из них, присоединившийся к пражанам уже в городе Зноймо, капитан Млынарж, иногда наклонялся вперед и начинал обсуждать с полковником тот или иной вариант выезда на нужную дорогу. Его сосед — плотный, высокий и грузный не по годам человек с редкими, начинающими седеть волосами и прищуренными поросычьиими глазками — хранил на протяжении всей дороги молчание. Казалось, неувязка с маршрутом следования ничуть его не волновала, и только когда на его мясистое лицо падал свет луны, можно было увидеть, что его губы шевелились в ругательствах, а глаза метали в полковника молнии и стрелы.

— Так можно и опоздать! — с нескрываемым неудовольствием пробурчал он, наконец, загибая рукав пиджака и рубашки на левой руке.

— Никак нет, Михаил, — ответил полковник с легким акцентом. — Скоро будем на месте.

— Смотри, Ян: сорвешь операцию — мы тебя в Сибирь сошлем!

— В Сибирь? Ха-ха-ха! Люблю русский юмор! Зденек, ты как смотришь на то, чтобы составить мне компанию на тот случай, если придется поехать в русскую ссылку?

— Мне больше нравится моя Братислава, — ответил капитан Млынарж и на всякий случай отодвинулся от соседа к двери. — А потом, я словак, так что в Чешский сибирский корпус не пожусь.

— Да, но везешь-то нас к месту ты, — возразил Плучек. — Ты у нас знаток здешних краев. Во всяком случае, так мне сказал твой братиславский начальник.

Млынарж дипломатично замолчал и стал смотреть вперед. Его слишком тонкий намек на события шестидесятилетней давности, судя по всему, пропал даром. А может быть, и нет. Потом станет ясно.

Асфальт кончился, и «Шкода» запрыгала по брусчатке, ребристые пятна которой из темноты вырывал ближний свет фар.

— Сейчас направо, — сказал капитан, ткнув пальцем в спину водителю. — Это — старая, еще имперская дорога, — пояснил он спутникам. — Она проходит через Вальдорфен, пересекает нашу границу и кончается в том месте, где мы свернули. Началась первая мировая война, и дорогу построить не успели. А потом она стала вообще никому не нужна.

Млынарж говорил по-русски почти без акцента. Он работал в Братиславском отделении Первого главного управления* МВД Чехословакии и постоянно сотрудничал с советскими товарищами.

— И что — этот участок австрийцами совсем не охраняется? — спросил тот, которого звали Михаилом.

— Представьте себе — нет, — ответил Млынарж, стараясь смотреть мимо водянистых и шальных глаз русского.

— Чудеса в решете! — удивился русский. — Какая беспечность!

— Какая удача! — захохотал Плучек. — О такой услуге со стороны австрийских пограничников можно только мечтать!

Скоро «Шкода» остановилась, водитель заглушил мотор, фары погасли, и пассажиры полезли из машины. Плучек включил карманный фонарик и стал предупредительно светить под ноги, но вокруг было так светло, что он не понадобился.

— Советую вам машину все-таки спрятать в кустах, — сказал начальственным тоном Михаил. — А мы встретим их пешком.

— Как хочешь, Михаил. Можно даже заехать и на австрийскую сторону. Она начинается вон там, за тем раскидистым деревом.

* Разведка.

— Нет уж, давайте не будем создавать пограничный инцидент,— возразил Михаил.

— Ну, уж то, что сейчас произойдет, и без нашего нарушения слишком скандальное дело.— Млынарж посмотрел-таки прямо в глаза русскому и выдержал его встречный взгляд.

— Не важно. То — *они*, а здесь — *мы*! — веско заявил русский и зашагал к границе.— Уже пора бы появиться.

— Еще нет второй машины,— дипломатично напомнил Плучек и дал указание водителю поставить «Шкоду» в тень раскидистого платанового дерева.

Сразу после этого сзади них послышались шорохи автомобильных скатов по брусчатке. Все головы повернулись в сторону подъехавшей машины — «форда-таунуса», окрашенного в серо-металлический цвет. В лунной подсветке он здесь выглядел не к месту и был похож на раздетого для праздничного представления артиста, ни с того ни с сего появившегося на колхозной ферме. И тем будничней выглядели люди — и наблюдавшие за тем, как «Форд» подруливал к скромному пятну «Шкоды», и вылезшие из него наружу. Среди последних оказалась одна женщина — пышная блондинка «бальзаковского» возраста. Плучек и Млынарж поспешили приехавшим навстречу, в то время как Михаил, расставив ноги на ширину плеч и засунув руки в карманы брюк, остался один.

— Майор Беликов, вы почему опаздываете? — недовольно спросил он подошедшего к нему человека в гражданском костюме.

— Виноват, товарищ генерал, по дороге прокололи шину, пришлось ставить «запаску» и...

— Еще один такой прокол и я отзову тебя в Москву. Избаловались, понимаешь, тут на «шпикачках» и пивной пене. Вы готовы, Татьяна Семеновна?

Последний вопрос был обращен к блондинке, которая явно чувствовала себя не в своей тарелке.

— Готова, Михаил Олегович.

— Ну, отдыхайте пока,— разрешил Михаил Олегович.

Чехословаки скромно стояли в стороне и молча наблюдали за встречей. Генерал круто развернулся и, не вынимая рук из карманов, зашагал по направлению к воображаемой линии, отделявшей одну страну от другой. Все остальные тронулись за ним, держась на расстоянии нескольких шагов.

— Товарищ генерал,— раздался голос братиславского капитана,— на всякий случай сообщая вам, что до границы осталось не более ста метров.

Генерал остановился, обернулся назад и переспросил:

— Сто метров? Хорошо, давайте подождем здесь.

Он сошел на обочину, выбрал место, где погуще росла травка и присел. Остальные последовали его примеру и расположились рядом, образуя неправильный круг.

— Михаил, не желаешь попробовать? — обратился Плучек, вынимая из бокового кармана плоскую длинную бутылку?

— Что это? — поинтересовался тот.

— Сливовица. Самая лучшая сливовица в мире.

— Давай. Делать нечего. Так время быстрее пройдет.

Генерал сделал из горлышка несколько глотков и пустил бутылку по кругу.

— Ну, как? — поинтересовался результатом Плучек.

— Слишком дерет горло,— пожаловался генерал,— но задириста, черт побери! Сразу вступает в ноги.

— То-то! — обрадовался Плучек.— Ваша водка бьет по мозгам, а наша сливовица разум у пьющего не отнимает.

— А это хорошо или плохо? Как ты думаешь? — спросил его генерал.

— Я думаю, хорошо.

— А я думаю, нам это подходит не очень. Русскому человеку надо одурманиться, забытья.

— Но не все же, товарищ генерал, стараются забытья! — возразил капитан Млынарж. — Я знаю, что многие пьют для поднятия настроения, для веселья — как и мы, чехи и словаки! Еще ваш князь Владимир говорил...

— Чехи — может быть, но нам, русским, еще далеко до ваших хитрых Швейков.

Все замолчали, потому что всем стало неловко. Русским генералам всегда не хватало такта, подумал, вероятно, каждый из них.

— Да, — протянул задумчиво генерал. — Что-то глухо, как в танке.

Никто не поддержал внутреннее томление генерала. Перед наступлением решающего момента каждый думал о своем. Плучек думал о том, чтобы генерал из Ясенева не наклеузил пражскому начальству на плохую организацию операции; Млынарж — о том, чтобы остался доволен полковник из Праги; майор Беликов молил Бога, чтобы машина *оттуда* вообще не приехала — меньше будет хлопот и больше шансов на продолжение срока командировки; Татьяна Семеновна жалела о том, что согласилась на эту поездку — туристских удовольствий никаких, а хлопот и нервов больше, чем у себя в ясеновской поликлинике. Только водители ни о чем не думали. То есть, они думали о своем, привычном: как бы поскорее добраться до дома, до семьи, до теплой уютной постели. Предстоящая операция их как бы и не касалась вовсе. Куда бы их ни посылали, что бы ни делали их начальники, от них требовалось только одно — крутить баранку.

Откуда-то с поля набежал свежий ветерок и зашевелил ветвями платана. По небу поплыли редкие лохматые облака, которые время от времени закрывали ночное светило и отбрасывали тень на землю. Михаил Олегович то и дело засучивал левый рукав пиджака и смотрел на часы. Но вот с *той* стороны послышалось какое-то неясное движение. Генерал вскочил и прислушался:

— Мотор!

Все встали. Движение нарастало, и шум мотора усиливался. Теперь было совершенно очевидно, что с австрийской стороны к ним приближался автомобиль.

— Легковой, — определил Млынарж.

— Пока не высовываться, — прошептал генерал, и все снова присели на травку.

Через минуту лучи прожектора, скользнув по неровностям дороги, ослепили им глаза, поморгали несколько раз и погасли. Легко узнаваемый силуэт «Мерседеса» остановился у воображаемой разделительной линии и замер. Сквозь облака прорвался серебряный сноп света и ярко заблестел на корпусе машины. Майор Беликов вышел на дорогу и несколько раз сверкнул карманным фонариком. Фары «Мерседеса» вновь вспыхнули, мотор заурчал, и машина пересекла государственную границу. Поровнявшись с Беликовым, она остановилась. Майор нагнулся к водительскому месту и спросил:

— Здесь?

— Яволь, майн генераль, — ответил человек с водительского места. — Вон он на заднем сидении клюет носом.

— Он — что: заснул?

— Ага. После того как мы дали ему понюхать хлороформа.

— Понятно.

Беликов обернулся к своим и помахал им рукой, приглашая подойти поближе. Первым шел Михаил Олегович, за ним — Татьяна Семеновна, и только потом — чехи. Их дело было обеспечивать, а выполнять работу предстояло самим советским товарищам.

— Это кто там? — спросил генерал, заглядывая в окошко «Мерседеса». — Ты что ли, Петрович?

— Я, Майкл. Кто же еще?

— Все «хоккей»?

— Так точно. Разыграно, как по нотам. Пришел на встречу один, посадили в машину и поехали. По дороге, чтобы не брыкался, дали понюхать хлороформу. Кажется, до сих пор еще не оклемался. Тепленький.

— Олл-райтушки. Давай перегружать.

По сигналу Беликова подъехал «Таунус» и стал рядом с «Мерседесом».

— Татьяна Семеновна, осмотрите клиента... то есть, пациента,— приказал генерал.

Татьяна Семеновна с сумочкой в руках полезла на заднее сиденье «Мерседеса». Через минуту-другую она вылезла обратно и взволнованным голосом доложила:

— Михаил Олегович, с ним плохо!

— Что такое?

— Перебои с сердцем, низкое давление.

— Это не страшно. У него сердечная недостаточность. Давайте, не мешкайте, грузите.

— Но, может быть, мне сделать в таком случае укол?

— Зачем?

— Чтобы снять действие хлороформа.

— Погодите. Отъедем отсюда — там посмотрим.

Майор Беликов нырнул в «Мерседес» и вместе с сидевшим там мужчиной стал вытаскивать «груз» наружу. Груз — довольно тучный человек неопределенного возраста — пребывал, вероятно, в забытии, тело его обмякло, голова и руки безжизненно свисали вниз, и только когда его потащили из машины, он подал признаки жизни и захрипел. Татьяна Семеновна схватилась рукой за сердце.

— Давайте, давайте, быстрее! — приказал генерал.

Тело с трудом впихнули через заднюю дверь «Таунуса» и опустили на сиденье. Беликов сел рядом и, чтобы тот не упал, обхватил его за плечи. С другой стороны под села Татьяна Семеновна и схватила незнакомца за руку, чтобы прощупать пульс. Пассажир перестал хрипеть и открыл глаза.

— Где я? What happened to me? — произнес он слабым голосом.

— Все в порядке. Вы у своих, — успокоил его Беликов.

— У каких своих? Oh, my God! — Зачем вы все это делаете?

В дверь просунулась голова генерала:

— Николас, успокойся, с тобой будет все в порядке.

Пассажир с трудом оторвал подбородок от груди и поглядел на генерала.

— Майкл? Это ты?

— Я, я, дорогой. Don't worry, everything is alright. — Беликов, переберись на переднее сиденье — я поеду с ним рядом.

— Зачем вы все это делаете? — еще раз прохрипел незнакомец. Он еще долго повторял эту фразу, но все тише и тише, пока не умолк совсем. Впрочем, внимания на его ламентации никто не обращал, в том числе и усевшийся рядом генерал, заверивший в оллрайтности ситуации.

К «Таунусу» подошел водитель «Мерседеса».

— Ну что — устроились? — спросил он.

— Да, все в порядке! Спасибо! — ответил из машины генерал. — Как приедешь к себе — «отбухай стафет» в Центр, а я уж продублирую из Праги.

— Добро, Майкл. Счастливого пути.

Петрович сел в «Мерседес», завел мотор, развернулся и дал газа.

— Чего стоим? Поехали! — приказал генерал.

* Что со мной? (англ.)

** О, Боже! (англ.)

*** Не волнуйся, все хорошо.

«Таунус» рванул с места, прокручивая колеса на гладкой брусчатке. Чехи побежали к своей «Шкоде» и двинулись следом за «Таунусом». Через минуту на чешско-австрийской границе восстановилась обычная для нее тишина. На востоке засветлела узкая полоска неба. Она расширялась, розовела, предвещая начало нового дня.

«Таунус» рвался теперь на север, словно соревнуясь с восходящим солнцем, стремясь первым достигнуть чешской столицы. Выигрывало, однако, солнце. «Форд» легко — километр за километром — пожирал ровный асфальт, Белик с водителем смотрели вперед. Генерал, взяв пассажира по имени Николас за правую руку, что-то нашептывал ему в ухо, в то время как голова подопечного моталась из стороны в сторону, и трудно было понять, усваивал ли он сказанное или находился опять в забытьи. Татьяна Семеновна держала Николаса за левую руку, контролируя пульс.

— Ну и подлецы эти... эти альбионцы! — сказал Николас на хорошем русском языке. — Да и ваши тоже хороши!

— Ты о чем, Николас?

— Я о том, что... Кстати, ты тоже гусь... еще тот! Но ничего. Вот приедем в Москву, я там всех выведу на чистую воду!

— Конечно, конечно, — согласился генерал. — А пока возьми-ка вот это — тебе сразу легче станет. Возьми под язык и соси.

Михаил Олегович достал из кармана таблетку и поднес ее к губам Николаса. Тот послушно открыл рот и стал громко чмокать и сосать.

— Вот умница! — засмеялся генерал.

— Михаил Олегович, — забеспокоилась Татьяна Семеновна, — что вы ему дали?

— Цианистый калий!

— Что? — вскрикнула женщина.

— Ну, вы даете, Татьяна Семеновна! Ха-ха-ха! Да не бойтесь вы, я знаю, что делаю. Обыкновенное снотворное ему пойдет только на пользу.

— Не знаю, не знаю! Он так ослаблен...

— Не берите в голову. Вот довезем его до места, тогда делайте с ним, что хотите. А пока ему лучше поспать.

Николас действительно скоро заснул. Начал дремать и генерал. Даже перепуганная насмерть Татьяна Семеновна стала «клевать» носом.

Когда «Таунус» подъехал к зданию с табличкой «Представительство КГБ СССР при МВД ЧССР», было уже утро. Машина въехала во двор, и из черного хода посыпались люди. Генерал вышел наружу, разминая онемевшие ноги.

— Я буду у себя, а вы выгружайте клиента, приводите его в порядок, — обратился он к Беликову, врачу и сотрудникам представительства. — Как только он, бедолага, отдохнет с дороги, позовите меня.

Не успел он дойти до дверей, как от машины раздался женский крик:

— Боже мой, он не дышит!

Генерал с усмешкой на тонких губах медленно вернулся обратно. Люди, окружившие «Таунус», расступились, освобождая дорогу начальнику.

— Как это не дышит? — возмутился он. — Растормошите его как следует!

— Но у него нет пульса! — вскричала Татьяна Семеновна.

— Так что же вы стоите? — закричал генерал. — Вы — врач! Делайте же что-нибудь! Искусственное дыхание, наконец!

Николаса вытащили из машины и положили на газон. Татьяна Семеновна растегнула ему рубашку и стала давить руками на грудь. Все остолбенели, наблюдая за напрасными усилиями врача. Каждому, не имевшему к медицине никакого отношения, было ясно, что ни один врач ему уже не поможет. Тело давно окоченело, он умер, так и не раскрыв глаза.

Вид на Темзу

*Лучше проиграть битву,
чем потерять источника секретной информации.*

Билл Стефенсон

Вы не знаете, что такое Воксхолл-хаус? Тогда вам надо рассказать сначала о Сенчури-хаусе. Десятки лет лондонцы проходили мимо этого стеклянно-бетонного двадцатизэтажного дома, и никому и в голову не приходило, что за его замызганными автомобильной грязью стенами, под его унавоженной птичками крышей укрылась знаменитая секретная разведывательная служба МИ-6, она же СИС — Секрет Интеллидженс Сервис. Никакой вывески у центрального подъезда, никаких намеков на какую-то бы ни было человеческую деятельность за холодными глазницами зеркальных окон, зарешеченных сетками на первом этаже, — ничего. Сенчури-хаус, в переводе на русский язык — Дом столетия, несмотря на свои солидные размеры, ничем не выделялся из массы ему подобных лондонских зданий и полностью сливался с обстановкой. Дом-хамелеон.

Слово «интеллидженс», родственное русскому «интеллигент» только по звучанию, не имеет единого смыслового аналога в русском языке. Оно включает в себя понятия «информация», «ум», «сметливость», «разведка» и много чего другое, доступное только изворотливому уму англичанина, мастера мистификаций, коварных комбинаций, остроумных сюжетов и ходов.

СИС создал капитан Мэнсфилд Смит-Камминг — человек эксцентричный даже по меркам самих англичан. Он считал разведку игрой для взрослых дядь, одним из видов спорта, в котором очки давались не за результат, а за стиль. Капитан носил монокль в золотой оправе, писал только зелеными чернилами и подписывал все оперативные документы одной буквой «С» — первой буквой своей фамилии Cumming. Он хромал, потому что сломал обе ноги в автомобильной аварии, и одну ногу ему ампутировали (прямо как в той песне: «Одна нога была другой короче, другая деревянная была».) Одного этого было достаточно, чтобы вокруг шефа СИС и самой службы сразу возникли легенды. Одна из них гласила, что автоавария с Каммингом случилась в 1914 году в Париже, когда он ехал куда-то с сыном. Сын, умирая, жаловался на холод, и отец, зажатый в разбитой машине, перочинным ножом отрезал себе ногу, подполз к нему и укрыл своим пальто. Без легенд приличная разведка просто не имеет право на существование. Легенды — это питательная среда обитания для самих сотрудников службы.

Камминг оборудовал свой рабочий кабинет на Уайтхолле в т.н. Либерејтер-билдинг, в восточной башне, и для того чтобы попасть к нему на прием, нужно было подниматься по крутой лестнице с риском сломать себе голову. Секретарь Камминга нажимал кнопку, а шеф приводил в действие систему педалей и подъемных механизмов, которые сдвигали в сторону кирпичную стену и открывали взору посетителя еще один лестничный пролет. На одном столе у шефа СИС были сложены ворохи бумаги, стояли с полдюжины телефонных аппаратов, на другом были сложены карты, рисунки и модели судов и подводных лодок (старина «С» пришел в разведку, конечно же, из Королевского флота!). Атмосферу таинственности, однако, грубо нарушал секретарь Камминга, когда появлялся в кабинете у шефа через люк в полу.

Со временем люди мельчали, и это явление отразилось и на берегах Альбиона. Масштабы и размеры эксцентричности сократились там до разумных пределов — все-таки Империя была уже не та, и приходилось вертеться и поджимать хвост, чтобы выжить. Чужачества уступили место трезвому расчету. СИС постепенно ушла в тень, скрылась в Сенчури-хаусе, затерялась в десятках других домов и конспиративных квартир Лондона, стала невидимкой в духе известного произведения Герберта

Уэллса. Это позволило государственным мужам Англии до самых 80-х годов двадцатого столетия на вопрос «Чем занимается служба МИ-6?» отвечать недоумением:

— МИ-6? СИС? А что это такое, сэр? Разведывательная служба? Простите, сэр, мне кажется, вас ввели в заблуждение. У нашего королевства такой службы нет!

И только к концу 1980-х годов британская разведывательная служба, по их собственному выражению, вышла «из холода наружу». Здравый смысл и чувство юмора подсказывали, что дальше «наводить тень на плетень» вокруг Сенчури-хауса было бы смешно. И СИС пошло на такой беспрецедентный шаг, как оглашение перед общественностью фамилии и имени нового шефа службы. Им стал кадровый разведчик Дэвид Спеллинг. Оказывается, написали газеты, он сменил некоего сэра Коллина МакКолла.

В Сенчури-хаусе повеяли свежие ветры. Новый шеф начал с того, что отправил в отставку всех заместителей своего предшественника — престарелых апатичных джентльменов, привыкших держаться друг за друга, продвигать на должности своих людей и скрашивать свой досуг за рюмкой портера у камина. Один из них, говорили, даже заплакал, когда узнал, что его повышать больше не будут. Спеллингу было 49 лет, а его новым заместителям и того меньше. Такого «молодняка» в руководстве СИС не было со времен ее основателя. В Уайтхолле заговорили, что «эти юнцы» теперь скоро наломают дров и доведут службу, а заодно и добрую старую Англию до ручки.

Сэр Дэвид Спеллинг, как напишет потом в своих мемуарах один ветеран СИС, был энергичным, пробивным специалистом по Ближнему Востоку. Он быстро продвинулся по служебной лестнице во время войны Ирака с Кувейтом, когда был всего-навсего заместителем директора Ближневосточного управления. Случилось так, что когда Ирак начал свое победоносное наступление на нефтяных шейхов, начальник управления ушел в отпуск и категорически отказался прервать свой отдых. Спеллинг взял тогда бразды правления в свои руки, чем произвел, на высшее руководство страны неизгладимое впечатление. Перескочив через две, но важные ступеньки — начальник управления и заместитель директора СИС,— Спеллинг сразу оказался на самой вершине разведслужбы.

Под нового шефа выстроили на набережной принца Альберта, 85 и новое здание СИС — так, во всяком случае, шутили в английских коридорах власти и за его пределами. Теперь это был Воксхолл-хаус — красивое архитектурное сооружение на южном берегу Темзы, прямо напротив Вестминстерского дворца и Уайтхолла. Над центральным бельведером Воксхолл-хауса, словно над нахмурившейся головой фантастического зверя, величественно расправили свои гигантские крылья боковые пристройки, напоминавшие декорации к голливудскому боевику, в котором современные джеймс-бонды сражаются со зловещим демоном-героем, бросающим вызов цивилизации. Британского льва, символ империи, отправили на свалку.

По внутренней планировке Воксхолл-хаус мало чем отличался от старой штаб-квартиры в Ламбете. Это были типичные для такого типа зданий длиннющие коридоры, бесчисленные двери и лестничные пролеты. Но отделка, по словам вышеупомянутого мемуариста, отличалась от прежней также, как обшарпанные внутренности гостиницы «Интуриста» отличались от интерьеров многозвездного отеля типа «Шератон». Из ниш в высоких потолках лился мягкий флуоресцентный свет, высвечивая мраморные полы цвета слоновой кости и зеленоватые матовые стены. Бросались в глаза две массивные колонны, в которых размещалась вся автоматика для скоростных бесшумных лифтов. Никакой суеты, никаких шумов и шорохов — звуки мирно переговаривающихся между собой сотрудников тонули в пространстве, словно в немом кино. Скамьи, обтянутые черной кожей, портики с верхним светом, огромные субтропические (правда, пластиковые) деревья, великолепно оборудованная библиотека, блистающие чистотой туалеты дополняли роскошный интерьер здания.

Вместо охранников, весело и с дружеским гостеприимством проверявших пропуск и документы сотрудников и посетителей службы, теперь появились безликие автоматы. Шесть автоматических турникетов, смонтированных в один ряд, словно хандикапы для скаковых лошадей, закрывали проход в главное здание. Нужно было сунуть свой пропуск в прорезь, набрать четыре цифры кода и ждать, когда зажжется зеленая лампочка. В случае опознания объекта дверь турникета со свистом откатывалась вбок, и человек мог проходить. У двоих охранников Сенчури-хауса даже в час пик не бывало очередей, а у турникетов то и дело происходили заторы, люди путались с цифрами, лезли на дверь, не дожидаясь зеленого света, чертыхались, нервничали и портили настроение себе и окружающим.

Официально считалось, что новая штаб-квартира СИС обошлась казне в 85 миллионов фунтов стерлингов, но каждому ее сотруднику было отлично известно, что расходы на сооружение Воксхолл-хауса превысили эту цифру по крайней мере в три раза. В издаваемом внутреннем информационном бюллетене службы было напечатано предупреждение, что разговорчики на тему перерасхода средств будут рассматриваться как серьезное нарушение правил поведения и будут соответствующим образом караться руководством СИС.

Бедный Камминг! Если бы капитан был жив и удостоился чести получить гостевой билет на ознакомление с домом, он умер бы от зависти при виде такой роскоши, а если бы не умер от зависти, то сломал бы свою единственную ногу, поскользнувшись на мраморе.

Вызывающий внешний вид новой штаб-квартиры СИС отвечал предназначению ведомства — отвечать на внешние угрозы королевству, которые начали сваливаться на страну сразу после учреждения секретной разведывательной службы. Месторасположение Воксхолл-хауса как нельзя лучше отвечало заветным чаяниям СИС сохранить свое привилегированное положение в силовом блоке истеблишмента. Об этом во всеуслышание в тронной речи заявила королева Елизавета. Парламент, следуя духу времени, принял исторический закон о минимальной финансовой отчетности МИ-6. Некоторым членам парламента дозволялось сунуть свой нос в бюджет и некоторые объекты деятельности СИС, но не дальше: оперативные планы, отчеты и доклады по-прежнему оставались достоянием самих разведчиков.

Кабинет нового хозяина СИС ничего особенного из себя не представлял, если не считать применения в нем новейших средств связи с подчиненными подразделениями, с правительственными учреждениями и партнерскими службами разведки в странах НАТО. Никаких потайных дверей и передвижных стенок, и, конечно же, его секретарша не являлась к нему на доклад через потайной ход в полу, а сидела в соседней комнате рядом. Одним словом, обычный офис со всеми атрибутами бюрократии. Основным предметом мебели был огромный стол, за которым Дэвид Спеллинг прочитывал и подписывал служебные бумаги. Безбумажное делопроизводство в службе набирало обороты, но для шефа конечные продукты подавались в таком же виде, как и семьдесят лет тому назад при его предшественнике капитане Камминге. Читать приходилось много — до одури в голове, до боли в глазах. Директору СИС, как и его коллегам в других службах, приходилось почти все свое рабочее время проводить в безуспешной борьбе с бумажным валом.

Два дня спустя после описанного выше пражского инцидента, когда Биг Бен возвестил о наступлении в Лондоне полдня, в кабинете генерального директора МИ-6 Дэвида Спеллинга раздался мягкий голос секретарши:

— Мистер Спеллинг, к вам Восточная Европа.

— Гмм... Хорошо, мисс Симпсон, пусть Паттерсон поторопится.

Приближалось время лэнча, а Спеллинг все не мог справиться со стопкой до-

кументов, положенных на его стол с утра. Визит начальника ВЕУ, Восточно-Европейского управления, мог помешать пунктуальному во всем Спеллингу соблюсти режим дня.

Дверь кабинета бесшумно распахнулась и в комнату зашел стройный высокий блондин лет пятидесяти, но выглядевший на все сорок восемь и как две капли воды похожий на известного актера Роджера Мура.

— Садись, Роберт, садись,— пробурчал Спеллинг из-за вороха бумаг.— Что там у тебя?

— Сэр, мне неприятно об этом говорить, но пропал агент Ларри.

Спеллинг тяжелым взглядом усталых глаз посмотрел на Паттерсона. Взгляд красноречиво говорил: «Черт возьми, Роберт! Когда же ты перестанешь приносить несчастья?», но губы произнесли другое:

— Ну и?..

— Ларри под нашим контролем встретился с представителями русской резидентуры в Вене, которые дали ему явку с русским нелегалом. Вторая встреча нами не контролировалась...

— И хорошо, что не контролировалась. Не хватало, чтобы наших ребят раскололи.

— Конечно, конечно... Ларри ушел на встречу с нелегалом и не вернулся. Предполагалось, что после нее он вернется в гостиницу, чтобы подтвердить нам, что все в порядке и может собираться в Москву.

— Что наша резидентура? Вы ее поставили в известность?

— Постфактум, уже после исчезновения Ларри.

— Почему, черт побери, постфактум?

— Сэр, мы посчитали, что об операции должны знать только те, кому положено. Лишние люди... вы знаете.

Спеллинг опять зло взглянул на Паттерсона. И в самом деле: разве Паттерсон не прав? Так почему же у него все идет кривь и вкось? А каким орлом был он в Копенгагене лет эдак пятнадцать тому назад! От русских только перья летели. А теперь? Паттерсон сам выглядел обстриженной курицей. А когда-то он был орлом — ведь это он завербовал знаменитого «Токи»*.

— Каково мнение венской точки?

— Она считает, что похоже на киднаппинг.

— Если не предположить иное...

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что твой Ларри мог исчезнуть по своей воле.

— Исключается. Он доказал свою лояльность десятилетним сотрудничеством.

— Чужая душа — в потемках. Так, кажется, говорят русские?

— Потемки.

— Что?

— Пословица гласит: «Чужая душа — потемки»

— Ну, будь по-твоему,— согласился шеф. Паттерсон выучил русский язык на ходу там же, в Дании, так что ему виднее, как там гласит эта поговорка.— А души русских — вообще сплошной мрак. Ладно, а если он под давлением каких-то обстоятельств был вынужден выехать на стажировку в Москву сразу со встречи?

— Возможно, но маловероятно. Итак, он не вернулся в гостиницу и до сих пор не выставил сигнал прибытия в Москве.

— Что ты предлагаешь?

— Есть идея послать в Москву другого агента. У нас есть еще один парень, через которого мы ведем с русскими игру.

* О. Гордиевский.

— Хорошо. Готовь предложения, потом мне доложишь. Что еще?

— Сэр, похоже, жена Ларри становится неуправляемой. Она ломится во все двери и требует сообщить ей, что с мужем.

— Это плохо. Выдели специального человека, который смог бы успокоить ее. Поставь в известность московскую резидентуру. Осведомись у Большого Брата*. Если негласные средства выяснить судьбу Ларри не помогут, подключай Форин Офис и черт знает еще кого. Тогда будем «долбать» русских официально и требовать от них объяснений, зачем они похитили подданного Великобритании и куда они его подевали. Не слезай с них, пока не получишь вразумительного ответа. Русские сейчас, как никогда, поддаются давлению. У них пе-ре...

— ...перестройка, сэр!

— Вот именно. Действуй.

— Хорошо, сэр!

— Желаю успехов. Будь здоров. Да, оставь мне меморандум по делу Ларри.

Паттерсон ушел, а Спеллинг отодвинул от себя стопку документов, оставленную шефом Восточно-Европейского управления. Читать справку на пропавшего Ларри не было необходимости. Этого Ларри Спеллинг знал как облупленного.

Агент СИС Ларри не был чистокровным англичанином, и это повлияло на принятие в СИС решения о его использовании в качестве подставы русским и, в конечном счете, на его судьбу. Ни одна служба, а британская в особенности, не любит рисковать своими гражданами и сотрудниками. В случае чего будет просто не отбиться от журналистов, родственников и парламентариев. А Ларри, хоть и получил по натурализации британское подданство, все-таки не англичанин.

Ларри был чистокровным русским. Он родился в Вологодской области в семье Артюховых. Отец Федор, сельский кузнец, и мать Авдотья, колхозная доярка, звали его всегда по имени Николаша. После школы-десятилетки Николай Артюхов поступил в военно-морское училище, превратился в морского офицера и к тридцати годам стал командиром эсминца на Балтике.

Когда корабль Артюхова находился в польском порту Гданьск, то он влюбился там в польку по имени Ева. Неизвестно, кто кого совратил — Ева Николая или Николай Еву, — но в один прекрасный день капитан 3 ранга Артюхов приказал спустить с эсминца моторный катер, забрал у пирса Еву и приказал мотористу плыть строго на север. Когда катер беспрепятственно причалил к пирсу военно-морской базы Швеции в Карлсруне, Артюхов приказал мотористу вернуть «социалистическую собственность» хозяину, т.е. возвратиться к месту прохождения службы, а сам вместе с подругой попросил в английском посольстве политическое убежище.

Со временем Артюхов получил английское подданство и превратился в Николаса Джорджа Шабрина, негласного консультанта СИС по советским ВМС, прикрытием для него служила должность эксперта-аналитика разведслужбы ВМС Англии. Заключив брак с Шабриным, Ева стала работать по своей профессии — зубным техником. Семья бывших эмигрантов зажила на широкую ногу, не испытывая никаких материальных затруднений. В пригороде Лондона они купили домик. Шабрин-Артюхов много ездил по Англии и другим странам НАТО и с успехом читал лекции в военных и гражданских учреждениях на тему пробивания брешей в системе обороноспособности Военно-Морского флота Советского Союза.

Все шло хорошо до тех пор, пока Шабрин мог со знанием дела консультировать своих хозяев. Но имевшаяся в его распоряжении информация постепенно устаревала, советский флот развивался и модернизировался, и значение перебежчика для английской разведки стало стремиться к «нулю».

* То есть, у ЦРУ США.

Руководство СИС долго ломало голову над тем, где можно было бы найти Шабрина применение, и придумало подставить его... советской разведке под видом разочаровавшегося в западных демократических ценностях человека, раскаявшегося в своем поступке офицера, желающего конкретной помощью своей бывшей родине искупить вину. Был разработан хитроумный план обеспечения Шабрина (или Ларри) дезинформацией, которой он под контролем СИС должен был пичкать советскую резидентуру в Лондоне. Затевалась грандиозная беспроектная оперативная игра с русскими — беспроектная, потому что в роли наживки выступал не чистокровный англичанин и кадровый сотрудник СИС, а эмигрант, пусть даже получивший статус британского подданного.

СИС долго выбирала кандидата для игры среди советских разведчиков — надо было выбрать именно кэбээшника, а не военного из ГРУ, «руководитель» Ларри должен был быть человеком тщеславным и честолюбивым, склонным воспринимать западную действительность не через призму марксистско-ленинской доктрины, а с помощью собственных глаз и ушей. Пришлось много изучить материалов в службе МИ-5, где на каждого советского командированного заводили досье. Из всех разведчиков КГБ руководству МИ-5 больше всех понравился второй секретарь, получивший псевдоним Маэстро. И особенно он им понравился, когда проверили его по учетам ЦРУ.

Лондонская резидентура Москвы, а точнее, ее сотрудник, которого в МИ-5 нарекли Маэстро, на предложенную наживку клюнул, и англичане завязали с резидентурой оперативную игру. Перспективы, открывавшиеся в этой игре, по мере сотрудничества Ларри с Маэстро, расширялись, особенно после его вербовки. Русские не только заглатывали предлагаемую подставой информацией, но и реализовывали ее в ВПК, а это значило, что все военно-морское судостроительство СССР могло с помощью СИС зайти в тупик.

Но после отъезда из Лондона Маэстро на связь с Ларри вышел другой оперработник — некто Зайцев, и дела у англичан пошли не так гладко, как прежде. Внешне ни к чему нельзя было придаться, но каким-то шестым чувством англичане почувствовали, что русские, по всей видимости, что-то заподозрили и насторожились. В ВЕУ не знали, что в ПГУ в отношении Ларри шел долгий спор между сторонниками и противниками сотрудничества с ним, и победили сторонники. Больше того, информация Ларри получила в Ясенево такую высокую оценку, что его решили передать на связь с нелегалом.

В Воксхолл-хаусе почувствовали новый импульс и с облегчением вздохнули. О передаче дезинформатора на связь с нелегалом Москвы там не могли и мечтать, и когда это стало известно, то приступили к немедленной подготовке Ларри в командировку в Австрию, где ему и надлежало познакомиться с этим нелегалом.

Накануне вылета Ларри в Австрию в штаб-квартиру МИ-6 от высокопоставленного и тщательно скрываемого — даже от начальника ВЕУ — московского агента поступило предупреждение о готовящейся для Ларри в Вене западне. Агент по кличке Маэстро доносил, что советская разведка разоблачила двойника МИ-6, что вызов Ларри на встречу в Вену с советским нелегалом — предлог для того, чтобы нелегально вывезти его в Чехословакию, а потом устроить суд в Москве. Маэстро, предупреждая шефа МИ-6 об опасности для Ларри, одновременно просил Спеллинга операцию не прерывать. Отмена ее могла вызвать у русских обоснованные подозрения в утечке информации, они станут искать ее причину и источник, а это в планы СИС никак не входило, потому что улики могли сойтись на нем, на Маэстро.

СИС должна была пойти на то, чтобы пожертвовать Ларри, но прикрыть Маэстро, своего бесценного источника внутри ПГУ. Самое страшное и циничное в сообщении Маэстро заключалось в том, что он лично просил разрешения на физическое устранение Ларри. Бедный Ларри, утверждал Маэстро, догадывался о его — Маэстро — со-

трудничестве с англичанами, а потому, не выдержав «пристрастных допросов в застенках Лубянки», мог выдать и его в руки КГБ. Маэстро просил разрешения шефа СИС на использование в этих целях быстродействующего яда, который он получил в свое время от англичан на случай непредвиденных обстоятельств лично для себя.

МакКолл, передавая дела Спеллингу, особенно и подробно остановился на важном московском источнике Маэстро.

— Я в жизни видел много подлецов, но Маэстро — это исчадие ада, — сказал МакКолл то ли с восхищением, то ли с внутренней дрожью.

Во все эти нюансы мистер Спеллинг мистера Паттерсона, естественно, не посвящал, чтобы не портить своему подчиненному сон. Меньше знаешь — лучше спишь. Сам мистер Спеллинг уже начинал страдать бессонницей. То, что Паттерсон будет исполнять ненужную и лишнюю работу, Спеллинга мало беспокоило. Безопасность источника — выше всего, особенно такого, каким был Маэстро.

...Дэвид Спеллинг встал из-за стола, потянулся вверх, расправил руки, завел их за спину так, что захрустели суставы, и зевнул. Да, раньше у него была хоть какая-то возможность поддерживать свое физическое состояние на должном уровне, а теперь... Что ж, надо сократить сон и попробовать по утрам играть в сквош или теннис. О Ларри он старался не думать. Решение принято без него, ему только придется расхлебывать последствия дипломатической войны с Москвой. На днях Форин офис сделает через своего посла в Москве соответствующий запрос о Шабрине, и начнется игра в жмурки, в которой Лондон легко переиграет Москву и на глазах всего просвещенного мира наградит русских хорошим пинком. Что ж, москвитам не привыкать утираться от оплеух, которыми по очереди награждают их то МИ-5, то МИ-6, то ЦРУ. Кончилось, кончилось то время, когда КГБ контролировал и терроризировал английские спецслужбы. Теперь КГБ лежит пораженный кверху лапками, и главное теперь — не давать ему оклематься. Нужно проявлять жесткость и последовательность — тогда у русских, как правило, сдают нервы.

А что касается предложения Паттерсона послать в Москву другого агента, тут надо подумать хорошенько и не торопиться. Нужен ли он там и для каких целей? Не посылать же его ради того, чтобы убедиться, что Ларри уже давно на том свете!

Спеллинг еще раз зевнул и посмотрел на часы. Время лэнча закончилось, а он так и не вышел из кабинета. Ладно, перекусит за рабочим столом. Спеллинг нажал кнопку и попросил по селектору принести бутербродов и кофе. Через пять минут секретарша Дорис Симпсон вошла с подносом, и он начал жадно есть и прихлебывать горячий кофе. Он взял пульт и нажал кнопку телевизора. На экране молодая мужеподобная женщина бойко докладывала последние новости Би-Би-Си. Рассказав о начавшемся в Москве суде над членами ГКЧП, диктор перешла к местным новостям.

— В городском суде Бэйли вчера началось слушание по жалобе уборщиц МИ-6. Напоминаем вам, уважаемые телезрители, суть конфликта. Стремясь сэкономить деньги, департамент кадров СИС предпринял циничные шаги, уволив сорок семь штатных уборщиц, работавших в старом здании службы. Затем в новом здании их обратно приняли на работу, но с меньшими окладами. (На экране телевизора появилось изображение Воксхолл-хауса). Борясь за справедливость, обозленные уборщики пошли на беспрецедентный шаг и с помощью члена парламента лейбористки Кейт Хау возбудили судебное дело против МИ-6. (На экране возникло доброе, улыбающееся лицо лейбористки, а потом — сердитая физиономия какого-то дяди, в котором Спеллинг с трудом узнал себя). Разведслужба, как всегда, пошла напролом и пыталась доказать, что уборщики, работая в засекреченном учреждении, не имеют право апеллировать к суду. Их фамилии могут быть оглашены во время судебных заседаний, а это нанесет непоправимый ущерб службе (на экране замаячила фигура в судейской мантии).

При этих словах лицо дикторши исказила саркастическая, злорадная гримаса.

— Но суд счел возможным приступить к рассмотрению жалобы уборщиков,— продолжала стрекотать дикторша,— и разрешил выступить им в суде под своими фамилиями и именами. Тележурналисты пощадили чувствительность СИС к паблисити своих сотрудников и отказались снимать лица фигурантов суда. (На экране телевизора замелькали женские ножки в туфельках, потом опять появилось сердитое лицо шефа СИС и довольная рожица дикторши). — Можем сообщить вам, что уборщики СИС выиграли дело, суд заставил руководство СИС выплатить им компенсацию и вернуть на работу с окладами, по крайней мере, не ниже прежних.

Вот и экономь теперь на уборщиках! Какой дурак создал эту нелепую ситуацию? Нет, эта гласность нас до добра не доведет!

— Мистер Добсон! — рявкнул шеф по селектору. — Вы на месте? Потрудитесь узнать, откуда на Би-Би-Си фотографии вашего директора? Что? Еще старые? Узнайте, как они попали в руки журналистов. Да, срочно. И доложите мне.

Гласность тяжело давалась британским разведчикам — слишком изнежили их годы и десятилетия безмятежной подпольной жизни. Какому глупцу пришло в голову снять покров секретности со святой святых британского государства — секретных служб! Это только про дураков типа Вустера английский комик Вудхаус сказал, что большинство людей хочет, чтобы сведения о них были опубликованы.

Он не заметил, как остыл кофе, и это еще добавило несколько неприятных капель в чашу его терпения. Трудно сказать, куда мог увести мистера Спеллинга внутренний зов, если бы тут не раздался голосок мисс Симпсон, напомнимшей ему о том, что в конференц-зале его ждет молодое пополнение, которому он захотел высказать несколько приветственных слов. Он посмотрел на себя в зеркало, поправил галстук, позвонил начальнику департамента кадров и пошел на встречу с новичками.

Конференц-зал располагался на втором этаже, и Спеллингу пришлось спускаться со своего «руководящего» этажа на лифте. На подходе к массивной двери из красного дерева и с латунной ручкой его встретил главный кадровик Хантли.

— Мистер Спеллинг, сэр, у нас все готово. Прошу вас, сэр.

Главный кадровик распахнул перед шефом дверь, и Спеллинг увидел перед собой десятка полтора молодых и не очень молодых ребят, которые вскочили с мест и приветствовали его стоя. Где-то загремел упавший стул. Сработала старая традиция проявлять уважение к шефу СИС, введенная при МакКолле. Вообще-то в службе на такие формальности особого внимания не обращали, в ходу были простые коллегиальные взаимоотношения между сотрудниками и упрощенные формы обращения подчиненных к начальству. Предшественник Спеллинга, подтверждая славу СИС как своеобразного литературного гнезда (достаточно вспомнить Моэма, Грина, Флемминга, Ле Карре), писал пьесы и увлекался игрой на флейте. Во время визита королевской семьи в Лаос резидент СИС Колин МакКолл сыграл на флейте какой-то свой импровизированный опус и произвел на высоких гостей настоящий фурор. Говорили, что королева плакала.

Спеллинг, ничем таким не увлекавшийся, махнул благосклонно рукой, чтобы выпускники IONEC* заняли свои места. Главный кадровик попытался было направить шефа к стоящей сбоку кафедре, но Спеллинг прошел к столу и уселся посередине, внимательно всматриваясь в лица будущих оперативников. Хантли скромно пристроился сбоку. Только небольшая часть из них попадет в оперативные подразделения, а большинство осядет во вспомогательных и оперативно-технических службах и подразделениях поддержки. Не все из них вынесут психологическую, да и физическую нагрузку, с которой им придется столкнуться на первых порах в «поле». В этом смысле разведчики СИС вполне могли спорить с выносливыми и специально обученными «беретами» и спецподразделениями SAS.

* Аббревиатура, обозначающая курсы подготовки молодых разведчиков в системе СИС.

Спеллинг вспомнил, как он, слушатель семьдесят пятого выпуска IONEC, в первый раз увидел шефа СИС. Это случилось на восемнадцатом этаже Сенчури-хауса, куда выпускников в несколько приемов с трудом доставил старенький, вот-вот готовый грохнуться в шахту лифт. Они вышли из лифта и прошли по длинному коридору с обшарпанными, давно некрашеными стенами и протершимся до дыр линолеумом на полу. На пути к конференц-холлу они обратили внимание на открытую дверь и увидели за ней маленький кабинет, в котором притаился какой-то мужчина — в синем измятом костюме, который носили все охранники, и со сбившимися набок воротником рубашки и галстуком. Увидев людей в коридоре, мужчина украдкой прошмыгнул за стол, как будто прячась от постороннего глаза. Все подумали, что это был какой-то уборщик, который накрыл в конференц-зале стол с печеньем и чаем и теперь скромно спрятался в соседнем кабинете, чтобы не мозолить им глаза.

Когда все допили чай и немного расслабились, обладатель синего костюма опять появился среди них, но никто и не взглянул на него, полагая, что тот вернулся, чтобы убрать со стола. Но вдруг их воспитатель и наставник мистер Лонг вытянулся перед уборщиком в струнку, и тогда все сообразили, что неопрятный старикан и есть Колин МакКолл.

Да, где эти старые добрые времена? Вот и он, Дэвид, уже в таких годах, что сам приветствует молодую смену разведчиков — правда, без чая и печенья. Проклятая экономия!

— Мы рады приветствовать участников девяносто первого выпуска слушателей подготовительных курсов сотрудников разведки, — начал Спеллинг. — Поздравляю. Вы все прошли отбор и зачислены в кадры. Надеюсь, у нас вам понравится, и мы с вами сработаемся. Полагаю, вы достаточно осведомлены и о профиле службы, и о той работе, которая ожидает вас в этих стенах и за ее пределами. Поэтому не буду много говорить на этот счет. Для начала я хочу, чтобы каждый из вас назвал свою фамилию и бэкграунд. Давайте начнем с вас, сэр.

И Спеллинг указал рукой на юношу, сидящего в первом ряду с краю.

Молодые люди стали по очереди вставать и бойко рапортовать о себе:

— Маркхем. Эндрю Маркхем, Оксфорд, физик.

— Норман МакСуинг, фирма «Вестингхаус», менеджер.

— Ричард Стайтс, школьный учитель.

— Ян Касл, Шотландский гвардейский полк.

— Томас Спенсер, младший клерк банка «Саусхэмптон Лимитид», Сити.

— Крис Бартольд, лейтенант Королевских ВМС...

После каждого такого рапорта Спеллинг удовлетворительно качал головой. Кадровики постарались и сделали репрезентативную выборку во всех слоях трудящегося населения. Когда отрапортовал последний выпускник, Спеллинг улыбнулся и спросил:

— Кто из вас скажет, зачем нам нужна разведка? Вы? Пожалуйста.

— Ян Касл, сэр. Полагаю, что разведка необходима для добывания информации.

Все дружно рассмеялись над такой тривиальной истиной. Улыбнулся и шеф:

— Это правда, Ян Касл. Разведка этим занимается тоже. Кто еще хочет сказать, зачем нам нужна разведка?

— Чтобы обеспечивать нашу безопасность, сэр! — сказал кто-то из задних рядов.

— Это уже ближе к истине, — оживился Спеллинг. — Наша служба и сегодня является одной из сильнейших в мире и играет важную роль в сохранении позиций Британии на переднем крае международного сообщества. Заверяю вас, что, несмотря на происходящие сегодня изменения, к примеру, падение «железного занавеса», впереди у МИ-6 яркое и увлекательное будущее. Об этом свидетельствует и забота о нас со стороны правительства, которую мы все ощущаем. — Спеллинг обвел глазами конференц-зал, как бы приглашая убедиться присутствующих в материальном выра-

жении этой заботы.— Наша новая штаб-квартира символизирует одновременно и новые подходы к старым проблемам. В новом доме нам придется принимать и новые внешние угрозы. Холодная война окончена, бывший Советский Союз разваливается, превращаясь в хаотичное нагромождение республик. Но мы не можем ни на минуту ослабить бдительность. Россия по-прежнему представляет и будет представлять для нас серьезную военную угрозу.

Спеллинг сделал паузу и бросил боковой взгляд на главного кадровика, как бы призывая его поддержать в этом мнении, и кадровик усердно закивал головой.

— Возможно, у русских нет теперь агрессивных намерений, но ее военный потенциал никуда не исчез. Непредсказуемость и нестабильность нового режима делают его еще более опасным. И наша задача — заблаговременно предупредить нашу страну об опасностях, подстерегающих ее на долгом пути к демократии.

Спеллинг неожиданно замолчал, и если бы не главный кадровик, вскочивший с места, не все бы поняли, что его выступление закончено. Хантли поблагодарил шефа за «прекрасное и глубокое выступление» и попросил задавать вопросы.

— Сэр,— поднял руку бывший банковский работник Спенсер,— скажите, зачем нам нужна разведка в России, в которой теперь самые секретные сведения можно прочесть на страницах газет?

Директор СИС строго взглянул на Спенсера и терпеливо объяснил:

— Дело в том, мой молодой друг, что все, что мы прочтем в газетах, так и останется газетной информацией — ее подберут Форин Офис или еще какое-нибудь министерство. Разведку же всегда интересовали секреты. Своей гласностью русские только повысили порог наших оперативных интересов. Ясно?

— Так точно, сэр.

Потом вскочил школьный учитель Стайтс:

— Простите, сэр, но я хотел бы спросить: зачем нам нужна такая большая разведслужба? Ведь более богатые страны, такие, как Германия или Япония, занимаются разведкой в минимальных масштабах. Средства, которые направляются на финансирование МИ-6, можно было бы успешно использовать в здравоохранении или образовании.

Наступила такая густая тишина, что всем захотелось поскорее открыть окна. Зал замер от такой наглости. У Спеллинга побагровело лицо. Хантли втянул голову в воротник пиджака и испуганно поглядывал на шефа. Ну и времена пошли: не успел человек переступить порога службы, а уже подвергает сомнению сами основы ее существования! Но где брать другие кадры?

— Вы забываете,— отчеканил Спеллинг,— что Великобритания — член Совета Безопасности ООН, в отличие от упомянутых вами Германии и Японии. У нас есть международные обязательства, несоизмеримые с уровнем ее экономического благосостояния.

Кадровик вздохнул с облегчением — пронесло!

— Скажите, сэр, по мере сближения Британии с Европой будет ли происходить ослабление контактов МИ-6 с ЦРУ? — поинтересовался какой-то очкарик.

— Нет, нет и нет,— ответил Спеллинг.— Наши отношения с американцами всегда будут иметь большее значение, чем связи с любыми европейскими разведками. В ЦРУ уникальные технические и финансовые возможности, а у нас их нет и вряд ли когда будут. Чтобы иметь доступ к их достижениям, мы должны быть для них ценным партнером. Какое наше главное оружие и преимущество? Человеческий фактор, британская эффективность и британская надежность!

— Означает ли это, сэр, что МИ-6 ведет разведывательную деятельность в отношении союзнических европейских стран?

На какое-то мгновение Спеллинг растерялся и даже слегка покраснел, поэтому ответил не сразу:

— Да, это так. Всегда есть потребность в разведанных, касающихся намерений наших европейских партнеров в экономике и... других сферах деятельности.

Вопросы иссякли. Спеллинг облегченно вздохнул, поблагодарил всех за внимание и, пожелав успехов в будущей работе, вышел из зала.

— Каким образом к нам попал этот учительшка Стайтс? — грозно прошептал он кадровику на пути к лифту.

— Сэр, это глубоко патриотично настроенный человек... Это молодость... пройдет, вот увидите, пройдет.

— Вы так считаете, Хантли?

— Я в этом уверен, сэр!

— Ну что ж, я в целом доволен. Хорошие ребята. Не правда ли?

Так точно, сэр. Лучшие из лучших.

Ясенево

*Не задавай лишних вопросов —
не получишь в ответ лжи.*

Английская поговорка

— Шерсткой усов доставая до неба, мчатся по небу лошадки Бориса и Глеба...

Откуда эти строчки? Где он их слышал?

Полковник Глеб Борисович Зайцев, поджарый, коротко остриженный, порывистый в манерах шатен, несколько лет тому назад вступивший в клуб «пятидесятников», но выглядевший не старше сорока восьми-сорока девяти лет, человек долга и принципов, только что вернулся с обеда и тут же стал шарить в ящиках стола пачку «Столичных», оставшихся еще с прошлой антитабачной кампании. Он не курил уже почти год с тех пор, как прозвенел «первый звонок» и начальница шестого терапевтического отделения популярно объяснила ему, чем *все это* может закончиться, если курильщик не образумится и не избавится от вредной привычки.

Вредная привычка! Если бы не она, то еще неизвестно, сколько опрометчивых поступков совершил бы Глеб Борисович в своей жизни. В самых критических ситуациях сигарета помогала принять взвешенные и трезвые решения — особенно тогда, когда посоветоваться было не с кем. Конечно, никотин убивает лошадь, но ведь не все, что опасно для здоровья человека, вредно в его жизни. Кто будет спорить, что в интересах здоровья ему следовало бы остаться на родной Задонщине и вообще не соваться в большой город? Ан, нет! Человеческая натура, находящаяся в постоянном противоречии с требованиями медицины, все время сталкивает человека со здоровой колеи жизни и выводит на интересную.

Он прислушался — огромное здание, вместившее в себя несколько тысяч человек, когда-то наполненное монотонным шумом, шарканьем ног по коридорам, звонками телефонов, хлопаньем дверей и звуками подъезжающих и отъезжающих машин, замерло, словно вмерзший в ледяные торосы ледокол. За кольцевой дорогой в тяжелых родах металась столица. Никто не мог сказать, кого *такая* демократия произведет на свет. Будет ли это здоровый, крепкий бутуз или какой-нибудь волосатый мутант с двумя головами, без рук, без ног и с изуродованными заячьими губами?

На подступах к лесу, в котором от посторонних глаз и ушей укрылось Первое главное управление, тусовались какие-то непонятные кучки людей. Сотрудники службы на всякий случай готовились к самому худшему — к отражению штурма здания обозленной толпой, и сжигали накопившиеся за последнее время ненужные бумаги, проверяли личные «макаровы» и дежурили. Кроме дежурств, никаких занятий для них не находилось. Все были обозлены на бездействующее правительство, растерявшегося и изошедшего в словесной истерике президента, чувствовали себя

брошенными на произвол судьбы и были готовы на самые крайние меры. Собирались защищаться до последнего, но как это будет выглядеть в реальности, никто сказать не мог. Ведь придется стрелять в людей. В людей невинных и обманутых. Не дрогнет ли рука? Разведчики — люди закаленные, повидавшие много на своем веку, но стреляли-то они до сих пор только по мишеням. Если разобраться, то пистолет разведчику нужен был до сих пор, как в бане лыжи.

В течение нескольких недель служба пребывала в напряженном ожидании роковых событий. Каждый день приносил тревожные известия о нападках на органы безопасности. Чья-то злонамеренная рука координировала активность вырвавшегося из бутылки Джина Анархии, направляя его энергию на разрушение и шельмование спецслужб. В Ясенево все давно ждали департизации, но руководство Комитета и самой службы никак не могли решиться на этот шаг, бездействовали, медлили, тянули и чего-то ждали — вероятно, того момента, когда «сверху» будет «спущена» спасительная «указаловка». Приехавшего с объяснениями председателя КГБ Чебрикова встретили улюлюканьем и свистом, и он был вынужден бежать из зала. Верхи пребывали в растерянности и были озабочены собственной безопасностью.

Страх парализовал власть.

Атмосфера внутри здания была перенапряжена до такой степени, что статическое электричество давало знать о себе при каждом рукопожатии. Каждого словно потеряли эбонитовой палочкой. У Глеба Борисовича уже давно в груди сидела и надувалась жаба — жаба возмущения, разочарования, бессилия и злобы. Поводом для «срыва» послужила беседа в «генеральской» столовой. Начал ее коллега Зайцева по первой заграничной командировке, ныне один из «боссов» службы, Мишка Калягин, известный в народе по кличке Хряк. Раньше Михаил Олегович свое родство с известным эсером-террористом Калягиным «заминал для ясности», но последнее время, когда из новой исторической общности — Советского Народа — повсюду стали произрастать химерические дворянские корни, он стал, наоборот, его выпячивать. Был просто человеком, а теперь вышел в люди. Впрочем, он всегда был «вхож» в высшие сферы и с таинственным видом намекал на своих покровителей в правительстве, ЦК или, на худой случай, в руководстве Комитета. После командировки в США, где он работал заместителем резидента по контрразведывательной части, Калягин обзавелся влиятельными друзьями и в сорок лет стал генералом.

После второго блюда заспорили о том, как в новых исторических условиях быть с вербовкой — вербовать иностранцев или не обращать на них никакого внимания, а если вербовать — то как? Разговор, в общем-то, был обычный, тема «быть или не быть» всегда была актуальна в кругах интеллигенции.

— Я пришел к выводу,— начал Калягин, складывая нож с вилкой на пустую тарелку из-под парных биточков, манерно выпучивая из-под белесых ресниц свои порослячьи глазки и являя собой удивительную схожесть с хрюкающим персонажем детской передачи,— что так называемая идейная основа вербовки иностранцев уже не срабатывает и только создает для оперативного состава вредные иллюзии.

— Совершенно согласен с тобой,— поддержал Калягина Серега Беспечных. — Идеологическое противостояние двух систем закончилось, мы приступили к строительству капитализма. На нашу долю остались только деньги и компромат.

Беспечных являл собой типичный вариант «позвоночника», пришедшего в разведку в том возрасте, когда нормальные люди уже уставали от вербовок. Тем не менее, он, знавший о вербовках лишь понаслышке и видевший живых агентов только в кино, благодаря своим связям, в самое короткое время сделался начальником среднего звена и стал вхож в «руководящую» столовую.

— Здравствуйте, приехали! — возразил Зайцев. — Отбросим все! Поищем после вместе на помойке... У каждой страны, а уж у России особенно, есть идеология, от-

лицающая ее от остального мира. Это сейчас у нас смута и безвременье, но скоро все это кончится.

— И вообще сейчас наступило царство денег,— нравоучительно продолжал Калягин, не обращая внимания на Зайцева.— Пора отбросить все упования и на компромат тоже. Компромат аморален по своей сути, а идеология, как я уже сказал, больше не работает. Давно уже не работает — еще когда мы только начинали свою карьеру в разведке, я убедился, что...

— Конечно, твой-то личный опыт как раз и подтверждает теорию о бесполезности использования всякой основы,— съязвил Глеб Борисович и пожалел. Мишка был злопамятным и не прощал выпадов в свой адрес. Ну, да черт с ним, Зайцеву нечего его бояться, он свою карьеру сделал — развод с Марго чуть ли не стоил ему службы, и удержался он в ней каким-то чудом. «Наверх» он давно уже не стремится, в рядовые его уже не разжалуют, у Северного полюса он уже поработал (на Шпицбергене), а дальше Африки не пошлют.

Но Калягин, казалось, не слышал укола Зайцева и, как ни в чем не бывало, продолжал развивать свои взгляды на ведение разведки в современных условиях.

— Необходимость в приобретении агентуры на современном этапе тоже становится сомнительной,— безапелляционно изрек он, сплевывая косточки от компота на тарелку.— Достаточно устанавливать с иностранцем какой-то доверительный уровень отношений и работать с ним на добровольных началах.

— Постояй, постояй, Михаил, ты что мелешь?— заволновался Зайцев.— Мы что, по-твоему, вербуем их под дулом «макарова»?

— Ну не под дулом, но под определенным моральным нажимом,— парировал Калягин.

— А когда ты женился на своей Нинон, ты разве не использовал на нее моральное давление?

— Допустим. Все мы рано или поздно женимся на ошибках молодости.— Калягин, довольный каламбуром, ослабил в плетоядной улыбке. Он всегда старался поддерживать о себе мнение как о лихом гусаре и большом «аматере» по женской части. Что отнюдь не мешало ему «разделять под орех» своих подчиненных, время от времени попадающих на запретную «земляничку».

— Но в ЗАГСе ее за язык никто не тянул говорить «да»?

— Это другое,— уклонился от ответа потомок социалиста-революционера.— Нашел с чем сравнивать. Сейчас настали другие времена. Уже виден конец столетия, а мы все барахтаемся в дремучем средневековье. Лет двадцать назад мне нравились сверстницы, теперь я на сверстниц внимания не обращаю. Так меняются вкусы.

— Прекрати свои глупые шутки! Может быть к тебе поступила информация о том, что ЦРУ и СИС отказались от вербовок агентуры и переходят на работу с доверительными связями? Может, американский или английский резидент шепнул тебе, что они уже выбросили на свалку истории весь набор оперативных методов, для того чтобы вербовать у нас агентов?

— Попрошу без инсинуаций,— обиделся Калягин и поднялся из-за стола.— Результаты взаимодействия служб с бывшими противниками превосходят все ожидания.— В добродушных поросячьих глазах сверкнул ледок.

Хряк отличался тем, что всегда оказывался во главе какого-нибудь новшества, и чем выше он поднимался по служебной лестнице, тем экзотичнее оказывались высказываемые им идеи. Когда партия и правительство провозгласили курс на оказание помощи сельскому хозяйству, он первый выступил на общем собрании разведчиков с предложением организовать подсобное свиноводческое хозяйство. Как ни странно, ХОЗУ с этим справилось, организовав на базе примыкавшего к забору НЦИ совхоза почти образцовую ферму. Слава Богу, что от шефских посещений свинофермы ПГУ КГБ СССР оперсостав был избавлен.

Теперь Хряк курировал ставший с недавних пор модным участок сотрудничества с зарубежными спецслужбами и считал это сотрудничество единственно полезной формой разведывательной деятельности.

— Если ты не веришь в плодотворность взаимодействия разведок, приходи ко мне, я тебе дам почитать наш годовой отчет. Или давай включу тебя в группу экспертов, например, в русско-английскую рабочую группу.

— Спасибо. Я еще хочу принести пользу в «поле». А о результатах шпионской кооперации я и без тебя знаю, — отмахнулся от него Зайцев. — Дурят вас цэрэушники и СИСовцы почем зря, а вы принимаете их «дезу» за чистую монету. Гуманисты с человеческим лицом, едрена корень! А вы что в рот воды набрали? — набросился Глеб Борисович на двух коллег, молча наблюдавших за спором. — Или вы тоже разделяете эти гнилые взгляды? Чем же разведка будет тогда отличаться от дипломатии?

— Борисыч, не будь максималистом! — по-отечески похлопал его по руке Беспечных. — Будь проще, и народ к тебе потянется.

— Пошел ты, знаешь куда? Нашел время и место ерничать.

— Я пришел к тебе с приветом рассказать, что солнце село, что луна и все планеты взяты по тому же делу! — не унимался весельчак Беспечных.

Калягин захихикал, встал из-за стола и, никак не комментируя слова Зайцева, удалился из столовой. Зайцев резко отставил в сторону стакан с компотом, поднялся из-за стола и тоже зашагал к двери. То, что его не поддержали коллеги, возмутило даже больше, чем конъюнктурное выступление Хряка. Ладно Беспечных — кабинетный разведчик и типичный «позвоночник», сделавший карьеру с помощью своих высокопоставленных братьев, но Альберт Щербаков — он-то чего молчал?

...Глеб Борисович вдыхал никотин с такой жадностью и силой, что сигареты едва хватило на три затяжки. Тогда он взял еще одну и выкурил ее уже с толком, чувством и удовольствием. Организм чутко реагировал на проявленную заботу и тут же успокоился, в голове прояснилось, а сердце прекратило попытки вырваться из грудной клетки.

За окном, пользуясь обеденным перерывом, степенно, группками, прогуливались сотрудники. Многие собирались у парапета искусственного пруда, чтобы покормить карпов. Они доставали из карманов кусочки хлеба, отщипывали от них крошки и бросали в воду. Хлеб норовили склевать утки, но это не всегда им удавалось: иногда у них прямо под носом выныривал карп и уносил добычу на дно. Этот номер у зрителей всегда пользовался неизменным успехом. К зиме карпов вылавливали и отдавали в столовую, что давало повод сотрудникам для грустных шуток о бренности бытия...

На столе зазвонил телефон. Звонил начальник подразделения, от которого Глеб Борисович когда-то ездил в длительную командировку в Англию. Оперативная судьба уже давно забросила Зайцева в другой географический регион, и поэтому он несколько удивился, с чего бы вдруг ему стал звонить сам Дикушин, руководитель англо-скандинавского отдела.

— Глеб Борисович, — без всяких предисловий начал свой разговор Дикушин, — ты не мог бы зайти ко мне на полчаса?

— Нет проблем, Дмитрий Иванович. Когда я мог бы подойти?

— Давай часика в три. Годится?

— Конечно.

«Уж не наклеывается ли вторая командировка в Англию?» — подумал Зайцев. — «А что: молодежь нынче к вербовкам не очень-то привержена, а я, старый дурак, еще могу. Старые ботинки могут еще долго прослужить, если не покупать новые. Впрочем, какие в это лихолетье могут быть вербовки-командировки!».

Зайцев знал, что на неофициальной бирже труда он, как оперработник, котируется достаточно высоко, а для разведчика почетней и заманчивей, чем заграникоманди-

ровка, ничего на свете не бывает. Не удивительно, что после звонка Дикушина в глазах Глеба Борисовича появился характерный блеск, а сердце стало приятно сладостно замирать и сбиваться с ритма. После Копенгагена и короткой передышки он был послан в Лондон, но, благодаря предательству Олега Мокриевского, пригретого после своего сенсационного побега из Москвы британской разведкой, проработал там недолго. МИ-5 — явно по наводке Олега Антоновича — сделала к нему вербовочный подход, и, получив решительный отказ, начала буквально сживать его со света. Постоянная слежка, заманчивые подставы, проколы шин, провокационные, под видом местных хулиганов, приставания в общественных местах, обыски и техника подслушивания в квартире сделали свое дело. Работать было просто не возможно, и в конце третьего года командировки Зайцев сам попросился домой.

Дома угрожал «слив» в какой-нибудь «отстойник», но ему повезло, и он очутился в азиатском департаменте и даже сделал одну удачную «ходку» в Сингапур. Но Азия интересовала его мало. Он забывал датский и шведский языки и деградировал в английском: ведь язык можно поддерживать лишь с его коренными носителями, а не с такими же азиатскими «студентами», как он сам. Так что перспектива «тряхнуть стариной» вдохновила его еще на одну сигарету. Выкурив ее уже без всякого наслаждения, он водворил пачку в ящик, решив, что в потворстве своей натуре зашел слишком далеко.

Все отделы занимались сманиванием работников из других подразделений. Высокое начальство этих начинаний официально не поощряло, но смотрело на них сквозь пальцы. Тем не менее, когда ситуация выходила за рамки, обиженный руководитель, у которого «уводили» сотрудника, мог наделать много шума и причинить серьезный моральный урон тайно договорившимся сторонам. Сотрудник, получивший заманчивое предложение из другого отдела, должен был проявить большое искусство дипломатии, чтобы не испортить отношений с прежним начальником — ведь если дело сорвется, обстановка для него на рабочем месте покажется куда как мало приятной! Самая беспроблемная позиция заключалась в том, чтобы, дав свое принципиальное согласие на переход, всю полноту инициативы предоставить новому начальнику. Поэтому свой визит в английский отдел Глеб Борисович обставил с соблюдением необходимых мер предосторожности.

Догадка о загранкомандировке и использовании его услуг оказалась правильной, но только наполовину.

— Я вызвал вас в связи с делом Племянника, — сказал Дикушин, усаживая Зайцева за приставной столик и приглаживая свою пышную поседевшую шевелюру.

— Племянника? С ним что-нибудь случилось? — заволновался Глеб Борисович.

Племянник был его самым первым и, вероятно, самым значительным приобретением для службы. Он был завербован на основе, которая не значилась ни в одном учебнике по оперативному искусству. Одни говорили, что Племянник пошел на сотрудничество по материальным соображениям, другие утверждали, что речь идет о стопроцентной морально-этической подоплеке, третьи пытались найти в поступке британца идейное начало, но все это было не то. Нельзя же сумму в один британский фунт стерлингов серьезно считать материально привлекательной не только для лорда, но и для безработного. К коммунизму — равно как и к России — завербованный никакого пристрастия не питал. Так что начальству пришлось тогда долго ломать голову, прежде чем дать санкцию на включение Племянника в агентурную сеть.

Зайцев тогда здорово отличился, и на долгие годы стал предметом зависти коллег и ходячим примером для всех молодых сотрудников разведки. Тогда в разведке царил здоровый дух корпоративности и доверия, так что особого секрета из крупной вербовки в английский отдел начальство не делало, и слух о ней распространился по всем кабинетам службы. Нельзя сказать, что это не льстило самолюбию Глеба Борисовича, но слава его не испортила, и своим положением любимчика начальства он в

карьерных целях не воспользовался. Больше того, и в сингапурской командировке он не бездельничал, а приобретал новых источников, не намного уступавших по своим разведывательным возможностям Племяннику.

Поэтому все разговоры о том, чтобы разведка перешла на работу с доверительными связями и отказалась от одного из методов своей работы, Зайцев с возмущением отметал с порога и воспринимал их как индульгенцию для лентяев и неудачников, которых последнее время становилось все больше и которые вербовать либо не хотели, либо не умели, а в разведку шли, чтобы съездить за государственный счет за границу и сделать карьеру. Перестройка ничего хорошего для разведки не принесла — стала падать дисциплина, участились всякие чрезвычайные происшествия, кадровики все чаще стали получать заявления об увольнении. Начальство тоже как-то скисло и растерялось; служба, как корабль, получивший в морском сражении тяжелые пробоины и лишившийся навигационных приборов, медленно, почти вслепую пробирался на базу, лавируя между скалами и подводными рифами и избегая встречи с противником.

— С ним действительно что-то случилось, — сказал Дикушин и подкинул к нему какой-то документ. — На вот почитай последний отчет из резидентуры.

Зайцев мельком пробежал документ, изобилующий общими местами, словно шутковской наряд дешевыми побрякушками — свидетельство либо скудости ума, либо лукавства его составителя. С трудом он добрался, наконец, до главного: Племянник перестал выходить на встречи. Такие сообщения вербовщики, отошедшие от работы со своим приобретением, воспринимают если не как личное оскорбление, то как вызов. В этом отношении они похожи на родителей, которых вызвали в школу, чтобы сообщить о неуспеваемости своего любимого чада.

— Не понимаю, — смущенно пробормотал Зайцев. — Ведь до последнего времени он не подавал никакого повода для того, чтобы...

— Абсолютно никакого, — подтвердил Дикушин. — Он регулярно и пунктуально выходил на встречи с оперработником и приходил не с пустыми руками. А потом просто пропустил очередную встречу, проигнорировал запасную, сорвал «железную» явку...

— Странно, — сказал Глеб Борисович. — Наверняка случилось что-то такое, что мешает ему соблюсти хотя бы элементарные приличия проинформировать нас. Он не такой человек, чтобы просто уйти от нас.

— Возможно, — согласился Дмитрий Иванович, — но не исключены и сюрпризы. Англичане, знаете ли, интересные чудаки — не мне вам об этом говорить. Вспомните хотя бы, как он был завербован. Короче, я предлагаю вам съездить в Лондон и выяснить на месте, в чем там дело.

— А дадут ли мне визу?

— Дадут! — убежденно откликнулся Дикушин. — Не могут не дать! У нас сейчас с ними «медовый месяц» взаимодействия.

— Вам, конечно, виднее, — согласился Зайцев. — А резидентура не пыталась как-то найти Племянника?

— Знаете, Глеб Борисович, мы им пока в этом отказали. Работник там молодой, резидент в Англии тоже новичок и к тому же горяч. Думается, будет лучше, если этим займется вы лично, а резидентура вам поможет. С вашим руководством я уже договорился. Все формальности отдел берет на себя. Проштудуйте как следует дело и — вперед! Заодно и проветритесь от душной кабинетной атмосферы. Согласны?

Зайцев согласился. Предложение съездить в Лондон было для него спасением, рукой Всевышнего, вытащившей его из вязкого болота.

Он вернулся в свой кабинет и стал вспоминать то благословенное время, когда работал в Лондоне. Все тогда у него спорилось и получалось, в отличие от первой

«ходки» в Копенгаген, где он набивал на лбу первые шишки. Если бы не козни Мокриевского, он бы, кроме Племянника, еще кого-нибудь завербовал...

Размышления прервал настойчивый телефонный звонок. Звонила младшая дочь.

— Папа, здравствуй. Нам срочно нужны деньги, а перевод до сих пор не поступил. Ты не мог бы ускорить? — затараторила она в ухо.

— Здравствуй, дочка. Как дела? — попытался он было увести разговор в русло родственных чувств.

— Спасибо, хорошо, — продолжала тараторить дочь, — так как с алиментами?

— Я попытаюсь узнать, в чем дело. Если задержка произошла по вине финансов, я сделаю все возможное, чтобы ускорить перевод, — сдерживая раздражение, сбился он тоже на холодный деловой тон.

— Спасибо.

Он хотел еще что-то добавить, но дочь уже положила трубку.

Глеб Борисович чертыхнулся и тоже бросил трубку. Контакт с дочерью был самым больным местом. С тех пор как развелся с Марго, он постоянно чувствовал свою вину перед Юлькой и всеми способами старался не терять с ней живой контакт. Но на их пути грудью вставала Марго, она приложила немало усилий, чтобы эту живую связь прервать, нарушить. И она добилась своего — между ним и дочерью встала невидимая преграда, какая-то фальшьстенка, не позволяющая им общаться легко и свободно, как прежде. Появились недосказанность, чрезмерная деликатность, щепетильность, какие-то внутренние соображения, обусловленные боязнью обидеть, сказать не то. Вот и теперь кроме горечи и досады разговор ничего приятного в душе не оставил. Дочь звонила ему тогда, когда ей что-нибудь было нужно.

Он позвонил в финотдел и выяснил, что задержка с переводом алиментов произошла, вероятно, по вине почты. Служба свой долг перед его детьми выполнила в срок.

Татьяна Сапрыкина
(г. Узловая Тульской области)

МИЛЕНЬКИЙ ТЫ МОЙ...

Повесть

Новое имя в нашем журнале.

Сколько лет минуло, а прошлое по-прежнему близко. И старшему поколению, прошедшему адомы круги Великой Отечественной войны, и нашему, послевоенному, знающему об этом аде со слов старших, а затем по учебникам, книгам, фильмам. Те первые впечатления по рассказам фронтовиков и тыловиков-очевидцев и есть самое острое чувство сопричастности к «всамделишной» войне. В живых картинах, которые без всяких подрисовок, поправок на время и память держат и держат в напряжении с почти реальным ощущением той страшной поры — не повторилось бы...

В знак глубокого уважения к вдовам Великой Отечественной войны

Июньское утро вставало над деревней бодро и радостно, как в том далеком 1941-м, не предвещая ничего плохого.

Все шло своим чередом. Румяную зарю уже поприветствовали веселым щебетом проснувшиеся раньше всех птицы. Словно торопясь, вслед за поднимающимся над землей солнцем уходила в высокие небеса легкая, бодрящая душу ночная прохлада.

О начале дня, как всегда, по вечному закону природы, оповестили селян горластые петухи. Народ на них не сердился. Наоборот, как бы раз и навсегда и в этот день давал себе зарок: не лениться, вставать бодро и охотно. «Ну вот, уж и петухи запели», — говорили проснувшиеся бабки и деды, бабы и мужики. Эти традиционные слова не раздражали — они были как позывные: жизнь продолжается.

Шел пятидесятый после долгой битвы с немцем год. Июньскую тревогу в те летние дни испытывали лишь те, кто никак не мог выгнать из своей памяти трагические минуты начала войны. Петровна была одна из них. Разбудили ее не только деревенские петухи, но и память о прошлом, и болезнь, от которых уже никуда не деться. Ей хотелось вслед за деревенскими бабами подняться с постели, выйти за родной порог и глянуть на просыпающуюся в утренних лучах солнца слободку, на зелень лужка перед домом, шагнуть босыми ногами на росный травяной ковер...

Лето и впрямь было завидное. Начиналось оно для крестьянского люда неплохо: в меру хватало и солнца, и дождя. В лугах по пояс вымахало разнотравье. При ветерке на полях рукотворных, будто море волнами, колыхались наливающимися колосьями озимые. Деревенские мужики не ленились и еще затемно уезжали из домов. «Коси, коса, пока роса!» — извечная истина, как закон, не давала селянам покоя и права ни на какие отговорки. Потому и звенели ранними утрами окрест косы, играя гимн жизни.

С первыми петухами возвращалась со свиданок взрослеющая деревенская молодежь, словно не насытившаяся соловьиными песнями перед будущими осенними свадьбами. Отцы с матерями поругивали ребят да девок за поздние, под утро, воз-

вращения, но одновременно и сами вспоминали себя молодыми да непокорными. Под сердцем что-то сладко екало, и сразу оправдание в душе находилось: эх, коротки вы, летние ночи, ни старому поспать, ни молодому погулять!

Петровне под утро привиделось, как спешила она домой со свидания от своего Митяя, пытаясь опередить восходящее солнце и незаметно проشمыгнуть мимо всевидящей бабушки. Промелькнули перед глазами и другие ее молодые рассветы, когда она, уже замужней, выходила по утрам на крылечко. Минуту-другую томно расправляла на пьянящем утреннем воздухе не отдохнувшие в ночи хрупкие свои плечи. Хрустела молодыми косточками и с легкостью бралась за привычные крестьянские дела.

В ушах Петровны появлялись отчетливые звуки знакомой утренней сельской мелодии. Петушиные крики, шум крыльев вылетающих с насеста кур, звон молочных струй о серебристый начищенный металлический подойник, скрип колодезных цепей, перекличка горластых, но добрых по своей сути соседок... Все то, чего никогда не услышишь на зорьке в городе, где не раз бывала у детей.

Теперь, когда ее дни и ночи соединились воедино, не оставалось ничего другого, как слушать и думать, думать и слушать. Мысли и чувства все чаще путались, терялись, не давая толком вычленить главное. Старая женщина, за свою долгую жизнь много чего узнавшая и мало пожившая для себя, где-то внутри слышала свербивший душу вопрос: так ли жила и ради чего жила?

Ответа — плохого или хорошего — ускользающие мысли не приносили. Они, будто приходский батюшка, вроде и освобождали обреченного человека от грехов и ошибок, но одновременно даже на смертном одре не давали хотя бы минуту отдохновения от пережитого.

Божьи каноны твердят, что у каждого человека есть два начала: греховное и праведное. Баба, как известно, уже самым своим рождением греховна. И вот дальше ей дан выбор: продолжать ли грешить или идти путем праведным, путем покаяния. Антонина, Петровна то есть, не слишком склонная к философии, кое-что из этих заповедей вняла от своей бабушки Аксины. Она воспитала девочку после одновременной смерти ее родителей от тифа. Вот и мучилась, бедная, перед последним своим часом.

...Умирала Петровна тяжело и долго. Деревенские бабы, выгоняя по утрам коров в стадо, за околицей сбивались в стайку. Это были единственные минутки в летнюю пору, когда они могли обсудить вчерашние новости. Мимоходом посетовать на жизнь, посчитаться за блудливых мужей и коз, за озорство детишек — выплеснуть все, что накопилось за прошедший день. Кому-то это давало облегчение, кого-то, наоборот, будто мотор, заводило на сутки, а то и на неделю.

В те июньские дни первым и последним вопросом на бабьей летучке-сходке был единственный: жива ли Петровна? Со стороны, а особенно человеку городскому, могло показаться, что деревня прямо-таки ждет смерти несчастной. Но — это только со стороны. В вопросе «Петровна жива?» непременно звучали жалость и надежда. Не без любопытства, конечно. Бабы постарше разумели, что после второго удара их товарка вряд ли оклемается. Соседки-ровесницы знали наизусть всю жизнь Антонины — Тоньки-тихони. И удивлялись терпению ее сердца.

Хотя все знали и другое: Петровну хранила какая-то большая сила. Всевышнего любовь, впрямь что ли? Сначала к мужу, Митяю своему, потом к детям. А ради них кто не вытянется в жилку? Может, именно это и хотела услышать угасающая Антонина в ответ на свой вопрос: «Ради чего жила?»

Немногословная Тоня и в молодости-то слово «люблю» всеу не произносила, а уж теперь его и в мыслях держать стеснялась. Жалела она всех, злобы ни на кого не имела — это понятнее ей и ближе. А впрочем, в слове ли смысл? Наверно, и Петровна, если бы могла, сказала о своих чувствах как-то иначе. Только получила бы она ответ на мучавший в последнее время день и ночь вопрос?

Чаще всех навещали умирающую женщину две-три старухи, которые ни словом, ни взглядом не могли причинить Петровне лишней боли — их вдовьи судьбы перекликались своей тяжелой безрадостностью, как близнецы. Вот и нынче на сходке бабка Татьяна в вечном черном платке горестно сообщила:

— Вчерась вечером Антонина опять в рот ничего не взяла. Ни макового зернышка. Валентина-то, дочь ее, с материнскими болезнями вся изошла и сама.— Старуха всхлипнула, поднеся концы платка к сухим глазам.— Памятник ей, бабы, надо ставить. При жизни. За терпение.

Бабы понимающе переглянулись:

— Надо, надо...

— Своя семья за тридевять земель заброшена,— продолжала доклад бабка Татьяна,— до Питера каждую неделю не наездися, не нашлапайся...

— Да, да...— прокатилось по сходке тихое согласие. Бабка продолжила.

— Валентина говорит, что мать опять Николая, сына-то своего любимого, звала. Все спрашивала, когда ж напоследок повидаться придет...— Некоторые женщины зашмыгали носами, покачали головами.— Дочка только и плачет. Тайну пока крепко держит,— бабка снова провела концами платка по щекам.

— Да уж сказала бы Валентина все как есть! — не раздумывая, ляпнула молодая семеновская сноха.— Лучше бабке Тоне все равно не будет! Наполовину ведь парализованная!

— Дура ты, Надька! Ох, и дура ишо! — беззлобно и тихо окоротила молодуху бабка Татьяна.— Мать она ведь ему, башка твоя зеленая...

Надька-то и вправду была «зеленая»: замуж вышла прямо из школы, после десятилетки. И родители ее молодые. Так что девка горя еще не видела. И вся-то боль, ею испытанная, в детских синяках да разбитых коленках.

Учить ее еще да учить. Бабка Татьяна и ее ровесницы помнили свою молодость. Помнили, что наставляли их уму-разуму не только отец с матерью. Учили и деревенские бабы разного возраста и на таких вот утренних сходках. По-разному: и злом, и добром, и укором, и сочувствием. Вот и Надька — когда еще матерью станет? Молодежь нынче рожать не торопится, «для себя пожить» старается. Потому деревенские бабы, не задумываясь, уже сейчас подготавливали молодку к трудностям жизни, подкидывая незрелой голове мыслишки.

...Петровна тоже с малых лет прожила на виду у всей деревни. Девчушкой росла скромной и тихой, к старшим уважительной, работающей. В девушках расцвела и похорошела, как в сказке, превращаясь из утенка в лебедушку, стала завидной невестой.

Повезло ей и с женихом — будущим мужем. Дмитрий Соболев был под стать жене. Стройный, кучерявый. Воспитанный отцом и матерью в строгости. Может, потому и ладилась их жизнь с первых дней. Может, потому и быстрее других определилась молодая семья со своим углом.

Стоял ее с Митяем дом в середине слободки, на виду. И, как нарочно, самый приметный. Да вот судьба так сложилась, что пришлось Петровне одной до старости и себя, и дом свой в красоте блюсти. В самом начале войны на поле брани под Ельней сложил свою белокурую головушку милый сердцу Митяй.

Некоторые молодые деревенские вдовы, в которых и после тягостной четырехлетней войны еще долго играла кровь, которые боялись остаться и вовсе обделенными бабьими нехитрыми радостями, нет-нет, да и позволяли себе урвать кусочек женского счастья у законных жен. Порой злясь на ровесниц, оставшихся при мужьях. И Антонину на то же подбивали, задевая смехом ее самолюбие:

— Тонька, слышь? — бывало, озорно кричала ей на покосе Веруна Мелихова.— Федька-то однорукий, глянь, сохнет только по тебе, нам не поддается! Аль не видишь? — Антонина только отмахивалась от нее, как от назойливой мошки.— А что

руки-то нет, нос не вороти,— хохотала подружка,— говорят, одной-то очень ловко обнимает!

Антонина только потуже затягивала узелок белого головного платка под подбородком, спускала его пониже со лба на глаза и молча махала рукой в сторону не в меру развеселившейся ровеснице: отступись, мол, оторва!

Петровна и сама в ту пору была еще очень молода, хоть и сурова на вид. И смотреть без улыбки на проделки задиристых баб и девок не могла, когда уж те вконец расходились в своих заигрываниях. Стоило появиться на лугу бригадиру Федору Корчагину, работа останавливалась. Не успевал бабий начальник копны пересчитать, как вдовы его заваливали в духмяное сено, и давай изгаляться!

Петровна и теперь, даже в болезни, слабо улыбалась, когда в памяти всплывали, словно легкие летние облачка, подобные видения... Вот Веруня, изловчившись, ухватила парня за шею, стала игриво прижиматься к его ребристой спине да приговаривать:

— Ох, бабоньки, ох, милыя! Ох, как хорошо-то мушчинским-то потом от Федоровой рубахи-то пахнет! Никакого декалона не надоть! Ох, Федор! Ох...

Неженатый Федор, краснея, отбивался от неумных, разгоряченных солнцем и молодым азартом баб, грозился трудодни не поставить. Да где там! Лишь когда бабы всласть набарахтаются в сене, мужицкой силы у отбивающегося парня попытают, только тогда отпустят однорукого молодого фронтовика с миром и грустью. Выберут из его смоляных волос золотистые травинки, пригладят непокорный чуб, натянут на лоб вконец измятую фуражку, направят на талии под широкий солдатский ремень рубаху, а языкастая Веруня непременно скажет вослед что-то вроде этого:

— Иди, милый! Иди! Жалко, молод ты... Не для нас подрос, а то б тебе не прокормить ораву. Нарожали бы мы тебе знаешь каких красивых девок да ребят...

— Взбесились вы, что ли? — только и говорил в таких случаях Федор, не осознавая еще до конца трагедии этих женских страстей. Уходя же, всегда непременно поглядывал в сторону Антонины, казалось, безучастно наблюдавшей за бабьими играми: не осрамился ли?

Вот и в тот день она сидела под пышной липой на краю леса, от которого простирался до горизонта покос. И, чтобы не смущать молодого парня, гладила ладошкой нескошенную гривку травы, будто не видя бабьего всевластия над молодым мужиком. Как же — фронтовик! — и тихо, почти не раскрывая красивых алых и так мало целованных губ, думая о сокровенном, напевала сердцем:

*Миленький ты мой,
Возьми меня с собой.
Там, в краю далеком,
Буду тебе женой...*

Но разве дадут проказливые бабы побыть наедине с собой? Не остыв еще от игры, они тут же, взяв в руки вилы и грабли, не отставали друг от друга, похохатывали, делясь впечатлениями:

— А я к нему пощекотать его худющие ребра, а он давай уворачиваться, а я опять!

— А я, бабы, прямо за рубаху-то Федькину ухватилась! Видели? Помните, кричу: «Счас раздевать буду!», а он... Ха-ха-ха!

— А я...

— А я... — еще несколько минут катилось эхом по покосу мимолетное грустное бабье счастье.

Антонина наравне с другими товарками легко шла с граблями по скошенному лугу, и, казалось, грустные мысли ее вовсе и не тяготили. Она слушала, как бабенки

делились нечаянной радостью общения с молодым мужиком, как причитала Нюрка Фролова о том, почему именно ее мужа убил немец, как злилась Панька Макарова на мужнюю свою соседку.

Слушала Антонина и не осуждала вдов. И впрямь время-то было горькое и радостное одновременно: для кого — одно, для кого — другое, для третьих — все вместе сразу. Как меру соблности, когда война сломала что-то такое — ранее надежное, привычное, прочное даже в скромных и стеснительных по своей природе деревенских женщинах? Чем, как не войной, объяснить, что в неумевших ранее прилюдно показывать свои чувства молодках вдруг появилась жестокая наглость и бесшабашность? Может, этой показной бравадой и закрывали они от всех израненные войной свои сердца...

Не любить — вот несчастье, и бабам не хотелось впускать такую печаль в душу.

— Ишь, распоясались без мужниного-то глазу,— упрекали свекровки своих овдовевших снох, и тут же начинали голосить да жалостливо приговаривать:

— Знал бы да видел бы ты, мой дорогой сыночек, что дома-то без тебя творица-а-а...

Снохи огрызались:

— Я, что, виноватая, что ли, ежели одна молодой осталась? Ты вот на печи с дедом до сих пор греешься! Есть кому хоть словечко шепнуть! — и тоже давай голосить, не зная, куда деть раздражающие молодое тело чувства. Хорошо, если кто успел, как Антонина, до войны еще родить ребенка-другого... А кто и смысла семейной жизни вкусить не успел и в чем оно, счастье бабье, толком не понял, но уж звание черное носит — вдова...

За что же было упрекать несчастных молодых? Не потому ли и сердились, и находили оправдания вдовьим выходкам даже мужние жены? Иная вдовица, выслеженная законной супругой, тоже орала на всю деревню:

— Тебе, Мотька, что ли, одной мужик нужен? А если б твоего убило? К моему или какому другому, поди, тоже пошла бы? Молчишь? — ревела вдовица.— А как же! Пошла бы!

Глядишь, вдова уже и вцепилась счастливице в волосы. А потом, после потасовки, слезы — голосят и одна, и другая. И не понятно, кто в ту минуту из них счастливее.

Шло время, и у лихих вдов, как и у законных жен, нарождались дети, да, как на грех, зачастую на краденых отцов похожие. Надо и правду сказать: одинокие бабы долго отпирались, от кого понесли, но «портреты» с годами сами как-то проявлялись. Лицом, фигурой или характером — и почти наверняка указывали на корень, от которого произошли.

Антонина дочку родила еще до войны. Ее Митяй успел понянчить пухленькое чудо, успел услышать первый дочкин лепет. А вот сын появился спустя месяц после ухода мужа на фронт. Поднимая своих ребятишек, в отличие от других, казалось, она была тем сильно счастлива. На редкость терпеливая и скрытная, Петровна никому не говорила, чего недобрала и недополучила в смысле любви и ласки. Все это носила и переживала в себе. Знала: не у нее одной доля такая. Ровесницы-то порой не стерпят, уколят аж в самое сердце:

— Тонька, ты как из снега вылепленная!

— Ага-ага,— тут же встревала Веруна.— «Через костер, девушки, прыгать не стану — боюсь, растаю!»,— ехидничала сверх меры баба. Потом, спохватившись, переходила на жалостливые нотки.— Дура ты, Тонька! Как подруга тебе говорю. Жизнь-то всем одна дадена! А ты, Тонька, видная, глянь, как на тебя жеребцы-то деревенские зыркают! Нам бы такого внимания — а, девки?

И впрямь, мужчины, ровесники ее Митяя, и постарше тоже, и молодые, как Федор-бригадир, частенько заглядывались да оборачивались на статную и строгую Антонину. Порой, не удержавшись, окликали ее с долей игривости:

— Приветствую тебя, красота наша! — или еще как-то в том же духе.

Петровна в ответ щедрой улыбки не казалась, но вежливо, с достоинством на приветствия отвечала. К старости и вовсе на такое доброе отношение к себе стала в ответ кланяться. Поначалу это было не по нраву деревенским женщинам за такие-то расшаркивания их мужей перед молодой и дюже привлекательной вдовой. Потом и они смирились, признав за ней право на уважение, и уже никогда не схлестывались ни в бабьих перебранках, ни один на один. Знали: зло от Антонины в их дом не придет.

Ее Митяй так с ней и остался, как и его дом, уцелевший даже в войне. В похорошки тогда не только одна Петровна, но и многие еще долго не верили. Тем более, в жизни и в самом деле случались чудеса. Вот и в их деревню, хоть и спустя много лет, но вернулся из плена Иван Сотников. Весь искалеченный, больной, но вернулся.

Антонина и такой судьбы для своего супруга не исключала: а вдруг? Просила Бога вернуть ей Митяя «хоть какого». Уложив ребятишек, справив по дому все вечерние дела, молодая вдова садилась на широкую табуретку, сделанную еще на первом году их жизни Митяем, к столу, всегда, словно в ожидании гостей, накрытому белой скатертью с кружевной прошвой. И, глядя то на икону с зажженной лампадой в углу, то на довоенную фотографию своего двадцатилетнего мужа, молила:

— Господи, верни мне супруга моего милого и деткам отца дорогого!

А то вдруг обидится и на Бога, и на судьбу, да горько так запричитает-запоет:

*Миленький ты мой,
Возьми меня с собой...*

Расплачется-разрыдается в темной ночи от бабьей своей тоски, от бабьей своей безысходности. И вновь у Бога истово прощения запросит за слабость свою минутную. За укор свой несправедливый.

...В том-то и тяжесть жизни Антонины, видно, была, что горевать она во всеулышание не умела. Держал ее крепко супружеский долг. Не ослабевала почему-то в сердце не расцветшей до конца женщины любовь к мужу. Не могла Антонина смириться с мыслью, что в такие молодые годы Митяй ее стал нужен смерти.

Долго, не один год, ходила Петровна по вечерам одна за околицу и смотрела, смотрела в ту сторону, где была станция. На ту дорогу, которая навсегда увела от нее любезного сердцу дружка. Бабы шушукались первое время, мол, в голове у Петровны все же что-то стронулось, нарушилось.

Но с какой-то поры она перестала даже поминать на людях имя мужа. Не стала ходить за околицу. И не знали деревенские истины: успокоилась ли, вычеркнула ли из сердца своего Митяя или отняла у нее душевная мука все силы от бесконечного ожидания. Может, так и остался он с ней самой скрытой, но незаживающей раной? А было, видимо, все проще простого: время сделало свое дело. Потом взрослеющие сын и дочь добавили хлопот.

Пришло и к ее дочке время заневеститься, как когда-то самой. А через год-другой — новая забота: Валюшка засобиралась в город на учебу. Но рядом еще подрастал, так же незаметно взрослея, и сын Николай. Звала его мать с самого раннего детства полным именем — уважительно, чтобы мужчиной, хозяином дома себя чувствовал.

Сын скрашивал ее быт, помогал во всем, чем и радовал, и огорчал Антонину: «Нет у моего парнишки детства,— думала она порой.— Все мужицкие дела на нем». Ночами Петровна временами по-прежнему плакала: и саму себя жалея, и рассказывая невидимому мужу-отцу о том, как живет ей одной, какие славные подрастают дети, как пугающе похожим становится на Митяя их сын. Да так похож, что вздрагивает подчас Антонина от сходства их обликов. В такие минуты не понимает она отчего-то, кто перед ней. Поплывет, поплывет вдруг пелена перед глазами, похожая на весеннее лепестковое облако...

Чему же тут было удивляться? Николай становился ровесником ее Митяя, от которого в свои семнадцать лет она была без ума. Не потому ли в период взросления сына с новой силой вернулись к вдове ее юные чувства к погибшему мужу, ее милому дружку. И вновь волной пошли, пошли воспоминания...

Вот собирается сын на гулянку к молодежи, а мать видит в нем Митяя: и рукой-то белокурые волосы поправляет, как он, и пиджак знакомым движением на плечи закидывает. Иль еще: помогает сын матери по дому, а Антонина в его крепкой да ладной фигурке, в широко распластанных плечах опять же узнает Митяя — того, которого не забывает. А то сядет Николай за стол — надежно так, уверенно — и попросит хрипловато: «Покорми меня, мать!». А тут уж и голос ей слышится Митяев, до каждого звука знакомый — густой, басовитый. Только слово «мать» произносит сын как-то по-своему: и стеснительно, и очень уважительно. Антонина в первые годы замужества стеснялась такого звания, а муж ее тогда утешал:

— Ну, Тонюшка, кто же ты теперь? Мать детям нашим, кормилица наша!

А, может, и сам Митяй молод еще был, и, как ребенок, по матери своей скучал? Только как же Николай-то отцову присказку угадал?

Когда дети взрослеют, время летит, кажется, быстрее птицы. Не заметила и Антонина, как пришло время определяться в этой жизни и ее птенцам. Осталась далеко позади война, отстроилась, подлаталась — у кого как — ее деревня.

Выросло новое поколение, которое было и увереннее, и смелее, и, казалось, красивее своих родителей. Больше было тяги к грамоте, к городской культуре. Валентина, отучившись в десятилетке, окончила педагогический техникум. И увез ее к себе в Ленинград соседский внук Сережка, с малолетства гостивший по целым летним каникулам у деда с бабкой в деревне. Петровна на свое одиночество ссылаться не стала, дала дочке право выбора. А потом Валентина перетянула в город и Николая.

Теперь уж дети Антонины и Митяя сами по полвека оттоптали по матушке-земле, уж мать их состарилась, одиноко пережив и молодость, и буйный женский возраст — в сорок пять баба ягодка опять! Да и к этой поре и кавалеров у деревенских вдов поубавилось. Кто остепенился после фронтовой горячки, кто досрочно ушел на тот свет от фронтовых ран, а те, кто моложе, переженились на подросших девчонках да на вдовах пошустрее.

Жил чередом с юной Любашей влюбленный когда-то в Антонину однорукий Федор. Правда, был и в жизни Петровны момент, когда Николаю еще и десяти лет не исполнилось и когда выпала ей возможность попытать счастья еще раз.

Петра Антонина знала, как и Митяя своего, с младых ногтей. Добрый, веселый, словоохотливый был мальчишка. Может, оттого они с Митяем и сдружились, хоть и жили, можно сказать, не близко друг от друга. Несколько слобод их деревни просто-рно раскинулись вдоль речки на взгорках. А вот что дальше с Петром было — на фронте и потом, в Москве, многого не ведала, тонкостей его жизни не знала. Кроме как со слов деревенских: жив-здоров, в столице, женат.

Родня его сказывала, что женился по любви. Москвичка ему была доброй женой, дитя родили. Беда пришла в их семью в лихолетье: болезнь у жены приключилась в эвакуации. Да такая тяжкая, что и московские врачи не сумели помочь. «Лучшей матери, чем ты, Тоня, моему сыну мне не найти,— вспомнила Петровна слова новоявленного жениха.— Да и отец с матерью так же считают. Надеюсь, и я твоим деткам опорой стану. А мы, верю, с тобой тоже сладим... Скрывать не буду,— продолжал тогда при встрече Петр,— в мальчишках-то и я, как и другие, в тебя влюбленный был. Кто знает, как бы что сложилось, не опереди меня Митяй на свиданках к тебе... Да что теперь об этом говорить!— то ли успокоил, то ли уверил в будущей счастливой жизни Антонину лучший Митяев друг.

Ночью Антонина не сомкнула глаз: то просила у Митяя прощенья за нечаянный соблазн, то сомневалась в необходимости своего решения и своего ответа Петру. Она

то прикидывала, как ее дети, хоть и малые, посмотрят на материнский выбор, то себя спрашивала, видит ли она рядом с собой Петра вместо Митяя?

Наступивший день прошел тоже в смятении. И вечер настал. Золовка Анастасия не раз и не два заглянула к невестке: то о сем спросит, то о том, но о Петре ни слова. От всевидящих баб-то уже новость знала. Они рядили: «А что Антонине терять? Дуреха будет, если от такого счастья да от Москвы откажется!» К ночи Петровна сама пришла к золовке — жили рядом, через проулок.

— Почаевничать, Тонюшка, пришла. Не против?

— А чего же не почаевничать. Заходи, садись за стол,— вдова сделала паузу.— Насть, слышала, небось? Петр Новиков, Митяев друг, заходил на днях. О Митяе спрашивал. Про жизнь поговорили...

— Слышала. И что приехал, и что заходил,— глуховато ответила золовка.— Чего же за жизнь-то столичный гость балакал?

— Овдовел...

— Знаю...

— Говорит: мальчонке мать нужна. И лучше тебя, говорит, Тонь, и в Москве не подглядел...

— А что ж? Конечно...— тягуче продолжила разговор Митяева сестра.— Ты тут вся на виду. А в Москве стены высокие — кого за ними разглядишь...

Антонина, не поднимая глаз, двигала кругами по столу сахарницу. Золовка добавила:

— Притом, кто об тебе в деревне плохое скажет? Никто. Мать-то его с отцом неглупые, небось. Понимают, что сыну в таком разе не только жена нужна, но и мать дитю...— В голосе золовки послышались язвительные нотки.— У них, городских, терпенья нашего нету. Вот и надоумили Петра-то... Мудрые...

В доме наступила тишина. У Антонины перехватило горло. Она поняла: теперь ей надо золовке ответить: нужен ли Антонине, самой-то, муж да отец детям Митяя?

— Да...— вдруг подсобила Антонине в ее муках Анастасия.— Мать его сыну нужна. Кто против? А как же? Это баба все сдюжит и за мать, и за отца. А мужики, они слабы по этой части.

Анастасия плавно положила ладонь на руку невестки.

— Не гоняй сахарницу-то... Скажи, Тонюшка, лучше: самой-то замуж охота? Недосуг было нам с тобой об этом ране-то балакать. Сколь лет прошло, а ты, как каменная. Вроде тебе возля мужика пожить совсем неохота...

— Ой, Настя-Настасьюшка, сестрица моя,— заплакала вдруг Антонина.— И пожить охота, и замуж охота, и чтоб к себе хоть разок в тяжелый час прижал — приободрил, да приласкал — охота! Но ведь зарок я себе дала и той похоронке поклялась. Останется Митяй один в моем сердце навеки. И настолько я в эту клятву свою уверовала, что не дает она мне и шагу в сторону ступить...

Петровна плакала тихо-тихо, роняя горькие слезы на подол. Плакала и золовка, обняв невестку за хрупкие, почти девичьи плечи. Отревели, заговорили снова.

— Ты, Тонь, за мои прежние слова не сердчай. И не смущайся в своем решении — не судья я тебе. И никто тебе не судья. Даже брат мой убиенный. Как надумаешь сама, так и будет. Детишков-то спросишь?

— А как же, а как же! — благодарно ответила Антонина.— Завтра же расскажу им про Петра: утро вечера мудренее, не зря говорят...

* * *

И была в жизни Антонины, уважаемой Петровны, еще одна долгая, почти бессонная ночь. Она металась, не понимая в этой скоротечности событий, что, действительно, прежде всего самой-то ей хочется. Осознавая одновременно, что именно в ответе кроется главное: будет ей хорошо — будет хорошо и детям.

И вновь молодая и красивая Антонина, сидя за столом, опять спрашивала то у Митяя, то у Бога разрешения. Муж смотрел на нее светлыми глазами из-под льняного чуба и молчал. А глаза Бога казались ей грустными и укоряющими.

Антонина, задавая вопросы и сама же на них отвечая, к утру вконец запуталась. Измучившись в этом молчаливом диалоге, пристально глядя на Митяя, страстно, как молитву во спасение, прошептала:

*Миленький ты мой,
Возьми меня с собой!
Там, в краю далеком,
Буду тебе женой...*

И опять заревела громко, непривычно, до боли в висках и сердце.

Как уснула — не помнила. И долго ли спала — не знала. Только очнулась в привычное время, на заре, с петухами, в холодной испарине.

Снилось ей, что она со своим голубоглазым Митяем в большом колхозном яблоне-вом саду. Идут по бело-розовому лепестковому ковру счастливые. И от пени-стых пышно цветущих крон яблонь такой аромат, который можно учуять только в юности.

Вдруг Митяй взял, как наяву, Антонину на руки, засмеялся басовито и вверх свою Тонюшку-тихоношку подбросил. Сердце у нее сжалось от счастья и страха — а вдруг не поймает? И вот видит она себя, как опускается, паря, будто птица с небес, а руки-то, чувствует, ее принимают чужие, не Митяевы.

Открыла в испуге глаза: да и впрямь не дружок ее держит — Петька безусый улыбается! А Митяй, сидя на толстенной яблоне-вой ветке, орет на всю округу:

*Милая моя!
Взял бы я тебя,
Но там, в краю далеком,
Чужая ты мне не нужна!*

— Господи! — совсем очнувшись от сна, страстно перекрестилась Антонина.— Прости меня, Господи, за мысли мои грешные! Прости и ты меня, Митяй, не в себе я что-то...

Наутро не стала Антонина ничего говорить своим малым детям. Перед Петром, зашедшим, как и обещал, к вечеру, извинилась:

— Прости меня. Не нужны мне были эти дни на раздумья. Не судьба, видать, быть нам вместе. Как и не судьба мне до конца дней своих расстаться и с другом твоим Митяем. Прости, Петя, не вольна я...

Эх, как же короток бабий век! Это жизнь длинна в хлопотах да заботах, в беспокойствах и радостях. Вот они-то, эти повседневные спутники Петровны, вновь отодвинули куда-то глубоко-глубоко сердечную боль. Только в минуты отдыха воспо-минания произвольно и неслышно приходили к Антонине вновь и вновь.

И вот тогда-то ее сердце кололо больно и удушливо. Антонине в такие минуты казалось, что трепыхается оно, бедное и измученное, будто бабочка, посаженная на иголку дерзким мальчишкой. Но никому — ни золовке, ни детям, ни товаркам — на свои недомогания не жаловалась. Не упрекала никого, что себе в этой жизни почти ничего не оставила.

Все в деревне видели другое: вот Антонина радуется состоявшейся семейной жизни своих детей; вот оповещает деревню о народившихся внуках; вот с достоинст-вом идет с почты, с посылкой от дочки или денежным переводом от сына...

Души не чаяла мать в Николае и при встречах неизменно говорила:

— Ох, сыночек, ох, милый ты мой,— нежно гладила натруженной шершавой ладошкой то первые сыновние морщинки, то появившиеся в волосах седины.

Дочь Валентина не ревновала, все понимала женским сердцем, а с годами — и того больше в материнской судьбе. Видя большую схожесть брата с портретом отца, ценила мать за ее терпение и верность. Часто спрашивала дочка и себя: «А я смогла бы так?». И не знала, как ответить,— ее дружок Сережа был рядом всегда. А потому, видать, и баловали дети Петровну регулярными наездами то в одиночку, то семьями. И к себе возили, оттого не казался стареющей женщине далеким северный город, принявший ее детей и внуков.

Перенеся первый инсульт, жилистая Антонина не противилась просьбе дочери: продала корову-кормилицу, перевела овец, оставив лишь кошку да пяток кур «для заботы». Деревенские бабки ведь без работы сидеть не могут, обузой стать боятся. И суетятся, суетятся под ногами у дочерей и снох. И дел-то порой под их руками наберется с гулькин нос, но уж к вечеру они все одно — довольные и счастливые.

— Уморилася я что-то нонеча,— скажет порой своей шестидесятилетней дочери Нине бабка Татьяна.— Завтрева, наверно, подоле полежу...

Но это так, для красного словца, для подтверждения своего верховенствующего положения в доме.

— Полежи, полежи,— благосклонно и великодушно соглашается ее Нина Тимофеевна.— В твои-то годы можно уж и ничего не делать...

Петровне такой расклад ни к чему, не с руки. В доме она уже давно одна. А опорой ей в повседневной жизни стала с тех пор, как разъехались дети, золовка Анастасия. Прогодовали они долгою жизнь душа в душу, действительно, как сестры родные. А вот что их так сроднило, для деревенских баб так и осталось еще одной загадкой.

Куда ни кинь — через двор — у золовок со снохами нелады, а то и прямая вражда. Но эти две, как в воду канули, нечего бабам про них сказать — и все тут! За хорошее-то в деревне редко похвалят, в душе даже позавидуют. А на словах — ни гу-гу. Вот в беде-горе скорее посочувствуют, а в радости почему-то скрытные.

Секретом же большой дружбы двух женщин, неразрывной дружбы, опять же был их Митяй — любимый муж и любимый брат. Память о нем и держала обеих в одной лодке. А уж потом и Николай стал преемником и символом долгой памяти.

Любовь и забота родных сделали свое дело: оклемалась Петровна после первого паралича через годок. Не до конца, не совсем — лета уже не те, но помаленьку заходила она по дому и по двору. Да и не могла она всех подвести, видя старания окружающих поднять ее на ноги. К ребятам же, однако, ехать категорически отказалась. Сказала — как отрезала:

— За заботу спасибо, но не зовите и не тревожьте меня, детки! Тут вся моя жизнь прошла, и все тут мое со мной навсегда! Поддержала Антонину и золовка. Успокоила Валентину и Николая, наказав им, не тревожась за мать, заниматься своими семьями и делами. Она всегда тут, подле Антонины, и все у них по-прежнему заедино.

С тех пор потекли дни Петровны медленно и томительно. Лишенная привычного круга забот, не выходящая на деревню дальше своего двора, она корила себя за беспомощность и очень дивилась сердцу своему. Стало оно чутким, словно барометр на стене, купленный Николаем на первую получку. Заболеют ли там, в далеком Ленинграде, внуки — бабка места себе не находит. До письма от детей еще далеко, а мать все написанное знает как бы заранее. Непогодится где-то, хотя над деревней солнце, а Петровна уж наказывает золовке цыплят собирать — быть грозе.

В тот день, когда Антонине суждено было вновь свалиться, она с утра разгадывала краткий, но странный сон. Увидела то ли Митяя, то ли Николая — не разобрала. Хочет позвать, а только ртом, как рыба, воздух хватает. Голоса своего совсем не слышит. А человек тот, с таким родным обликом, уходит и уходит от нее все дальше.

«Если Митяй — пускай! Мне уж его не дозваться...», — размышляла Петровна, мучаясь над разгадкой сна и нагибаясь к ведру с кормом для кур. И снова — как падала, кто ее поднимал с земли — она совсем не чувствовала и не знала.

...Недели через три Антонина уже различала лицо Валентины, склонившейся над материнской постелью. Прошел месяц. И еще один. Дочка уже и отпуск отбыла. И больничный. И за свой счет месяц взяла, а мать поправлялась слабо, если не сказать по-другому, медленно угасала. Говорила Петровна на этот раз не очень внятно. Смотрела на Валентину и на часто навещавших ее товарок каким-то растеряннo-детским, до слез жалким, беспомощным взглядом.

Однажды, как бы собравшись с духом, тихо, но вдруг довольно внятно спросила Валентину, когда же придет Николай? Ждет она его напоследок повидаться. Непривычно для всех выказала обиду дочке: стало быть, сыночек забыл мать. Даже во сне, и то не подошел.

С того дня, как Петровну парализовало вторично, четко она многое не помнила, а вот сон, привидевшийся ей накануне беды, этот странный сон крутился и крутился в больном мозгу, как киноплёнка. Дочка терпеливо выслушивала мать и отвечала измученной вконец Валентине заготовленной убедительной отговоркой. Вот и теперь, этим добрым июньским утром, повторила неизменное:

— Мама! Я же тебе говорила: за границей наш Николай. Надолго в командировке. И писать оттуда нельзя, такая уж у него теперь работа...

Не раз и не два твердила подобное дочка. Мать поначалу принимала доводы, не сердилась, а только тихонько плакала: ишь, куда забрался...

И ждала, ждала своего сыночка, собирая остатки сил.

...Утренняя бабья сходка заканчивалась. Пастух Алешка забрал скотину у хозяек и увел ее за деревню, в луга. Заторопились домой и бабы, уже привычно наказав бабке Татьяне сообщить, если что... Она, как обычно, напрямиком зашла к Петровне, а, спустя полчаса, уже дома, прямо с порога, обратилась к своей дочери:

— Слышь, Нинк! Петровна-то совсем одолела Валентину. Толком-то не поймешь. А вроде как требует послать телеграмму: сообщи, мол, что померла она. Вот дела...

Нина Тимофеевна всплеснула руками и перекрестилась. А мать продолжала новость:

— «Бог с тобой! — ревет Валентина. — Что ты такое, мама, говоришь! На себя такую страсть наговариваешь!» А Петровна ей опять: сообщи — и все! Говорит, знает она: нет такого закона, чтобы сына на похороны матери не отпускать. Хоть откуда. И опять толкует Валентине сон, но, похоже, уже не тот, другой...

Бабка Татьяна замолкла, тяжело вздохнув.

— Вроде, как только ноне она сон этот видела. Говорит Антонина: «Видела я Николая, приехал он ко мне в новом черном костюме и ботинках черных лакированных».

Бабка Татьяна на этом месте своего повествования зашмыгала носом — слезы-то у нее в последние годы уже почему-то из глаз не текли. Они оставались там, в глубине ее старческих глазниц, придавая зрачкам лишь влажный блеск. Заплакала-запричитала бабкина дочка Нина Тимофеевна, глубоко сочувствуя и Петровне, и Валентине:

— Господи! Что же Валентине делать-то?

— А ужо исделала, — ответила бабка Татьяна. — Валентина-то не вытерпела боле, покаялась матери: «Не придет к тебе, мама, наш Николай. Никогда. Погиб он в аварии. Похоронили мы его. В тот день, когда тебе стало плохо, и погиб он. Телеграммы-то наши встретились».

Нина Тимофеевна аж на лавку присела:

— И...

— И говорит, значит, матери Валентина; «Как я к тебе приехала, побоялась сразу про горе-то наше сказать. Думала, не выдержишь...». А мать ей в ответ: «Что же ты меня, дочка, так долго мучила? Мне только и надо было на этом свете с вами еще разочек свидеться».

— Господи,— заплакала Нина Тимофеевна.— Какая мука для Петровны.

— Ишо какая мука! Говорит Валентина, что зашептала мать. Еле разбирала слова. «Колюшка,— говорила, — миленький ты мой, как же ты опередил меня?» И затихла, рассказывает Валентина. А потом опять, видать, собралась с духом, тяжело да передыхая, шептала ей, как отказалась давным-давно ехать к Митяю на братскую могилку... Такие дела у Петровны... Тада ишо схожу.

Знали дети Антонины, что побоялась тогда их мама последнюю нитку оборвать: «А то не видела я Митяя мертвым, значит, и не мертвый он мог быть вовсе. И могилки, значит, его нет. На войне всякое бывает...». Думала она: если живой, значит, и в памяти ее должен быть тоже живой. И плакать, как по покойнику, о нем никогда не плакала.

...Мать затихла. Она лежала прямо, лишь редкое дыхание выдавало остатки жизни в измученном теле. Валентина ее окликнула: «Мама!» Веки Петровны еле заметно дрогнули: «Дочка... соедини меня с ними...». Антонина после утомительного и тяжелого покаяния замолкла, затихла.

Когда бабка Татьяна снова зашла к Петровне, она лежала по-прежнему пластом на спине, но лицо ее, иссушенное и измученное болезнью, ожиданием сына, вдруг обрело спокойствие. Валентине тоже показалось, что даже все морщинки на челе матери расправились, и она вот-вот вновь поднимется перед ней молодой, красивой, здоровой.

«Сказала, рубликов не хватает на билет к вам... Солгала я вам всем тогда...».

— Мама!!! — громко позвала дочка.

— Не тревожь ее. Не тревожь боле,— остановила Валентину бабка Татьяна.— Пусть помолчит, пусть отдохнет. Самое главное она тебе сказала...

В обед, возвращаясь с дойки из стада, бабка Татьяна увидела на Валентине черный платок. Она подошла и поняла все без слов.

— Нинк, слышь? — ставя подойник на лавку, позвала старуха дочку.— Слышь, говорю? Петровна-то преставилась. Теперь, поди, ужо встретилась и с Митяем своим разлюбезным, и с Николаем. Значица, тому и быть.

Бабы потом рассказывали, что Петровна умерла, наверно, от разрыва сердца. На этой земле ее уже ничего не держало. А Валентина, справив сороковины, тихим золотым осенним днем увезла с последнего материнского пристанища две горсти земли: одну отцу-солдату на братскую могилу, другую — сыну солдата, Николаю, никогда не видевшему отца. Навсегда воссоединив семью земной Любовью Женщины.

Владимир Спиридонов
(г. Омск)

ОСЕННИЙ БЛЮЗ ДЛЯ ДВОИХ

Повесть

Наш постоянный автор.

1

Запах бензина от мотоцикла растворялся в духмяном аромате осенних полевых цветов и увядающей травы, которую примяли двое. Ее купальник одной завязкой зацепился за куст шиповника, а другой едва касался земли, укрытой желтой листвой берез. Разбросанная в беспорядке одежда дополняла необычный пейзаж.

Пройдись языком по обнаженной женской груди, мужчина переключился на талию. Ее изящная шея тоже не осталась без внимания, получив порцию нежности. Идеальная фигура, стройные женские ноги неумолимо притягивали его. Природный инстинкт полностью отключил в сознании все другие мысли, целиком подчинил себе разум и волю.

Его пальцы, едва касаясь кожи, торопливо и в то же время ласково пробежались по всему ее телу. Испытывая невероятное наслаждение, она тихонько застонала. Покрыв поцелуями лоб, глаза, нос, щеки, он добрался до губ — сладких и отзывчивых. От накотившего нестерпимого желания дыхание обоих стало частым и прерывистым.

Ощущение наивысшего наслаждения и блаженства заставило ее радостно вскрикнуть, его — отозваться восторженным, нечленораздельным рычанием.

Удовлетворенные и счастливые — они замерли, не разжимая объятий, полностью отключившись от внешнего мира. Придя в себя, она первой нарушила молчание:

— Со мной никогда ничего подобного не случилось. Я немного испугалась своего голоса, когда закричала. И вообще... так не бывает! — тихо произнесла она, и как эхо, нараспев повторила, — та-а-к не б-ы-в-а-а-е-т...

— Как так? — шепотом переспросил он.

— Еще час назад мы не знали друг друга и вот... это произошло...

— Все должно было случиться, как случилось! Ты женщина. Я мужчина. Это нормально...

— Почему ты не проехал мимо, когда увидел меня?

— Потому что я прежде никогда не встречал такой красивой девушки, как ты. Твоя улыбка притянула, как магнит. А взглядом обожгла так, что я забыл, куда и зачем ехал.

— Неправда. Зачем ты меня обманываешь? Вначале остановился и уставился на мое тело, раздвывая взглядом.

— Ну что ты? Хотя не буду спорить. Ты — само совершенство, как греческая богиня красоты Афродита.

— Так говоришь, будто раньше приходилось ее видеть, — фыркнула она.

— Нельзя воочию увидеть то, чего нет. Только на картинках. Опять же, мифы о том, что она была прекрасна, подтверждают историки!

— Ты, наверное, педагог по образованию и любитель истории? — стараясь узнать о нем больше, с нескрываемым любопытством спросила она.

— Не угадала. Я всего лишь мастер по обслуживанию сельхозтехники. Образование самое простецкое — окончил ПТУ.

— Зато не сомневаюсь — начитанный. Девушек соблазнять умеешь, — прищурившись, хмыкнула она. — Это у тебя от природы или от породы?

— Не знаю. Я больше обучен трактора с комбайнами ремонтировать, а не за барышнями ухаживать. А ты работаешь или?..

— Водителем троллейбуса, — не дав ему договорить, перебила она его на полуслове. — Приехала в отпуск из города к тетке помочь по хозяйству. После смерти дядюшки одна живет. Старенькая уже.

— Скажи мне кто-то другой о твоей профессии — не поверил бы. С твоими внешними данными запросто моделью работать можно.

Он погладил ее белокурые волосы. С придыханием пощекотал языком ухо, и слез завиток волос со лба, не спеша откинулся на спину.

Уходящее «бабье лето» сентябрило теплом, согревая их яркими солнечными лучами. В кронах деревьев резвился легкий ветерок, время от времени срывая пожелтевшую листву. С умиротворенным спокойствием над ними простиралось синее безоблачное небо, какое бывает только ранней осенью.

— Как же тебя зовут? — наконец решился он узнать ее имя.

— Марина. А пораньше спросить не мог? — рассмеялась она. — Например, на котловане, когда встретил. Или когда на мотоцикле летели сюда с космической скоростью. А ты — Артур... Правильно?

— Поди от своей тетки узнала?

— Да. А еще она мне сказала, чтобы я на тебя не заглядывалась и не вздумала связываться. Но, как видишь...

Договорить она не успела. Легонько коснувшись ладонью ее губ, он заглянул в ее очаровательные голубые глаза. В них застыли незаданные вопросы: «Что же дальше? Кто мы теперь друг другу? Или сейчас распрощаемся навсегда, и на этом все?»

— А ты смелая, — упредил Артур ее любопытство. — Не убежала от меня. Как ни в чем не бывало зашла в воду и поплыла. Потом сама прокатиться напросилась. В лес не побоялась поехать.

— И вовсе не смелая. Просто я немного знала тебя, вернее, видела несколько раз, когда ты на своем двухколесном красавце проезжал мимо нашего дома. Навела справки.

— Вот как!? И к каким выводам пришла?

— Отзывы были положительные. Вчера окончательно запала на тебя и даже искала встречи. Наверно, поэтому и к котловану пришла, искупаться.

— Тогда наверняка знаешь, что я женат и у меня двое детей? — расстроился Артур.

— Знаю, но ты не переживай. Из семьи уводить не собираюсь и ни о чем не жалею. Ты красивый, умный, сильный. Ты мне понравился. А когда вслед за мной в воду нырнул, подплыл и коснулся... м-м-м... тут я голову совсем потеряла. Мозг пискнул: «Остановись! Он женатый! Нельзя!» А тело кричало: «Я хочу его!» Вот и напросилась... Прокатил с ветерком, — вновь рассмеялась Марина. — Догадливый оказался. Все сделал правильно. Да еще с таким порывом, будто женского тела год не видел.

— Ты права. Жена неизлечимо больна. Нельзя ей... — окончательно расстроился Артур.

— Что за болезнь у нее?

— Давай не будем сейчас об этом.

— Извини. Не подумала, что тебе будет неприятно.

Перевернувшись на живот и пристально посмотрев ему в глаза, она грустно сказала:

— Завтра я уезжаю, а отпуск у меня только через год. Наверное, и к лучшему, если больше не увидимся.

— Очень жаль. Не успели познакомиться, как приходится расставаться. Может, останешься еще хотя бы на пару дней?

— Ты хочешь, чтобы я осталась?

— Да. И хочу тебя так, как никогда еще никого не хотел.

— Я тоже, — обрадовалась она.

Ее тонкие красивые пальцы взъерошили волосы на его груди. Скользнули ниже.

— Ты хочешь продолжения? — восхищенно отозвался он на ласку.

— Конечно. Очень хочу, — прошептала она, вставая на колени. Изогнувшись кошечкой, замерла в ожидании удовольствия.

Внезапно неподалеку раздался негромкий треск, как будто ногой наступили на сухую ветку.

— Там в кустах кто-то есть. Надо проверить. Жди меня. Я быстро, — скороговоркой выпалил Артур. Побежал в заросли, но никого там не нашел. Лишь сухой сучок дерева на земле со свежим изломом указывал — здесь только что кто-то побывал.

Ветки деревьев нещадно хлестали его по лицу. Сверкающие на солнце растяжки паутины противно цеплялись ко лбу, голове, придавая волосам неестественную белизну. Не обращая на них внимания, Артур мчался вперед. За ними следили. Надо точно узнать, кто. И какие неприятности, узнав их тайну, этот кто-то может причинить ему и Марине.

Артур выбежал на опушку леса. Увиденное огорчило и одновременно рассердило его. Поднимая с грунтовой дороги клубы пыли, в сторону котлована быстро удалялась синяя «Нива». Ни для кого из односельчан не секрет, кто и на чем ездит. Он узнал бы этот автомобиль из сотни других. Его владелец, Петр Денцель, «прославился» как бездарь, зануда и пустобрех, который сменил кучу профессий, но так ни одну и не освоил. Лишь благодаря стараниям своего уважаемого отца, в прошлом главного агронома, директор согласился дать ему последний шанс — назначил ночным сторожем зернотока.

«Что же теперь будет? Язычок у этого сплетника, несмотря на его сорокалетний возраст, слишком уж длинный. Растрещит, как сорока, по селу чего и не было — не отмоешься. Надо что-то предпринимать. Взять ситуацию под контроль, но как? А может, он просто проезжал мимо, а в лесу был кто-то другой?»

В голове крутилось множество вопросов, только ответов на них не находилось. Вспомнив про Марину, Артур понуро побрел назад. Он вдруг осознал, что эта молодая, красивая женщина ему далеко не безразлична и другой такой ему уже не встретить.

«С ней легко и просто. Будто всю жизнь знал, дружил, любил. Тоскливо будет без нее. Вот она оказывается какая — любовь с первого взгляда. А как же Анна? Ведь ее я тоже люблю?!» — с мучительной болью вспомнил он о жене.

Ему стало не по себе за столь быструю и неожиданную измену. Его сознание накрыли угрызения совести. От сочувствия к супруге комом в горле застрял стон и никак не мог вырваться наружу. Скромная, во всем послушная, непритворливая, она напоминала скорее служанку, чем подругу жизни, мать его детей. Всегда безропотно подчиняясь мужниной воле, исполняла любые желания. Артур постарался вспомнить хотя бы одну обиду на нее, но не смог. За тринадцать совместно прожитых лет ни разу даже не повздорили. Дочку с сыном подарила. Умными, добрыми и послушными растут. «Чего еще надо для спокойной, счастливой семейной жизни? — с огорчением подумал он. Ответ напрашивался сам собой: «Здоровья, только здоровья моей дорогой Аннушке, которая с каждым прожитым днем увядает из-за проклятой болезни».

Расстроенный, он вернулся к Марине. Она успела уже надеть платье и босоножки. Хотела знать, кто следил за ними. Понимая его состояние — с вопросами не спешила. Подала майку и рубашку.

Артур, не говоря ни слова, оделся. Так же молча натянул на ноги носки и кроссовки. Марина положила ему руки на плечи и, глядя в глаза, спросила:

— Кто? Кто там был?

— Пока не знаю. Надо проверить... убедиться.

Артур попытался улыбнуться, чтобы приободрить ее, но улыбка получилась натянутой и фальшивой.

Стараясь вернуть ему хорошее настроение, Марина произнесла:

— Не расстраивайся! Все обойдется. Никто ничего не узнает.

— Может, обойдется. Хотя полностью не уверен,— мрачно буркнул в ответ Артур и быстро завел мотоцикл.

Солнце клонилось к закату, когда они доехали до села. Чтобы не давать повод для ненужных пересудов и сплетен, ссадил ее на задах огорода тетки. К удивлению обоих, попрощались весьма сдержанно. Было от чего тревожиться. Окинув прощальным взглядом Марину, печально спросил:

— Надеюсь, еще увидимся?

Вместо ответа она приподнялась на цыпочки и, с трудом дотянувшись до его носа, чмокнула губами в самый кончик. После чего вкрадчиво произнесла:

— Я верю — все будет хорошо. И ты верь. Ничего плохого не случится. Прощай.

— Я не хочу тебя терять! — с отчаянной решимостью воспротивился он.

— Поэтому говорю тебе — до свиданья. Мы еще увидимся. Обязательно увидимся!

Артур, не отрываясь, смотрел ей вслед. Видел, как Марина сорвала в огороде большую «лепешку» вызревшего подсолнуха. Обернувшись, помахала рукой, и со счастливой улыбкой скрылась за калиткой городьбы.

2

Следующий день выдался пасмурным, отчего настроение Артура было таким же. Даже его краса и гордость — новенький мотоцикл «ЯВА» с хромированным до зеркального блеска бензобаком — не радовал. С невеселыми мыслями приехал на работу. Зашел в мастерскую, но не успел переодеться в спецовку, как следом ввалился Виля Гинтер.

— Здорово, дружище! А я к тебе с новостями...— начал он с порога.

— Здравствуй, здравствуй! Что там у тебя? — ответив на приветствие, спросил Артур, но видя, что на лице автослесаря застыла непонятная ухмылка, насторожился.

— Чего тянешь? Выкладывай, с чем пришел. Слушаю...

Окинув мастера пытливым взглядом, Гинтер схитрил:

— Закончились теплые деньки, а хлеб на полях не весь убрали.

— Ну, и..?

— Да еще два комбайна сломались. Через полчаса к нам должны притащить.

— Нам технику чинить не впервой, но чую я — это не все твои новости. Говори прямо, что еще? — не сдержал эмоций Артур.

Продолжая сверлить мастера глазами, Гинтер нерешительно выдохнул из себя:

— Это правда, что ты с приезжей связался, которая у тетки Глафиры гостила?

— Это кто тебе такое набарабанил?

— Ладно бы только мне. Другим тоже. Только вот уехала она. Видел я, как в автобус на остановке у почты садилась с сумками. Крас-и-и-вая... Похоже, обратно в город домой подалась.

Увидев, что на лице непосредственного начальника заиграли желваки, а лицо

от возмущения стало красным, Гинтер замолчал. Сжав кулаки, Артур гневно прохрипел:

— Говори, кто?

— Кто, кто? Будто не знаешь. Один у нас балабол в селе — Петька Денцель. Я вчера вечером на ток заехал. Два центнера зерна выписал под зарплату. Ты же знаешь — он там ночным сторожем. Ну и рассмешил наших мужиков, ржач устроил. Во всех красках расписал, как вы в лесу резвились. Обидно мне за тебя стало. Высказал я ему, что в таких случаях деликатность проявлять надо. Чуть по роже ему не врезал, а он же на меня еще и обиделся.

— Жаль, — скрипнул зубами Артур.

— Чего жаль?

— Жаль, что не врезал! Ну да разберемся. Не хватало еще, чтобы за моей спиной сплетни да усмешки плодились и потом, как ядовитые змеи, от дома к дому расползались.

Все внутри Артура кипело и kloкотало, словно вода в казане на жарком костре. Такой позор ему довелось испытать впервые в жизни. «А каково жене и детям будет, если узнают? Надо что-то делать», — пришла в голову первая мысль.

Он заметался в бессильной ярости, меряя помещение мастерской широкими шагами от стенки до стенки. Опомнившись, положил руку на плечо Гинтеру и с горечью произнес:

— Виля, мне нужна твоя помощь. Как друга прошу..

— Успокойся! Что я должен сделать?

— Сейчас полдевятого утра. Петька после ночного дежурства скоро будет дома, а может, уже приехал. Возьми мой мотоцикл, смотайся к нему и передай, что через час буду ждать его у котлована.

— А если откажется?

— Тогда скажи, что он не только трепач, но еще и трус! И я его, подлеца, все равно достану, как бы долго он от меня не бегал.

— Ну что ж. Выполни твою просьбу. Вижу, ты с ним как мужик с мужиком поговорить хочешь. Только смотри не перестарайся. Гнида он по жизни. С таким связываться — себе дороже.

— Не бойсь. Разберемся. Мозги-то у него, в отличие от длинного языка, думаю, пока еще не безнадежные. Совсем соображать не разучился. Сделает, что скажу. Главное, уговори встретиться.

Выйдя из мастерской, Гинтер, обернувшись, подмигнул мастеру, вселяя в него уверенность, что непременно все сбудется и сложится, как задумано.

— Жду тебя с нужной весточкой, не задерживайся. Сам сказал, что к нам на ремонт с полей комбайны прут, — крикнул посланнику вдогонку Артур и тихонько буркнул себе под нос, — помогай тебе Бог!

3

Старый Феликс очень удивился, когда к нему утром приехал сын, в лес за грибами позвал. Последние годы он был редким гостем в его доме. Никогда не стремился помочь в домашних делах. Даже о здоровье не спрашивал. После смерти матери и вовсе в отчий дом дорогу забыл. А тут вдруг на тебе — такая забота... К чему бы это? Однако, несмотря на холодок в отношениях, отказываться от заманчивого предложения не стал.

— Отчего же не съездить? Давай съездим, Петруша. Вчера соседка рассказывала — сухие грузди пошли. Сейчас корзину в сарае отыщу и поедом. Только бы дождик не помешал. Полночи моросил.

— Да не беспокойся ты, старина неугомонная. У меня в багажнике «Нивы» аж три. Хватит нам. Поехали скорее.

— Зачем спешить? У грибов ног нет, не убегут. Если есть, то никуда от нас не денутся,— попробовал возразить Феликс, но видя, что сын расстроен, больше перечить ему не стал.

Выехали из дому, но разговор не клеился. Петр все больше отмалчивался, на вопросы отвечал невпопад.

«Уж не случилось ли чего худого?» — забеспокоился старик. Знал — односельчане недолюбливают сына за скверный характер.

«Слишком все легко ему в жизни давалось. Хорошие заработки с покойной женой с малых лет позволяли баловать единственное дитя. Ни в чем отказа не было. Купить что-нибудь дефицитное? — пожалуйста. Мечту всех подростков — мопед? — на тебе. Дорогую магнитоу или еще что-то? — нет проблем. Одевали и обували, благодаря зажиточным родственникам в Германии, во все импортное, чего у сверстников и в помине не было. Жил, что называется, «под материнской юбкой» — ни хлопот, ни забот. Проявляя недоброжелательность и высокомерие, держался от одноклассников особняком. Потому и вырос законченным эгоистом. В жизни хорошо устраиваются те, кто победил страх неуверенности в себе и лень. У родного сыночка работа с малых лет не в почете была. Провалы в его воспитании разве утаишь? Они у всех на виду. Кому, как не мне, знать все слабости своего чада?» — призадумавшись, вздохнул Феликс. «Родная кровиночка, а не греет! Оборвалась ниточка, которая нас когда-то связывала как отца с сыном. Неужели одумался, вспомнив про меня? Или одиночество достало после развода с женой? Жили, жили, а детей не нажили. Не хотела Мария от него рожать, все присматривалась. В доме по хозяйству все на ней держалось. Надоело одной вкалывать. Однажды собралась и ушла к своим родным. Те приняли, назад вернуться — не уговаривали. Знали, не сладко ей было с зятьком. Машина, на которой приехал, и та куплена на родительские деньги. Эх-хе-хе, что с него дальше-то будет? Каким боком судьбинушка повернется? Повзрослел, оперился, а как был непутевым, таким и остался. Нет в нем мужского стержня!»,— сокрушался старик, поглядывая то на Петра, то на убегающую вдаль дорогу.

4

Денцель-младший опаздывал, хотя согласился приехать к котловану в половине десятого утра. Он не спешил, чувствуя назревающий скандал. Зная крутой нрав Артура, был уверен, что тот ему не простит болтовни с насмешками.

«Ну да ничего. При отце и пальцем меня тронуть не посмеет»,— рассуждал уверенный в своей безнаказанности Петька.

К уважаемому ветерану не зря все относились с глубоким почтением. Заслуженный работник сельского хозяйства, агроном-орденоносец сидел рядом на переднем пассажирском сиденье и думал о чем-то своем. За околицей съехали с асфальта на грунтовку. В километре неподвижной золотой стеной стоял березняк, обещая щедро одарить грибами каждого, кто окажется под сводами его белоствольных красавиц. Феликс любил лес. Когда вначале лета листва на деревьях набирала силу, старался нарезать веников. Ему нравилось отхлестать себя душистым, распаренным красавцем, сидя на полке в жарко натопленной бане. А уж про сбор грибов и говорить нечего. Насолить на зиму кадушку хрустящих груздей, да потом на стол со сметанкой к трапезе — было в удовольствие и делом обычным.

Дорога огибала котлован. За насыпью у воды еще издали заметили одинокого мужчину. Подъехав ближе, Феликс узнал в нем мастера ремонтно-технической станции Артура Пфаненштиля. Его покладистый характер и незлобливость притягивали людей. Он никому никогда не грубил. Только сейчас почему-то выглядел уж слишком угрюмым.

Денцель-младший молча свернул с дороги. Остановился рядом с ним. Феликса удивило и насторожило, что Артур не ответил взаимностью на их приветствие.

— Пап, ты посиди здесь. Я недолго,— обмолвился Петр.— Переговорю, и дальше поедем.

— Хорошо, сынок. Подожду. Тут у тебя пресса, смотрю, завалялась. Почитаю пока.

Старик сунул руку между сиденьями, вытащил пожелтевшую от времени старую газету и журнал «Вокруг света». Рассматривая красочные иллюстрации в журнале, не сдержал восхищения: «Живут же люди среди такой экзотики! Зато у нас грибы в лесах на любой вкус. Уж я доберусь до вас сегодня, голубчики. Отведу душу».

От его внимания не ускользнуло, что сын с Пфаненштилем скрылись за бугром котлована.

«Порыбачить договариваются? — мелькнула догадка,— не похоже. Судя по поведению обоих, что-то между ними неладное».

Он уважал Артура за правильный образ жизни, его трудолюбие и добросовестное отношение к работе. Знал и ценил как хорошего механика. Специалисты, досконально разбирающиеся в технике, всегда были в почете у аграриев. Часто приходилось, особенно в посевную и уборочную страду, вместе объезжать угодья хозяйства, решать насущные проблемы полеводов.

Прошло несколько минут, прежде чем Феликс вновь увидел сына и Артура.

«Идут, размахивая руками». Догадался: «О чем-то спорят».

Подойдя к котловану, Петр присел на корточки. Черпая ладонями воду, омыл лицо. Пфаненштиль продолжал что-то сердито ему выговаривать.

«Никак ругается!?» — встревожился старик. Он торопливо вышел из машины, желая прояснить ситуацию.

Увидев Денцеля-старшего, Артур торопливо завел мотоцикл. Не прощаясь, рванул с места так, что переднее колесо «ЯВЫ» на полметра оторвалось от земли. С каменным лицом пулей пронесся мимо ошарашенного Феликса. Выскочив на дорогу, быстро скрылся из виду.

— Что случилось, сынок? За щеку держишься?.. Зуб разболелся что ли?

— Нет. Артур ударил! — буркнул Петька, сплевывая на землю кровавую слюну.

— Да у тебя губа рассечена,— обеспокоился Феликс.— За что он тебя?

— Да ни за что! Лучше поехали скорее домой. Прополощу рану, да обработать ее чем-то надо.

— Нет, погоди. Так не бывает, чтобы ни с того, ни с сего кто-то руки распускал. Говори правду, что случилось между вами? Я ему мозги вправлю.

— Пап, не приставай, а... И так тошно, да еще ты с расспросами.

Пытаясь подавить в себе нахлынувший гнев, отец с раздражением проворчал:

— Вот что я тебе скажу — домой успеется. У тебя щека на глазах пухнет, да и кровотечение остановить надо. Поехали-ка сразу в больницу. Пусть окажут первую помощь, а там видно будет, что дальше делать. Пособирали грибков, растудят твою малину,— взъярился он не на шутку. Помог сыну сесть в машину, сам сел за руль.

За пятнадцать километров пути многое можно было бы выяснить, обсудить. Несмотря на все попытки узнать истину, Петр так и не признался, за что ему досталось от Артура.

«Значит, заслужил!» — сделал вывод Феликс. Снова выругался, но от этого ему не стало легче.

5

После осмотра пострадавшего, изучения рентгеновских снимков дежурный врач хирургического отделения записал в истории болезни: «Двусторонний, многооскольчатый перелом нижней челюсти, рваная рана нижней губы».

— Придется вас, молодой человек, после операции оставить на стационарное лечение,— «обрадовал» он Петьку.

— Надолго? — почти не разжимая губ, с трудом промычал тот, держась рукой за скулу.

— Недельки три погостить у нас придется точно, пока кости срастаться будут, дальше посмотрим.

— Ну, я ему устрою! — чертыхнулся Денцель-старший, вспомнив Артура. — Век помнить будет. Сейчас в милицию поеду. Пусть за все с него спросят. Посидит годик-другой за членовредительство — поумнеет. Чего молчишь? — накинулся он на сына.

— А ему сейчас разговаривать нельзя, — вмешался хирург. — Милиции о таких случаях мы сами сообщаем, что я сейчас и сделаю. По звонку к нам приезжают, так уж у них заведено.

Петька замотал головой, давая понять, что он против вызова милиции.

— Возражать потом будешь, — охладил его пыл хирург и попросил медсестру проводить пострадавшего в операционную.

6

Смирнов ничуть не удивился известию, полученному из больницы. Удивился тому, что один односельчанин сломал ни за что челюсть другому. Для села, жители которого преимущественно немецкие переселенцы, такое событие — редкость. Хватили лиха в Великую Отечественную, поэтому все жили дружно. По известному Указу в сентябре сорок первого, когда дивизии вермахта рвались к Москве, части НКВД эвакуировали с Поволжья в Сибирь, на Алтай и в Казахстан сотни тысяч советских немцев. Депортированным, кроме документов, позволялось взять в дорогу продукты, одежду, да мелкие вещи домашнего обихода. К месту назначения целыми деревнями и селами везли по железной дороге в теплушках.

Прародителей, так называемых на немецкий манер «фольксдойче», выгрузили прямо в поле. Выдали незатейливый инвентарь — пилы с лопатами, чтобы вырыть и обустроить землянки, которые стали временным жильем. На прощание сказали: «Живите...».

Местное население встречало приезжих неприветливо. У многих война забрала мужей, отцов, других родственников.

Смирнов знал об этих событиях по рассказам стариков-переселенцев. Сочувствовал им. В то же время понимал — иначе тогда поступить нельзя было. «Без сомнения, многие по принуждению пополнили бы на фронте ряды фашистов, а кто-то, руководствуясь национальными интересами, и по собственной воле. Кого коснулась эта беда, до сих пор спорят: оправданы были такие меры или нет? «Мне же, как следовательно, нужно разобраться в нынешнем происшествии», — подумал Смирнов. «У потерпевшего телесные повреждения с причинением вреда здоровью — это факт. Из хулиганских побуждений? Вряд ли. Один вызвал на разговор другого, затем просто так приложился кулаком по физиономии? Так не бывает».

Вспомнился похожий случай из практики. Женщина, по имени Маруся, долго не желала признаваться, за что ее ударил незнакомый мужчина. Последствия те же — перелом челюсти. Позже выяснилось — виной всему пьянство. Шла «под градусом» по улице. Навстречу два подвыпивших колдыря. Рыжеволосый — с бутылкой водки в руке, и кудрявый брюнет — с пакетом закуски. Не удержалась. Кивком головы, указав на бутылку, спросила:

— Угостите?

— Почему бы и нет? — осклабился рыжий.

— А чем рассчитываться будешь? — прищурившись, спросил кудрявый и бесцеремонно уставился на ее обширную грудь.

— Не сомневайтесь! — подмигнула она мужикам. — Все будет правильно! Те намек поняли и обрадовались предстоящему развлечению.

— Ну, пошли, раз так. Оценим твои способности,— игриво хмыкнул кудрявый.

Неподалеку от дороги облюбовали строящийся дом: лето, тепло. Хозяев поблизости не видать. Место вполне подходящее. Только переступили порог, кудрявый с нескрываемым ехидством выпалил:

— Раздевайся!

— И-ш-ш-ш-ь ты, какой нетерпеливый... Успеется! Налейте сначала.

Наливать было не во что, пришлось пить из горлышка. По-быстрому дружно закусили. Кудрявый снял с себя куртку, постелил на свежееуложенный дощатый пол. Через минуту предстал перед ней — в чем мать родила. Маруся разделась не спеша. Легла. Закрыла глаза. Рыжий, соблюдая очередность, с интересом наблюдал за происходящим. Подзадоривал приятеля, чтобы тот не мешкал, а действовал. Внезапно кудрявый взвыл от боли, пустил в ход кулаки...

Причина его слепой ярости уже была известна Смирнову. На допросе тот без утайки рассказал все, как было.

Стараясь вызвать потерпевшую на откровенный разговор, Смирнов спросил у нее: «За что он с вами так неласково?»

С трудом выговаривая слова из-за закрепленной бинтами на лице металлической конструкции, Маруся в ответ сердито прошамкала:

— А нечего ему было своего «акробата»...— но не договорила и заморгала глазами, полными слез.

— Вашего обидчика мы разыскали. Он задержан. Сидит в камере и очень сожалеет о случившемся. Муж-то в курсе произошедшего?

— Нет, конечно. Сказала ему, что по дороге на меня напали неизвестные. Хотели ограбить и изнасиловать. А когда стала сопротивляться, то избили. Умоляю вас! Сделайте так, чтобы суд был закрытым. Если муж узнает — побьет меня. Но не это страшно. Боюсь, подаст на развод, а я не хочу его терять.

По щекам страдальцы потекли мутные слезы горечи, раскаяния и жалости к себе.

— Только судья может принять такое решение. Хорошо что вы рассказали правду. Получается, ни грабежа, ни хулиганства не было. Имеем лишь причинение телесных повреждений на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений,— озвучил квалификацию преступления Смирнов. Тайну следствия пообещал сохранить, просьбу в суд передать.

«Однако, нет никаких сомнений, что у Пфаненштиля тоже была какая-то серьезная причина ударить Денцеля. Известное дело — дыма без огня не бывает. Среди живых людей тайное, рано или поздно, всегда становится явным».

С этими мыслями Смирнов вошел в приемный покой центральной районной больницы, где узнал, что Петра Денцеля уже прооперировали. Говорить и давать показания бедолага еще не мог. Мешала такая же, как у Маруси, металлическая конструкция на лице для стабилизации и сращения костей. Хирург рассказал все, что знал. Подкрепил свой рассказ медицинскими документами, с которых Смирнов снял необходимые копии.

Дальнейший ход расследования явно подтверждал: причина все же была. Смирнов чувствовал это по рассказу Денцеля-старшего и по поведению виновного. Но какая? На допросе Пфаненштиль отводил взгляд в сторону, злился, пыхтел, как паровоз. Настойчиво продолжал утверждать, что ударил Петьку без причины. Но его доводы ничуть не убедили Смирнова. Когда Денцель-младший смог говорить, то к всеобщему удивлению тоже заявил, что был избит Артуром без причины. Упорство обоих и нежелание рассказать правду настораживали.

«Нет никаких сомнений, что потерпевший крупно «насолил» Артуру, а в чем — сознаваться не хочет. Правда остается загадкой, которую предстоит разгадать. Надо искать свидетелей среди односельчан. Пусть даже косвенных. Уж они-то смогут пролить свет на это темное дело. А может, здесь замешана женщина?» — осенила Смир-

нова догадка.— «Cherchez la femme*? Проверим и эту версию, причем, серьезно»,— твердо решил он.

Однако жители села упорно молчали, не желая вмешиваться в ход расследования и тем более в чьи-то личные отношения. Поручения уголовному розыску и участковому выяснить мотивы преступления тоже никаких результатов не дали. Лишь Вилли Гинтер намекнул Смирнову, что установить истину, возможно, поможет племянница тетки Глафиры — Марина. Сообщил не для протокола, а по уговору. Под честное слово следователя — не выдавать его. Да и то после того, как узнал, что Пфаненштилю за хулиганство грозит до пяти лет лишения свободы, если не найдется серьезная причина его поступку.

Смирнов вызвал Марину. Допросил в качестве свидетеля. Но, несмотря на предупреждение об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, ничего нового от нее не узнал. Девушка сообщила, что с Пфаненштилем почти не знакома. Никаких общих дел с ним не имела.

«Высокая, стройная, приятная и красивая»,— отметил Смирнов. «В самый раз под стать Пфаненштилю. Ох, не договариваешь ты чего-то, девонька, многого не договариваешь... Убежден, слишком неудобная и горькая правда таится за вашим молчанием с Артуром».

7

Смирнов задержался на работе до позднего вечера — печатал обвинительное заключение. Время от времени, листая страницы уголовного дела, с досадой размышлял: «Все делают вид, что ничего не знают. Вне всяких сомнений, кто-то опасается тяжелого кулака Пфаненштиля. Другие из чувства солидарности с ним не желают объяснять причину конфликта с потерпевшим. Не как следователь, а по-человечески разъяснил все неблагоприятные последствия. Однако, вопреки здравому смыслу и во вред себе, Артур упорно продолжает настаивать, что ударил Денцеля без причины. Придется, по сложившейся практике, направить дело в суд за хулиганство, как более тяжкое преступление. А там уже решат, за что осудить».

От родной тетки обвиняемого Смирнов узнал, что детство у него было трудное. Мать умерла рано, когда им с сестренкой-двойняшкой было по пять лет. Бобылем отец ходил недолго. Не прошло и двух месяцев, как привел в дом новую жену. Мачеха оказалась вредной и злой. Своих трех детей всячески ублажала, холила и лелеяла. Артура с сестрой — невзлюбила. Во всем обделяла и ущемляла. Лучший кусок за столом, пока отец на работе, отдавала своим отпрыскам. Те, чувствуя материнскую опеку и поправки, вели себя пренебрежительно, вызывая ее. Его же с сестрой нагружала непосильной работой по дому и в огороде. За малейшую провинность нещадно била. При этом приговаривала: «Только попробуйте жаловаться отцу. Хуже будет!»

Продолжая рассказ, тетушка поведала Смирнову, что вначале сама ничего не знала. Прошло немало времени, пока однажды сердобольная соседка не рассказала про издевательства брату. Тот вспылil. В порыве гнева не пощадил злыдню и прогнал. Позже удивленно спрашивал у детей: «Почему же вы, родненькие, сразу мне не рассказали о безобразиях этой лихоманки?»

— А что они ему могли ответить? — продолжила свой рассказ женщина. — Скажи, как было: не хотели мешать личной жизни и расстраивать. Видели, что любовь у него была с мачехой. Боялись — не поверит им.

Смирнов редко испытывал симпатию к кому-либо из своих подследственных. К Артуру же сложилось особое отношение. Был какой-то волевой стержень и внутренняя сила в этом мужественном мужчине. Не ныл, не юлил и не просил снисхождения, несмотря на то, что жена прикована к постели тяжелой болезнью. Хорошие характе-

* Ищите женщину (франц.).

ристики с места учебы и работы вполне позволяли поставить вопрос о передаче его на поруки трудовому коллективу. Только, на беду, потерпевший был категорически против этого, мотивируя тем, что Артур отказался просить у него прощения. Посему о прекращении уголовного дела не могло быть и речи.

8

Артур переживал: «Прошло около двух месяцев с того дня, как сцепился у котлована с Денцелем-младшим. Поучил уму-разуму на свою голову. Много всего случилось за это время. В милиции уголовное дело завели. Оно уже в суде. Следовательно не злой оказался, пожалел, оформил подписку о невыезде. Арестовывать не стал, хотя правды, за что врезал Петьке, так ему и не сказал».

Артур невольно вздохнул, вспоминая недавние похороны жены: «Сгорела, как свеча. Ушла в небытие тихо, как будто и не было ее в его жизни. Погоревал — дети остались без матери. Хорошо, тетушка помогает. Когда белье стирает, когда обед приготовит».

Артур ощутил в своем сознании пока еще неясные до конца, но глубокие перемены. Перестрадал сполна свою измену. Именно в смерти жены, как ему казалось, видел грех более тяжкий, чем в слепой неверности. Чувство вины, на первых порах глухое, глубоко упрямое, после кончины Анны безжалостно стиснуло сердце и уже не отпускало. Зародившаяся боль обозначилась тревогой, которая угнетала израненную душу.

Чтобы хоть немного развеяться и отвлечься от неприятностей, решил съездить в город, заодно купить подарки детям и тетушке за хлопоты. Не только этим привлекала поездка. Втайне надеялся встретить Марину, о которой последнее время были все его мысли.

«Она, только она способна вернуть к полноценной жизни. Заполнить теплом любящее сердце, одарить нежностью и любовью. Только вот нужен ли я такой? И вообще — может, она уже замуж вышла?! Мечты о встрече — мечтами и останутся. А вдруг?! Почему бы и нет? Ведь бывают же на свете чудеса?! Следовательно спасибо, с пониманием отнесся. Не стал препятствовать поездке. Знает, что не сбегу. По-доброму с ним все», — с благодарностью вспомнил Артур Смирнова.

До города добрался на электричке. На остановке привокзальной площади вошел в троллейбус и обомлел. За рулем «рогатого» увидел ее — дорогую своему сердцу Марину! Желанную, милую, любимую.

От неожиданности оба немного растерялись. Она чуточку покраснела, но тут же успокоилась. Предложила встретиться вечером после работы у главного входа в городской парк.

Увиделись как давние друзья. Взявшись за руки, долго бродили по аллеям, усыпанным последней, уже сопревшей листвой. И говорили, говорили...

Вспомнили котлован и лес, гостеприимно приютивший их когда-то в своих зарослях. Артур, ничего не скрывая, поведал о своем — наболевшем: про смерть жены и что живет в ожидании суда.

С сочувствием Марина успокаивала его, как могла. Постаралась вселить надежду. Убедила — все закончится хорошо. Должны же судьи принять во внимание, что на иждивении у него двое несовершеннолетних детей. Оба понимали: слухи, пущенные по селу Петькой, конечно же, дошли до Аннушки. Пагубно отразились на ее здоровье, ускорили кончину.

— Получается, мы с тобой виноваты в гибели твоей жены, — задела она Артура за живое. — Терзалась, нервничала. Не перенесла позора. Как ты думаешь?

— Я боюсь признаться себе в этом, но отчасти, наверно, так и есть, хотя смерть ее была предreshена Всевышним. Я лишь ускорил ее, — печально признался Артур.

— Не ты один, а мы вместе! Чего уж там? Я виновата не меньше тебя. И все же, теперь, когда ты свободен, хочу кое в чем признаться. Я полюбила тебя. Еще там, в лесу. Хорошо помню твои слова, когда мы прощались, что не хочешь потерять меня. Значит — тоже любишь?! Ведь так?

— Кому после разлуки случайно повезло встретиться дважды — уже вовсе не случайно суждено быть вместе. Это не просто слова. Но в нашем случае — такие обстоятельства не про нас. Зачем я тебе с двумя детьми, к тому же с неизвестным, сомнительным будущим? Мне «пятилетка» светит. Если признаюсь, что ударил Петьку по личным мотивам из-за тебя, то «трешник». К тому же, при таком раскладе больше шансов получить условный срок. Так сказал следователь. Солнышко мое, не хочу я впутывать тебя в это дело. Молодость и красота — твои главные козыри. Не упускай свой шанс и будь счастлива. Найдется в твоей жизни кто-то гораздо лучше.

— Кроме тебя мне никто не нужен. Сейчас я окончательно это поняла. А дети — это наше счастье! Когда я ребенком игралась с куклами, то уже тогда мечтала о сыне и дочке. Я буду им хорошей матерью. Обещаю! И еще раз напомним тебе твои же слова: «Я не хочу тебя потерять». — Ты сказал тогда, что мы обязательно увидимся. Вот и увиделись. Это судьба свела нас.

Вместо ответа Артур расцеловал ее. Марина ощутила его порыв — тоску по женской ласке, нерастратенную мужскую силу и нежность. Когда он оторвался от ее губ, с улыбочкой провела ладонью по его щеке и, доверчиво прижавшись лицом к его груди, тихонько произнесла:

— Колочий мой, мне нравится твоя небритость.

— Некогда было. Торопился, — как бы извиняясь за свою щетину, стал оправдываться Артур.

— Ты мне такой и нужен. Я люблю тебя! — призналась Марина.

— Я живу в ожидании приговора. Ожидание — всегда боль. Пойми меня правильно. Подумай хорошенько, зачем я тебе со своими проблемами? — стараясь разобратся в чувствах, снова попытался образумить ее Артур.

— Милый, не думай о грустном. Ты со мной — здесь и сейчас. Отпусти свою боль. Думай о хорошем. В каждом человеке живет птица счастья. Дай ей расправить крылья. Выпусти на волю. Радуйся жизни, каждому дню, часу, минуте, и все плохое растает, как утренний туман.

— Красиво сказала. Сама придумала или прочла где-то?

— Сердце подсказало. Его не обманешь. Если уж любит, то по-настоящему. Крепко-накрепко. Навсегда...

Артур вновь покрыл ее лицо поцелуями. Немного помолчав, добавил: — Спасибо, что ты у меня есть — мой добрый ангел-хранитель.

Уличные фонари освещали им путь до самого ее дома.

— Я живу одна. Пойдем... — робко, но в то же время настойчиво предложила Марина. Не дожидаясь ответа, взяла его за руку, увлекла за собой.

Артур не сопротивлялся. Пройдя несколько шагов, он вдруг ощутил прилив сил и энергии, желание жить и радоваться жизни. От переизбытка нахлынувших чувств подхватил Марину на руки и произнес:

— Что ж, видно, действительно, судьба — быть нам вместе.

Они до полуночи смотрели через окно на усыпанное звездами небо, строили планы на будущее. Безмолвный свидетель любви — растущий месяц — бесцеремонно освещал уютную постель, дарил им свет, вдохновение и романтику.

Кинозал сельского Дома культуры едва смог вместить всех желающих. Еще бы! Нечасто уголовные дела рассматриваются в выездном процессе. Такое бывает лишь в

исключительных случаях. Председатель районного суда, Владимир Иванович Пышнев, пожелал лично рассмотреть необычное дело.

— Прошу встать! Суд идет! — провозгласила секретарь судебного заседания, озирая строгим взглядом ряды присутствующих. Все замерли в молчании. Председательствующий, два народных заседателя, государственный обвинитель в лице прокурора и адвокат заняли на сцене места за столами, покрытыми зеленым сукном. Повышенный интерес к предстоящему заседанию был обусловлен тайной, которая многим не давала покоя. В ожидании все надеялись: может быть, сегодня она наконец-то раскроется.

Скамью подсудимых на сцене замещал крепкий деревянный стул. Артур устроился на нем после короткой команды секретаря: «Прошу всех сесть». Приготовился к неизбежному.

Он впервые испытывал чувство унижения, стыда и какой-то беспомощности, внутренне был готов ко всему. Чтобы не травмировать детей, попросил тетюшку побыть с ними дома, а там будь что будет.

Покончив с предшествующими судебному следствию формальностями, Пышнев огласил суть обвинения*. Затем, в упор глядя на Пфаненштиля, строго спросил:

— Подсудимый, понятно ли вам, в чем вы обвиняетесь? Признаете свою вину в предъявленном обвинении?

Артур ждал эти вопросы. В наступившей тишине сотни глаз с интересом уставились на него. Людям хотелось знать, каким будет ответ.

— Статья понятна, обвинение тоже, — со спокойным равнодушием удовлетворил любопытство присутствующих Артур. Сделал паузу и, не теряя самообладания, с достоинством произнес:

— Вину свою признаю полностью.

По согласованию с прокурором и адвокатом Пышнев перешел к допросу потерпевшего.

Петр Денцель на предварительном следствии ни словом не обмолвился, за что ему досталось от Артура. Он и сейчас продолжил в том же духе. Поглядывая то на Пышнева, то на прокурора, стал уверять, что не имеет ни малейшего представления, за что был избит Пфаненштилем. Артур был ему за это благодарен, но неприязнь осталась. Она никуда не делась. Ведь это по его милости он сидит сейчас перед всеми на месте позора. Не смеет слова сказать, пока не разрешат, хотя что-то говорить и объяснять в свое оправдание ему вовсе не хотелось. Было желание — скорее бы все кончилось. Забыть, как кошмарный сон, и больше не вспоминать.

Отрешенно оглядывая участников процесса, Артур вспомнил слова какого-то мудреца: «Золотое правило жизни: не переживай из-за того, что ты не в силах изменить. Прими ситуацию такой, какая она есть. Ведь мы не пытаемся изменить погоду, а просто одеваемся по погоде».

Теперь он совсем по-другому оценивал их смысл. «Легко рассуждать всяким умником, да выдумывать красивые правила. Заставить бы их вопреки желанию переодеться в робу зека, да отправить этапом на зону. Вряд ли захотелось бы после этого понимать и принимать такую ситуацию как должную».

Пфаненштил не слышал, как Пышнев назвал его фамилию. Спросил, не желает ли он задать вопросы потерпевшему? Если бы не адвокат, то он так бы и сидел, погруженный полностью в свои мысли. Защитник легонько коснулся его рукой и повторил вопрос председательствующего.

Артур встрепенулся, коротко выпалил:

— Мне добавить нечего, — немного подумав, произнес, — никаких просьб и ходатайств у меня нет.

* С 1 июля 2002 года изложение в ходе судебного следствия предъявленного подсудимому обвинения стало обязанностью государственного обвинителя, т.е. работников прокуратуры (ст. 273 УПК РФ).

Допрос в качестве свидетелей Вили Гинтера, Денцеля-старшего и врача-хирурга ничего не дал. Их показания ситуацию не прояснили.

За свою многолетнюю практику Владимир Иванович вынес сотни приговоров виновным. Однако это дело сразу его насторожило обвинительным уклоном не в пользу подсудимого. Мотив совершения преступления оставался до конца не выясненным. Эта неясность вынудила его пойти на беспрецедентный шаг — накануне суда позвонить следователю и спросить, в чем причина такого непонятного поведения Пфаненштиля? От него узнал про Марину. Про то, что не удалось доказать ее причастность к данному делу, поэтому в список лиц, подлежащих вызову в зал судебного заседания она не попала. Другие ни словом не обмолвились про истинный мотив преступления. Настаивали на своих показаниях. И не просто настаивали, а стояли насмерть.

— Подсудимый,— обратился Пышнев к Артуру,— все же я хочу уточнить, почему вы ударили гражданина Денцеля по лицу? Что послужило причиной? — В голосе судьи Пфаненштил уловил легкую иронию, будто бы ему давно уже было все известно, а заданные вопросы — лишь пустая формальность.

— Не знаю. Причины не было. Захотелось ударить... ну-у-у и ударил...

— За что?

— Ни за что. Просто так.

— Вы пригласили его встретиться у котлована, где все произошло. Получается, ваши действия были преднамеренными и вы заранее знали, что ударите его? Предлагаю вам правдиво рассказать суду о причине такого поведения.

— Я уже все объяснил. Добавить мне нечего.

— Признайтесь, вы ударили Денцеля из-за женщины? Если так, то у суда будут все основания переквалифицировать хулиганство на статью о причинении потерпевшему телесных повреждений на почве личных неприязненных отношений. В этом случае будет более мягкая ответственность, соответственно, приговор тоже. Из материалов дела видно, что следователь подробно разъяснял вам это.

— Да, разъяснил, но другого ответа у меня не будет. Повторяю вам: я ударил Петьку без причины.

— Вы понимаете, что в таком случае вам придется нести ответственность за более тяжкое преступление?

Артур усмехнулся, выказывая безразличие к решению суда и своей участи.

— Не-е-ет! — нежданно-негаданно раздался из глубины зала громкий женский крик. — Нет! Нельзя его судить за хулиганство. Причина была. Это я виновата. Из-за меня он так поступил.

Сквозь массу людей с глазами, полными слез, раскрасневшимся лицом и дрожащими губами по узкому проходу к сцене пробиралась Марина. По залу пробежал тихий ропот. Участники процесса зашушукались, обсуждая неожиданное появление нового свидетеля.

— Девушка, вы кто? — немного растерявшись, задал вопрос Пышнев.

— Я... я люблю его! — с обреченной решимостью снова крикнула Марина и пристально посмотрела на Артура.

Их взгляды встретились. В его глазах она увидела недоумение, которое сменили восторг и радость за ее смелость, мольбу, укор и преданность. Заседание суда продолжалось...

Притихший зал вначале удивленно, потом с одобрением всматривался в счастливые лица Марины и Артура. Всем были понятны их чувства, нежность и любовь друг к другу. Никто уже не сомневался, что будущее у этой пары будет замечательным и все у них будет хорошо.

Владимир Миров
(г. Тула)

ВОЛЧЬЯ ЛЮБОВЬ

Главы из повести

Владимир Михайлович Миров не новичок на страницах «Приокских зорь». И мы всячески приветствуем самобытного писателя-прозаика. Из его новой повести «Волчья любовь», написанной в лучших традициях, доставшихся нам от эпохи расцвета «советской литературы 1960—1970 гг. («шестидесятники», «деревенская проза» и др.), мы публикуем ниже ее начальные главы. Хотелось бы видеть повесть изданной отдельной книгой.

Глава 1 **Обида**

За эту зиму Юрка Сыч совсем извелся. Он и до этого был не Геракл, а тут и вовсе: похудел, осунулся и как-то по-старчески ссутулился. Из-за чрезмерной худобы черты Юркиного лица заострились, особенно нос-крючок — Сыч, да и только. Юрка имел еще одну странность, делавшую его похожим на эту птицу, — взгляд: пристальный, цепкий, изучающий. Уставится на человека и смотрит, смотрит, только тонкие веки-перепонки или мембраны дернутся на какие-то сотые доли секунды и вновь замрут под нависшими бровями. Неприятный был взгляд. Сколько раз Юрке били морду за эту особенность, но потом свыклись — черт с ним, пусть смотрит, авось дырку не прожжет.

— Юрка, иди, опрокинь стаканчик, — зазывали его деревенские мужики в свою компанию.

— Не буду! Зарок дал, пока этих сюк не постреляю — ни грамма, — Юрка шепелявил и многие буквы путал, особенно когда волновался. Но тогда, как назло, в Юркин лексикон так и лезли столь ненавистные ему слова, состоящие из букв, которые он не выговаривал.

— Ну, как знаешь, — мужики к зарокам относились с пониманием, — А как Карка поживает?

— Че ей будет, сюки?

Карка — это Юркина жена: некогда смазливая, ветреная и пустая бабенка, к тому же «слабая на передок». Что тут поделаешь, любила Карка всякого рода любовные приключения. А может и не любила? Ведь вряд ли любит алкоголик водку, которая доводит его до скотского состояния, когда и душа, и тело протестуют, и разум противится, но неведомая темная сила вопреки всему влечет человека в этот бездонный омут. Это не просто природная порочность, а болезнь, какая-то одержимость.

Каркины измены Юрка не принимал близко к сердцу, во всяком случае виду не показывал, что это задает его самолюбие. У Юрки была одна беда — явно заниженная самооценка. Он уже давно смирился с мыслью, что страшный, тщедушный, шепелявый уродец (еще с молодых ногтей его заставили поверить в это и учителя, и

одноклассники), и Юрка ни на что не претендовал: ни на любовь женщины, ни на уважение односельчан.

Юрка Сыч был добрый малый. В детстве он мечтал стать лесником, как его покойный отец, поскольку не мыслил свою жизнь без природы, и наверняка бы стал, если бы не редкая болезнь, связанная с его картавостью. С ним, было, пыталась заниматься отдыхающая летом в деревне столичный логопед — дальняя его родственница, но после первого же урока лишь развела руками. По отдельности Юрка правильно произносил все звуки, читал, складывая их в слоги, но стоило ему начать говорить произвольно, как все эти «шипящие» и «свистящие» смешивались в один ворох, и получалось — нарочно не придумаешь. «Речевой аппарат у него в норме — это что-то с мозгами. Тут другой специалист нужен», — отмахнулась от Юрки столичная родня. И пошло — поехало. Чтобы не дразнили одноклассники, Юрка перестал отвечать на уроках, хотя и иной раз знал материал не хуже многих: «Стявтя парящую! Ня знаю!» — под всеобщее ободрение класса провоцировал Сыч учителей, но те, вопреки педагогической принципиальности, все-таки в четверти ему выводили «тройки». А вот лабораторные работы, там, где можно было помолчать, Сыч выполнял хорошо. Да разве этим поправишь дело.

Любимыми его предметами были биология и ботаника, а любимым местопровождением стал школьный участок. Работать он умел и любил. Так Сыч и доучился до девятого класса, а вот в лесном техникуме, по причине той же картавости, завалился еще на стадии собеседования: нагрубил передразнившей его секретарше, принимающей документы от абитуриентов.

В армию Юрку не взяли, в те времена даже в стройбате картавые не были нужны, и покатила у Сыча тихая и однообразная жизнь: охота, рыбалка, грибы, ягоды. Иногда Юрка работал в родном колхозе, но недолго и то на какой-нибудь пустяковой должности: то охранял от кабанов бурты с картошкой, то включал и выключал систему орошения на заливных полях, коротая досуг на берегу с удочкой. Он рано осиротел. Вначале умерла мать, потом, после полугодового запоя, сошел в могилу и отец.

То ли от тоски одиночества, то ли по причине доброй своей души, а может и от того, и от другого, но Юрка стал любимцем деревенских пацанов: целыми днями он возился с ними, учил их плести сети, оснащать удочки, заряжать патроны, различать звериные следы. Потом пацаны выросли и начинали стыдиться своей дружбы с Юркой, с этим деревенским отшельником и потенциальным неудачником, и многие уже как бы свысока поглядывали на своего бывшего друга. Юрку и это не обижало. Время шло. Одну деревенскую ребятню сменяла другая. Дом Сыча был открыт всем.

Карка прибилась к его двору поздней осенью, как бездомная собачонка: голодная, оборванная, с бляшмем под глазом. Откуда она взялась в этой деревне, никто не знал. Говорят, откуда-то привезли шофера-шефы во время уборочной, поиграли и бросили. Пожалел он ее, дуру:

— Пушай живеть, сюка! Все иной раз, может, пауков разгонит веником на печке или полы притрет!

Карка и впрямь неоднократно пыталась взяться за хозяйство, особенно когда нужно было реабилитироваться перед Юркой после очередного загула, но ее трудового энтузиазма хватало ненадолго, и стоило кому-нибудь помянуть ее, бросала и тяпки, и веники и пускалась во все тяжкие. Потом вновь возвращалась, каялась, зарекалась. Похождения Карки сам черт описывал, и у того чернила кончились.

Юрка любил природу: весной и летом — рыбалка, зимой и осенью — охота.

— У Юрки — охота, и Карки — охота, — посмеивалась деревня.

Вначале было поползновение за Юркиной женой закрепить благородное прозвище — Кармен, но оно шло ей, как корове седло, поэтому первые три буквы народ взял из классики, а две последние добавил от себя, и получилось — Карка. К такому прозвищу никакого резюме не нужно.

Этой зимой Юрку Сыча лишили покоя волки.

Волки иногда объявлялись в этих местах и резали потихоньку колхозных овец, но тогда внимания на них никто не обращал и даже, напротив, многим это было на руку. Частенько по вечерам возле клуба дымился мангал, на котором лениво румянилась аппетитная баранина. Разумеется, шашлык жарили не волки. Вот вам пример мирного сосуществования человека и зверя в условиях развитого социализма, когда все довольны, за исключением разве что овец.

И волкам, и людям эти маленькие шалости сходили с рук. В опалу волки попали, когда в январе зарезали двухлетнего бычка Сыча. Ведь надо же: ни у кого не зарезали, а у Юрки — охотника взяли да и завалили животину белым днем, да еще чуть ли не возле дома.

Тут было отчего прийти в негодование, словно в морду плюнули, дескать, чмо ты, а не охотник, и хрен тебе, а не новую лодку по весне, — именно такие надежды возлагал Юрка на быка.

— Карка, сюка, насыла сякуту чистить, а быка в сад выгнала, к стогу сена. Я сляды смотрел: волсяра быка от дома отсек и ся деревню погналь. Крупные сляды, видно, матерый, сюка! А волчица их в кустах за деревней поджидала — сик, горло быку, как косой, тот и дрыгнуться не успел. Волчица резала. Хорошо они там погуляли: кругом куски мяса валяются оторванные. Зачем? Волк, что оторвет, то проглотит. Смеются надо мной, сюки!

С тех пор Юрка потерял покой, целыми днями колесил по округе в поисках волчьего логова. По осени Юрка промышлял барсуками и делал на этом неплохие деньги, продавая жир туберкулезникам. Но на волков ему охотиться ни разу не приходилось. Это было что-то новое, загадочное, зловещее. Несколько раз за эту зиму Сыч ездил в район и вел переговоры с другими охотниками. Просил председателя колхоза писать какие-то письма. В конце февраля в деревне появились четыре снегохода «Буран». Время от времени Юрка отчитывался перед общественностью:

— Хрен возьмешь с тарелки гвозди! Ох, хитры, сюки! Чуть «Буран» затарахтит, волчара сразу на стог залезает и оттуда зырит, куда мы едем. А потом как пятки смажут, и тигулю. За сутки по двести километров пробегают. А потом опять возвращаются, будто им тут медом, что ли, намазано?

Однако хлопоты Сыча увенчались успехом. Однажды серым мартовским утром, сырым и ветреным, когда уже в дуновении ветра явственно чувствовалось дыхание весны, к магазину подъехал «Буран» с санями на буксире. За рулем снегохода сидел охотник в белом комбинезоне, а зади него — Юрка Сыч в медицинском халате. К саням был привязан мертвый волк.

Толпа ринулась смотреть трофей. Но подойдя к саням, люди вдруг замирали и, словно при покойнике, начинали говорить шепотом: вид огромного зверя с оскаленной и как-то неестественно перекошенной пастью вызывал ужас. Деревенские собаки, трусливо поджав хвосты, прятались за людей.

— Хорош теленочек? Мы его сейчас на складе взвешивали — 90 кг. Нагулял, сюка, тело на моем быке. Давайте за просмотр по рублю! — кто-то принес из магазина водки. — Теперь можно. Волчица ушла, сюка! А у этого, волка, челюсть была сломана, да видать, срослась неправильно. Не мог он сам жрать, вот волчица его и кормила, отрывала ему куски от моего быка, — Юрка натошак быстро захмелел, его глаза лихорадочно заблестели, голос сделался тонким и плаксивым. — А ведь не бросила она его — калеку! Ой, сюка! Вот ведь как любила! А умирал он как? Мы их к речке прижали, все — тупик: лед уже от берега оттаял — метра три нужно было прыгать. Волчица перепрыгнула, а ему ляжку прострелили. Он ей и говорит: «Беги, моя голубка, спасайся! Тебе еще наших детей растить нужно. Не поминай меня лихом. Приму я лютую смерть за нашу любовь».

— Что, так и сказал? — попытался кто-то съязвить в толпе, но всегда спокойный и равнодушный к насмешкам Юрка взрывается:

— Смейтесь, смейтесь, сюки! Досмеетесь! Вот оценится она весной, а через год только пух от вашей скотины полетит. Леса у нас не маленькие — есть где затаиться. А он за свою любовь героическую смерть принял: сам на собак бросился. А что он может сделать с такой челюстью? Но собак тормознул — не дал им прыгнуть за волчицей.

Юрка Сыч говорил сбивчиво и вдохновенно. Прилив вдохновения путал его мысли, но, тем не менее, из его путаного, сбивчивого рассказа вырисовывалась четкая картина. Волки бежали к реке. Обрывистый, крутой берег давал возможность разогнаться перед прыжком. Волчица прыгала первая, и чуть было не утонула; под ее задними лапами обломился огромный кусок серого, ноздреватого льда. На брюхе она выползла на льдину. Ей повезло, иначе мощное течение реки увлекло бы ее под лед.

Волк на мгновение остановился. Это промедление было нужно для того, чтобы дать волчице сгруппироваться перед прыжком. В этот миг его и зацепила пуля. Он по инерции спустился вниз, но понял, что ему не перепрыгнуть полынью. Волчица в нерешительности металась по льду.

Волк резко осадил перед самой водой и, осознав всю безвыходность своего положения, и чтобы не провоцировать волчицу на роковой, опрометчивый поступок, развернулся и бросился на собак. Единственное, чем он мог им досадить — это сбить двух-трех с ног мощной грудью. И когда собаки поняли, что волк-калека не представляет для них никакой угрозы, бросились на него. В гигантском живом клубке замелькали собачьи морды и лапы.

Серый мартовский наст окропился волчьей кровью. Но дело было сделано: волк выиграл время — волчица была спасена. Теперь можно было и умереть достойно. Волк каким-то непонятным образом перекувыркнулся через голову, разбросал собак и бросился на «Буран». Он облегчил охотникам задачу: до этого они не решались стрелять в эту кучу-малу из-за боязни попасть в собак. Теперь стрелять было можно.

Последний раз спружили мускулистые волчьи лапы, мелькнули перед глазами лес и хмурое мартовское небо. И кто бы что ни говорил, он сам сделал свой выбор и ни о чем теперь не жалел, и ни в чем не раскаивался.

Волчица наблюдала за этим уже с другого берега. Пули поднимали снежную пыль возле ее лап, и, увертываясь от них, она прыгала по сторонам, переступала с ноги на ногу, но почему-то не убегала. И одному только Богу известно, что творилось в ее душе.

Из толпы выходит подвыпившая Карка, с желтым, словно восковым лицом, вся в каких-то фурункулах (поговаривают, что у нее сифилис) и тянет Сыча за рукав:

— Пойдем, сейчас и у нас с тобой любовь будет!

— Уйди, сюка! — вырывается Юрка. — Сейчас как дам прикладом промеж глаз — и ляжешь тут рядом с волком!

Ему наливают еще стакан водки, он выпивает, и вдруг к удивлению всех начинает навзрыд плакать. Сам стыдясь этих слез, он садится на корточки возле убитого волка и закрывает лицо полкой халата.

Мертвый волк с широко раскрытой пастью и вывалившимся наружу алым языком словно беззвучно хохочет над Юркиным горем. Пуля от карабина вошла точно в грудь и вышла со спины между лопатками, по траектории полета пули было понятно, что стреляли снизу вверх. Смерть застала его в прыжке.

Юрку уже больше никто ни о чем не спрашивал, глядя на него и на Карку, — всем и без того все ясно: Юрка позавидовал волчьей любви.

Размазывая кулаком крупные, как градины, пьяные слезы по обветренному лицу, Юрка выглядел смешно и нелепо. Какой он охотник? Вон они, охотники: в унтах, в меховых «пилотах», в белых комбинезонах, карабины у них с оптическими прицелами, румяные, здоровые, в каждом по центнеру веса — сытые, ухоженные. А Юрка — такого соплей перешибешь: в стоптанных, прожженных у костра валенках, в этом

смешном халате, с проволокой вместо пуговиц, вооруженный старенькой двустволкой — какой же это охотник? Горе, а не охотник! Охотники не плачут, а этот распустил нюни. Городские, настоящие охотники усмехались в усы, к ним инстинктивно лънули деревенские бабы, а Юрка безутешно плакал.

Сегодня он отомстил за съеденного бычка, но смерть его обидчика не принесла ему удовлетворения и место обиды в душе теперь заняла странная, непонятная тоска, пронзительная, как волчий вой, и гнетущая, как могильный камень. Юрку мучили сомнения: что-то он сделал не так, не то, опрометчиво, не по совести, и этого уже нельзя было поправить, переиграть, но что именно — Юрка не знал. Пока не знал...

Глава 2

По следам волчицы

А ведь назови кто-нибудь Юрку Сыча романтиком, он бы обиделся. Интуитивно почувствовал бы крестьянской душой в этом красивом, но не совсем понятном слове какую-то скрытую червоточину, красивую, но совершенно бессмысленную мишуру, типично интеллигентские сопли с сиропом. Романтизм для него был синонимом ветрености, а следовательно, никчемности. Нет, он — Юрка — мужик, охотник, крестьянин, добытчик. Он, как дуб, крепко врос корнями в землю, и никакая буря его оттуда не выковырнет. А романтиков он за свою жизнь повидал немало. Самый наглядный пример — студенты, что каждое лето по реке на лодках сплавляются. Самые что ни на есть неприспособленные для этой жизни люди: ни сеть поставить не умеют, ни грибов себе на ужин набрать. Сиживал Сыч у их костров ночами и песни слыхивал под гитару:

*«Мне звезда упала на ладошку,
Я ее спросил: «Откуда ты?..»*

Хорошие ребята, и девочки у них умницы и скромницы, а главное — все к Юрке на «Вы» обращаются и все норовят отчество узнать, а он уже и сам забыл свое отчество — картавый дурачок Сыч, который Карку-шалаву пригрозил в своем доме на смех всей деревне. Нравились ему студенты — веяло от них чистотой и молодостью, и этой самой, будь она неладна, романтикой. А уж Юрка для них рад был расстараться: и сома поймает, и картошки молодой из дома принесет с парным молоком (тогда еще своя корова была), и кур зарубит, чтобы не выглядеть халящиком на чужом пиру. Летом он не охотился, чтит дедовский обычай — всякий зверь и птица летом детей vyhаживает. Хорошо принимали его студенты, хотя тоже, небось, за спиной посмеивались над доверчивым аборигеном. Да и пусть смеются, мало над ним смеялись? Эти ребята и девчонки как с другой планеты, на которой не было мирской грязи и повседневной пошлости. С ними Юрка душой отдыхал. Думается, пой они у костра свои песни неделю, так и сидел бы, слушал, глаз не сомкнул. Дивно хороши были песни, и какие нежные девичьи голоса выводили эти незамысловатые мелодии.

Особенно нравились Сычу их «старшины», как он их величал про себя: Вера Павловна и Сергей Иванович — оба уже в годах, далеко за сорок. Думал вначале — муж с женой, ан, нет, оказалось — коллеги по работе. У каждого своя семья. Как так бабу свою отпустить в экспедицию с чужим мужиком, да и бабу-то нормальную, приличную, не его Карку, — вот что никак не укладывалось в голове у Юрки. Но ничего плохого за ними Сыч так и не заметил. И вот еще что подкупало: люди ученые, со званиями, с какими-то изобретениями, заслугами, а беседовали с ним на равных, коньяк ему в кофе подливали, расспрашивали о предках, о местных достопримечательностях, об истории его деревни.

А вокруг ночь, месяц серпом над речкой повис, и дрожит в быстрине Татарской переправы серебряная рябь. Тишина, темень, и только свет костра освещает одухо-

творенные лица студентов-туристов. Юрка, выдерживая театральные паузы, рассказывает им, как некогда через это самое место переправлялся с войском хан Батый, единственное место на десятки верст вокруг, где реку можно перейти вброд, оттого и место это называется Татарская переправа. Вера Павловна и Сергей Иванович поддакивают Юрке. И никто не смеялся над его картавостью, когда он красочно описывал им сгруппировавшееся на противоположном берегу войско Батыя, с многочисленными кибитками, катапультами, таранами. Как боязливо фыркали татарские малорослые лошадки, вступая в незнакомую им воду, а вот за этим лесом уже строилась в боевой порядок первая русская дружина, готовясь к неравному бою. Сыч, конечно, привирал, приукрашая и без того былинный народный эпос, но глаза студентов восторженно горели, слушая его.

Потом опять пели песни, читали умные и пронзительные стихи, иногда и заушные, непонятные, спорили о чем-то возвышенном, а в небо летели искры костра, дым ходил кругами, наполняя глаза слезами. Думается, позови они его с собой — Юрку Сыча — и бросил бы он все здесь, и ушел бы на край света с этими романтиками, как уходит бездомная собачонка со своего прикормленного, обжитого места за первым встречным, почувствовав в нем хорошего человека. Но нет, не позвали, а лишь долго махали ему руками, уплывая вниз по течению. Правда, Вера Павловна, прощаясь, обняла его и зачем-то поцеловала в щеку:

— Хороший вы, Юрий, человек. Берегите себя. Храни Вас Господь...

Потом бегло перекрестила и села в лодку, а он и не знал, как на это ответить. И вновь пришлось убедить себя, что никакой он не романтик, а вольный суровый охотник, добытчик.

Добытчик! Добыл себе, дурак, от родного дома старый амбар и теперь живет в нем. Амбар, правда, добротный, кирпичный, с двухскатной крышей, с потолком, с полом. Стены в три кирпича. У иных в деревне дома хуже, но все одно — постройка для хозяйственных нужд, а не для жилья. Деревенские жители рассудили это так, что Юрке вожжа под хвост попала, и зачудил он пуще прежнего, уйдя из дома после трагикомической истории с волком. Затем и вовсе стал резать и распродавать скотину: кого мясом, кого живьем. Вот не дурак ли, отдать за бесценнок корову, которая со дня на день должна отелиться, прокормив ее почти всю зиму? Сцена, конечно, была не для слабонервных зрителей.

Корова жалобно мычала и вырывалась из чужих рук, не понимая, в чем она виновата, за что ее выгнали на мороз из родного хлева? Разве не она давала по ведру жирного молока, приходила домой сама из стада, исправно телилась, и даже тот бычок, из-за которого начался весь сыр-бор, был ее сыном. А что не уберегли его, так разве это ее вина? Сыч же, стараясь придать своему лицу самое грозное выражение, пряча от народа слезы, сек ее кнутом и гнал с глаз долой, как прокаженную.

Корову Сыч продал в другую деревню, но весь май она убегала из чужого стада и приходила на свой старый двор, и Юрка вновь лупил ее кнутом, но делал это с таким видом, как будто сек самого себя, чувствовал, как у него на душе рикошетом вздуваются кровавые рубцы от тех ударов. Вырученные деньги за скотину Сыч поделил с Каркой поровну, свои положил на сберкнижку, а что со своей половиной станет делать его беспутная сожительница — его уже не касалось. Но верилось втайне, что подастся она куда-нибудь с деньгами, приживется еще у кого-нибудь или вовсе сгинет, развязав ему руки.

Карка же верила, что Юрка, в конце концов, перебесится и остепенится и вновь станет тихим и покладистым, тем самым незлобивым мужичком, к которому она привыкла. Ведь жили же тихо, мирно, и на тебе: принесли черти ту волчью парочку, из-за них вся жизнь наперекосяк пошла. Как вновь вернуть Юрку в дом, Карка не знала, и никто не знал, а хоть бы и знали, не сказали — чужая она тут всем была, приبلудная. Никто ее больше, кроме Юрки, не пожалеет, никому она не нужна. Это

ж надо так опостылеть человеку, что из-за нее он среди зимы перебрался из дома жить в амбар. Перенес туда ржавую буржуйку из сарая, обложил ее кирпичом, чтобы не так быстро остывала, сколотил деревянный щиток под кровать, что-то там стряпал на электрической плитке, утеплял входную дверь, выводил в единственное в амбаре маленькое оконце печную трубу. Что и кому он хотел доказать — непонятно. Чудак человек.

Вот и сейчас Юрка лежал на своей импровизированной кровати и смотрел в маленькое окошко под потолком, а там был виден лишь квадрат неба с пыльным кучевым облаком. На дворе уже стоял июль месяц, и труба буржуйки была снесена обратно в сарай.

Странно, вот если смотреть на небо целиком, то такого не увидишь, рассеется взгляд и выхватит массу ненужного, а это окошко с куском неба — как капля воды под микроскопом. Если приподнять голову чуть повыше, то виден будет электрический провод и парящий в небе ястреб. Ястреб отчего-то стремился застыть именно в этой точке, на мгновение замирал, но порыв ветра сносил его в сторону. Хищник на несколько минут пропадал из вида, потом возвращался и вновь замирал в заветной точке, расправив крылья, чувствовалось, что птица во что бы то ни стало пытается схватиться именно за этот кусок неба, но ветер опять сдувал ее. «Что же такое он увидел?» — недоумевал Юрка. Страсть как было любопытно, но вставать с лежака не хотелось, он только к обеду вернулся с рыбалки и очень устал, но это открытие с окном взбодрило его, и дремота улетучилась.

Тут ветер затеял с Юркой игру и стал лепить из облака всякие фигуры, только успевай угадывать. Вот огромный медведь, а в передних лапах у него бочонок меда. Легкое дуновение — и морда медведя вдруг расплющилась, скулы расширились, уши оттопырились, косяла лапы удлинлись, и появился длинный гибкий хвост, а вместо бочонка с медом — кувшин. Ба! Да это же мартышка за водой пришла! Обезьяна поставила свой кувшин под небесный родник, и через секунду вода из него потекла через край. Ветер скомкал облако и растянул его в разные стороны, и вот уже появилась скачущая лошадь с разметанной гривой. Потом, словно ножницами, он остриг лошади гриву, и пятерней вертикально стал наносить полосы на бока — зебра. Сделал зебру более приземистой, убрал полосы, видоизменил морду, приделал рог — и вот уже грозный атакующий врага носорог.

Юрка, как ребенок, хохотал над своим открытием, и жаль было, что никто, кроме него, этого не видел. И ведь расскажи кому — на смех поднимут. Скажут, мужику тридцать пять лет, баба у него — шалава, сам живет в амбаре, а все в игрушки играет, облака разгадывает. А вот студенты-романтики, те бы, наверное, Юрку поняли. Ничего, скоро, Бог даст, опять приплывут.

Этот год для Сыча выдался — хуже не придумаешь, чуть было с ума не сошел. Всюду ему стала мерещиться уцелевшая волчица. Сам себя накрутил разными глупыми фантазиями. На следующий после охоты на волков день Сыч зачем-то поехал на речку, чтобы посмотреть следы волчицы. Перебраться на ту сторону реки долго не удавалось — лед уже начал отходить от берега, вот и пришлось с лесиной (с четырехметровой березовой жердью) в руках сделать крюк километров в пять вверх по течению. Шел по льду на лыжах с опаской, держа наперевес лесину на случай, если провалится под лед. Можно было, конечно, для страховки использовать и «кошку», была у его отца такая, специально сваренная из арматуры, она надежней и легче, но «умная мысль приходит опосля». Ничего, перебрался и с лесиной.

В поле снег уже подтаял и немного осел, следы волчицы можно было разглядеть только в тех местах, где она прыгала, уворачиваясь от пуль, и массой своего тела пробивала наст. Черт, мистика какая-то, как такое вообще возможно? Но, тем не менее, так оно и было. Сыч рассматривал срезанные пулями стебли сухого осота и чернобыльника. Казалось, что волчица видела, как в нее летят пули, и опережала их на

мгновение, и так, наверное, в течение получаса, пока самим охотникам не надоело переводить на нее патроны. Крови на снегу не было — значит, не зацепило, не ранило. Юрка пошел за ней. Следы волчицы то пропадали, то снова появлялись, по мере того как наст сменялся рыхлым снегом, он скорее угадывал их, чем читал. Волчица куда-то шла, куда — Сыч не мог понять, явно все дальше и дальше от деревни. Зашла в заросший кустарником овраг, полежала под кустом черемухи, наверное, пару часов, за которые под ее животом успел подтаять снег и подернуться затем ледяной коркой, в которую вмерзли несколько волоском серой шерсти, и вновь двинулась в путь. Кажалась, что она и сама не знала, куда идет, лишь бы куда-нибудь подальше от этого проклятого места, где она потеряла своего единственного друга, свою любовь. Преследовать ее было бессмысленно.

Сыч вернулся домой, но не успокоился. Никак не мог поверить, что волчица спустит ему свою обиду. Для нее он теперь — кровный враг, и один из них должен умереть. Самое ужасное в волчьей истории было то, что Юрка не знал, какую месть готовит ему волчица, где и когда она призовет его к ответу. Каждый день он обходил дом, сад, забирался на возвышенности, разные пригорки, осматривал кусты, откуда за ним могла наблюдать овдовевшая по его вине волчица, но ничего не находил, что пугало горе-охотника еще больше. Лежа в своем амбаре, завывание ветра в трубе буржуйки он уже воспринимал как надрывный вой-плач несчастного зверя, и только собака, спокойно спавшая возле двери на старой телогрейке, немного успокаивала его.

Прошла неделя, другая, и однажды ночью Юрку вдруг осенила мысль, почему волки не хотели уходить из этого места: они где-то присмотрели себе надежное логово, куда не сможет забраться человек и где они вырастят свое потомство. Черт! Юрка же знал это место — это Барсучьи норы. Километров пять с каждой стороны лесного оврага — непролазные джунгли сорного леса, преимущественно орешника, через который нет хода ни конному, ни пешему. Он был еще пацаном, когда отец показывал ему это место и водил его туда по кабаньей тропе. Сохранилась ли эта тропа и где она — Юрка не помнил.

Из деревни Юрка вышел на лыжах затемно. Кабанью тропу не нашел — возможно, зверье туда ходит только летом и то в самую сильную засуху — в овраге речной родник. Попробовал было пробраться так, но куда там — через сто метров выбился из сил: деревья, как щупальца гигантского спрута, хватали его за ноги, за лыжи, за ружье, за шиворот, брали за грудки, ветки секли по лицу, словно специально пытались унизить, обессилить, обезоружить. Прыгни сейчас на него из кустов орешника волчица — он бы ничего не смог с ней сделать. Еле-еле выбрался на лесную поляну. Но Сыч был упертым малым — он все равно бы попал на место, пусть даже для этого ему пришлось бы вырубить просеку в несколько километров. Стал вновь кружить по лесу, и ему повезло: нашел старые лосиные следы. Но лось забрался в дебри недалеко и ненадолго, поел веточек молоденькой осинки и, сделав полукруг, вышел. Глупый лось — будь здесь волки, его песенка была бы спета. Тут достаточно и парочки волков, чтобы его завалить. Волки, то и дело имитирующие атаку, загнали бы его в самые дебри, где он, зацепившись рогами, сам бы подставил им свое горло. Кстати, не при таких ли обстоятельствах волку и сломали челюсть? Копыто лося — страшное оружие.

Однако «глупый лось» вывел Юрку на кабанью тропу. Оказывается, в этих ореховых и осиново-березовых джунглях были свои пути-дорожки, сокрытые от постороннего глаза. Так, перескакивая с тропы на тропу, уже ближе к вечеру усталый и голодный Юрка вышел к лесному оврагу. Его догадка подтвердилась: одна из барсучьих нор была заметно расширена, и на мерзлой глине остался четкий отпечаток волчьей лапы. А вот и еще, возле родника, волки так близко стояли друг к другу, словно разговаривали или целовались. Следы, конечно, были старые, но Юрка бы их узнал из тысячи. Вот и разгадка: волки не хотели «засветить» свое заветное место —

потому и бегали кругами по округе. Хотя останься они здесь, никто бы их не взял, даже с вертолетов. Место и впрямь было уникальное — лучше и придумать нельзя. Все под боком: и вода, и кормовая база. Одними барсуками можно кормиться, не говоря уже о кабанах и лосях. Это волчий рай, вот почему парочка так берегла его и сделала все возможное, чтобы люди о нем не узнали, и эта тайна стоила волку жизни. Чем больше Сыч узнавал этих зверей, тем большим уважением он к ним проникался, тем тяжелее ложилась на сердце вина перед ними. А впереди предстояло провести целую ночь — ночь, полную страхов, сомнений, раскаянья.

Типичный охотничий костер из трех сосновых или еловых бревен Юрка соорудить не стал: ни пилы, ни топора у него не было, да и прогорел бы он до утра. Нашел в овраге два замеченных снегом поваленных бурей дерева, сырых, неподъемных, с полустлелыми сучьями и еле дотаскивал волоком их до своей стоянки. «Ничего,— успокаивал себя Сыч,— переночую как-нибудь и, если волчица здесь, она обязательно придет со мной повидаться. Должен же в этой истории хоть какой-то конец быть».

Он сел с подветренной стороны оврага на кусок овчины, который постоянно носил с собой в рюкзаке, спиной к глиняной стене, чтобы волчица не подкралась сзади, а впереди его защищал от нее костер. Набрал про запас сухого хвороста — вдруг понадобится усилить пламя или бросаться в зверя головешками. У Юркиного костра был один недостаток — нельзя спать, нужно постоянно потихоньку подвигать к центру сложенные крест-накрест бревна, иначе потухнет, зато гореть он будет долго. Пламя будет как бы потихоньку слизывать древесину, до утра должно хватить.

Сколько таких ночей провел Юрка в лесу — не считано, но именно среди деревьев и зверья он чувствовал себя человеком. Читая иногда в журналах про какую-нибудь Агафью Лыкову, он завидовал таким людям, ведь это же прекрасно, когда нет над тобой никого, кроме Господа Бога: ни суеты, ни беготни, ни мирской власти, ни поповской. Он устал быть деревенским Иванушкой-дурачком из сказок, того хоть, в конце концов, после всех мытарств и насмешек ждала награда — царская дочь и полцарства в придачу, а что ждало его — Сыча? Ничего хорошего — несчастная Карка, как камень, тянула его на дно. Жалко ее было, дуру, искренне жаль, ведь, если разобраться, то человек она неплохой: и добрая, и ласковая, из дома последний кусок хлеба вынесет, отдаст первому встречному бродяге, нужно будет — и своей грудью закроет Сыча от пули, но как исправить ее нравственное уродство — Юрка не знал.

Карка была первой и единственной женщиной, которая подарила Юрке физическую близость. Наверное, просто хотела его отблагодарить за то, что он дал ей приют и отнесся к ней по-человечески: кормил, лечил, прикладывая к синякам на разбитом лице компрессы бодяги, даже купил ей одежду, а ее старую, греховную, брезгливо сжег в печке. Вот если бы можно было так же сжечь в огне ее прежнюю жизнь, как эти пропитанные насквозь развратом тряпки, а взамен получить новую жизнь — чистенькую, с этикеточкой, пахнущую целомудренной свежестью! Но ужас-то состоял именно в том, что не видела себя Карка в той другой, правильной, жизни.

Информацию о себе Карка выдавала Юрке порционно, и то всегда спяну. Странно, но Сыч был единственным человеком, кого она стыдилась. Она и соблазнила его робко, неуверенно, боясь, что он оттолкнет, но Юрка поплыл от одного ее прикосновения. Как будто хмель ударил ему в голову, и в нем произошла подмена сознания, он перестал соображать, и понесло его сладкое и теплое течение в такие дали, о которых он и мечтать не смел.

Рагим Мусаев
(г. Тула)

«ПРЯНИКИ» ДЛЯ ГИТЛЕРА

Драма в 2-х действиях на основе реальных событий*
К 85-летию Оборона Тулы

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

85 лет прошло после героической обороны Тулы от немецко-фашистских захватчиков. Подвиг защитников города стал основанием для присвоения Туле почетного звания «Город-герой». Еще во времена СССР было предпринято две попытки создать театральную постановку, посвященную этим событиям. По разным причинам они не увенчались успехом.

Написание этой пьесы инициировано Министерством культуры Тульской области по поручению Губернатора Дмитрия Вячеславовича Миляева.

При подготовке к работе тщательно изучены документы Тульского государственного архива, часть из которых рассекречена недавно. Кроме того, автор благодарит за помощь в работе над постановкой УФСБ России по Тульской области, Музей обороны Тулы, Тульский краеведческий музей и Тульскую областную научную библиотеку.

В настоящее время Тульский академический театр драмы работает над постановкой по данной пьесе драматического спектакля.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Анатолий Петрович Горшков, капитан НКВД

Тоня Горшкова, его жена

Людаша Горшкова, их дочь

Василий Гаврилович Жаворонков, первый секретарь Тульского обкома ВКП(б)

Борис Гольяков, младший лейтенант НКВД

Таня Гольякова, его жена

Владимир Николаевич Суходольский, начальник Тульского НКВД

Григорий Моисеевич, зубной техник

Алла Аскольдовна, машинистка

Прохор Макарович, оружейник на пенсии

Никита, юный оружейник

Троицкий, кладовщик

Лена, его дочь

Иван Фомич, преподаватель латыни

Дуняша, тульская блаженная

Вера Сергеевна Гумилевская, главврач Тульского роддома

Оля и Ира, медсестры роддома

Никанор Васильевич, пряничник

* Окончание, начало в № 2, 2026 «Принокских зорь».

Лейтенант Волнянский, командир зенитной батареи
Зина и Клава, санитарки
Верочка, продавщица
Павел Семенов, разведчик
Григорий Юткин, боец 50-й армии
Бойцы Тульского рабочего полка
Голос диктора

Действие происходит в Москве и Туле с июня по декабрь 1941 года.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 23.

Тульский Роддом.

Гольяков, медсестры, Гумилевская.

Оля. Стойте! Сюда нельзя в уличной одежде.

Гольяков. Мне можно.

Ира. Товарищ, никому нельзя. Это роддом. У нас все стерильно.

Гольяков. Ну, раз стерильно, готовьтесь к срочной эвакуации.

Оля. Какой эвакуации? Товарищ, покиньте помещение.

Гольяков. Не сегодня-завтра здесь будут немцы.

Ира. Как немцы...

Гольяков. У входа две полуторки. Вам час на сборы.

Оля. Час? Но у нас мамочки, новорожденные...

Гольяков. Вот всех и собирайте.

Гумилевская (*голос*). Почему грязь в палате?

Ира. Мать... Мать идет...

Гольяков. Кто?

Гумилевская входит.

Гумилевская. Вот оно что. Юноша, кто вам разрешил в грязных сапогах ворваться в палату?

Гольяков. Здравствуйте. А вы кто?

Гумилевская. Я главврач. Вера Сергеевна Гумилевская. А вы?

Гольяков. Младший лейтенант Гольяков.

Гумилевская. Зовут Борей? Мама Катерина?

Гольяков. Да... Откуда вы...

Гумилевская. Память хорошая. Девочки, смотрите. Один из первых наших опытов кесарева. Неправильное положение плода. Тазовое предлежание. (*Борису*) Попрыгайте.

Гольяков. Я? Как?

Гумилевская. Ногами. Вот, пожалуйста! Все в порядке. Никаких последствий!

Гольяков. Не все в порядке, товарищ главврач. Вам необходимо эвакуироваться. Срочно!

Гумилевская. Я отменяю эвакуацию.

Гольяков. Не сегодня — завтра здесь будут немцы.

Гумилевская. Эвакуация куда? И на чем? На тех двух грузовиках без бортов, что стоят у входа? В ночь? Под дождь?

Гольяков. Как сотрудник НКВД я...

Гумилевская. Боря, я почти тридцать лет помогаю тулякам появиться на этот свет. Ты понимаешь, что ни роженицы, ни дети не перенесут этой эвакуации?

Гольтяков. Тогда вы умрете под бомбежкой!

Гумилевская. Когда умру, проследи, чтобы меня хоронили с колокольным звоном. Я в тебя верю. Так. Девочки! Переезжаем в подвал. Там у нас все готово?

Ира. Да, Вера Сергеевна. Все, как вы велели.

Гольтяков. Но подвал — это...

Гумилевская. Нашему подвалу лет сто. А может и все двести. Там стены потолка чем в кремле будут. Так что прошу не мешать работе нашего предприятия оборонного значения.

Гольтяков. Какого предприятия?

Гумилевская. Центральный родильный дом.

Гольтяков. Оборонного значения?

Гумилевская. А ты думал, защитники Родины на свет где появляются?

Явление 24.

Тульский оружейный завод.

Проход Макарович, Горшков, потом Никита.

Проход Макарович. Чем обязан, молодые люди?

Горшков. Отец, помощь нужна.

Проход Макарович. Чем же я, собственно, могу?

Горшков. Для рабочего полка нужно собрать все оружие, что есть на заводе.

Проход Макарович. Позвольте полюбопытствовать, какова численность полка?

Горшков. Чуть больше девятисот человек.

Проход Макарович. Прекрасно! Могу предложить только гулькины кулиш. Вы сами все вывезли. Что не вывезли — разломали. Там только прошлый век, вроде Манлихера, Лебеля и меня. И все, заметьте, в нерабочем состоянии.

Горшков. А если починить? Неужели совсем никаких станков не осталось?

Проход Макарович. Рабочих — нет. Чертежей и лекал тоже. Остались напильник, молоток и та самая мать.

Горшков. Отец, извини. Я все понял. Без чертежей, лекал и инструмента... Это невозможно. Извини.

Проход Макарович. Куда пошел-то? Чертежи я еще в его возрасте наизусть выучил. Лекала с закрытыми глазами нарисую. А инструмент наши оружейники спокон веку сами делать умели. Только глаза подводят, мелкие детали не вижу. Мне бы в помощь кого...

Горшков. Кого бы потолковее... Есть один специалист. Не оружейник, но глаза молодые и зоркие. Никита!

Никита. Я здесь!

Проход Макарович. Ты чей такой будешь?

Никита. Я Никита. Пока тут при батальоне. А так — свой собственный.

Проход Макарович. Это как так?

Никита. Папка на фронт ушел. Мамку немцы убили. Ну и вот...

Проход Макарович. За что они мамку?

Никита. А просто. Напились, шли по деревне и стреляли во всех, кого увидят.

Проход Макарович. Никит, ты сам откуда?

Никита. Из Малыни. Это рядом с Крапивной. Слыхали?

Горшков. Крапивна? Очень слышали. Значит, так, боец Никита! Поступаешь в распоряжение товарища оружейника.

Никита. Есть!

Горшков уходит.

Явление 25.
Прохор Макарович и Никита.

Прохор Макарович. Значит, ты Никита.

Никита. Здравствуйте. Никита. А вы оружейник? Как Левша?

Прохор Макарович. Я дядя Прохор. Оружейник. Как Левша. Только не из книжки, а настоящий.

Никита. Здорово! Дядя Прохор, а вы водку тоже пьете? Как Левша?

Прохор Макарович. Дурное дело нехитрое. Иногда пью. А ты?

Никита. Что вы! Меня мамка за глупости заругает. Только теперь ругать некому. Мамка...

Прохор Макарович. А меня давно ругать некому.

Никита. Вы что ли круглая беспризорная сирота?

Прохор Макарович. Круглая...

Никита. Знаете что? Давайте я вас на поруки возьму. Ну, как двоечника. И буду за глупости ругать. А вы меня. Ладно? Я же в оружии совсем ничего не смыслю.

Прохор Макарович. По рукам! А насчет оружия... Никит, ты в Туле был?

Никита. Был.

Прохор Макарович. Пряники ел?

Никита. Ел.

Прохор Макарович. Ну, тогда и с винтовками справишься. Пойдем, брат. Глупости сами себя не сделают.

Явление 26.
*Москва. Квартира Горшковых.
Людаша и Тоня Горшковы.*

Людаша. Мама, кто приходил?

Тоня. От папы.

Людаша. Зачем?

Тоня. Записку передали.

Людаша. Ура! Письмо от папы!

Тоня. Не письмо. Только записка (*читает*). «Береги девочек. Я буду любить вас всегда». Толя...

Людаша. Мама! Мамочка! Не плачь! Мама!

Явление 27.
Бойцы Тульского рабочего полка строят укрепления.

Прохор Макарович. Разбирай, ребята, винтовки!

Горшков. Спасибо, отец! Это пока все?

Прохор Макарович. Пока да. Но мы работаем. Попробуем еще «Максима» восстановить. Товарищи, у кого чего не работает — говорить Никите Львовичу.

Волнянский. А кто это, Никита Львович?

Прохор Макарович. Никита Львович — мой заместитель.

Никита. Это я. У вас что неисправно, товарищ?

Волнянский. У меня все. То есть, все работает!

Горшков. А вы кто, товарищ?

Волнянский. Лейтенант Волнянский. Командую зенитной батареей.

Горшков. Лейтенант... Сам видишь, силы у нас боевые, но очень ограниченные. И подкрепления сегодня ждать неоткуда. Но танки в Тулу войти не должны.

Волнянский. Я интересовался. Тактика Гудериана всегда проста и рациональна:

с ходу, по шоссе пробить оборону, ворваться в город, посеять панику. Следом уже заходит пехота и завершает захват населенного пункта. В общем, у нас как в песне: «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой»...

Горшков. Да нет, лейтенант. Это не приказ. Это либо мы их, либо завтра не то, что нас... Страны нашей не будет.

Волнянский. Как не будет? Мне после войны в институте восстановиться надо. Я же с первого курса ушел.

Горшков. На кого учишься?

Волнянский. На химика-технолога.

Горшков. Химик — это правильно. Мы на твои зенитки очень рассчитываем, лейтенант.

Троицкий. Химик — это как Менделеев?

Волнянский. Почти...

Троицкий. Очень полезная специальность. Менделеев водку изобрел!

Волнянский. Это распространенное заблуждение. Менделеев ставил опыты с соединениями спирта и воды, но водку изобрел не он.

Троицкий. Получается, Менделеев только спирт водой разбавил, а водка сама собой появилась?

Верочка (Волнянскому). Откуда ж вы к нам?

Волнянский. Из военного училища.

Верочка. Такой молоденький и уже командир.

Волнянский. Так точно. У меня и документ есть. Вот.

Верочка (видит фотографию). А это кто? Красивая. Девушка? Ей письмо написал?

Волнянский. Я... Да... Никак не отправлю. *(видит Никиту с винтовками)* А это что за система?

Никита. Это же винтовка Манлихера!

Волнянский. Кого?

Никита. Главное, что стреляет. Или вам не все равно, из чего фашистов бить?

Появляются Зина и Клава.

Зина. Товарищ командир полка! Там с ликеро-водочного завода ящики принесли.

Горшков. В такие времена это дело хорошее! Что принесли?

Клава. Бутылки. Вот эти. Там целый ящик стоит. Куда их?

Волнянский. Можно я помогу?

Клава. Можно.

Горшков. Только аккуратнее. Там «коктейль Молотова».

Волнянский. А на этикетке «Водка»...

Троицкий. Он как раз химик, умеет опыты со спиртом и водой ставить.

Горшков. Этикетки старые. А внутри легковоспламеняющаяся зажигательная смесь.

Гольяков. Для танков это. Опохмел захватчика. Так что губу не раскатывать.

Волнянский. Я вообще-то непьющий.

Гольяков. Вот и узнаем. Неси их туда. Иди-иди!

Зина. А нам куда?

Горшков. Вот там пока будьте.

Зина и Клава. Есть!

Алла Аскольдовна и Григорий Моисеевич.

Григорий Моисеевич. Алла Аскольдовна. Могу я вас просить об одолжении?

Алла Аскольдовна. Да, Григорий Моисеевич.

Григорий Моисеевич. Со мной...

Алла Аскольдовна. Что с вами?

Григорий Моисеевич. Алла Аскольдовна, если со мной что-то случится...

Алла Аскольдовна. Бог с вами, Григорий Моисеевич!

Григорий Моисеевич. Алла Аскольдовна, если со мной что-то случится, позаботьтесь, пожалуйста...

Алла Аскольдовна. Конечно!

Григорий Моисеевич. Позаботьтесь о Боцмане. У него, кроме меня, никого нет. А ему по человеческим меркам уже за шестьдесят...

Алла Аскольдовна. Да, Григорий Моисеевич. Не переживайте. Я, наверное, пойду. У меня дежурство.

Григорий Моисеевич. На крыше?

Алла Аскольдовна. Да. Кто-то должен тушить зажигалки, чтобы они не взорвали весь дом. Григорий Моисеевич, можно и я вас попрошу? Если со мной что-нибудь...

Григорий Моисеевич. Алла Аскольдовна, с вами ничего не может случиться.

Алла Аскольдовна. Откуда вы знаете?

Григорий Моисеевич. Я в вас верю.

Приходит Иван Фомич.

Иван Фомич. Без паники! Я с вами! Si vis pacem, para bellum. Хочешь мира, готовься к войне! Лучше пишите мне, я все равно ничего не слышу. Эй, ребята, дайте-ка дедушке винтовку (*получает винтовку*). Тяжелая. А полегче у вас винтовок не водится? (*винтовке*) Ладно, душенька, иди сюда. Красавица! Эй, ребята, положите меня с ней. Нежнее! И поудобнее. Caelum nobis adjuvabit! Да помогут нам небеса!

Волнянский. Дед! Тебя нам только не хватало... Вот что с тобой делать?

Иван Фомич. Я ничего не слышу. И уже много лет.

Волнянский. Это нам повезло, так повезло...

Иван Фомич. Поэтому хорошо читаю по губам, юноша.

Волнянский. Не серчай, отец.

Иван Фомич. Сынок, ты не волнуйся. Все равно мне на том свете давно прогулы ставят. Поэтому раньше я умру или позже — не важно. Главное, чтобы с пользой. Тогда, глядишь, добрым словом Ивана Фомича вспомните. А? Вспомните?

Волнянский. Спасибо, отец.

Волнянский уходит. Вбегает Гольтяков.

Гольтяков. Немцы! Идут с стороны Косой Горы!

Горшков. Это хорошо. Значит, прямо на нас. Товарищи! Наша задача — удерживать свой участок обороны. Мы не одни. Правее стержень всей обороны — 156 полк НКВД, далее — батальон милиции. Все понятно?

Волнянский. А кто же в самой Туле за порядком следит?

Горшков. Начальник милиции Пичугин и еще один сотрудник. Товарищи! Я не туляк, человек приезжий. И оттого мне со стороны особенно заметно, что Тула — город не простой. Если хотите, Тула — мастерская всей России. И мастера здесь разные, но одно у них общее: умеют они сотворить чудо буквально из ничего. Ведь и пряники, и самовары, и оружие не только туляки делают. А на всю страну именно тульские чудеса славятся. А все потому, что у туляка руки золотые, душа стальная, а сердце открытое. И я верю, что наш с вами рабочий полк сможет сотворить чудо. И

Тула станет не последним городом, что падет на пути Гитлера к Москве, а первым городом, что его остановит.

Никанор Васильевич. Зубы о наши пряники обломают!

Те же и Дуняша.

Дуняша. Немец в Тулу не войдет. Я Тулу на замок заперла, а ключи спрятала. Ему не найти. Не найти...

Верочка. Матушка, спасибо! Я же тогда к иконке подошла да решила ее поровнее поправить. А из-за нее ручка и выпала. Я туда ручку с чернилами от сына прятала, когда он малым проказничал. Так и осталась привычка. Взяла бумагу и написала в его часть. А мне оттуда командир ответ шлет: жив, дескать, сынок ваш. В госпитале. Скоро сам напишет. Спасибо, матушка! Спасибо!

Взрывы. Звук летящих самолетов. Начинается обстрел.

Явление 28.

Немецкое наступление.

Никита. Почему мы ничего не делаем?

Горшков. Надо подпустить их ближе. Товарищи! Не бойтесь. Наша задача сначала подпустить их ближе, а потом отсечь пехоту от танков.

Клава. А потом?

Горшков. А потом пехоту уничтожить.

Зина. А танки?

Горшков. А для танков у нас другие «пряники» припасены.

Клава. Какие?

Со стороны позиций 156 полка доносятся звуки артиллерийского обстрела.

Горшков. А вот эти!

Горшков передает бинокль Верочке.

Она смотрит в сторону, с которой были слышны выстрелы.

Верочка (глядя в бинокль). Ура! Подбили! Танк подбили!

Верочка передает бинокль Никите.

Горшков. Батарея лейтенанта Волнянского. Вот наш «пряник». Молодец, лейтенант.

Со стороны позиций 156 полка снова доносятся звуки артиллерийского обстрела.

Никита (глядя в бинокль). Ура! Еще один! Подбили! Танк подбили!

Горшков забирает бинокль.

Горшков (глядя в бинокль). Главное, не пустить танки ближе вон того пригорка.

Зина. Почему?

Горшков. Они выпадут из зоны обстрела артиллерии лейтенанта Волнянского.

Горшков. А теперь приготовились! Отсекаем пехоту от танков! Огонь!

Иван Фомич. Dum spíro, spéro!

Пластический номер.
Горшков командует. Бойцы рабочего полка стреляют. Кто-то падает.
Санитарки оказывают помощь. На позиции взрывают мины.
Несколько бойцов, в том числе Горшков падают.

Явление 29.
Москва. Квартира Горшковых.
Тоня Горшкова слушает радио.

Голос диктора. В течение прошедших суток наши войска вели бои с противником по всей протяженности линии фронта. Нашей авиацией на различных участках уничтожено до 80 автомашин с войсками и грузами, сожжены 2 склада боеприпасов, рассеяно и частью уничтожено до роты пехоты противника. Существенных изменений на фронте не произошло.

Тоня. А Тула? Что в Туле? Почему ты молчишь про Тулу, будто ее вовсе не существует? Она есть. И вы прекрасно знаете, что там. Только не говорите. Почему? Почему? Он жив? Он же жив? Ну, пожалуйста, скажи, что с ним? Скажи... Говори, сволочь! Говори! Говори...

Явление 30.
Медицинский блиндаж.
Горшков, Зина.

Зина. Товарищ Горшков! Товарищ Горшков!

Горшков (*приходя в себя*). Я Горшков. Что здесь...

Зина. Вас контузило. Я Зина. Мы с Клавой в истребительном батальоне у вас были. Помните?

Горшков. Зина... Кровь на мне есть? Раны?

Зина. Нет, все хорошо. Лежите. Вам сейчас лежать надо.

Горшков. Какой, к черту, лежать...

Зина. Полежите немного. Нельзя сразу вставать. Дольше восстанавливаться будете. Полежите хотя бы полчаса. А потом как встанете, как всех победите!

Горшков. Чудес не бывает.

Зина. Не скажите. Видели, блаженная ходит? Так она похоронку на Витьку тисветиноного порвала. Мы с Клавой думали, сумасшедшая. А через неделю письмо от Витьки пришло. Оказывается, в полку у него однофамилец был. Ну, Кузнецов — фамилия не редкая. Только наш Виктор Андреевич, а тот — Владимир Александрович. Инициалы совпадают. И когда погиб Владимир, что-то перепутали и похоронку на Виктора отправили. Вот. А вы говорите, чудес не бывает.

Горшков. Значит, бывают?

Зина. Очень бывают. Я пойду, там раненых выносить нужно. Полежите? Хорошо?

Горшков. Хорошо, Зина...

Явление 31.
Позиции рабочего полка.

Гольтяков. Отец, ты где так стрелять научился? Я такого снайпера даже в Москве на соревнованиях не видел.

Иван Фомич. Что? Стрелять? Так я еще по молодости при Александре III Миротворце на першинской охоте великого князя Николая Николаевича в Алексинском уезде выжлятником подрядился. Какая была охота... Медведи, волки, лоси, кабаны! А птицы — какой только не били! Вальдшнепы, тетерева...

У бойцов появляются какие-то листки.

Гольтяков. Погоди, отец. Что это?

Григорий Моисеевич. «Приказываю немедленно оставить позиции и отойти в направлении...». Ерунда какая-то.

Верочка. Значит, надо отходить.

Гольтяков. А чей приказ? Подпись чья?

Григорий Моисеевич. Командир рабочего полка Горшков.

Гольтяков. Подпись от руки. А сам приказ на машинке отпечатан. Странно. Где контуженный Горшков сейчас печатную машинку нашел?

Иван Фомич. У нас почти как осада Трои.

Верочка. Кто трое? Втроем?

Иван Фомич. Троя — это город в Древней Греции. Так вот осажденную Трою десять лет не могли взять силой. Но взяли в один день хитростью. Про троянского коня слышали?

Гольтяков. Отец, давай короче.

Иван Фомич. Это было в 12 веке. До нашей эры. Вы не помните. Осаждавшие сделали вид, что сдались и ушли, оставив огромную статую деревянного коня. Троянцы решили, что конь — подношение богине Афине и вкатили его в город. А ночью из коня выскочили солдаты и открыли ворота Трои. К утру город пал.

Зина. Отсюда вывод: религия — зло.

Прохор Макарович. Отсюда вывод — эту бумажку, прежде чем исполнять, проверить надо.

Клава. Ну, так что? Отходим?

Гольтяков. Не знаю, чья тут подпись, но такими крупными каллиграфическими буквами пишут только женщины.

Явление 32.

Кабинет Жаворонкова.

Жаворонков, Суходольский, Горшков.

Жаворонков. Значит, в первый день нами отбито четыре танковые атаки?

Горшков. Так точно. 30 октября началось с четырех атак.

Жаворонков. А танки? Сколько танков?

Суходольский. В каждую атаку от 20 до 50 танков и до батальона мотопехоты. Кстати, мины, установленные на Орловском шоссе, не сработали.

Жаворонков. Почему?

Суходольский. Неизвестно. В результате группа танков беспрепятственно вышла на взвод Волнянского. Взвод Волнянского подбил 14 танков противника.

Горшков. На следующий день, 31 октября, отражены еще три танковые атаки. 1 ноября — еще две танковые атаки, а также многочисленные атаки отдельных участков фронта группами до 5 танков и до взвода пехоты.

Суходольский. К нам начинают прибывать подразделения 50-й армии, вырвавшиеся из окружения. Сегодня 400 человек направили на левый фланг 156 полка.

Жаворонков. Да. А еще разведка привела из леса около 200 человек дезертиров, оставивших окруженные части. Их необходимо арестовать и передать в ведение военного трибунала.

Суходольский. Почему же дезертиров? Оружие они не бросили. Знаки различия не утратили. И пришли к своим. Предлагаю отправить их в баню, накормить, выдать новое обмундирование, а потом на помощь Рабочему полку.

Жаворонков. А что за история с фальшивым приказом об отступлении?

Горшков. Кто-то раздал листы с приказом отступать якобы от моего имени. Но бойцы приказу не поверили.

Суходольский. Мы разбираемся, откуда взялся этот приказ.

Жаворонков. Тем не менее, к концу дня рабочий полк все же отступил к кладбищу.

Горшков. Да, люди не выдержали натиска. И отошли на новые позиции. Но это принципиально не изменило расстановки сил.

Жаворонков. Принципиально! Не изменило! Хорошо что я это понимаю. А если этот вопрос задам не я, а какой-нибудь штабной умник? Не изменило! А если бы изменило? Если бы речь шла о бойцах Красной Армии, этот вопрос мог бы дойти вплоть до военного трибунала!

Горшков. Безусловно. Только это не бойцы Красной Армии. Вы списки откройте. Маляр, студент, певица хора, сантехник, учитель химии, продавец. Там даже школьники и директор театра есть. У них не то что боевого опыта — они оружие в руках еле держать научились. И вот этими людьми за три дня боев подбито 60 танков и уничтожено около 500 солдат и офицеров одной из сильнейших армий мира.

Суходольский. А потери рабочего полка?

Горшков. Порядка 300 человек.

Суходольский. Рабочий полк всего 900 человек? То есть каждый третий? Да... Ты про лейтенанта Волнянского знаешь? Ну, тот паренек-артиллерист?

Горшков. Слышал. Волнянский — в первый же день. Вот, письмо матери написал, а отправить не успел.

Суходольский. А это кто? Его девушка? Красивая (*переворачивает фотографию*). «Любимому сыну Грише от мамы»... Отправьте, Толя, и от себя напиши про парня, как положено.

Горшков. Есть. А еще комиссар Агеев.

Жаворонков. Что Агеев?

Горшков. Выносил раненых с поля боя. Вынес семерых. Восьмого не вынес. А еще санитарки наши попали. Девочки совсем. Поползли за ранеными, а тут немцы. На штыки их подняли... В общем... Зина и Клава...

Жаворонков. Все равно. Дальше кладбища для нас земли нет. Так Агеев говорил?

Горшков. Мы это поняли. Правда. Как в кресты уперлись, так и поняли. Вроде как кладбище. Место невеселое. Только у людей на кладбище даже настрой сменился. Туда мы отступали. А там... Знаете, будто те наши деды и прадеды... Будто они из земли поднялись и с нами рядом встали.

Явление 33.

Попеременно высвечиваются отдельные сцены:

Бойцы Рабочего полка по команде Горшкова стреляют.

Прохор Макарыч и Никита чинят оружие.

Алла Аскольдовна тушит «зажигалки».

Жаворонков и Суходольский дают указания по телефону.

Дуняша. Немец в Тулу не войдет. Я Тулу на замок заперла, а ключи спрятала. Ему не найти. Не найти...

Гольтяков. Спасибо, мать! Помогаете!

Дуняша. Тебя дома радость ждет. Сын.

Гольтяков. Мать, у меня нет никого.

Дуняша. У тебя сын.

Гольтяков. Танька моя, что ли... Сын?

Никанор Васильевич. А мой внук с войны вернется?

Дуняша. Тяжело будет. Крылья потеряет. Вернется.

Никанор Васильевич. Крылья? Он у меня летчик...

Верочка. А мой муж ко мне вернется?
Дуняша. Он с войны вернется.
Верочка. С войны — хорошо? А ко мне? Ко мне вернется?
Лена. Бабушка, а я знаю, почему вокруг так страшно.
Дуняша. Почему, внучка?
Лена. Чтобы было не страшно умирать.
Дуняша. Тебе когда совсем плохо станет, покорми котика.
Лена. Котика?
Дуняша. Покорми котика.
Григорий Моисеевич. Когда мы немца прогоним?
Дуняша. Время придет — прогоним. Время придет.
Никита. А мой папка с фронта вернется?
Дуняша. Не вижу. Туман. Ничего не вижу.
Гольтяков. А я во все это не верю.
Дуняша. В победу веришь?
Гольтяков. В победу — верю.
Дуняша. Ты в победу верь. А в тебя Он верить будет.

Дуняша уходит.

Явление 34.

Группа бойцов рабочего полка подходит к позициям 156 полка НКВД.

Гольтяков. Товарищ капитан, а что за блаженная бегает и про какие-то ключи от Тулы бормочет?

Горшков. Ты сам сказал. Блаженная.

Гольтяков. Почему ее не уберут? Она только народ смущает.

Горшков. Она народу веру дает. Верить иногда очень важно. Когда отец умер, я в детстве несколько лет у бабки в деревне жил. Деревенские ребята меня поначалу не приняли. Даже поколотили. Однажды я купался в речке и нашел камешек с дырочкой. Бабка обрадовалась! Веребочку в него вдела и мне на шею повесила. Она его Куриным Богом называла. И очень верила, что он меня защитит. И, знаешь, я тоже в него верить начал. Будто какой ангел-хранитель у меня появился. И вести себя стал уверенно, спокойно. И вроде бы я ничего специально не делал, только деревенские сначала отстали, а потом и вовсе зауважали.

Григорий Моисеевич. И где тот Куриный Бог?

Горшков. Не знаю. Просто однажды он пропал. Видно, веревка перетерлась. Или зацепил за что.

Григорий Моисеевич. А может, Бог сделал свое дело и ушел?

Горшков. Бог его знает...

*Нарастает гул движущегося транспорта. Внезапно зажигается слепящий свет.
Свист трассирующих пуль.*

Верочка. О, Господи!

Гольтяков. Что это?

Горшков. Спокойно, товарищи. Это психическая атака. Просто на нас движутся машины с горящими фарами.

Григорий Моисеевич. И прожекторами.

Гольтяков. И что теперь?

Горшков. К бою готовься! Подпускаем ближе. Еще ближе. Еще ближе... Еще... А вот теперь... Огонь!

Иван Фомич. Dum spíro, spéro!

*Бойцы 156 полка НКВД открывают огонь по наступающим.
Свет теряет яркость.*

Явление 35.

Жаворонков, Суходольский и Семенов.

Семенов. Здравствуйте, товарищи! Кипяточком не богаты? Ну и мороз! Сколько себя помню, а такого не помню. Еще и снега навалило! Замерз, как цуцик!

Жаворонков. Привет, разведка! Ты как в Тулу пробрался? Нас же Гудериан почти в кольцо взял. А еще морозы навалились, как в сказке!

Суходольский. Лазейка только одна — шоссе на Москву. Но там такой обстрел... Ты как проскочил?

Жаворонков. Что молчишь? Чем порадуешь?

Семенов. Ой, не знаю. Разве тем, что с отличием окончил разведшколу Абвер-группы. И теперь заслан в Тулу для сбора сведений о численности частей Красной Армии, обороняющих город.

Суходольский. Врешь!

Семенов. Двойные агенты никогда не врут!

Жаворонков. То есть ты к нам прямо от фрицев? Ну, ты даешь.

Семенов. Это вы даете. Загадали вы задачку Гудериану! Нет, они знают, что Красной Армии помогают партизаны из числа жителей Тулы. Но они уверены, что за туляками стоит регулярная армия.

Жаворонков. Скорее бы уже...

Семенов. И ведь раньше разведка сообщала, что в Туле войск нет.

Суходольский. Ну что, Василий Гаврилович, а секрет тульского пряника сработал!

Жаворонков. Но это же так просто... И что они планируют теперь?

Семенов. Пока на распустье. Решили активно не атаковать. Ждут моего сообщения. Кстати, в Туле ко мне должен выйти на связь человек из местных.

Суходольский. Ценный человек?

Семенов. Еще какой! Говорят, в первый день обороны он организовал отступление рабочего полка.

Жаворонков. Не то, чтобы отступление...

Суходольский. Вот он. Нашелся.

Семенов. Завтра в полдень на пьяном углу он будет стоять с газетой «Молодой коммунар» в руках.

Суходольский. Это очень интересно. Паша, мы присоединимся. Не против?

Семенов. Я очень «за»! Но вообще Гудериан в печали. Гитлеру он обещал взять Тулу еще 15 октября. Своим солдатам он навешал на уши лапши про зимние квартиры в Туле. И вот — зима пришла. А Тулы у немца как не было, так и нет.

Жаворонков. Это правда. Но город в клещах. Первые атаки мы отбили. И морозы нам помогли. А если немец соберет силы и снова двинет на Тулу?

Явление 36.

Тульский Роддом.

Гумилевская, Таня Гольтякова, медсестры.

Гумилевская. И долго ты собиралась дурочку валять? О ребеночке заботиться нужно.

Таня. Все-таки я беременна... Вы точно уверены?

Гумилевская. Да ты в дверь только вошла, я поняла, что у тебя двадцать пятая неделя. На осмотр являться надо, анализы сдавать. Где тебя носило, пока все работа-

ло? Нет, дождалась, пока немец в городе все электричество обрубил. Ой, молодежь! Папка знает? Обрадуй.

Таня. Не знает... Не могу...

Гумилевская. На фронте? Эй, ты чего скисла? Погиб, что ли?

Таня. Нет! Вы что! В Туле он. В рабочем полку.

Гумилевская. Тем более, обрадуй отца! Поругались, что ли? Бросил? Изменил? Обидел? А что?

Таня. Я обиделась.

Гумилевская. Ой, девка... Любишь? Хороший он у тебя? Вот потому и обиделась. Был бы пьяница, поколачивал — некогда было бы обижаться.

Таня. И что мне теперь...

Гумилевская. Прощения проси и мирись, пока какая вертихвостка не подобрала. Хорошие — они не залеживаются.

Таня. Как это, подобрала? Какая вертихвостка?

Гумилевская. Это ты мужа спросишь, когда придет.

Таня. Куда придет?

Гумилевская. Сюда придет. Я тебя оставляю. Понаблюдать надо. Да и мороз на улице минус тридцать. Куда ты по нечищенной Туле пойдешь? Садись, отдыхай. А мне работать пора. Оля! Свечи приготовила?

Оля. Приготовила, Вера Сергеевна!

Гумилевская. Ира, снег принесла?

Ира. Принесла, Вера Сергеевна, уже топлю, скоро вода закипит.

Гумилевская. Девочки, готовьте роженицу. Я мыться.

Явление 37.

Те же и Гольтяков.

Гольтяков. Вера Сергеевна, здравствуйте!

Гумилевская. Здравствуй, Боря!

Гольтяков. Я дров вам привез. И вот...

Гумилевская. Гусиный жир!

Гольтяков. Он самый. Без него в такой мороз никуда.

Гумилевская. Вот молодец! А то мне девчат своих прямо жалко. Водопровод разбомбили, а какие роды без теплой воды? Так мы снег топим. Только на мороз за снегом бегать холодно.

Гольтяков. Ничего, носы с губами намажут, и жить можно. Конечно, морозы крепкие стоят, но мы и привычные, и одеты как положено. А немцу этот мороз просто смерть. Столько обмороженных! Некоторые до смерти.

Гумилевская. За чем пойдешь, то и найдешь.

Гольтяков. А главное, у них все танки, все машины встали. Мало того, что их снегом занесло, так у них еще топливо и смазка к морозу не приспособлены. Замерзли!

Гумилевская. Есть Бог на свете! Боря, ты этого не слышал.

Гольтяков. Не слышал, Вера Сергеевна. Но есть! (*видит жену*) Таня? Таня! Ты где была! Я к подружкам твоим ходил, на старую квартиру, нигде тебя нет...

Таня. Боря! Боречка! Прости меня! Я больше так никогда-никогда не буду!

Гумилевская. Так ты еще и Борькина жена? Ну, девка...

Таня. Боря, прости меня, прости... Я же не знала...

Гольтяков. Таня, что ты? Что случилось?

Гумилевская. Что положено, то и случилось, папаша.

Таня. Боря... Я же тогда даже не догадывалась, как я бесконечно счастлива!

Гольтяков. Тогда, это когда?

Таня. До войны.

Гумилевская. До войны мы все об этом не догадывались.

Явление 38.

Те же и боец 50-й армии Юткин.

Юткин. Эй! Есть кто живой?

Оля. Стойте! Вы кто? Сюда нельзя!

Юткин. Товарищи бабоньки, уважьте сибиряков! Я смотрю, у вас дымок из подвала вьется. Значит, топится. Налейте кипяточку!

Гумилевская. А ты, сынок, чей будешь?

Юткин. Гришка я, Юткин. 50-я армия.

Гольтяков. Пришли?

Юткин. Пришли. Все, выдыхайте. Красная Армия с вами!

Гумилевская. Слава Богу, дождались...

Голос диктора. От советского Информбюро. Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы. Противник имел целью окружить и занять Тулу, Каширу, Рязань, чтобы потом ударить с трех сторон и занять Москву. Для этого на указанных направлениях были сосредоточены третья и четвертая танковые группы генералов Гоота и Хюпнера, а также вторая бронетанковая армия генерала Гудериана. До 5 декабря 1941 года наши войска вели ожесточенные оборонительные бои, сдерживая наступление ударных фланговых группировок противника. В результате начатого наступления Красной Армии противник разбит и поспешно отходит, бросая технику, вооружение и неся огромные потери. Освобождены Узловая, Дедилово, Клин, Ясная Поляна, Богородицк, Алексин, Щекино, Крапивна. Хвастливый план окружения и взятия Москвы с треском провалился. Наши войска продолжают продвижение вперед.

Все (хором) Ура!

Явление 39.

Тула. Пьяный угол.

Появляется Троицкий.

Он достает из кармана газету «Молодой коммунар» и делает вид, что читает.

К нему подходят двое и уводят.

Явление 40.

Кухня коммунальной квартиры.

Мяукает Боцман. Входит Алла Аскольдовна.

Алла Аскольдовна. Ну, здравствуй, Боцман. Поешь, пожалуйста. Я знаю — тебе плохо без него. Кто бы мог подумать, но без него плохо не только тебе. Знаешь, как мы поступим? Мы будем ждать. Ведь пропал без вести — это же не погиб? Значит, ждать. Сколько? Не знаю. Год, два, три... Разве это важно? Боцман, а ты хам. Напоминать женщине о ее возрасте... Тем более, по кошачьи меркам мне всего-то одиннадцать. Так что ждать. Ждать!

Боцман мяукает.

Из глубины квартиры появляется Лена с блюдцем в руке.

Лена. Кыс-кыс-кыс... Боцман! Боцман...

Лена видит Аллу Аскольдовну. Алла Аскольдовна обнимает Лену.

Появляется Никита с чайником.

Никита. Доброе утро. Прохор Макарович просил передать, что он вышел из туалета и пошел в ванную.

Явление 41.

НКВД Тулы.

Суходольский, Горшков, Тоня.

Горшков набирает на телефоне номер.

Суходольский. Толя, когда закончишь — с тебя объяснение.

Горшков. Какое объяснение?

Суходольский. Акт на тебя бдительные граждане прислали. За разбазаривание народного имущества.

Горшков. Какой акт?

Суходольский. На тех семнадцать свиней, что не дошли до Тулы. Предлагают вычистить у тебя из оклада.

Горшков. А на тех шесть тысяч, что дошли и посаженную Тулу кормили? Владимир Николаевич, ну не сволочи ли?

Суходольский. Свиньи? Однозначно, сволочи. Пиши объяснение.

Суходольский уходит.

Тоня. Алло! Толя, это ты? Толя! Толя, не молчи!

Горшков. Да дай ты хоть слово сказать! Я. Конечно, я.

Тоня. Толя... Ты живой?

Горшков. А ты как думаешь?

Тоня. Ты не голодный?

Горшков. Как девочки? Как ты?

Тоня. Горшков... Я хочу, чтобы ты знал. Мы тебя очень любим.

Горшков. А мою Москву?

Тоня. Дурак. Только ты мог спросить это в такой момент. Я сейчас всех люблю.

Горшков. А я полюбил твою Тулу.

Тоня. А Крапивну?

Горшков. И Крапивну тоже.

Тоня. Думала, Тула — не граница. А оказалось...

Горшков. А оказалось, граница меня догнала. А я ее прогнал.

Тоня. Я очень соскучилась.

Горшков. Это правильно.

Тоня. Толя... Ты живой! Немца от Москвы прогнали! Ты понимаешь, что это значит?

Горшков. Что?

Тоня. Значит, ты скоро вернешься и обнимешь меня! И это чудо!

Горшков. Тоня, чудес не бывает. Хотя в Туле я начал в этом сомневаться.

Тоня. Чудо ты мое тульское!

Занавес.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Надежда Давыдова
(г. Тула)

ВАРЕЧКА

Надежда Давыдова родилась в г. Донском Тульской области. Член Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», руководитель его российского (московского) отделения. Стихи пишет с юности. Автор текстов более тридцати песен, шесть из которых вошли в два альбома композитора Алексея Аппина «Ночной коктейль» и «Пятый». Произведения публиковались во многих литературных журналах и альманахах. Победитель Международного литературного фестиваля «СЛАВЯНСКАЯ ЛИРА-2025» в номинации «Малая проза».

Уже полгода живу в квартире, которая досталась мне от бабушки, а до того, чтобы разобрать антресоль, руки дошли только сейчас. Сначала хотела взять все скопом и выбросить, но стало любопытно, что же хранила бабушка в этих старых чемоданах. Как и ожидалось, старые вещи, обувь, книги... Но один чемодан был, на удивление, легкий. Когда я его открыла, увидела плюшевого медведя. Медведь был очень старый, но складывалось впечатление, что им никто никогда не играл. А еще на дне чемодана лежало черно-белое фото девочки лет пяти, в нарядном платье, с бантами на голове. В руках у девочки был тот самый плюшевый медведь, которого я нашла в чемодане. На обороте фотографии было написано: «Варечка. 1941 г». В этот момент какая-то пылинка попала мне в глаз, я попыталась выгнать пылинку и часто-часто заморгала...

* * *

...Я проснулась, когда солнышко уже заглядывало в окно спальни. Открыв глаза, сразу увидела большого плюшевого медведя, подарок от мамы и папы. Мне сегодня исполняется пять лет. На стуле возле кровати мама положила наглаженное красное платье и чулочки. Я почувствовала сладкий запах, доносящийся из кухни, и сразу догадалась, что мама печет праздничный пирог. Взяв мишку на руки и спрыгнув с кровати, я побежала на кухню. Мама и вправду была там, в нарядном голубом платье, поверх которого был повязан фартук. Моя мама очень красивая, густые темные волосы собраны на голове в гладкий пирожок. Когда я вырасту, у меня будет такая же прическа, как у мамы. У меня волосы тоже длинные и густые. Услышав шаги, мама обернулась:

— Варечка! С днем рождения тебя, доченька! — мама крепко обняла меня.—

Расти большой, здоровой, слушайся папу и маму,— она поцеловала меня в щечку,— Тебе понравился наш подарок?

— Да, мамочка, мишка такой большой и класивый, я его люблю. И вас с папой тоже. Сильно-сильно,— добавила я.

— Посади пока мишку на стул и беги, надевай чулочки и платье, а потом я завяжу тебе банты,— мама улыбнулась, а я вприпрыжку побежала в комнату. Сегодня к нам придут гости. Таточка из соседнего подъезда, Лелечка и Наточка, дочери маминной подруги, и Митя, с которым я вместе хожу в одну группу детского сада, а еще папины и маминны друзья.

Стол был накрыт в большой комнате, мама застелила его красивой кружевной скатертью. Мама называла эту скатерть праздничной. На стене громко тикали часы с кукушкой. Из патефона звучала песня «Утомленное солнце». Я знала эту песню, а потому подпевала:

— *Утомленное солнце*
Нежно с моим плечась.
В этот час ты плыла,
Что нет любви.

Взрослые танцевали, а мы с ребятами стали играть в жмурки. Мне выпало водить, и я крепко зажмурила глазки, а потом, когда снова открыла их, увидела, что мы с родителями ходим по зоопарку.

Я никогда раньше не была в зоопарке, но слышала о нем от ребят из группы, которые там уже были.

— Мама, а там слон будет? — спрашивала я, забегаю вперед и смотря на маму.

— Конечно, будет,— улыбалась мама.

— Папа, а жираф там есть? — дергала папу за руку.

— Есть, есть,— смеялся папа.

А я так волновалась, что потели ладошки. Папа и мама водили меня по зоопарку, показывая разных животных. Рассказывали, где эти животные водятся. Потом купили мне сахарную вату на палочке, она была розовая и такая вкусная, но пальцы очень быстро стали липкими. Я была так счастлива и уже представляла, как буду рассказывать подружкам о том, что была в зоопарке и кого там видела.

После зоопарка мы пошли в магазин «Детский мир», где мне купили сачок, так как на лето меня собирались отвезти к бабушке в Смоленскую область. Солнышко на улице светило так ярко, что на мгновение я зажмурила глазки.

К бабушке мы приехали в середине июня. Оказалось, что бабушка заболела и мама лечила ее какими-то порошками и микстурами. А я тем временем бегала по улице и знакомилась с обитателями деревни. В соседнем доме жили две сестры, тетя Аня и тетя Лена. У тети Ани был маленький сын, которого она возила в коляске, а у тети Лены ребенок только должен был родиться. А приехали они из Смоленска. Обе тети угощали меня конфетами и спрашивали, откуда я приехала. Я отвечала, что мы, с папой и мамой, приехали из Москвы к бабушке, маминной маме.

А еще я познакомилась с Минькой, Бобкой, Котькой и Нюркой. Минька и Нюрка были местные, а Бобка и Котька, так же как и я, приехали к бабушкам на лето. Я привезла с собой сачок, и мы с ребятами по очереди ловили бабочек. У Бобки был мяч, самый настоящий, а не из тряпок, и мы часами могли играть в него. Минька учил нас ловить рыбу и даже сам сделал нам маленькие удочки. А однажды мой папа позвал нас мастерить воздушного змея. Змей получился очень красивый, Нюра разрисовала его цветами и листьями. Мы долго бегали по траве, запуская змея, и смеялись от счастья. Какая-то мошка попала мне в глаз и от неожиданности я закрыла глаза.

Однажды я проснулась от разговора взрослых на кухне. На улице еще было тем-

но. Мне показалось, что мама плачет. Я быстро прыгнула с кровати и побежала на кухню. Там были бабушка, мама и папа. Мама плакала. У папы за спиной висел вещевой мешок. Уже два дня в деревне только и говорили о том, что началась война. Папа обнял меня крепко-крепко и сказал, что ему непременно нужно идти и защищать Родину, и ее, Варечку, тоже нужно защищать, и маму, и бабушку. Папа встал, обнял маму и бабушку и вышел из дома. А мама взяла меня на руки и отнесла в постель. Села рядом и тихонько запела: «Баю-баю-бай, спи, малышка, засыпай». Тогда я еще не знала, что такое война, кто такие фашисты, но чувствовала, что это что-то очень нехорошее. Я крепче прижалась к маме и закрыла глазки.

Открыв глаза, я увидела, что мы с мамой стоим на площади, в центре деревни, перед домом, который все называли сельсовет. Там было очень много людей, почти все, кто жил в нашей деревне. Были даже две сестры, тетя Аня и тетя Лена. У тети Ани на руках был маленький ребеночек. Вокруг нас стояли немцы с автоматами. Рядом с главным немцем стоял дядя Паша, который работал учителем в школе. Нам было приказано молчать и слушать, что скажет господин офицер. Но в это время ребеночек на руках тети Ани заплакал. Она попыталась его успокоить, но он плакал еще громче. Один из немцев кивнул дядьке полицая в сторону тети Ани. Полицай подошел к ней и выхватил ребенка из ее рук. Взяв его за ножки, он со всего размаху ударил головой ребенка об угол дома. Ребенок замолчал.

— Мама, зачем дядя удалил Васеньку? Васеньке больно. У Васеньки кловь.

— Тише, дочка, молчи,— мама крепко прижала меня к себе.

— Мама, а почему Васенька молчит? Он спит, да?

— Спит. Тише, Варечка.

Полицай бросил Васеньку возле стены дома. На улице стало очень тихо, и только тетя Аня, громко вскрикнув, вдруг засмеялась каким-то страшным смехом, а потом... запела. Мне стало так страшно, что я крепко ухватилась за руку мамы. Тетя Лена подошла к сестре и хотела ее обнять, но тетя Аня вырывалась и смеялась все громче и громче. И вдруг немец с автоматом выстрелил, и две сестры упали рядом друг с другом. От ужаса у меня перехватило дыхание:

— Мама...

— Молчи, дочка, молчи! Не смотри! — мама ладонью закрыла мне глаза.

Тогда я еще не знала, что ждет нас впереди. А впереди была дорога.

В вагоне было темно и душно. А еще чем-то воняло так сильно, что было тяжело дышать. Людей было так много, что сесть было негде, а потому все стояли впри-тык друг к другу. А еще очень хотелось есть и пить. Я прижималась к маме и спрашивала:

— А куда мы едем?

— Не знаю, милая, не знаю.

— А когда мы плеедем?

— Тише, девочка моя.

— Мама, я кушать хочу.

Мама достала из-за пазухи маленький кусочек сухарика. К нему тут же протянулось несколько рук, но я быстро засунула сухарик в рот и, прижавшись головой к маме, закрыла глаза.

В последний раз я видела маму за воротами концлагеря. Все стены сверху были в колючей проволоке. Собрав всех, нас отвели в барак, где уже были очень худые, лысые дети, в полосатой одежде. Нас отвели в комнату, где остригли наголо и переодели в полосатую одежду. Наши головы посыпали порошком, от которого кожа на голове стала сильно чесаться и покрывалась волдырями.

В бараке ко мне подошла высокая, очень худая девочка, с большими голубыми глазами:

— Как тебя зовут? — спросила девочка.

— Валя,— ответила я.

— Валя? Красивое имя.

— Нет, Валечка.

— Я и говорю, Валя,— удивилась девочка.

— Нет. Валя...— я думала, как объяснить девочке, что не выговариваю букву «р»,— Лыба.

— Ааа... Варечка. А меня зовут Лида. Пойдем, я покажу, где ты будешь спать. Только запомни, после подъема на нары нельзя ложиться и садиться. Это запрещено. Тех, кто садится на нары, отводят в подвал и там запирают, а в подвале крысы. И еще, запомни, никогда нельзя плакать, чтобы не происходило, как бы больно тебе не было, плакать нельзя. Убьют.

У дверей барака стоял высокий немец с плеткой. Иногда он ходил вдоль нар, хлопывая плеткой по сапогам. Один маленький мальчик не успел вовремя уйти с дорожки и немец со всей силы хлестнул плеткой ему по лицу, ребенок упал. Из-за нар высочила девочка и накрыла мальчика своим телом. Тогда немец стал избивать плеткой ее. Бил до тех пор, пока девочка не перестала шевелиться.

Каждый новый день в бараке был похож на другой. Мы рано вставали, ели жидкую баланду. Потом мы должны были мести барак. Утром приезжала санитарная машина, которая забирала тех детишек, которые умерли. К этому времени я уже знала, что такое смерть, потому что видела ее каждый день. Ближе к обеду приезжала другая машина, в которой у нас брали кровь для раненых немецких солдат. С каждым разом мы становились все слабее, но очень боялись совсем ослабнуть. Совсем слабых детей забирали и куда-то уводили, или уносили, если дети не могли идти сами, и больше эти дети не возвращались.

Однажды, прямо посреди ночи, в лагере поднялся какой-то шум. Немцы бегали и что-то кричали. В наш детский барак забежало два фашиста и переводчик. Нам приказали встать, построиться и идти на дезинфекцию.

Я шла рядом с Лидочкой. Ножки совсем не хотели идти, может, от слабости, может, от страха. Лидочка взяла меня за руку, руки у нее были холодные и слегка подрагивали.

— Не бойся,— шепнула она,— это будет очень быстро, а потом ты встретишь маму. Мама ждет тебя.

— Рррано или поздно все умирррают. Только у некоторых жизнь длинная, а у нас короткая.

— Ты научилась выговаривать букву «Р»,— грустно улыбнулась Лидочка.

К маме очень хотелось, но все равно было страшно. Внутри стало холодно, как тогда, когда я зимой вышла на улицу раздетая, мама тогда очень ругалась. Мы перешагнули порог комнаты, в которой было очень тесно, некоторые ребятишки стояли с закрытыми глазами и, казалось, что-то беззвучно шептали. Железные двери захлопнулись. От страха сердце стало очень сильно биться, воздуха не хватало, и я крепко-крепко зажурчилась...

* * *

...Мне показалось, что я задыхаюсь. Резко открыла глаза и села на кровати. Что это? Откуда такой странный сон? Я узнала девочку с фото, Варечку. Если это воспоминания, то как получилось, что я увидела их во сне? Квартира, я узнала эту квартиру, именно в ней я сейчас и живу. Обстановка другая, обои, окна пластиковые, но это точно была именно эта квартира. Мне она досталась в наследство от бабушки, но я никогда не интересовалась, как бабушке она досталась. Я знала, что у бабушки был старший брат, который погиб на войне, но никогда не задумывалась, куда делась его семья. Неужели отец Варечки, этот красивый статный молодой мужчина и был братом бабушки? А еще, я никогда не думала о той войне, ведь это было так давно. В

горле пересохло. Я опустила ноги на пол и нашарила тапочки. Надев их, пошла на кухню. Налила стакан воды и села за стол.

Боже мой, бедные дети! У меня так и стояли перед глазами их маленькие изможденные лица. Дышать было тяжело, слезы сдавливали горло. И тут я вспомнила слова Лидочки: «Не плачь, плакать нельзя. Убьют!» Но кто оплачет этих несчастных детей? Я задумалась о своей жизни, как часто я говорила, что жизнь не имеет смысла, пила горстями антидепрессанты. Я встала и подошла к окну. За окном был ночной город. Кое-где горели фонари. Город спал, а я стояла возле окна и думала: прошло не так много времени со времен войны, а мы уже почти все забыли. Нас не интересует то, что было когда-то. Я вспомнила где-то прочитанную фразу: «Кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его вновь».

Я посмотрела на свое отражение и вдруг вместо своего лица увидела лицо Варечки. Ее детское, худое лицо, с недетским взглядом. Казалось, что она хочет что-то сказать, и я поняла что. Ее взгляд говорил: «У тебя есть то, что отняли у нас, Жизнь. Не забывай!».

И в это мгновение я поняла, что она права. У меня есть жизнь, а значит в моих силах изменить ее к лучшему.

— Не забуду, — ответила я своему отражению.

Кристина Денисенко
(г. Юнокоммунаровск, ДНР)

ТРИНАДЦАТЬ ДНЕЙ СЕНЬОРА БИСТИО

Наш постоянный автор.

Вторую жизнь — яркую и долгую, — я провел на Кубе. Во мне не чаяла души моя прекрасная донья Исабель. Я отчетливо помню ее внимательные усталые глаза цвета светлого опала, ее серебристые волосы, аккуратно уложенные в пучок, ее загорелое лицо с сетью морщинок, но не от тяжелой работы, а от художественных мыслей и улыбок.

Когда в порту появились длинные, укрытые брезентом грузы, военная техника и советские солдаты, она пила чай на веранде в компании почетного профессора гаванского университета, Мигеля, и рассказывала ему свой загадочный сон, в котором где-то обронила свой медальон с фотографией покойного мужа и так и не нашла, потому что проснулась.

В то утро я сидел на полу и наблюдал за влетевшей бабочкой. Она порхала от полки с книгами на испанском к полкам с книгами на французском и на латыни, потом на фоне репродукций Веласкеса и Гойи, фотографий университетских коллег, пожелтевших афиш.

Дом доньи Исабель был ее крепостью и музеем. Как и Мари из Кенигсберга, она преподавала, но не немецкий язык в средней школе, а историю искусств и испанскую литературу Золотого века. Сервантес был ее любимым писателем. Дон Кихот — любимым персонажем. А я — любимым котом, и звали меня сеньор Бистио. Да! Не просто Васька, а сеньор Бистио! Я жил в старом колониальном особняке в районе Ведадо с пожилой преподавательницей университета, и ничто не предвещало беды, если не брать во внимание сон моей хозяйки.

Ранее мне трудно было оценить мир по достоинству. В моем мирке пахло преимущественно кофе, сигарами, морским бризом и жасмином, а вот когда появлялся запах страха, тогда я многое осознал и переосмыслил.

Я был умен и наблюдателен. Знал все дворы, все лучшие места для сна на солнце и в тени. Я знал всех уличных торговцев, всех булочников и цветочниц. Словом, я был счастлив до того момента, как по улицам разлился запах мазута и пота от тысяч новых бородатых солдат в зеленой форме.

Дон Педро из сувенирной лавки сказал сыновьям, что повстанцы на Малеконе роют траншеи, и я пошел на разведку. По дороге я слышал, как донья Луиза шепталась с сыновьями о советских баллистических ракетах, об угрозе ядерной войны, а еще вчера они весело обсуждали комедию «Развод по-итальянски» с Марчелло Мастоинни в главной роли.

У меня шерсть встала дыбом, когда я своими глазами увидел, как на пустыре, где еще вчера пели птицы, устанавливали зенитные орудия. Кубинские ополченцы и советские солдаты стояли плечом к плечу. Они вершили историю. Мне оставалось только наблюдать, и я наблюдал, пока один молодой советский парень по имени

Алексей не заметил меня. Он был высоким и ходил так ровно, словно нес на голове томик Сервантеса, как делала это донья Исабель для поддержания безупречной осанки. Его руки пахли колбасой. Не то чтобы я сходу разрешил ему себя погладить, но между нами словно вспыхнула искра, а вскоре возникла и особая связь.

На следующий день я снова пошел к Алексею, и узнал, что он родом из Сибири, у него есть жена, трое детей, он их очень любит и скучает по родному дому, по соннам, снегу и морозам. Мы ели странную жесткую колбасу, а мне было так страшно думать о судьбе моей доньи Исабель, о судьбах всего города, всего мира, что я невольно вспомнил молитву Деве Каридад дель Кобре, и просил ее не допустить непоправимого. Алексей читал «Отче наш». Он тоже чего-то боялся. Два разных языка, один и тот же страх.

На смену тишине пришел гул низколетающих самолетов. Земля дрожала, были отчетливо слышны глухие удары. Алексей говорит — учения.

Лай собак вынудил меня вскочить на первое попавшееся дерево, но дрожь земли передавалась каждой ветке, и я понимал, что в это страшное время я нужен своей хозяйке. Позже мы дрожали с ней вдвоем, укутавшись в плед на захламленной ящиках с книгами веранде. Она слушала радио и тихо плакала, я прислушивался к дрожи земли от проезжающих танков.

Люди сошли с ума. Птицы, что пели на пустыре, умолкли. Наш сосед Карлос, который раньше играл на гитаре во дворе, теперь судорожно сжимает винтовку, но у него есть невеста и они мечтали о большой семье. А если завтра мы все умрем, то и его мечта не осуществится, и моя, и моей любимой доньи Исабель, и Алексея из Сибири, и вообще всех людей, живущих на планете, и мне стало еще больнее смотреть на все это и молчать, ибо меня все равно никто бы не понял.

Атмосфера становилась невыносимой. Я не мог найти себе места. От мучительного ожидания конца света даже воздух сделался другим — густым и тяжелым, и я снова пошел на разведку.

Я сидел на невысокой ветке катальпы — макаронном дереве, рядом с позицией Алексея, и смотрел на происходящее, не веря своим глазам.

Все кипело приготовлением к тотальному самоуничтожению, а Алексей вдохновенно рисовал сибирскую тайгу и показывал другим солдатам снежных барсов, отдаленно похожих на меня. Я спустился посмотреть поближе. Алексей показал мне блокнот и грустно сказал: *«В Сибири сейчас зима, а здесь так жарко. Жарко и страшно. Американские самолеты постоянно летают...»*. Его рука задрожала, и мне захотелось завывать от непереносимого ужаса. Алексей тоже боялся.

Вскоре к зенитной установке подбежал еще один солдат и сообщил о сбитом над Кубой американском самолете-разведчике. Пилот погиб.

Мой солнечный, гостеприимный остров стал эпицентром мировой ненависти. Донья Исабель не вела светских бесед, никого не приглашала в гости, только слушала радио, слушала и едва дышала. Она говорила: *«Американцы будут бомбить советские базы здесь, у нас на Кубе, будет ядерный взрыв, и не останется ничего живого на Земле...»*.

Слава Богу, обошлось. Этот ужас длился 13 дней. Чертова дюжина. А потом напряжение начало спадать. Дон Педро из сувенирной лавки сказал сыновьям, что боги услышали наши молитвы и политики договорились. Донья Луиза с уверенностью твердила всем и всякому, что советские ракеты точно увезут. Наш сосед Карлос устроил музыкальный вечер под открытым небом, он играл на гитаре, а его невеста светила от счастья. Мигель, почетный профессор гаванского университета, пригласил мою любимую донью Исабель в театр, и она тоже светила от счастья.

Я всю ночь думал об Алексее. Каково ему? Привезли ракеты. Теперь надо увозить... И увезли.

Перед отъездом Алексея я снова был там, на ветке макаронного дерева. Алексей

снял меня, как ватой набитую игрушку, и на прощание прижал к своей богатыркой груди. Мне тоже хотелось обнять его, но моим коротким лапам это не под силу. Я слышал, как билось его сердце. Он тоже был счастлив. Счастлив, что скоро вернется в свою родную Сибирь к жене и детям.

Уходя, Алексей натянул между веток макаронного дерева свою тельняшку, и получил удобный полосатый гамак.

— *Прощай, товарищ! У тебя тут солнце! Живи и наслаждайся видами на родное море! А меня ждет родная Сибирь!*

Возвращалась привычная жизнь. Но что-то изменилось навсегда. Я стал вздрагивать от далекого гула самолетов, и мне как будто не хватало Алексея. Я качался в полосатом гамаке, пахнущем махоркой и чужой, далекой тайгой, и представлял, как его встречают родные...

Конец света не наступил, но мир мог закончиться навсегда и для всех. Что я хотел этим сказать, друг? А то, что нужно ценить мир и наслаждаться каждым мгновением!

София Кривохина
(г. Тула)

НЕВИДИМАЯ РАНКА

Заповедь: «Не убивай»

*(Из цикла христианских рассказов
для детей XXI века «10 шагов»)*

Журналист, психолог, преподаватель кафедры журналистики Тульского государственного университета, лауреат премии Правительства Тульской области имени Василия Жуковского.

Этим летом Алиса впервые поехала в подмосковный лагерь «Дубрава». У нее был самый крутой телефон в отряде, брендовые кроссовки и целый чемодан красивой одежды, который она с гордостью показывала новым знакомым. Ее папа был крупным бизнесменом, и Алиса привыкла, что другие дети смотрят на нее с восхищением и легкой завистью. Она чувствовала себя особенной, звездой, вокруг которой должно вращаться все остальное.

В соседней комнате жила тихая девочка Юля из детского дома. У Юли была всего одна застиранная кофточка, потертые джинсы и даже не было телефона! А еще у Юли были большие красивые, но грустные, слишком взрослые для ее возраста глаза. Она почти ни с кем не разговаривала, а на пляже сидела в старом, выцветшем купальнике, зажав в руках полотенце, словно пытаясь стать как можно меньше и незаметнее. Алиса иногда видела, как Юля с интересом смотрит на их шумные игры, но стоило ей встретиться с кем-то взглядом, как она тут же опускала голову.

Однажды вечером, уже после отбоя, Алиса, пробираясь в туалет, услышала, как в душевой кто-то тихо плачет. Заглянув туда, она увидела Юлю. Ее окружили три девочки из их же отряда.

— Ну что, сиротка, — шипела одна из них, — опять одна? Небось, тебе новые шмотки никто не купит! Ходишь, как нищенка.

Другая девочка грубо дернула Юлю за косу. Та сидела в углу, опустив голову, и молча плакала, съевшись от обиды и беспомощности.

Алиса замерла. Сердце заколотилось где-то в горле. Она могла бы вмешаться, крикнуть, позвать вожатую. Но внутри все сжалось от страха. «Ввяжусь — и меня начнут травить, перестанут со мной дружить», — пронеслось в голове. Сделав вид, что ничего не заметила, она прошмыгнула мимо, к себе в комнату, как будто была не свидетельницей, а просто тенью.

Но уснуть она не смогла. Перед глазами стояло бледное, испуганное лицо Юли. Алиса ворочалась с боку на бок, и в тишине ночи ее преследовали те самые обидные слова. Она представила, что чувствует девочка: горечь одиночества, жгучую боль от несправедливости, леденящий страх. И вдруг ее осенила страшная мысль: можно убить не только камнем или пистолетом. Злое слово, насмешка, предательское молчание и равнодушие — тоже убивают. Не тело, а душу, веру в людей, надежду на доброту. Они оставляют в ней глубокие, невидимые раны, которые болят иногда сильнее и дольше, чем синяки или ссадины. И ее собственное молчание было таким же предательством, таким же жестоким поступком.

На следующее утро Алиса не пошла на завтрак, сославшись на головную боль. Она дождалась, когда в корпусе никого не останется, и быстренько засунула в рюкзак Юли один из своих новых купальников — ярко-синий, с веселым дельфином, еще с биркой. Рядом положила плитку любимого молочного шоколада и книжку со сказками. Ей вдруг страстно захотелось, чтобы у Юли появилось хоть немного настоящей детской радости.

Потом она нашла в себе смелость и подошла к вожатой Ире.

— Ира,— сказала она, глядя в пол,— это для Юли, из детдома. Ее вещи, наверное, потерялись... Скажите, что это лагерь выдал. Пожалуйста.

Вожатая удивленно посмотрела на Алису, видя ее непривычную скромность и серьезность, но кивнула:

— Хорошо, я передам.

— И еще...— голос Алисы дрогнул, но она сделала над собой усилие.— Вчера вечером... эти три девочки из нашего отряда травили ее в коридоре. Обижали. А я... я просто прошла мимо. Мне было страшно. А теперь мне стыдно.

Ира внимательно выслушала ее, лицо стало строгим.

— Спасибо, что рассказала, Алиса. Ты поступила правильно. Очень правильно,— она положила руку ей на плечо.— Мы разберемся.

Расследование не заняло много времени. Вожатые поговорили с Юлей и другими детьми. Оказалось, это был не первый случай. В тот же день родителей трех девочек вызвали в лагерь, и вечером их забрали домой. Администрация лагеря приняла решение их отчислить.

Алиса не ждала благодарности и не стремилась к тому, чтобы с ней подружилась. Она просто не могла иначе. Когда после обеда она увидела Юлю на пляже в синем купальнике, а на ее лице — первую за все время робкую, но настоящую улыбку, в сердце Алисы потеплело и на душе стало спокойнее. Она не стала героиней, не подружилась с Юлей. Но она попыталась залечить ту невидимую рану, которую сама же помогла нанести своим молчанием. И это чувство тихого, правильного поступка оказалось важнее, чем все лайки в «ВКонтакте» под ее фотографиями и все восхищенные взгляды одноклассников. Она поняла, что настоящая «крутость» — не в дорогих вещах, а в смелости быть доброй, даже когда страшно. А зло, даже в таком, казалось бы, маленьком проявлении, как детская жестокость, не остается безнаказанным.

«Не убивай» — значит не только не лишай человека жизни, но и не калечь его душу. Жестокое слово, злая насмешка, предательство и равнодушие ранят больно, иногда навсегда. Будь врачом для чужой души, а не палачом. И помни: твое молчание, когда кого-то обижают,— это тоже жестокость. Но всегда есть шанс все исправить, найдя в себе силы рассказать взрослым и защитить того, кто слабее.

Анатолий Ливри
(Альтдорф, Швейцария)

Философ, эллинист, поэт, прозаик, политолог. Родился в Москве, где жил до отъезда на Запад в 1991 г. Доктор филологии университета Ниццы. Тема диссертации «Набоков и Ницше» — защищена в июле 2011 г. Автор 24 книг, лауреат семи российских и международных премий, бывший преподаватель Сорбонны и университета Ниццы, частый гость телепередач Русского мира. Наш постоянный автор.

ОН

Вверх, вверх, вверх бежали ноги его по юркой тропинке. Гравий осыпался. Обоженные у костра подошвы скрипели неподкованными копытами. Спотыкаясь о местами выступившие на утопанной черной земле проказные язвы дерна и струпии коряг, он неотрывно смотрел на узкий конусовидный, тянущийся в небо шихан, к которому со всех сторон подступала голубая, меченая родимыми пятнами-фантамами шерсть хвои. Вправо и влево, широким кружевным поясом уходил виноградник, источавший терпкий железистый запах. Только заглянувшее в ущелье солнце быстро нагрело шею, уши, затылок и рюкзак, от которого потянуло медом, — вчера он разбил подаренную расщедрившимся пасечником банку, полную золотистой вязкой крови, где с важным видом плавали ломтики пористых сосудов. Привычно и неприятно заныло, запульсировало в правом бедре, но он только ускорил шаг.

Давно уже бродил он по этим синеоким горам, где редко встретишь человека. Лишь иногда попадался ему приветливый пастырь серых, облепленных жужжащими смарагдами коров с раздувшимися вымями, да у самого подгорья время от времени наталкивался он на давно нестриженного ветхого бородача, который старательно обхаживал со спиннингом заветные заводы. Но он так ни разу и не заговорил ни с женоподобным пастухом, ни с рыбаком, громыхающим вечно порожним садком — оба ретороманца с трудом поняли бы его горациеву латынь. Впрочем, он всегда неохотно спрашивал дорогу и обожал сам находить тропинку, ведущую к вершине.

Пока он поднимался, размышляя о чем-то своем, невесомом и мгновенно испаряющемся, виноградник из темно-изумрудного стал золотым, отяжелел, зазелен цикадами, и стоило лишь посмотреть на прыскавшие искрами червонные листья, как перед глазами начинали ползать пестрые змеи. Он уже буквально плавал в поту, но тропинка влекла его вверх, извиваясь вокруг виноградных рядов, защищенных коричневой сетью от птиц. Обычно больше уставая на спуске, чем на подъеме, он продолжал идти и остановился лишь у заросшего чертополохом столетнего гранитного столбика с тавром даты и отметкой «5500 футов». Солнце показывало полдень. Он разделся донага, вдоволь наплескался в полной родниковой воды бетонной ванночке, приютившей желтый курган Атлантиды, сложенный из многогранных камушков, где меж лиан запутался скучный Наутилус — дырявый пластиковый пакет с размытым

росчерком известного телеканала. Обсохнув в тени, он переоделся в чистое белье, которое всегда носил с собой, прислонился спиной к старому сучковатому, увитому плющом стволу и, жадно чавкая, принялся поглощать зажаренную вчера на костре ляжку ягненка, запивая ее ключевой водой из обжигающей пальцы фляги с выпуклым пузом. Насытившись, он почувствовал, что глаза его медленно увлажнились, ноги отяжелели и похолодели; мир вокруг потянулся и зевнул с детской ужимкой. Сейчас он слышал и замечал все: как бесхвостая ящерица прошуршала в рыжей с сочным отливом траве; как гибкое облако-гимнаст село на шпагат, ловко балансируя меж двух убеленных вершин, поминутно взмахивая руками, восстанавливая хрупкое равновесие; как повис, да так и застыл на юго-востоке небосклона глянцево-золотой крест гидроплана, а внизу, в мидасовой купальне, ворочая ржавыми уключинами своего древнего челна, черный черт дугообразным движением все загребал блестящие сокровища и, пересчитавши их хорошенько, облегченно ссыпал богатство назад в казну. От запахов фиалок, меда, мирры с примесью испарений склонившихся над ключом увядших нарциссов голова его отяжелела; стрекот кузнечиков зазвучал гигантской свирелью из виноградных глубин; любимо-ненавистный полдень навалился всюю своею мощью, и сон, как ночной голод, напал на него.

* * *

— Давно мы не смотрели туда. Жив ли еще человек? — совсем рядом произнес голос, и тысяча звонких смехов брызнули ему в ответ из плотной дымки, на все лады повторяя слово «человек». Когда же воцарилась тишина, а туман рассеялся, то он увидел пустую, светлую залу; под ногами — прозрачную твердь, а ниже — ступени, стекающие в голубое никуда. Кто-то положил ему на плечо маленькую женскую длань, приблизил невидимые, защекававшие ухо губы и, дыша вином, зашептал нечто бесстыдное, прекрасное и злое. То была тайна тайн, а потому она забывалась сразу, лишь только голос искусителя произносил ее. Но в словах этих было столько сладостного и желанного, жаждаемого с самого рождения его душой, что он содрогался от неги, колени его тряслись, хохот и рыдания сводили ему челюсть мощным, никем никогда не испытанным оргазмом; жаркие слезы преломили залу в тысячу многогранных сфер; ему безумно хотелось рвать себя на части — когтями, одеревеневшими пальцами, зубами, — и раскидывать во все стороны зияющей голубизны лохматые, кровью обливающиеся куски своего мяса... Дьявольский шепот внезапно прекратился, потому что все сказал. «Человек», — повторил из-за колонны тот же чудовищный голос, и зала опять грянула серебристыми, медными, громоподобными, развратными, жестокими смехами. Шутка была до того хороша, что и ему хохот взорвал живот. Он скрючился в родильных муках, грянулся коленями об пол и, потеряв остатки сознания, упал на спину.

* * *

Он приподнялся на локте и с изумлением огляделся. Пока он спал, исполинский паук-крестовик успел натянуть между его ремнем и виноградной лозой дрожащие на ветру струны, на которых уже беспомощно висел парнасский аполлон, а восьмиглазый ловчий весело вытанцовывал навстречу добыче. Солнце стояло все там же. Ди Бондоновы, кровью напитанные облака, зацепившись за роскошную митру горы напротив, клубясь, обволакивали страшный склон. И все же нечто родное было в этом смотревшем сейчас по-иному миру, чья тайна только что открылась ему. Надо было лишь вспомнить, что именно так запросто поведали ему сатанинские губы, чтобы снова ощутить то неслыханное, динамитом разрывающее тело блаженство, заново забиться в припадке легкокрылого смеха. Он глянул на солнце, на отливающий золотым багрянцем лес и быстрым движением встал на еще слабые ноги. Освобожден-

ный аполлон по спирали, дважды облетел вокруг его торса и, с благодарностью погладив крылом трехдневную щетину левой щеки, взмыл ввысь. Он взвалил на плечи полегчавшую, упорно пахнущую медом ношу, подобрал попытавшуюся улизнуть из брючного кармана зажигалку в форме раздвоенного копыта, и с трудом, точно хмельной — хоть давно и не пил он вина — побрел по тропе. Но вскоре солнечный жар пропитал его, и все более твердой поступью он зашагал к лесу, пересекая ряды авангарда виноградника и ловко увертываясь от бабочек, сейчас почему-то как на свет лампы летевших прямо ему в лицо. Подчас он останавливался, чтобы полюбоваться очередным чудом природы — огромной, состоящей из двенадцати ягодок-лилипотов виноградиной размером с гроздь, которую уже исследовала любознательная ванесса; а перед самым призывно манящим ветвями сосновым бором он с опаской тронул носком ботинка мертвого змееныша, уютно свернувшегося перед смертью в тонкий серебристый обруч. Чтобы вступить под сень леса, надо было перебраться через рубез — чудный поток, весь окруженный нерееликими роями мошек, изумрудно-золотистыми мухами и многоочитыми коричневыми крыльями. Он на мысках перебежал по натужно скрипнувшим бревнам моста, оставивши с носом коварную, скрытую мягким мхом расщелину, сделанную прямо по мерке его ступни. Часами без усталости мог он бродить по лесу, который то подступал вплотную к упорно тянувшей вверх тропинке, то, наоборот, оголял пологий аляповатый склон, где меж валунов и вечно беспокойных волн травы иногда замирали в столбняке лани с отверстыми зеницами. А однажды, наклонившись, чтобы утолить жажду и наполнить флягу голубой кровью, изливающейся из-под пирамидального валуна, он успел окинуть взором далекие горы, приютившие у своей подошвы несколько вилл, крытых одинаковой чешуйчатой броней, выбеленной уже закатывающимся солнцем. Еще несколько змеящихся поворотов тропы — и он очутился на опушке леса. В гигантском, искусно выложенном почерневшими булыжниками кострище красовался дочиста обглоданный и отполированный муравьями бычий череп. На утрамбованной, как танцплощадка, земле вперемешку валялись сгнившие грозди незрелого винограда, отвергнутые сластенами-воришками; забытая гуляками, дремавшая на боку полная бензина канистра да дюжина порожних бутылей от виски и вина. Пепел кострища был бойко расписан узорным орнаментом окурков; полусъеденными огнем двугорбыми силуэтами на сигаретных пачках и нагло улыбающимся с папиросной обертки пухлым усатым разночинцем в архалуке. Он поднял скользкий череп, сдул с него пегий прах, пахнувший болгарским перцем, серой, гнилью. Теплый ветер пробежал по поляне и затерялся в чаще, разбудив кузнечика, тотчас принявшего выводку свои трели на дудочке крысолова. Первая ночница проскочила между ног, шарахнулась в сторону и затаилась в гостеприимной черной полости трухлявого бревна. Он бросил бычий череп на канистру, отозвавшуюся коротким звонким возгласом, и направился к вершине, уже проглядывающей сквозь покореженные бурями лиственницы. В вечерней неге тропинка лениво изгибалась, подчас в приступе сладострастия обнажала торчком стоящую ножку с корнем вырванной сыроежки, которая удерживала равновесие на колоссальной шляпке, выставившей напоказ хрупкий белый веерок. Вблизи вершина показалась ему плоской, что, впрочем, несколько не умаляло ее прелести. Его поступь стала легче. Усталость испарилась. Перепрыгивая с валуна на валун, подчиняя свои скачки ритму еще несмело звучащей в нем мелодии, он достиг конусообразной груды камней, венчающих гору. Он обожал такие моменты, когда, приплясывая, достигал он вершины и, утвердившись на ней, смотрел во все стороны: на восток, на юг, на запад. Сейчас можно было видеть иссиня-розовое вечернее озеро в рваной кисее тумана, а внизу — вычервленную заходящим солнцем лестницу, прислоненную к ставшему мулатоногим винограднику. Само солнце еще висело над хвойными кронами и, снисходительно улыбаясь, прощалось с ущельем. Проклонулось злое око полярной звезды, а слева, где небо уже было подернуто сумраком, про-

мчалась во весь опор и сгинула длинногровая комета. Вся эта картина была воспринята им мгновенно, единым взглядом, но он все продолжал стоять, будучи не в силах пошевелиться. Он точно силился выцарапать из памяти нечто знакомое, на время забытое, то, что всегда находилось при нем, и о чем в полдень так мягко-настойчиво нашептывали ему благоуханные губы. Ветерок взъерошил выгоревшую августовскую траву. Он снова повернулся к багровому шару и заметил, что тот уже почти на четверть скрылся из глаз... Все произошло с молниеносной быстротой: тьма накрыла любимое им ущелье; он упал на колени, разбил их в кровь и порезал ладони о наточенный как лезвие бритвы гранитный торец; слезы залили лицо; голова его горела; мощные питоновы кольца сдавили ребра, но судорога эта была и сладостна, и желанна; хохот неотвратимой струей бил из недр его живота, не давал дышать, раздирали его на куски, и вдруг он просто и ясно вспомнил полуденную тайну. Оскалившись на залитое кровавой краской солнце, он вскочил на дрожащие, широко расставленные ноги, скинул опостылевший рюкзак и, шатаясь, как пьяный, направился в лес. Теперь он твердо знал, что именно надо делать. Не разбирая дороги, не замечая сучьев, хлеставших его по щекам, гогоча во всю глотку, несясь он по лесу, наскоро готовящемуся к ночи. Недобрые силы проснулись, засопели, свирепо заурчали в глубине чащи, потянулись к нему когтистыми корявыми щупальцами, но отступили, признавши в нем своего. Исполненные звериной упругостью ноги вынесли его в центр поляны. Здесь он оглядел вздрогнувшие ряды сосен, выхватил складной нож и рывком раскрыл его зубами, отстучавшими по лезвию штраусовскую прелюдию. Из порванного в клочья языка и исполосанных десен закапала тяжелая приторная жидкость, окропив рубашку. Затем он хищным скачком подлетел к канистре и упал на нее, как на закланного тельца. Точно также, смеясь и задыхаясь, он трижды ударил ее под ключицу, пробил жестяную, украшенную позолотой кирасу, и ее терпкая кровь заструилась по его пальцам и груди. Он встал и начал поливать из канистры зябкие кустики черники, остовы престарелых деревьев, молодые дубки и рябины. Все они, получив бензиновое причастие, также принимались безудержно хохотать. Опустившись на мелко трясущиеся колени, он осторожно слил себе в ладони тонкую струю горючей смеси, тщательно омыл израненное лицо, вытер руки о нежную кожу земли и посмотрел вверх. Небо было томно-красным. Последние стрелы солнца, выбиваясь из-за вершины горы, освещали ущелье. Он вгляделся в теперь ночную поляну и еще пуще, до боли в сведенной судорогой диафрагме, залился смехом, чувствуя, что невидимый, затаившийся в буреломе охотник скривил губы в поощрительную улыбку. Пинком он отбросил к магическому кругу кострища канистру, успевшую щедро омочить последними каплями оскаленный череп быка; он поднял его бережно, взявшись правой рукой за верхнюю челюсть; левой он вытащил зажигалку из кармана рваных, пропитанных бензином брюк и надавил на колесико. Бычий оскал, одежда, руки, лицо, волосы вспыхнули мгновенно; широко размахнувшись, он метнул горящий череп в лес, тотчас окруживший его огненной стеной и, выкрикивая что-то невнятное: «ант, анте, анти», в блаженстве боли, разрываемый на части злобным хохотом, и тут же пеплом и дымом уносясь в небеса, кинулся в самую глубь чащи,— туда, где его давно ждали. Бор содрогался, ревел раненым яком, метался яростной медведицей и, гогоча, погибал. Охваченные огнем лиственницы и сосны факелами освещали весело подмигивающий небосвод. Вскоре пламя перекинулось на виноградник, принялось с хрустом пожирать его, и к запаху хвойной смолы прибавился дух молодого вина. И всю ночь напролет из чудовищного, достигающего гранитной вершины костра, изумленному, насилу спасаемому из сгоревшей полотняной палатки рыбаку чудились смех на тысячу разных ладов, бешеные крики, повторяющие одно и то же короткое слово, и снова дикий, громогласный смех. А утром, когда наконец солнце почтительно взглянуло в зыбкие воды озер, огонь иссяк. Но обнаженная, обугленная гора еще долго тихо курилась, словно силилась вспомнить нечто важное и таинственное.

УСАДЬБА

Дом — полная чаша! Ведь я достигал богатства молниеносно и не раз, — сколько бы не силялся пошляк-Левиафан поживиться в моих закромах. Изобилие преследовало меня, отдавливая пятки, — так подросток, полный еще не расплесканных ночных грез и едва поспевающий за отчимом, в третий раз наступает на лакированные штиблеты рычащего от праведного негодования клерка, терпко пахнущего материнской сорочкой, — только чтобы удрать от потной разночинной толпы, грозящей расплющить его потайную узорную хрупкость. Уже двадцать лет я не мог насытиться процветанием, словно древний монарх, облапошивший завистливого Бога, — Э-эй, Лох! — помню, выкликивал Всевышнего дремучий прадед из Могилева передо мной, пионером, пораженным немножественностью Создателя. И я претворял в золото любой побег породистого, не знавшего топора бора, тотчас пряча червонную поросль от глаз глумливых гоминид. Германский гербарий гебраиста! Но, несмотря на избыток и неукротимый пыл разбазаривать роскошь (жреческая щедрость!), в моем жилище обитал дух, грозный и озорной. Да, я бы разделил с ним излишества. Но он явно презирал долю с моего барыша. Дух скрипел полуночными половицами, с утра немевшими, окрашиваясь кроткой розоватой немотой. Дух перекатывал борромеевы кольца жены, так что та серела от ужаса пуще прирейнской пущи за окном, широченным, тройным, в узорах рваной паутины с черной россыпью прошлогодних пчелиных мумий, — такие прорубали сварливые пособники Цвингли, изгоняемые из цюрихской цитадели. И целыми неделями она не решалась потом притронуться к осиротевшему нагромождению от Cartier, куда подпольный ювелир инкрустировал кровавый бриллиант, — какой же гений без злодейства! Дух моей усадьбы не был зол, — точнее, я не чувствовал в нем изуверства испорченной бабы. Скорее капризничала девочка, мол, папа, погляди, как я могу! Дух разбивал, целенаправленно выбирая лотарингский хрусталь, — винные бокалы, из тех, что с золотым ободом, более всего любимые женой. Фужер сам подсказывал и погибал, жалобно бляя, — даже в дребезжащей смерти бережно сохраняя осколками все светло-багровые капли Новопапского замка. За год истреблялась вся дюжина. И нам снова приходилось колесить по Вогезам в поисках очередных жертв из свинцового стекла, гудками распугивая орды апатичных аистов, расправлявших, лениво разбегаясь, червленые закатом крылья, и нехотя взмывавших над захандрившей без чудовищной резни Европой.

Дух наводил страх, прокрадываясь в спальню сына, и принимал там очертания монстров, почище тех, что вечерами отплясывали под лучом прожектора на гусиной коже стены «оттенка викуньи», — окрестил краску ушлый советник по интерьеру, зная, как растеребить фибры цепкой женской души, бредящей пуловерами из шерсти мозолоногих антиподов. Дух выжидал период моих летних набегов на запад Балтики, гремел в полночь на пути к нашей супружеской кровати, и, распахивая дверь, замирал, изводил измученную одиночеством жену: «Будто ведьма вперила свой взор мне меж лопаток!», — рассказывала она потом стилем малороссийских гоголевских сказок, инстинктивно налагая пальцы на промежность и бежевую в моменты откровений ложбинку меж грудей. А однажды, в самый разгар анафемской поры меж волком и собакой, дух столь расшалился, что моя разбуженная менада завопила из-под одеяла об обряде католического очищения, и, произнося нелегкое слово «экзорцизм», трясла золотой, с первыми седыми прожилками копной, — и я срочно съехал в свою городскую мансарду проклятого поэта. Обычно стоило мне ретироваться, как дух тотчас утихал, будто убаюканный эмбрион сворачивался в ожидании лучшей попытки спровоцировать роды, когда я вернусь. Дух был главенствующей тайной нашей семьи. Поведать о нем соседям, а тем паче всем сегментам и секторам ближних кругов общения (впаянных в наше просвещенное третье тысячелетие столь же крепко, как коровья лепешка, примерзшая к январскому мосту, стонущему под босыми ступнями

бегущего пророка), казалось немислимым,— надо мной уже висело давнее подозрение если не в гносеологической гнусности, то в неортодоксальных сальто мыслей. Хотя, подчас дух сам прекращал нас изводить, словно наскучив потешаться над предсказуемыми, вышколенными реальностью человеками, и удалялся для игр в сокровенные лабиринты, полные пыльными пифиями, глухо вещавшими, когда кино-проектор вдруг замирал, предоставляя первенство оракулу,— а красавица Бергман отдыхала от своих баталей с марокканским мороком.

Так жили мы, трое людей и вечно оценивающий нас дух, до последней весны, неистово ранней: наша планета, подобно юным самочкам, начала разогреваться, опять нетерпеливо ожидая великого потепления, как иные захиревшие белые народы предвосхищают тотальное замещение, мол, приди, пышущая тестостероновым жаром туша негра да покрой меня! Антестерион был исполнен бабочками, а ежи затевали свирепую охоту на змей, чьи останки мы иногда находили скрученными в золоченые солнцем полукольца. Всюду вдоль Верхнего Рейна разлилась эйфория предвкушения материнства, столь схожая с нахрапистой дерзостью поэта.

В тот памятный день секвойя-великанша в дюжину саженей, счастливая внезапным цветением, бесилась, пока на нее не воссел красный коршун со своим раздвоенным хвостом,— тут она угомонилась, будто заполучила желаемое. И буйно билась бархатными овальными лепестками в стекла гостиной неумолимо дичавшая черешня: «Помнишь ли, дерево, как июльские стаи ворон, наводящие ужас на округу, сжирают с твоей кроны почерневшие плоды, недостижимые заматеревшему сапиенсу-средняку?» (изредка не грех обратиться к дереву на манер клоделевского Симона, мутярующего в Златоглава). С самого восхода, под аккомпанемент хорового тенорка ветвей, роились, словно сознание самки примата, пчелы с соседней пасеки. Над садом повисло их жирное, как печаль, жужжание. Дух пробудился с полудня: заунывно затрещали вековые ставни, вкрадчиво заохало из-за дубовой обивки несущей стены. И по мере сгущения гуашевых сумерек,— а тьма накрывала ущелье ускоренно, точно спешила на праздничное побивание ибекса,— плач становился всепроникающим, упругим, страстным. И будто разбуженная им, по крыше звучно прокатился гигантский трезубец, обрушившись, сухо хлестнувши прошлогодней листвой по стеклу. Стул с энгадинским орнаментом на спинке отъехал, рыгнув, оставив на полу четыре четких шрама. И мой сын, вылитый я, четырехлетний, засмеялся испуганно, переливчато,— а на его выпуклом лбу в такт веселью заплясали упругие бледно-золотые кольца: «*Berit lovade att komma imorgon, eller...*»,— сообщил он деловито, жестким, певучим тенорком, словно кто-то иной доверял мне тайну, захохотав столь заразительно, что и я гоготнул, хоть и не понял ничего. Усадьба покачнулась, грохнув всеми недрами. От тонконого стола, на котором, как карлик-жокей, удерживал хрупкое равновесие муранский кувшин, хрустнуло, будто обе пары кленовых копыт стукнули в самое солнечное сплетение паркета, уложенного мотыгообразным узором пришлым одноглазым мастером, сгинувшим — согласно смутному деревенскому преданию — в Рейне сразу после работы. Прогремел стеклянный взрыв. Алая картечь полоснула по стенам, разбила окно. Дух явно буйствовал. Но его замыслы всегда — тайна. Лучшим решением было заснуть. Я отвернулся к диванной спинке, укрывшись пледом. Этим вечером шерсть викуни пахла болотом, точно боливийские ведьмы, перед тем как остричь андских лам, слетали на них к торфяникам Огненной Земли,— а теперь, почуяв братскую близость нежити, одеяло вышеживало порочный аромат. Сзади прошелестели ступни сына,— в детскую, где издавна вздымался плюшевый гризли с лиловыми ступнями и пастью.

Вмиг заснул я и открыл во сне очи. Но уже был во власти дремы и глядел как спящий. Столь глубоко не глядит ни живой, ни убитый матерью в чреве своем: «Вокруг меня явь? Не удалась агональная удаль? Что ж, буду спать дальше». Усадьба вздрогнула от исполинской вспышки. С лепных грудей океанид посыпалась шука-

турка, усеивая обложку запрещенных на моем континенте бестселлеров, застывая в блестящих от звенящего ночника щелях паркета, сейчас ходившего ходуном,— будто дамба, дрожа, удерживала речной напор, а по водной глади все скользил, правя золотым веслом, нищий рыбак, замороженный червонным гребнем поющей девы. И как затопленная в паводок лесистая пойма, протекали сквозь дрожащие словно с похмелья кисти рук минуты, играли вокруг мизинца угри, целовали волоски фаланг мальки лосося, погружаясь глубже, к бедру: воздух был замешан гуще земли,— очередной удар плавника и усадьба раскололась! Потолок обрушился на графские наброски,— инвестиции мудрой супруги,— и колченогие лотрековские куртизанки вмиг оказались стерты в труху. Дегенеративное недоискусство! — дух моего дома наскоро воплощал мечты Симхи Зюдфельда, тотчас возликовавшего на своих южных эдемских пажитях. Третью потолка гостиной оказалась сметена,— обезглавленная Акаста возносила мозолистые ладони к низко висевшей луне, тоже обновленной (подлинной луне — молниеносно понял я), с ясно очерченными чертогами, колодцем базилиевса, скрывавшим огромное зеркало. Самая черная из моих теней подступила ближе, настойчиво требуя единения, и впервые я не стал ее отгонять. Щеки горели, словно Бог содрал с меня давно опостылевшую маску,— или мне было адски стыдно за наш простоватый, жаждавший дармовых чудес исцеления, мир. Из спальни донесся робкий храп жены, будто по тернистым трубам она пробовала пробраться в мое диковинное забытие. Воздух внезапно сделался легким, повеяло пряными кронами сентябрьского бора, хоть на дворе только пробуждалась весна. Я провел ладонью по лицу, вдохнул йодистый запах линии жизни. И прямо из облаканного лунным светом туннеля, отделившись от чешуйчатой стены, показалась она, девическая копия моего сына: «Папа», прижавшись ко мне, произнесла она четко, с московским выговором, точно у них там неразумное, злое, вечное сеялось в сугубо русских садах.

Так вот, значит, кого зачал я тогда, на горячих камнях, четверть века назад, в горах, стесненной толпой обступивших Сурлей! Рычащая арийка с небрежно вырезанным червеобразным отростком, киноварные спирали гривы, изумруд радужки. Свежий шрам — рукописная ижица в правой подвздошной области живота — трепетал розовой бурей всякий раз, когда разгоралась ее страсть. Помню, после нашего соития, неизвестный странник спалил лес на вершине, нарочно сгинув в огне,— раскаты его ночного хохота до сих пор лязгают в моих ушах. Это она, твоя мать? И не было аборта? Старшее из чад моих вернулось домой.

Туча отсекала лунную струю, подбитая тьмой лазурь залила покой. Сын приблизился украдкой, — плавкий тювик на дне очей! — обнял нас обоих, засопел с горечью, будто горевал об утерянном первородстве. Усадьба оцепенела в торжественной тишине, гордясь своим материнством. И мы застыли, слитые в трехглавого сверхчеловека, точно затаились в ожидании последнего Бога, о котором никто не слышал на Земле.

Виталий Ковалев
г. Юрмала, Латвия

ТАНЕЦ БАБОЧЕК (история одного дня)

Окончил Латвийскую государственную Академию художеств имени Теодора Залькална, работал старшим художественным редактором издательства «Zinatne» в Академии наук Латвийской ССР. Имеет публикации во многих российских литературных журналах. Является членом редакционной коллегии журнала «Волга XXI век». С 2012 года ряд произведений написан в соавторстве с писателем Олесей Янгол. Наш постоянный автор.

Гроза

Потемнело, из-за леса показался край темной тучи и послышался нарастающий шум дождя. С того места, где я пишу, мне видно, как за окном две бабочки, застигнутые дождем, скрылись в листе старой яблони. Мы с Олесей рады дождливому дню, когда, наконец-то, удастся спокойно поработать — она может сделать новую акварель, а я начать новый рассказ. В такой день ласточки не кружат в небе и не летят в сторону моря белоснежные чайки. Ни идущие по дороге на море дачники, ни теплый ветер, доносящий через окно шум моря, ничто не манит выйти из дома, как это бывает в солнечные дни. Но этот дождь вряд ли долго продлится, так как за ветвями деревьев уже виден просвет.

Наш плюшевый медвежонок Пузик сидит на подоконнике и смотрит на дождь своими проникновенно трогательными глазками. Когда я пишу, он часто сидит рядом со мной на столе, и в этом нет ничего удивительного. У великого фантаста Герберта Уэллса был хрустальный шар, вглядываясь в глубину которого он прозревал удивительные фантастические миры. Агату Кристи вдохновлял запах яблок. А совсем недавно я узнал, что ирландскому поэту Уильяму Йейтсу достаточно было, чтобы на столе, за которым он работал, лежали древесные листья. Можно продолжать и продолжать перечень разнообразных способов создания творческой атмосферы. Так что нет ничего удивительного в том, что нас с Олесей вдохновляет наш маленький медвежонок.

И особенно он помогает мне, когда я пишу рассказы о детстве. Ведь для того, чтобы передать чувства и эмоциональные движения в душе ребенка, необходим особый настрой. Однажды Олеся спросила — много ли у меня в запасе историй о детстве? Как это ни парадоксально, но я уверен, что человеку не хватит целой жизни для того, чтобы рассказать о событиях всего лишь одного своего дня. И даже в том случае, если в этот день ничего особенного не происходило. Ведь если человек внимателен, он не может не заметить, что за каждым жизненным эпизодом скрывается инсказание.

Многие случаи в моей жизни долгое время оставались для меня загадкой. Я часто вспоминал случай, когда мы, мальчишки лет семи-восьми, играли в лесу неподалеку от турника, который между двумя соснами соорудил один из приезжих дачников —

мускулистый мужчина лет тридцати, за гимнастическими упражнениями которого мы любили наблюдать. Однажды, закончив занятия на турнике, он пошел по тропинке в сторону своего дома и, отойдя уже довольно далеко, вдруг обернулся к нам и воскликнул:

— Молодой человек, входящий в жизнь, оглянись!

Шли годы, и я часто вспоминал тот странный возглас. Уже тогда, когда я стоял со своими друзьями у турника, я не мог не почувствовать, что слова эти наполнены каким-то важным смыслом, но в чем он заключается я понять не мог.

«Молодым человеком» был каждый из нас, стоявших там мальчишек, и все мы входили в большую жизнь. Но зачем нам нужно было оглядываться и, главное — на что? Можно было бы махнуть на это рукой, но тот странный возглас упорно хранился в моей памяти для того, чтобы я когда-нибудь его понял.

Но, как писал великий баснописец, «а ларчик просто открывался». И действительно, на что может оглянуться человек, вступающий в мир, как не на свое детство, которое он покидает? Так и первый человек Адам тоже, со слезами на глазах, оглянулся на Рай, из которого был изгнан. Мы, те давние мальчишки, тоже стояли на том пограничье, где заканчивался Рай детства и начиналась большая жизнь, в которой нам придется «трудиться в поте лица своего»?

Кто же был тот странный человек? Почему он крикнул нам эти слова? И неужели я один их помню? А если я помню их один, то не мне ли они были адресованы?

За окном я вижу нашу старую яблоню, в листве которой укрылись от дождя две белые бабочки. Дерево растет так близко к дому, что качающиеся на ветру ветви задевают окна и слышится скрип веток по оконному стеклу. Ствол старой яблони порос мхом, и иногда я касаюсь рукой глубокой трещины в стволе дерева, по-прежнему приносящего свои плоды.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Олеся, делая акварель на фоне дождя и мечущихся за окном ветвей.

— Да вот, увидел сейчас, как две бабочки кружатся под дождем.

— Куда же они подевались?

— Спрятались под листьями... О, смотри-ка, а дождь уже заканчивается!..

За легкой пеленой ниспадающего дождя стволы деревьев окрасились золотистым солнечным светом. Послышалось птичье пение, за лесом прогремел гром, и дождя словно и не было. Только светятся на листве капельки дождя.

Я смотрю в окно, надеясь увидеть бабочек, спрятавшихся под ветвями дерева. И тут я подумал: вот закончит Олеся работу над акварелью и можно будет пойти прогуляться. И, правда, почему бы не выпить кофе на берегу моря?

Игра

Мы идем по улочке, поднимающейся на крутую дюну. Улочка совсем короткая и на ней всего один дом, скрытый кустами сирени. По обеим сторонам дороги тянется сосновый лес, за стволами деревьев, испещренными пятнами солнечного света, синет море.

Когда мы поднимаемся вверх дюны, где улочка заканчивается, уступая место сбегающему к морю деревянному настилу, ароматы леса смешиваются с прохладой морского ветра. Тут Олеся глубоко вдыхает свежий воздух и говорит:

— Я сейчас подумала, а что было бы, если бы у меня появился миллиард?

— И что тогда было бы?

— Если бы у меня появился миллиард,— задумалась Олеся, глядя на море,— то, прежде всего, я купила бы хорошую обувь, сделанную специально по ноге, чтобы она была очень удобной. Потом я купила бы хорошее, тонкое и очень теплое термобелье. Нигде не найду то, что мне бы понравилось. И еще... А ты знаешь, ведь больше мне

ничего и не нужно. У меня все есть. Вообще-то человеку для счастья нужно совсем немного. Вот идем мы сейчас с тобой по дороге, вокруг нас лето, солнце, птицы поют, шумит море, а теперь представь, что мы идем по своему собственному острову. И что? Разве мы были бы от этого счастливее, чем сейчас?

— А самые счастливые, так это дети. У них есть то, чего не купишь ни за какие деньги — целая жизнь впереди. Как жаль, что, когда мы были детьми, никто не объяснил нам, что мы богаче всех богачей...

Мы вышли к морю и идем вдоль берега, пытаюсь отыскать среди ракушек кусочки янтаря. Заметив свободную скамейку, садимся на нее и достаем термос с кофе.

Неподалеку, на кабинке пляжной раздевалки, сидит ворона и наблюдает за тем, как я, шурша блестящей фольгой, разламываю плитку шоколада. Ворону привлекает блеск фольги, она взмахивает крыльями, но подлететь ближе не решается. Наверное, надеется, что мы отойдем куда-нибудь и уж тогда-то она поворошит наши вещи. Но мы никуда уходить не собираемся, а пьем кофе, смотрим на гуляющих вдоль моря людей и дышим свежим морским воздухом.

Но недолго мы сидим одни. К нам приближается девочка лет четырех в коротком желтом платьице, с большой корзиной, полной разноцветных игрушек. Пыхтя, она ставит корзинку на лавку и высыпает возле нас свои игрушки. Следом за девочкой подходит ее бабушка.

— Давай, надевай штанишки, — говорит она девочке, — а то села голой попой на песок и теперь вон — вся в песке. Одевайся...

— Бабушка, давай играть в семью, — говорит девочка в то время, как бабушка ее отряхивает.

— Давай.

— Тут у меня тигр — это папа. А вот тигр — мама. А этот жираф — их детка.

— Маму надо звать тигрицей. И как же жираф может быть их деткой?

— А они нашли его в лесу и взяли к себе домой, — отвечает девочка, вертя фигурку жирафа в руках. — Теперь к ним пришла лошадка. Тук-тук... Она стучит копытцем в дверь. «Идемте гулять», — зовет лошадка. Бабушка, отвечай за папу — тигра...

— Я не знаю, что тигр может сказать лошадке.

— Пусть пригласит ее пить чай, а потом положит их с жирафом спать. Ведь скоро будет буря и всем им надо прятаться в домике.

Попивая кофе, я смотрю на чаек на берегу. Только сейчас заметил, что птицы стоят, повернувшись в ту сторону, откуда дует ветер. Прежде я не обращал на это внимания. «Интересно, почему они так стоят?» — думаю я.

— Игра этой девочки тебе ничего не напоминает? — придвинувшись ко мне, тихо спрашивает Олеся. — Правда это очень похоже на Рай?

— На Рай? — не сразу понял я.

— Да. Помнишь, как там написано у пророка Исайи? «Тогда волк будет жить близ ягненка, рядом лягут барс и козленок, друг подле друга будут теленок, и лев, и тучный скот, а дитя малое поведет их на пастбище».

— Как интересно, что именно ребенок «поведет их на пастбище». Да, это очень похоже, — согласился я.

— А эта девочка даже и не подозревает, во что она играет.

— Бабушка, посмотри! Это уже летит — та самая буря! — показывает девочка на небо и соскакивает со скамейки. — Жираф, тигры, лошадка, залезайте скорее в корзинку! Бабушка, идем домой!..

— Неужели опять будет дождь? — говорит Олеся, посмотрев на небо, налившееся синью у горизонта.

— А вы не слышали?.. Ведь по радио передавали, что ночью будет ураган, — повернувшись к нам, говорит старушка. — Так что мы уже пойдем, а то надо в магазин зайти. Что ты хочешь сегодня на ужин?

— Макароны с сыром.

— Ну, опять макароны!..

Собрав в корзину игрушки, девочка идет следом за своей бабушкой, то и дело оглядываясь на темнеющее небо. А я снова смотрю на чаек и вижу, что к ним несется маленькая черная собачка. Когда она с лаем подбегает к птицам, мне становится ясно, почему они стояли, повернувшись в сторону ветра. Птицы делают всего один взмах крыльями, и ветер, наполняющий их, поднимает чаек ввысь. Вот оно в чем дело! Оказывается, чайки всегда стоят так, чтобы при малейшей опасности мгновенно подняться в воздух.

— Я могу рассказать идею рассказа, который никогда не напишу,— говорит Олеся.

— Расскажи.

— Представь, такой же день, шумит море, кричат чайки. Вдоль берега идет парень, и на душе у него легко и спокойно. Он садится на скамейку, смотрит на людей, загорающих неподалеку, на детей, играющих у воды. Но вот из пляжной раздевалки выходит стройная девушка в едва заметном на ней купальнике и бежит к морю. Парень смотрит, как она заходит в воду и начинает подпрыгивать на волнах. Он смотрит на облака, на людей, но мысли его возвращаются к девушке, и он ищет ее взглядом. А она уже далеко-далеко, то поднимается на гребнях волн, то исчезает в провалах между ними. И он думает, что, наверное, у нее тоже хорошее настроение. Он жалеет, что не рассмотрел ее лицо. И, взглянув еще раз, как она подпрыгивает на волнах, он встает, поворачивается спиной к морю и уходит с пляжа.

— И это все? — спрашиваю я.

— Нет. В течение многих лет он будет вспоминать о той девушке. Но он так никогда и не узнает, что, когда он повернулся спиной к морю и уходил с берега, ее уже не было на волнах.

Некоторое время мы сидим молча.

— Грустная история,— говорю я.— Она напомнила мне древнее персидское изречение: «Пока ты любишь красоту моря, знай, что в этот миг где-то тонет человек». Но почему ты думаешь, что никогда не напишешь этот рассказ?

— А о чем он?

— Хм!.. Сразу и не скажешь.

— Он о том, что никто ни в чем не виноват. И о том, что все мы во всем виноваты. Но здесь чего-то не хватает. Для того, чтобы это стало рассказом, нужен какой-то один штрих. Но что это за штрих? Нет, чтобы такое написать, надо быть Достоевским, Толстым, Хемингуэйем. Они бы смогли понять, о чем эта история и чего в ней не хватает.

Мы поднимаемся с лавки и какое-то время идем вдоль моря. А когда начинаем подниматься по деревянному настилу, ведущему с пляжа, я оборачиваюсь и далеко в море вижу девушку, подпрыгивающую на волнах.

На дороге

Домой мы возвращаемся по лесной дороге. Она размокла после недавнего дождя и вся в лужах, отражающих лес и синее небо. Приходится лужи обходить, а то и перепрыгивать через них, но как же все-таки приятно идти между двумя стенами высокого леса, прислушиваться к тишине и вдыхать аромат хвои! Видимо, картина окружающего мира подействовала на меня.

— Странное дело,— начал я, и тут же заметил впереди на дороге приближающуюся к нам машину,— ведь любой нормальный человек мечтает о счастье, любви, радости, стабильности... Тогда почему же на протяжении всей человеческой истории мы видим полную противоположность этому? Что не дает людям быть счастливыми? Неужели человек безнадежно глуп и жесток?..

Теперь и Олеся увидела машину. Сойти с дороги невозможно, так как с одной ее стороны тянутся заросли шиповника, а с другой — глубокая канава. Да и расположены лужи так замысловато, что перспектива быть обрызганными кажется нам более чем реальной.

Но прямо перед нами водитель резко сбавляет ход и проезжает мимо нас очень медленно, и так ловко маневрируя, что умудряется не заехать колесами ни в одну из луж. Только лишь проехав чуть дальше, он прибавляет скорости.

— Вот тебе еще одно так называемое совпадение! — говорю я. — Ты заметила, как он проехал? И это буквально после моих слов о безнадежности человечества. Прямо как знак какой-то! Может, нам хотели этим показать, что люди не так уж плохи?

— Нет, этим знаком нам хотели показать, что люди хороши только по отдельности. А когда эти же люди собираются в толпу, то начинается греховная история человечества.

— Сэлинджер говорил нечто похожее о детях. Он писал, что если с каждым из них поговорить в отдельности, то они очень хороши. Но когда они сбиваются в стаю, где идолом служит престиж, то все их обаяние исчезает. Но знаешь, если бы наш разговор услышал Достоевский, то он бы рассмеялся. Рай на земле... Рай без Бога... Ну что, разве это не глупость?

Жук

— У тебя совсем темно, включи свет, — говорит Олеся вечером, входя в комнату.

— Да я уже собирался идти к тебе.

— А что ты пишешь? — спрашивает она, увидев в моих руках блокнот.

— Начал сегодня кое-что набрасывать. Что-то вроде истории одного дня.

— И как думаешь назвать?

— «Танец бабочек». Мне кажется, что мысли, которые к нам приходят, подобны бабочкам, порхающим среди нас. А мы ловим их, показываем друг другу, и отпускаем на волю. Интересно было бы написать о литературном труде. Ведь работа писателя начинается не только в тот момент, когда он садится за стол и пишет. Помнишь историю о том, как приятели Сергея Есенина, с которыми он целые дни проводил в кутежах, увидев поутру его новые стихи, с удивлением спросили: «Послушай, а когда же ты пишешь?» На это Сергей Есенин ответил: «Всегда». Вот именно про это «всегда» очень хотелось бы написать.

— Кстати, недавно мне тоже пришла интересная мысль о писательском труде. Но об этом я расскажу тебе потом. А сейчас у нас проблема.

— Что случилось?

— Нет, ничего не случилось, но у нас закончилась сметана. Я хочу на ужин отварить вареники с вишней.

— Сейчас съезжу в магазин, — говорю я, вставая.

— Не попал бы ты в ураган!..

— Он будет не скоро. Сейчас, наоборот, посмотри, — полное затишье...

...Закинув за плечи рюкзак, я еду на велосипеде по проселочной дороге. И действительно, необычайно тихо вокруг. Слышно только, как шуршит под шинами велосипеда мелкая галька. Никого нет на дороге, не слышно птичьего пения, и только одинокая чайка парит высоко в небе. И тут, призвав все свое воображение, я попытался увидеть себя с той выси, где кружится чайка.

Мысленным взором я вижу узкую ленту дороги между двумя стенами соснового леса, который с такой высоты кажется не более высоким, чем трава вдоль тропинки. Да и сам я выгляжу крохотным жучком, ползущим по дороге. До чего же это странно — представить себя со стороны, словно совершенно незнакомого человека, ни мыслей которого ты не знаешь, ни его забот и, если он исчезнет, то и тогда ты ничего не почувствуешь.

Я вижу на дороге крупный камень, стараюсь его объехать, и в самый последний миг у велосипедного колеса замечаю черного жука, ползущего по дороге. Проехав несколько метров, я останавливаюсь. Мне хочется посмотреть, цел ли жук, на которого я чуть было не наехал.

Вернувшись назад, вижу жука, неподвижно лежащего среди гальки. Я трогаю его травинкой, думая, что он притворяется и специально поджал лапки, но вскоре понимаю, что он мертв. Я смотрю на него и в который уже раз думаю о том, что летают люди в космос, высаживаются на Луну и даже возвращаются назад, а крохотного жука сделать снова живым не могут. Не дается человеку тайна жизни.

Еду дальше, и никак не могу забыть о жуке, оставшемся лежать на дороге. Если бы меня спросили, почему я продолжаю думать о нем, то я не смог бы ответить. Ведь ступая по земле, мы невольно убиваем множество живых существ. Так почему же гибель этого крохотного существа не оставляет меня равнодушным?

Чтобы это понять, нужно знать, что я почувствовал, когда увидел жука, лежащего на дороге. Конечно же, он был похож на то крохотное пятнышко, которое я увидел мысленным взором, когда представил себя с высоты птичьего полета.

Александр

Издали по яркой светоотражающей куртке и широкой седой бороде я узнаю своего давнего друга — Александра. Синие штаны, заправленные в резиновые сапоги, старый велосипед с двумя большими корзинами — спереди и сзади, все это позволяет издали узнать его колоритную фигуру. Старый приятель тоже заметил меня и поджидает на дороге.

— Как дела, Александр? — спрашиваю я, подъезжая к нему.

— К сожалению, еще жив, — отвечает он. — Проснулся утром и вижу — блин, да я же все еще тут!

— Зачем же так грустно?

— Почему грустно? Я самый большой оптимист среди пессимистов.

— Вижу, собрался на фотосъемку, — говорю я, заметив фотоаппарат в его багажной корзине.

— Сегодня тот день, когда надо снимать... Подожди-ка, — он слезает с велосипеда и фотографирует покосившийся забор за живописно разросшимися папоротниками. — А ты куда едешь?

— В магазин за сметаной.

— Так я же тебе ее уже купил, — усмехается Александр. — Ты лучше посмотри, какой забор! Люди проходят мимо и не замечают этой красоты. Я не понимаю таких людей! Зачем они живут?!

— Я однажды своим друзьям, на одном форуме общения в интернете, предложил фотографировать окна. То есть искать интересные ракурсы, неожиданные решения, чтобы за фотоснимком чувствовалась какая-то история, глубина. И что же ты думаешь?

— Думаю, что никто ничего не стал делать.

— Да, именно так! И это в то время, когда у каждого человека есть телефон. Надо всего лишь увидеть что-то интересное и нажать на кнопку. Но никто не откликнулся.

— Меня тоже иногда спрашивают, зачем я делаю эти фотографии, — говорит Александр, усаживаясь на велосипед. — А я не знаю, зачем я их делаю. Знаю только одно — я должен их делать... Ну что же, поеду теперь на море. Там снимаю.

— Счастливо! А я быстро в магазин и домой, а то Олеся ждет.

— О!.. Хорошо, что напомнил. Передай ей это, — и Александр достает из велосипедной корзины на руле два кабачка, протягивает их мне. — Соседка угостила, а куда мне столько!.. Передавай Олеся привет.

— Спасибо! А ты смотри, не попади в ураган! Слышал?.. Сегодня ночью обещают.

— Ураган как раз и нужно снимать из его эпицентра,— машет рукой на прощание Александр и сворачивает на дорогу, ведущую к морю.

Лес

Когда я вернулся домой, уже заметно стемнело.

— Встретил Александра,— говорю я Олеся, заходя на кухню.— Дал нам два кабачка. И передает тебе привет.

— Как-нибудь передашь ему баночку нашего варенья с черной смородиной. А кабачки я завтра пожарю с чесночком... Как думаешь, нам не стоит заготовить? А то что-то прохладно стало,— говорит Олеся, доставая из морозилки лоток с варениками.

Зайдя в котельную, открываю дверь во двор. Темные сосны замерли на фоне гаснущего неба. Глядя на лес, я думаю о том, что хорошо было бы написать повесть, подобную «Медведю» Уильяма Фолкнера, в которой я смог бы рассказать обо всем, что знаю о лесе. Ведь всю свою жизнь живу в окружении леса, вижу его состояния, а главное, так часто его рисовал, присматриваясь к каждой детали. А ведь, рисуя лес, можно многое заметить...

Я знаю, что лес может затаенно молчать, словно он не что иное, как деревья, кусты и папоротники. Но бывает, что сидишь ты у ствола дерева, неотличимый от всего вокруг, и дрозды с шуршанием прыгают у твоих ног. Они не видят тебя, принимая за часть леса, древесного ствола, и тогда ты чувствуешь, что лес тебя принял. Он касается щеки тонким солнечным лучом, пробившимся сквозь листву, и зовет куда-то ввысь, где шумят вершины деревьев на фоне бездонного синего неба.

Еще немного стою посреди двора и иду к сараю, где хранятся сосновые ветви, собранные в лесу. Проходя через двор, поглядываю на тьму, надвигающуюся со стороны моря, и чувствую, что и вправду становится холоднее. Набрав мешок растопки, несу его в котельную, но, прежде чем закрыть дверь, оглядываюсь на лес и замечаю сосну, опасно склоненную над двором.

«А ведь было бы неплохо, если бы буря повалила это дерево, — думаю я. — Его хватило бы на много топок». И только я подумал об этом, как тут же осознаю, какая перемена произошла в моих мыслях. Только что я смотрел на лес как на нечто живое и непостижимое, полное загадочных теней и неясных шепотов, и вот, в мгновение ока, он превратился в дрова и растопку. Похоже, мы видим всегда то, что чувствуем.

Искорка света

Мы ужинаем, а за окном совсем уже темно.

— Неужели Александр сейчас на море! — говорит Олеся, глядя в темноту.

— Нет, конечно. Уже слишком темно.

— А где ты с ним встретился?

— Возле дюн, у заброшенных коттеджей. Там он свернул на пляж. Для меня это место особенное. Именно там я в детстве узнал, что на свете бывают ураганы.

— Ты мне не рассказывал об этом.

— Раньше в этих коттеджах на дюнах был летний детский сад. Как-то мои родители отдали меня в этот садик у моря. Я хорошо помню тот день, когда нам сказали, что ночью будет буря. Я не знал, что это такое, но почувствовал тревогу, заметив, что воспитательницы закрывают ставнями окна. Я бродил по двору, и оказался у забора, за которым было видно море. Хотел уже возвращаться, как вдруг увидел за забором человека с маленькой девочкой. Они стояли на самом гребне песчаной дюны. «Это летит ураган?» — показала девочка рукой на темнеющее небо над морем. «Нет,—

ответил ее отец, — но он скоро придет. Пойдем, а то он схватит тебя, вот так!». И тот человек подхватил девочку, затормошил ее, а она засмеялась. Они ушли, а я так и остался стоять за забором, и все смотрел на шумящее море.

— А ураган ты помнишь? — спрашивает Олеся.

— Почти не помню.

— Но хоть что-то?

— Помню, как нас повели ужинать. На маленьких столиках, за которыми мы сидели, стояли блюда с ломтиками черного хлеба. Садясь за стол, каждый из нас стремился завладеть горбушкой. Почему-то считалось большой удачей, если тебе достанется горбушка. А в конце ужина появилась воспитательница с небольшим тазиком и каждому стала давать ложкой в рот наше любимое лакомство — дрожи.

— Это они вас подкармливали, чтобы вы вес набирали. А из одной ложки, чтобы вырабатывался общий иммунитет.

— Да, наверное. А потом мы лежали в кроватях, ждали чего-то страшного и незаметно заснули. Ночью нас разбудил грохот, завывание ветра и плач Сони. Она была самой маленькой среди нас. Мы проснулись оттого, что она стояла на своей кровати и громко плакала. Наверное, ее разбудил ветер. А может, она хотела домой.

— Ты когда-нибудь, напиши об этом.

— Может быть.

— А я сегодня рисовала и подумала, — говорит Олеся, убирая со стола посуду, — вот рисуем мы с тобой, пишем, но имеет же это хоть какой-то смысл? Какой-то больший, чем просто желание делать любимую работу, а потом кому-то ее показать? Ведь все эти усилия и затраченное жизненное время — это же все не впустую?

— Не ты первая об этом задумываешься. Ван Гог тоже писал своему брату Тео: «Я отдал своей работе все свои силы и половину своего рассудка. Но ведь зачем-то это было нужно?» Видишь, и он задавался этим вопросом. Но еще Ван Гог писал: «Когда-нибудь люди поймут, что картины мои имеют большую цену, чем те деньги, что были затрачены на холст и краски».

— Но все-таки, какой же может быть ответ?

— Я думаю, что смысл художественного творчества, с точки зрения тех сил, которые наделяют человека даром, заключается не в том, чтобы человек преуспел в этом мире. Художник создает полнокровные художественные образы, о которых мы говорим, что они живые. Но не являются ли они действительно *живыми*? И чем полнокровнее мыслеобраз, тем он сильнее и жизнеспособнее. В этом, мне кажется, и заключается роль художника — в создании светлых мыслеобразов!.. Именно поэтому художника и называют творцом.

— Может и так, — говорит Олеся, вытирая руки полотенцем.

— Думаю, так это и есть!.. Взять хотя бы Леонардо да Винчи! Среди его рукописей и рисунков осталось множество набросков технических изобретений, которые он и не думал воплощать в жизнь. И это потому, что, по его мнению, идеи, возникающие в нашем сознании, сразу же обретают существование в мире. Так что надо делать то, что может делать твоя рука, а об остальном не заботиться.

Персонаж

После ужина выхожу из дома и, стоя в темноте посреди двора, вспоминаю, как однажды Олеся сказала:

— Я поняла одну вещь. Жить надо с ощущением, что ты являешься персонажем какой-то книги.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Ну, смотри, человек живет, каждый день ходит на одну и ту же работу, видит одних и тех же людей, и это кажется ему обыденным и скучным. Но если о том же

самом он прочитает в гениальной книге, то это ему уже не покажется скучным. Наоборот, он увидит, как интересна его жизнь. Вот я и говорю, что для того, чтобы жизнь не казалась скучной и обыденной, нужно представить себя героем какой-то великой книги. И тогда ты почувствуешь, какая у тебя интересная и захватывающая жизнь.

Теперь я подумал о том, что это ведь относится не только к литературе, но и изобразительному искусству. Художник видит интересный пейзаж, пишет картину и выставляет ее в художественной галерее. Перед этой картиной останавливаются зрители, восхищаются пейзажем, но это те же самые люди, которые не замечали подобный пейзаж в реальной жизни. Значит, на все вокруг себя надо смотреть как на произведение искусства. И тогда мир совершенно преобразается и открывается человеку.

Вот и сейчас, я стою не просто во дворе, а в пространстве какого-то текста и слышу, как из темноты доносится тихое шуршание. Это птицы, перелетая с ветки на ветку, устраиваются на ночь.

Вдали одна за другой лают собаки, передавая друг другу эстафетой учуянный ими запах лисы. Но вот лай стихает — значит, лиса притаилась в зарослях, почуяв опасность.

И в этот момент, когда стихло шуршание птиц на ветвях и смолк лай собак, когда лиса затаилась в глубине зарослей, по вершинам деревьев, прошла мощная волна ветра. И следом за ней послышался идущий со стороны моря гул приближающейся бури...

Тьма

Снаружи доносится рев ветра и грохот падающих на железную крышу ветвей. Дом содрогается, и град капель дождя колотит по оконным стеклам. Но это еще не полная сила урагана, который в полную мощь обрушится на побережье к середине ночи.

— Похоже, поспать сегодня не удастся,— говорю я, и голос мой едва слышен из-за шума ветра.

— Ничего,— откликается из спальни Олеся.— Почитаем, а можем какой-нибудь фильм посмотреть.

И тут же я ощущаю то странное явление, которое мы с Олесей часто наблюдаем, живя у моря, — внезапно через весь дом проходит волна холода и длится это всего лишь несколько минут. Иногда кажется, что это и не холод вовсе, а что-то совсем иное, что ощущается как холод, способный проходить сквозь любые стены.

— Ты тоже почувствовал? — слышится голос Олеси.

— Да.

— Приходи уже.

— Сейчас, я посмотрю, что делается в котельной. Уж очень меня беспокоят деревья, что растут возле дома.

— Только не выходи наружу! — просит Олеся, зная, что мне будет трудно от этого удержаться.

Зайдя в котельную, подбрасываю в котел несколько брикетов. Отбив щеколду наружной двери, с трудом приоткрываю ее, так как она туго поддается под напором ветра. Меня тут же оглушает шум деревьев и обдает шквалом ветра, пахнущего хвоей и морем.

Передо мной ревушая тьма, в глубине которой, где-то в лесу, светятся загадочные огоньки. Уже не в первый раз во время бурь я вижу их, и каждый раз у меня возникает желание пойти и посмотреть, что же это светится в лесу. Но каждый раз что-то удерживает меня. Может, мысль, что за сорванным с тайны покровом может ждать разочарование?..

Интересно, где сейчас та лиса? Где она прячется от бури? И каково сейчас птицам? Я вспомнил, что Олеся всегда забавляют такие мои мысли. Она считает, что птицы и звери чувствуют себя в такую бурю не так скверно, как мне кажется. А если бы это было не так, то они давно бы погибли и от бурь, и от морозов. Конечно, смешно, когда человек, примеряет жизнь птиц и животных к своей собственной жизни. В такую ночь, как эта, становится особенно ясно, что Олеся права. Деревья, буря, ночь, звери и птицы — это единое целое.

Стоя за приоткрытой дверью, слышу, как между порывами ветра доносится шум моря, и знаю, что волны сейчас заливают берег, доходя до лавки, на которой мы сидели всего лишь несколько часов назад.

И еще я вспомнил об Александре, который любит фотографировать море, жителей наших мест и, конечно же, лес. Однажды я встретил его в лесу, где он собирал грибы. Седоволосый, с широкой бородой во всю грудь, в забавной шапочке с помпоном, он был похож на гнома, бредущего по лесной тропинке.

— Вот, собрал на солянку, — показал он мне корзину, полную грибов.

— А как ты делаешь солянку? — поинтересовался я.

— Готовлю во дворе, на огне, в большом котле на пять литров. Делаю, как обычно, — лук, морковь, красный перец, фасоль, грибы, специи. Это... прекрасная вещь! Я чернику собрал, сделал варенье на зиму. Жду, когда рябина поспеет. Это дает мне лес... И вообще-то я однажды понял, что хочу умереть в лесу. Вот, в такой же осенний день...

«Как часто он говорит о смерти», — подумал тогда я. Александр замолчал, и некоторое время мы стояли с ним в туманной дымке осеннего леса, а вокруг нас опадали с кленов желтые листья.

Я отвлекаюсь от этих мыслей, когда из темноты доносится резкий хлопок упавшего дерева — звук очень похожий на то, как падают в ночи на землю крупные яблоки.

Закрываю дверь, но скорее это ветер захлопывает ее за моей спиной.

Другой мир

Возле стола, за которым я работаю, стоят два книжных шкафа. Здесь собрано много ценного из русской и зарубежной классики. Но есть и особые стеллажи с книгами моего детства. Следуя совету Осипа Мандельштама, «только детские книги читать, только детские думы лелеять...», я каждое лето перечитываю любимые детские книги.

Есть апокриф, рассказывающий о том, как Адам, чувствуя приближение смерти, пришел к границе Рая и со слезами на глазах молил ангелов, чтобы они дали ему возможность хоть на миг увидеть потерянную им землю. Ему не позволили увидеть Рай. Но ангелы дали Адаму три ветви с райских деревьев, которые он узнал и попросил сделать венок, надев который, умер.

Держа в руках детскую книгу, мы тоже оказываемся на границе Рая нашего детства, и никто не преграждает нам путь. Ничто не мешает нам войти в тот далекий мир, когда мы не знали о существовании времени, и жизнь представлялась нам вечной. Однако, мало кто открывает любимые некогда книги. А если и раскрывает, то не может понять, что в этих книгах его когда-то очаровывало?

— Что ты делаешь? — спрашивает из спальни Олеся.

— Да вот, смотрю на книги и думаю, как же их много на свете!

— А знаешь, почему их так много? — говорит Олеся. — Потому что люди живут в этом мире и в то же самое время боятся в нем жить.

— Боятся? — переспрашиваю я, входя в спальню и пытаясь хоть что-то разглядеть в темноте за окном.

— Да, люди прячутся от жизни. Кто-то прячется от нее в хобби, кто-то в музыке, литературе, кино, в работе или выпивке. Человеку хочется уйти из реального мира в какой-то иной, в котором ему было бы хорошо. Литература — это тоже уход в иной, желанный мир.

— Может, так и есть,— соглашаюсь я.— У меня это так с повестью «Степь» Чехова. Такое чувство, что я не читаю ее, а беру книгу и ухожу в нее — вот я уже в степи, где лето, теплый ветер и травы простираются до горизонта. Если я зимой болею, то нет лучшего лекарства, чем «Степь» Чехова.

— Да, но когда наступит Новый мир, описанный в Апокалипсисе, то в нем не будет ни литературы, ни поэзии, ни музыки.

— Но как же можно жить без музыки, литературы и поэзии?

— В таком мире музыкой, литературой и поэзией станет все. Как это и происходит с влюбленными. Они оказываются в мире, в котором нет ничего, что не было бы музыкой и поэзией. И из этого мира им уходить никуда захочется.

— Я знаю похожую историю. У меня был приятель, большой любитель чтения. Он говорил, что не было в его жизни дня, когда он не взял бы в руки книгу. Но однажды он влюбился. Новые ощущения, путешествия с возлюбленной — все это закружило его, и исчезла бывшая страсть к чтению. Но продолжалось это до той поры, пока не пришло разочарование. Тогда-то он и вернулся к книгам.

— Вот и получается, что стремление людей к искусству есть ни что иное, как стремление к подлинной, высшей жизни... А знаешь, давай почитаем что-нибудь из Достоевского? Помнишь, мы «Братьев Карамазовых» хотели перечитать. Как раз ночь подходящая.

— Хорошо. Тебе я дам книгу, а сам могу читать в телефоне.

— Отлично! Прямо сейчас и принеси.

— Может, чайку организовать?

— Поздновато как-то.

— Вряд ли нам спать придется. С чем будем пить?

— Можно с печеньем.

— О, и свет уже помигивает. Пойду поскорее, пока он не отключился.

— Ты только мне книгу сначала дай,— напоминает Олеся.

Счастливый мир

— Вот скажи мне, что же это такое!? — говорит Олеся в тот момент, когда я вхожу в комнату с подносом.— Ты просто мне не поверишь!

— А что такое?

— Смотри, я открыла наугад «Братьев Карамазовых» и сразу же натолкнулась на место, где он говорит о том же самом, о чем мы сегодня говорили, когда шли через лес. Помнишь?

— Подожди, это о чем?

— О том, возможно ли создание счастливого мира на земле. Ты тогда сказал, что это невозможно из-за греховной природы человека. И что, мол, Достоевский посмеялся бы над этим. Смотри, что Достоевский пишет!..

— Интересно,— говорю я, опуская поднос на столик и присаживаясь на край кровати.

Олеся находит нужное место в книге и читает:

«А когда,— воскликнул я ему тут с горестью,— сие сбудется, и сбудется ли еще когда-нибудь? Не мечта ли сие лишь только?» — «А вот уж вы, говорит, не веруете, проповедуете и сами не веруете. Знайте же, что, несомненно, сия мечта, как вы говорите, сбудется, тому верьте, но не теперь, ибо на всякое действие свой закон. Дело это душевное, психологическое. Чтобы переделать мир по-новому, надо чтобы

люди сами психически повернулись на другую дорогу. Раньше, чем не сделаешься, в самом деле, всякому братом, не наступит братства. Никогда люди никакой наукой и никакой выгодой не сумеют безобидно разделиться в собственности своей и в правах своих. Все будет для каждого мало, и все будут роптать, завидовать и истреблять друг друга. Вы спрашиваете, когда сие сбудется. Сбудется, но сначала должен заключиться период человеческого уединения». — «Какого это уединения?» — спрашиваю его. «А такого, какое теперь везде царствует, и особенно в нашем веке, но не заключился еще весь и не пришел еще срок ему. Ибо всякий-то теперь стремится отделить свое лицо наиболее, хочет испытать в себе самом полноту жизни, а между тем выходит из всех его усилий вместо полноты жизни лишь полное самоубийство, ибо вместо полноты определения существа своего впадают в совершенное уединение. Ибо, все-то в наш век разделились на единицы, всякий уединяется в свою нору, всякий от другого отдаляется, прячется и что имеет — прячет, и кончает тем, что сам от людей отталкивается и сам людей от себя отталкивает. Копит уединенно богатство и думает: сколь силен я теперь и сколь обеспечен, а и не знает безумный, что чем более копит, тем более погружается в самоубийственное бессилие. Ибо привык надеяться на себя одного и от целого отделился единицей, приучил свою душу не верить в людскую помощь, в людей и в человечество, и только и трепещет того, что пропадут его деньги и приобретенные им права его. Повсеместно ныне ум человеческий начинает насмешливо не понимать, что истинное обеспечение лица состоит не в личном уединенном его усилии, а в людской общей целостности. Но непременно будет так, что придет срок и сему страшному уединению, и поймут все разом, как неестественно отделились один от другого. Таково уже будет вяние времени, и удивятся тому, что так долго сидели во тьме, а света не видели. Тогда и явится знамение Сына Человеческого на небеси... Но до тех пор надо все-таки зная беречь и нет-нет, а хоть единично должен человек вдруг пример показать и вывести душу из уединения на подвиг братолюбивого общения, хотя бы даже и в чине юродивого. Это чтобы не умирала великая мысль...».

— Невероятно! — говорю я. — Это же написано о нашем времени!

— Как странно, что я просто открыла книгу и увидела это!

И как только она это произносит, гаснет свет. Подойдя к окну, я смотрю в темноту, но не вижу ни одного огонька.

— Где-то обрыв провода, — говорю я.

Рев ветра снаружи и абсолютная тьма сузили мир до размеров комнаты, стен которой мы тоже не видим.

— А ты собирался сегодня поработать, — говорит Олеся.

— Так я и работаю понемногу. День сам пишет свою историю.

— Интересно, что у тебя получится.

— Хочется написать что-то такое же простое, как танец тех двух бабочек под дождем.

Обычно бывает, что когда глаза привыкают к темноте, то в ней начинают проступать очертания окружающих тебя вещей. Но сейчас тьма абсолютная, и нет никакой разницы, открыты твои глаза, или нет.

— Да, — вспомнил я, — ты хотела что-то рассказать о труде писателя. Помнишь?

— Да, помню. Видишь ли, многие люди воспринимают труд писателя как что-то незначительное по сравнению с трудом людей, которые производят материальные ценности. Работа, связанная с идеями, образами и чувствами, по мнению многих людей, это нечто второстепенное. Но все, кто так считает, не догадываются, что как раз писатели и делают весь тот мир, в котором мы живем.

— Как же они его делают?

— Представь себе... Поднимаясь по отвесной стене, человек цепляется за каждую впадину, его нога ищет малейший выступ для опоры. Точно так же и наш мир дви-

жется, поднимаясь ввысь, и ему тоже нужны точки опоры. Ему необходимо за что-то цепляться, чтобы не слететь в пропасть. Создавая Одиссея, Дон Кихота, Ромео и Джульетту, Гамлета, Онегина, братьев Карамазовых, Пьера Безухова... да хоть Шерлока Холмса, писатели создают духовные точки опоры, которые помогают человечеству в его восхождении. Так что литература не зеркало, в котором отражается жизнь. Настоящая литература создает духовный облик человечества, и создается он, в первую очередь, трудом тех писателей, которые уходят вперед, отчего часто становятся непонятыми современникам.

Олеся замолчала, и мне кажется, что она хочет еще что-то сказать, но в этот момент комната наполнилась пульсирующим голубым светом, достаточным для того, чтобы ощутить стены с развешанными на них картинами. По потолку проплыли всеобразные полосы света, и послышался гул мотора, перекрывающий рев ветра.

— Ничего себе! — поразился я, — да это же аварийная служба! В такую бурю и среди ночи!.. Ну и работка у людей!

— Об этом тоже обязательно напиши, — говорит Олеся, беря меня за руку. — А когда напишешь, дай почитать.

Постепенно гул мотора стих, и снова стало темно. Закрыв глаза, уже почти засыпая, я вспомнил скамейку, на которой мы сидели у моря, вспомнил девочку, игравшую возле нас. Спит ли она сейчас? И где сейчас та ворона, что сидела на раздевалке?.. Где прячется лиса, и что чувствуют птицы в лесу? И еще вспомнил жука, лежащего сейчас на дороге и о котором во всем огромном мире знаю лишь я один. Обо всем этом я вспомнил, засыпая под нарастающий рев ветра.

Анна Гройсс
(г. Санкт-Петербург)

ВЫМЫШЛЕННЫЙ АДРЕСАТ

Версия событий

Анна Владимировна Гройсс живет в Санкт-Петербурге. Окончила Санкт-Петербургский государственный университет, философский факультет. Лауреат и дипломант многих всероссийских литературных конкурсов.

*Если долго всматриваться в бездну,
то бездна начнет всматриваться в тебя.*

Фридрих Ницше

Июнь 1942 года, гостиница «Москва», Охотный ряд

Миновав просторный холл, залитый густым закатным светом, Евгений Петров, он же Катаев-младший, взлетел по мраморной лестнице на третий этаж. Стремительно прошагал по длинному, плывущему сквозь медовую дымку, гостиничному коридору. Солнечные лучи, дробясь и пересекаясь с тенями от оконных переплетов, бежали наперегонки по стенам и полу, вытягивая черные фантастические силуэты.

Остановившись перед массивной дверью номера, Евгений резко выдохнул, словно готовясь нырнуть в холодную воду, постучал.

— Открыто! — откликнулся изнутри знакомый голос.

Катаев-младший ступил в номер. Валентин, сидевший за письменным столом, оторвался от лежащей перед ним рукописи и укоризненно покачал головой, затем перевел взгляд на стоявшие в углу напольные ходики.

— Опаздываешь, Женя! — вздохнул он. — У нас только полчаса, а потом мне нужно идти в «Звезду», статью сдавать. Все сроки уже вышли.

— Прости, Валя, задержали в издательстве, — Евгений суетливо извлек из портфеля пухлый альбом в потертом кожаном переплете с витиеватым золотым тиснением «Марки», плюхнул его на заваленный бумагами письменный стол.

— Ты что, с ума сошел? — возмутился Катаев-старший, отшатываясь от кресла. — Ты за этим сюда пришел? В тысячный раз показать мне марки? Я для этого, что ли, перенес встречу с редактором?

Катаев-младший снял кепку, кинул ее на широкий кожаный диван, вытер пот со лба. С грохотом отодвинул тяжелый стул, уселся напротив брата. — Я давно хотел поговорить с тобой, братишка, но все как-то не мог собраться с духом... Менее всего на свете я хотел бы разочаровать тебя... — он осекся под внимательным, нетерпеливым взглядом Катаева-старшего, затем, наконец, решился. — В общем, ты знаешь, Валя, я много лет, еще с Одессы, собираю марки. — Он открыл альбом, и перед Катаевым-старшим замелькали цветные картинки в длинных прозрачных кармашках. — Однажды мне пришла в голову идея — простая, как все гениальное! — что если отправить письмо в другую страну, скажем, в Люксембург, указать вымышленную

улицу, дом, квартиру и имя несуществующего в природе человека, то почтальон, не обнаружив нужного адресата, возвратит мое послание на почту, а оттуда его перешлют обратно в Москву!

— Что за баловство? — нахмурился Валентин. — Зачем?

— А затем, что вернувшийся конверт будет оклеен заграничными марками! Вот в чем фокус! Для вида я вкладывал внутрь всякие бессмысленные записки — две-три строки ни о чем: здравствуй, как поживаешь, прощай... Но потом, знаешь ли, увлекся и стал сочинять самые настоящие, вполне себе правдоподобные письма про своих знакомых. Как-то раз я отправил во Францию длинное и очень подробное письмо о пропавшем без вести сыне тети Глаши, соседки по коммуналке в Троилинском переулке, помнишь ее? Ох, и убивалась она... И вот я придумал, что, коротко говоря, Витька якобы отправился на заработки в Сибирь, женился там, развелся, а потом, нагулявшись, вернулся в Москву — встречайте, мол, блудного сына!

— И? — недоверчиво протянул Катаев-старший.

— Витька заявился домой буквально через три дня после того, как я отнес послание на почту!

Щелкнув пальцами, Евгений победно посмотрел на брата, затем быстро пролистнул несколько страниц.

— Вот она, тети Глашина марка, видишь? — с Наполеоном. А тут, гляди, из Ирландии, с зачислением в институт младшей сестренки нашей стенографистки Ленокки из «Гудка». Сбылось! Кстати, ты когда-то ухлестывал за ней... — Евгений подмигнул, а Валентин, сделав недоумевающее лицо, шутливо развел руками. — А эта, германская, с кайзером Вильгельмом, от послания, в котором я от нечего делать придумал выигрыш в лотерею для старого армянина-обувщика, у которого мы раньше в Лаврушинском набойки ставили.

— Ну-ну? — заинтересовался Валентин. — Будка-то уже года три как досками заколочена.

— Еще бы не заколочена! — воскликнул Евгений. — Выиграл десять тысяч и сразу женился!

Валентин засмеялся:

— Значит, это из-за твоих дурацких фантазий мне приходится теперь ботинки чинить черт знает где? Давай ближе к сути, — он выразительно посмотрел на ходики. — Время поджимает.

Механизм внутри часов ожил, громко зашуршал, зашевелился, пропел торжественно-печально: «Бом-бом!»

— Я долго не мог понять, почему так происходит, — страстно зашептал Катаев-младший. — Всю голову сломал. Ну не бывает таких совпадений! А потом догадался! — Он наклонился поближе к брату. — Помнишь, когда я потерялся в Одессе, в 1905 году? Мне было тогда три с половиной года... Ты потом вставил этот случай в книгу «Белеет парус одинокий»... — Катаев-старший кивнул. — В тот вечер в наш двор забрели уличные актеры, и я, вместе с другими детьми, пошел за ними. Но это — только внешняя канва. Я никому не рассказывал, что произошло со мной на самом деле.

Евгений резко встал, оттолкнул стул и принялся шагать из угла в угол.

— Артисты переходили от одного дома к другому, везде им кидали деньги, и в каждом дворе их представление звучало чуть-чуть по-другому. Ванька-Рютютю* был одним и тем же и все же немного иным. Как очарованный, не спуская глаз с плетеной кошелки с таинственно спрятанными там куклами, я следовал за пестрой женщиной, тащившей на спине шарманку, и мужчиной без шапки, с ширмой под мышкой.

Меня поразило тогда, что одним движением руки они создавали иную реальность, не существовавшую еще мгновение назад. Как Пенелопа, они ткали ее и рас-

* Петрушка.

пускали, ткали и распускали... Я словно перенесся в загадочную страну, где в руках нищих актеров,— тогда они показались мне настоящими магами,— оживали куклы, все преображалось, менялось, возникало, словно ниоткуда*. И такова была сила их искусства, что я поверил, безоговорочно поверил,— взволнованно восклицал Евгений, продолжая бегать по комнате,— в то, что выдуманные миры действительно существуют! И я тоже тогда захотел стать волшебником, чтобы силой воображения творить иную реальность!

В этом наваждении, упоении чудом преображения я потерял всякое представление о времени и пришел в себя, лишь заметив с удивлением, что уже вечер, и я иду за шарманкой по совершенно незнакомой улице. Все дети давно отстали и разошлись. Пестрая женщина и мужчина с ширмой шагали быстро, очевидно торопясь домой. Я едва поспевал за ними. Город становился все более незнакомым, подозрительным. Мне даже показалось, что мужчина и женщина о чем-то зловеще шепчутся.

Вдруг актер обернулся и сказал: «Ты кто?», и магия рассеялась, мир потемнел, потускнел, я обнаружил себя на заброшенном пустыре, в окружении нищих полуразвалившихся халуп и старых заброшенных построек.

В ужасе я бросился наутек и бежал до тех пор, пока неожиданно не наткнулся на тебя, а ты, схватив меня за руку, торжественно поволок домой...

— Где уже царила полнейшая паника! — со смехом подхватил Катаев-старший.

Евгений улыбнулся и снова уселся напротив брата.

— Эти детские впечатления долго не давали мне покоя. Поначалу я думал, что меня тревожит пережитый испуг. Но дело было не в страхе. Я никак не мог забыть, с какой необыкновенной легкостью в руках уличных артистов расцветала новая жизнь! А потом, знаешь, мне пришла в голову неожиданная идея...— Евгений взгляделся в лицо брата.— Что с помощью искусства можно обмануть судьбу! Что рождение художественного вымысла есть акт сотворения мира! Прекрасного, изумительного мира, по которому вечно тоскует человек!

Катаев-старший успокаивающим жестом похлопал брата по плечу.

— Тебе нужно отдохнуть,— мягко произнес он.— Обратиться к врачу, может быть...

Евгений нетерпеливо отмахнулся.

— Почти год я развлекался составлением фантастических писем, а в октябре 1938 года попал в больницу с пневмонией и двое суток провел в беспамятстве.

— Я страшно переживал! — перебил Валентин.— Боялся, что ты не выкарабкаешься,— он вздохнул.— Как наша мама...

Братья помолчали. Наконец Катаев-младший невесело улыбнулся.

— Все люди как люди, а со мной вечно происходят неприятности! Не пойму, как я до сих пор не погиб... Всю жизнь мне страшно не везет. Смерть буквально ходит за мной по пятам. В третьем классе я надышался сероводородом, и меня едва откачали... — он устало откинулся на спинку стула.— В десять лет вывалился из окна Миньки Ольтерштерна. Перед самой землей край гимназического сюртука каким-то чудом зацепился за торчащий из стены крюк, и замедлил падение, а там уже меня поймал в руки подоспевший дворник, Ибрагим. А помнишь, как мы с пацанами — с Минькой и Алешей Краснецовым — он возле рынка жил, рыжий такой,— попали в шторм?

Валентин кивнул.

— Мы отплыли рано утром. Солнце только встало, линия горизонта таяла в розовом тумане, царило полное безветрие, и такая свежесть и чистота кругом, будто в первый день творения! Сначала мы шли на веслах, но вскоре, откуда ни возьмись, потянулись холодные воздушные потоки. Ты знаешь, как мгновенно меняется погода на море... Мы не успели оглянуться, как небо почернело, ветер усилился, засвистел на разные голоса, парус надулся, и нас быстро понесло в черную страшную, словно

* Р. Всеволодов. «Если у нас получится».

пасть, бездну. С громким хлопком сорвало парус, и этот звук слился с разрывом молнии, ударившей в воду неподалеку от нас. Волны захлестывали в лодку, мы лихорадочно вычерпывали воду, цепляясь за борта. А вода все прибывала! С одним особенно сильным ударом волны наше суденышко накренилось и встало почти на попа, и, если бы я в последний момент не ухватился за обломок реи, меня бы наверняка смыло в открытое море. На наше счастье, рядом оказался рыболовецкий баркас, и нас спасли.

Потом я переехал в Москву, стал Евгением Петровым. Думал, со сменой имени все эти несчастья закончатся. Как бы не так! — Катаев-младший усмехнулся. — В день выписки из больницы на меня наехала лошадь с телегой. Чудом я остался жив и даже не покалечен, попав сначала между конских копыт, а потом между колесами повозки. Как сейчас помню искру, проскочившую между лошадиной подковой и мостовой, — буквально в нескольких сантиметрах от лица. И в этот самый миг у меня на секунду, только на секунду, вдруг мелькнула мысль — четкая такая, явная, выпуклая, мне даже показалось, ее можно потрогать: что я чей-то вымысел, литературный герой, итог воображения, и само мое существование — чужая фантазия, нелепая шутка. Создатель, придумавший меня, сидит сейчас за столом где-нибудь в теплом кафе и пьет чай, а я живу только потому, что мой образ бродит у него в голове. Но почему, в таком случае, я сам не могу стать творцом еще одного Евгения Петрова? А?

Катаев-младший тревожно всмотрелся в глаза брата, выражение лица которого с каждой минутой становилось все более отстраненным, словно у случайного попутчика в поезде, который приближается к своей станции, мысленно пребывая уже не здесь, в вагоне, а где-то далеко, у цели своего путешествия.

— В ту ночь я плохо спал, все ворочался в какой-то полудреме... На рассвете выглянул в окно, а там... погода пакостная, дождь со снегом... Скучно, Валя. Все одно и то же... — Евгений шумно выдохнул и повел руками вокруг себя. Его чуть раскосые, как у рыси, темные глаза сверкнули. — Тесно здесь.

— Где это здесь? — медленно переспросил Катаев-старший. — Ты имеешь в виду... — он запнулся, продолжил, понизив голос, — в Совдепии?

— Да нет же! — с досадой поморщился Евгений. — При чем здесь это... И вот, посреди всей этой серости, мне явилось видение — Новая Зеландия, домик на берегу озера — все такое отрывистое, знаешь, бессвязное. Я сел и, чтобы избавиться от этого наваждения, перенес его на бумагу, сочинил себе далекого друга из Новой Зеландии по имени Мерилл. Придумал ему красавицу-жену, дочку, просторный дом на берегу озера, полученный в наследство от умершего дяди Пита, и даже любимую трубку из вишневого дерева. Так, постепенно, за несколько бессонных ночей, его образ вырисовался у меня в голове до мельчайших деталей. В апреле 1939 года я написал ему письмо: «Дорогой Мерилл! Прими мои самые искренние соболезнования в связи с кончиной дяди Пита. Крепись, старина. Прости, что долго не писал. Надеюсь, что с Ингрид все в порядке. Поцелуй от меня дочку. Она, наверное, совсем уже большая? Твой Евгений». Я отнес письмо на Главпочтамт и отправил заказным и срочным. И вот — привет! Через два месяца пришел ответ. — Евгений стукнул ладонью по столу. — Он существует!

Он шлепнул перед братом конверт, плотно обклеенный заграничными марками и адресом, написанным латинскими буквами: Новая Зеландия, Хайдбердвилл, Райтбич, 7, Мерилл Оджин Уэйзли.

— Загляни внутрь, — выдохнул Катаев-младший.

Повертев в руках конверт, Валентин достал фотографию. Со снимка на него смотрел брат, стоящий под деревом в обнимку с загорелым полным мужчиной средних лет, в шортах и панаме. Тень от листвы, дробясь, падала на их улыбающиеся лица, усыпанные мелкими солнечными бликами, как веснушками. В отдалении сверкала синяя гладь озера. Валентин некоторое время с недоумением рассматривал карточку, затем перевернул и прочел надпись, выполненную по-английски крупным не-

ровным почерком: «Высылаю фото, которое я тогда сделал, но ты торопился и не смог его забрать»... Черт бы тебя побрал, Женя, откуда это?

— Обрати внимание на дату, братишка.

— Подожди, подожди... Девятое октября 1938 года. Но ведь в этот день ты находился в больнице, в бессознательном состоянии! Что за мистификация, Женя?

— Там внутри еще письмо,— сказал Катаев-младший.

Нахмурившись, Валентин извлек из конверта письмо: «Дорогой Евгений! Большое спасибо за соболезнование. Прости за задержку с ответом. Нелепая смерть всеми нами любимого дяди Пита выбила нас из колеи на полгода. Мы с Ингрид часто вспоминаем те два дня, что ты гостил у нас. Глория совсем большая и уже ходит во второй класс. Она до сих пор не расстается с игрушечным медвежонком, которого ты ей привез из России. Не забывай, пиши нам. Твой друг Мерилл».

— То есть он действительно живет по адресу...— Валентин удивленно поглядел на брата,— Райтбич, семь? Ты узнавал?

— Даже улицы такой нет! — восторженно вскричал Евгений.

— Не понимаю тогда, чему ты радуешься?

— Да как-то не понимаешь, братишка! Мерилл и его семья живут в другой реальности, которую создал я.— Он выхватил у Валентина из рук конверт и потряс им перед лицом брата.

— Чушь, Женя! — Валентин вскочил. Он покраснел, жилки на висках вспухли.— Бред! Какого лешего ты создал? Тебе лечиться надо! Над тобой кто-то подшутил, неужели непонятно? Это обыкновенный розыгрыш! — с каждым словом Валентин повышал голос.— Здесь,— он потыкал пальцем на изображение брата на карточке,— виден белый контур, как будто твой силуэт вырезали ножницами, наклеили и потом снова сфотографировали — уже с этим, как его, Мервиллом, видишь? — В конце своей речи он почти кричал.

— Да нет, нет же, нет, Валя! Нет здесь никакого контура! — рявкнул Евгений.— Это не розыгрыш. Думаешь, я сошел с ума? Хочешь — верь, хочешь — не верь, а я изобрел способ создания идеальной жизни!

— Пожалуйста, Женя, успокойся,— примирительно произнес Валентин, резко успокаиваясь.— Выпей.

Он подошел к журнальному столику, на котором стоял графин с водой, налил в стакан, протянул брату. Тот отрицательно покачал головой.

— Насочинял ты, братишка,— Катаев-старший тяжело вздохнул и сам выпил воду.— Одно слово — писатель,— он натужно рассмеялся.

— Нет, не насочинял,— упрямо произнес Евгений, глядя на Валентина исподлобья.— Ведь есть же такая известная идея, что писатель творит новые миры в предвечности.

— Ты еще книгу судеб приплети,— поморщился Валентин.— Тебя послушать, так и Остап Бендер существует, и Киса Воробьянинов, и черт еще знает кто... Так, что ли?

— Может, и существуют... Но это не то,— хмуро возразил Катаев-младший.— Книга — для всех. А письмо — это личное.

— То есть, ты хочешь сказать, если я начну писать письма вымышленным адресатам, выдумывая себе новую биографию, моя жизнь станет иной?

— Мало написать, братишка. Чтобы соткать реальность из воображения, нужно дополнить выдуманное действием. Хотя бы отнести его на почту.

— Это фантом. Безумие. Выдумки! — Валентин прошелся по номеру. Остановился у окна, побарабанил пальцами по стеклу. Евгений за его спиной вздохнул.

— Я писал ему еще несколько раз, и ни разу больше не получил ответа. Но я ощущаю, что между нами существует незримая связь. Он думает обо мне. Иногда я ловлю его мысли, словно радиоприемник, настроенный на определенную волну. Ах,

если бы ты знал, как я тоскую по Новой Зеландии, по тем чудесным дням, проведенным на берегу озера!

— Твои фантазии заведут тебя слишком далеко, Женя,— сурово произнес Валентин, возвращаясь за стол и придвигая к себе рукопись.— Однажды ты не выберешься из них. Они сыграют с тобой злую шутку.

— Ну и пусть. Но ты-то будешь знать, что это не просто совпадение.— Катаев-младший поднялся со стула, положил альбом с марками в портфель, щелкнул замочком.— Я пришел попрощаться, братишка, на всякий случай. Выезжаю на днях в Севастополь. Мало ли что.

— Все-таки добился своего! — Катаев-старший тоже встал.— Ну зачем, зачем ты рвешься в самое пекло, Женя?

— Если со мной что-то случится, ты напиши обо мне, как о живом. Так никто не сможет, потому что ни один человек не знает меня лучше, чем мой родной брат. Вот тогда мы и проверим, как все это работает... Я распорядится, чтобы все письма из-за границы и, прежде всего, из Новой Зеландии, пересылали тебе. Прошу тебя вскрывать их. Хочу, чтобы ты лично во всем убедился.

Он крепко обнял брата и вышел из номера.

Июль-август 1942 года, гостиница «Москва», Охотный ряд

2 июля 1942 года, около четырех часов пополудни, в номере Валентина Катаева раздался телефонный звонок. Сухой голос в трубке без предисловий сообщил:

— К сожалению, мы должны известить вас, что сегодня, 2 июля, ваш брат, Евгений Петров, разбился. Самолет, на котором он возвращался из Севастополя в Москву, был сбит немецким истребителем над селом Маньково в Ростовской области.

— Кто со мной говорит? — крикнул Валентин, еще на что-то надеясь.

— Уполномоченный НКВД из Чертково,— ответили ему.— Мужайтесь.

В середине июля Валентин Катаев получил письмо от Евгения, найденное в его полевой сумке на месте гибели и датированное 1 июля. Дрожащими руками Катаев-старший вскрыл послание.

«Здравствуй, Валентин! — прочитал он.— Сейчас, конечно, не до путешествий в Новую Зеландию. Родина в опасности. Увидимся ли? Но я верю, Валя, настанет время, и я обязательно вернусь туда, где чувствовал себя таким счастливым. Любой писатель хотел бы побывать в тех местах, которые он создал силой своего воображения. И мера его таланта определяется возможностью воочию убедиться в существовании выдуманных миров. Не в этом ли заключается сила искусства? Как ты считаешь, Валя? Впрочем, я знаю, у тебя другая теория. Но если я буду жив, то обязательно докажу тебе свою правоту. Обнимаю тебя! Твой брат, Евгений Петров (Катаев)».

А еще через месяц Валентину было доставлено послание из Новой Зеландии.

«Помнишь, Евгений, я испугался, когда ты стал купаться в озере,— прочел он, торопливо вскрыв конверт.— Вода была очень холодной. Но ты шутил, что тебе суждено разбиться в самолете, а не утонуть. Сегодня мне приснился тревожный сон. Прошу тебя, будь аккуратнее, не летай на самолетах в ближайшее время».

Внизу стояла дата — 1 июля 1942 года. Письмо было написано за день до гибели Жени.

Катаев-старший вытер набежавшие слезы, взял перо и придвинул к себе лист бумаги. «Здравствуй, дорогой Женя! — вывел он.— Наконец-то получил от тебя весточку. Как там, в твоей Новой Зеландии? Какая стоит погода? Теплая ли вода в озере? Я очень по тебе скучаю и надеюсь, что когда-нибудь обязательно приеду погостить в просторный дом на берегу... А пока пиши мне как можно чаще. Не грусти. Буду с нетерпением ждать от тебя ответ. Обнимаю! Твой брат, Валя».

Татьяна Ярушина
(с. Тамбовка Амурской области)

Татьяна Александровна Ярушина автор нескольких книг. Публиковалась в различных альманахах и журналах. С 2025 года член СПР. Это ее первая публикация в «Приокских зорях».

ПРАВО НА ОПЫТ

На улице сильный мороз, какой часто бывает на дальневосточной земле в середине января. Сероватые головы сугробов бьются лбами о колени прохожих, спешащих на работу. Машины ползут подобно баржам, бороздящим снежные волны, а птицы виснут над крышами и молчат из-за невозможности раскрыть замерзшие клювы.

Амур встал колом, как встали стройные многоэтажки, как фонарные столбы и светофоры, как встало бледное небо над городом. Минус тридцать восемь. Снега не было два дня.

Иринка и Макар, держа друг друга под руки, медленно шли по тротуару. Субботний день пророчил тишину и покой. По гороскопу у тельцов сегодня намечался благоприятный день и незначительные финансовые потери, а у козерогов, если верить астрологу, должно было появиться время для решения семейных проблем. Проще говоря, мало что могло испортить эту субботу.

Проходя мимо храма, Иринка заметила вдоль высокого кирпичного забора, окружавшего здание, щуплого, легко одетого старика. Он сидел на складном стульчике и подергивался всем телом от холода. Его седые невымытые волосы торчали из-под грязной вязкой шапки, заплывшее смуглое лицо, похожее на сушеный инжир, не раз за последние дни битое, выражало полное равнодушие, поседевшая борода напоминала один большой колтун, а пальцы, торчавшие из дырявых перчаток, пугали отсутствием ногтей. В руке он держал замызганный, некогда белый, пластиковый стакан, на дне которого лежала пара монет.

— Пода-а-айте, Бога ради! — стонал старик, пытаясь перекричать звон колоколов на башне. — Пода-а-айте!

Иринка притормозила, не доходя до попрошайки, она приблизилась к уху Макара, оттянула его шапку и прошептала: «Давай подадим старику?»

Макар возвратил шапку на место, пряча ухо, и ответил:

— Я бы не стал подавать. Ему явно на водку надо.

— Нет, ты что?! У храма просто так, кто попало, не просит милостыню.

— Ириш, не смей меня. Каждый, кому нужно навернуть рюмашку, пойдет на все, вплоть до того сидения на жутком холоде. Уж поверь мне.

Полная женщина в песцовой шапке и коричневой мутоновой шубе, протискиваясь между молодыми людьми, возмутилась:

— Встали посередине и клювами щелкают, не пройти и не проехать. Отойдите в сторону и не мешайте людям!

Она фыркнула и, шлепая ботинками по льду, покрывающему тротуар, пошла дальше. Иринка и Макар переглянулись.

Тем временем старик сменил тактику. Он слез на тротуар, положил голову правым ухом на стул и стал протяжно конючить:

— О-о-о, лю-ю-ди добры-ы-е, помо-о-огите, кому не сло-о-ожно! Вну-у-уки болеют. Спа-а-асите боле-е-езных!

Прохожие, не обращая внимания на него, проносились мимо: кто-то спешил на остановку, кто-то стремился добежать до магазина, чтобы погреться.

Розовощекая Иринка, натянув свою белую ушанку сильнее на лоб и подняв выше воротник своего бежевого удлиненного пуховика, посмотрела на Макара снизу вверх и прошептала:

— Макар, у него внуки больны, давай подадим милостыню. Он не пропьет, я чувствую, да и мы не пообедем.

— Ты всю жизнь живешь в этом городе, разве не слышала о том, что большинство людей, которые сидят у стен храмов и даже торговых центров — это подсадные?

— А вот и нет. Тебе просто жалко для человека ста рублей... Вот люди увидят, что мы подали, и тоже начнут!

Макар смотрел на девушку долго и пристально. Наивность Иринки его поражала. Она столько раз получала оплеухи от жизни за свою доброту, но каждый раз будто забывала все дурное. Макару в свое время приходилось иметь опыт с попрошайками, поэтому перечить девушке он не стал. Каждый имеет право на опыт.

— Хорошо, давай подадим,— сказал молодой человек, и Иринка, будь у нее хвост, обязательно бы им завиляла, но ей удалось только хлопнуть в ладоши. Звук хлопков растворился в толще ее вязанных варежек.

Тем временем старик поднялся на ноги, хруст его костей смешался с шумом проезжающих мимо автомобилей, болтающих по телефонам людей и отдаленным звуком музыки в ближайшем торговом центре. Он переминался с ноги на ногу, порой потирая руками свои предплечья, выдыхал горячий воздух из своих угробленных еще в молодости пневмонией легких. Стаканчик стоял у его ног.

Иринка подошла ближе к старику и пристально посмотрела на него, Макара же она попросила постоять в стороне, чтобы он ничего лишнего и оскорбительного не сказал. Парень сразу согласился.

— По-о-омоги-и-ите с-и-и-ироткам! — тянул попрошайка.— Бо-о-ольны, бо-о-ольны!

— Здравствуйте! Что с вашими внуками? — спросила Иринка, рискнувшая наконец начать разговор.

Старик устался на нее и замолчал. За последние недели с ним никто ни разу не заговорил и не подал ни одного рубля. Он стоял в смущении, глядя на девушку своими щелками на заплывшем бородатом лице. Глаза его были такими голубыми, что, взглядевшись в них, Иринка поняла, что не ошиблась, когда решила помочь этому человеку. С такими глазами зло в душе не поселится.

— Гриппуют. Дети мои, их родители, погибли в прошлом году, а я пенсионер. Денег не хватает, а цены в аптеках — это издевательство над стариками,— охотно начал делиться своей болью пожилой мужчина.— Живем мы в старом бараке, внучат двое: Надька и Ленька, пять и семь лет. Кашляют, соплят...

— Не переживайте, сейчас я вам помогу,— Иринка поспешно открыла свой синий кошелечек, достала пятьсот рублей и протянула старику. Тот от неожиданности резко сел на стул, стул проскользнул по льду, и попрошайка упал. Иринка бросилась поднимать старика, но отшатнулась от жуткой вони из его рта. Соплавав с собой, все-таки протянула руку и помогла ему встать. Он ухватился за ее бежевый пуховик, оставив на нем несколько грязных пятен.

Макар, наблюдая со стороны за этой сценой, хмыкнул. Старик не внушал доверия, но и денег Макару жалко не было. Они оплатят Иринке урок. Единственное, чего ему хотелось после — так это доказать девушке, что настоящие нищие встречаются нечасто, что по большей части на улицах собираются «подневольные», которых крышуют «сильные мира сего», держащие целые кварталы. Путем шантажа и наси-

лия они заставляют стариков, инвалидов и женщин с детьми стоять и просить милостыню, при этом отбирая часть заработанного. Ведь пока существует человеческая жалость, будет существовать уличный бизнес.

Старик холодной дрожащей рукой сначала вытер собравшийся на его бороде иней, а потом взял новенькую купюру, которую любезно протянула ему девушка.

— Спасибо, моя дорогая, как зовут тебя, спасительницу?

— Ирина, — ответила девушка.

— Так вот, Ирина, всего тебе самого доброго, да благословит тебя Господь. Я сейчас при тебе зайду в аптеку и куплю лекарств, чтобы ты не думала, что я пьяница. Все так думают ведь... — опустив глаза в землю, произнес старик, слегка хрипя голосом.

— Не за что. Здоровья вашим Наде и Лене и большой привет, — с ослепительной улыбкой произнесла девушка, выдохнула пар изо рта и пожелала хорошего дня старику. Тот помахал ей в ответ и поежился.

Пока Иринка говорила с попрошайкой, Макар прошел мимо них и стал ждать девушку на углу. Та, завидев его, бросилась к нему на шею и сказала: — Вот видишь, так всегда бывает, когда поступаешь по совести. — Она была довольна собой.

Старик сложил свой стул, взял с тротуара стакан и пошел напрямик в аптеку. Иринка и Макар наблюдали за ним со стороны. Спустя десять минут старик вышел с наполовину полным аптечным пакетиком и направился по улице Горького в сторону Калинина.

Иринка ликовала, Макар молчал.

На следующее утро парень решил еще раз посмотреть на страдальца с заплывшим лицом и голубыми глазами, заставившими поверить Иринку в чистоту человеческой души старика-нищего.

Снова, как и вчера, около забора на складном стуле сидел попрошайка. В той же одежде, с таким же равнодушным выражением лица. Как только люди переходили пешеходный переход и намеревались пройти мимо, он начинал затягивать знакомую песню:

— О-о-о, лю-ю-ди добры-ы-е, помо-о-огите, кому не сло-о-ожно! Вну-у-уки болеют. Спа-а-асите боле-е-езных!

— Здравствуйте. Как поживают Надя и Леня? — с усмешкой спросил Макар у уставившегося на него в упор старика.

— Кто? — с недоумением спросил старик и кашлянул, выпустив зловонный пар из своего рта.

— Внуки ваши болеющие, — пояснил парень.

Старик задумался. Глаза его бегали из стороны в сторону, Макар ощущал, как пульсирует мозг в голове у нищего.

— А, ну да. Мои дорогие внучата... — он шумно вдохнул и выдохнул, — по-прежнему хворы. Денег нет, кормить и лечить нечем. Я пенсионер, еле свожу концы с концами. Внучке два года, внуку пять... Пневмония у них. Хм... Подайте, пожалуйста, Бога ради прошу!

— Вчера моя девушка подала вам пятьсот рублей, однако то, что вы говорите сегодня, совсем не совпадает со вчерашней историей, — выпалил Макар, не сводя глаз с застывшего с открытым ртом старика. Парень купался в своей правоте.

— Иди-ка, парень, куда шел. По-хорошему прошу, — сменив тон, сказал старик. Голубые глаза его сверкнули.

— Нет уж, поясните мне... На что вы потратили деньги?

— На что надо, на то и потратил! Хм... В аптеке был, — рывкнул старик, но, бегло оглядевшись по сторонам, сразу сменил тон на более мягкий. — Купил нужное и пошел домой.

— Что купили? — не унимался Макар.

— Боярышник,— хмыкнув и пожав плечами, ответил старик. Ни стыда, ни раскаяния на его лице не было.

— Ведь девчонка вчерашняя — студентка, живет на стипендию, а пятьсот рублей — это приличные деньги. Она ведь поверила вам,— продолжал давить на чувство совести старика Макар, пока тот не прервал его речь.

— Послушай, дружок. Ты благодарен мне должен быть хотя бы за то, что я девушку твою не разочаровал. Во-первых, я дал ей поверить в то, что она помогла и денег на ветер не выкинула. Хм. Во-вторых, я специально пошел в аптеку, потому что знал, что она будет наблюдать, хотя эта аптека дороже, чем та, что рядом со мной. Так что не надо из меня чудовище делать, я так-то у храма сижу, сын божий, и все дела...— старик говорил это с таким нахальством и пренебрежением, что Макару становилось не по себе.

Неожиданно в голове парня возникла мысль о том, что этот старик не так прост. Слова его выдавали отнюдь не жертву, а хищника, человека опытного, хитрого и занимающего во всей этой «попрошайнической» системе не последнее место.

— Какая подлость так обманывать людей! — возмутился Макар и подышал на свои замерзшие руки.

— Знаешь, пока есть такие наивные простаки, как девица твоя, будут существовать такие, как я. Но поверь мне, мальчик,— старик покашлял в кулак,— поверь мне, мальчик, я не самый плохой человек на этом свете. Есть намного хуже. Стены храма принимают всех верующих да безгрешных, за забором святыни мы все выброшенные на берег битые корабли. Я такой корабль. По крайней мере я не дал этой наивной девочке усомниться в ее правоте и благородстве поступка. Я позволяю, в своем роде, поверить в чудо и потешить человеческое самолюбие за счет доброго дела. Так что,— нищий обернулся на храм, посмотрел на самый высокий купол и с улыбкой произнес,— если подать ничего не хочешь, то ступай себе с Богом.

Макар будто вмерз в землю. Речь старика сначала казалось ему абсурдной и нелепой, а потом он почему-то сам почувствовал себя дураком. Потому что пришел сюда. Потому что начал во всем этом копаться. Потому что его правота не принесла ему удовлетворения. Потому что, в конце концов, он решил не рассказывать правды Иринке. Ведь у каждого должно быть право на опыт. И он своим воспользовался.

ПЕНЬ ЖЕЛАНИЙ

После смерти бабушки дед совсем сдал.

Осень выдалась на редкость промозглой и холодной. Красные виноградные листья уже облетели, обнажив редкие гроздья темных ягод, почти полностью склеванных сороками. Ветер временами был порывистый и беспощадный. Он хватал капли дождя, подбирал только что сорванные с тополей листья, ловил на лету насекомых и со всей силы выплескивал эту осеннюю окрошку в окна.

Дед лежал у нас дома, в комнате моего младшего брата, куда был определен мамой. Когда-то это была спальня родителей, но пару лет назад в ней был сделан ремонт: поклеены голубые обои с пальмами и песчаными островами, выровнен и перебелен потолок, постелен новый палас, покрашена бледно-фиолетовой краской дверь.

Раньше, открывая эту комнату, я испытывала радость, когда смотрела на такие яркие обои. Казалось, что из темной прихожей я неожиданно попадала на остров, один из тех, о которых писали в книгах и снимали фильмы. Вот только на песочного цвета паласе валялись вместо ракушек небрежно скрученные носки брата.

Теперь же, входя в комнату к деду, которого родители называли «лежачим», я ощущала невыносимую тревогу. У меня не укладывалось в голове, каково это — медленно умирать (а дед умирал) в комнате с пальмами, где пахло не морем, а лекарствами, где слышался не шум прибоя, а тихое постанывание и редкое поскрипывание кровати.

Дед лежал и будто бы погружался в белый зыбучий песок этой комнаты. Мертвенно-бледный на невыносимо-белом постельном белье, он казался призраком, который хочет раствориться в этих стенах, но не может. И эти пальмы. Жуткие пальмы, так противоречащие смерти.

Именно в этот год у нас в селе, возле Дома культуры, поставили «Пень желаний», который сразу облюбовали местные. Это был крепкий дубовый пень, очищенный от коры. Поверхность его была гладкой, какая встречается только у деревьев, долго пролежавших в воде. Вряд ли мне удалось бы его обхватить руками. Таким широким он был.

Работники Дома культуры каждое утро выносили десятка два небольших гвоздиков, складывали их в красное ведерко, висевшее под стойкой, на которой располагался пень, проверяли наличие прикованного на цепь молотка и следили за тем, чтобы никто их детей не поранился при забивании гвоздя.

Я знала, что во многих населенных пунктах были памятники, статуи или фонтаны, которые, по уверениям многих людей, способствовали исполнению желаний. Но для нашего села появление такого предмета было приятной неожиданностью. Желания сыпались одно за другим. Гвозди — и новенькие, блестящие, и старые, уже ржавые, — плотно утыкали пень. А я тем временем искала в папином гараже самый большой гвоздь, который хотела тоже вбить и загадать желание. О скорейшем выздоровлении деда.

Найти что-то в отцовском гараже всегда было проблемой, порой даже и для папы. Множество полок были заставлены баночками, коробочками, ящичками, которые через верх были наполнены шурупами, гайками, отвертками и всем необходимым для работы с машиной и по хозяйству.

Несколько дней я пребывала в поисках лучшего гвоздя, а тем временем деду становилось хуже. Мама выходила из его комнаты смурная, все реже можно было услышать от нее хорошие новости о том, что дед поел или произнес хоть слово. Чаше всего, прикрывая дверь, она просто качала головой и уходила на кухню. Родители уже знали, к чему готовиться.

Мне было жаль взрослых. Они сдались, ведь потерять веру в чудо — значит перестать жить. Я верила в «Пень желаний». Верила в деда. Обшарив весь гараж и все же найдя самый большой гвоздь, я вскочила на велосипед и в дождь помчалась в центр села, к Дому культуры. Вот забью гвоздь, загадаю желание — и дед поправится!

Бросив велосипед у перил, быстро шлепая по лужам, жадно глотающим мои сапоги, я побежала к месту, где находился волшебный пень. Везение! Вокруг никого не было, а вот место свободное под гвоздь было! Пара минут — и он торчал из пня. И я чувствовала, как желание постепенно начало исполняться.

Пятнадцать минут спустя я уже слезала с велосипеда и летела на кухню. Там, сидя за столом, плакала мама.

«Неужели умер?! — подумала я. — Не может быть! Это должно сработать!»

«И пень сработал. В этот день дед впервые за несколько суток поел. Потом заговорил, а потом...» — Так я могла бы продолжить историю, обманывая саму себя.

Но жизнь есть жизнь. Моему желанию не пришлось исполниться, потому что Смерть успела вбить гвоздь в крышку гроба моего деда раньше, чем я вбила его в Пень желаний. Вбей я его днем раньше или днем позже — ничего бы не изменилось. Хотя детская вера сильнее веры взрослых.

На следующий день в доме все зеркала были завешены белыми простынями. Таковыми же белыми, как те, на которых еще вчера лежал дед.

Да только вот с тех пор пальмы для меня стали символом долгой и мучительной смерти, а не победы и долголетия, как принято считать.

Яков Шафран
(г. Тула)

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской
литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

ПЯТЬСОТ МЕТРОВ

*«Русские становятся на колени,
только если хотят завязать шнурки»*

Роберт Фицо

Погода на Херсонщине, часто капризная в летнее время, в эти декабрьские дни стояла просто отвратительная. Днем было несколько градусов тепла, пасмурно, часто шел надоедливый мокрый снег вперемешку с дождем, а ночью температура опускалась до нуля и слабого морозца. При этом дул довольно ощутимый, преимущественно южного направления, настырный ветер. Для него, коренного уральца, привыкшего к настоящей матушке-зиме: крепким морозам, искрящемуся снегу и ясному солнцу, это казалось обыкновенной слякотью.

Сама здешняя природа, вроде бы, плакала от такой зимы. Редкие деревца, чудом уцелевшие впереди, на окраине села, тоскливо опустили свои косы почти до земли. Чуть живая от постоянных обстрелов, растерзанная и обгорелая роща позади их позиции также выглядела весьма неприглядно.

В один из таких дней Сергей, так звали лейтенанта с позывным Крутой, вместе с вверенной ему группой и другими подразделениями готовился штурмовать село, чтобы выбить противника из его опорного пункта.

Фронт слева и справа уже немного продвинулся вперед, а они вот поотстали. Бандерлоги хорошо укрепились, да на их стороне было сотни две польских наемных. Те, наученные, видно, в своем спецназе, воевали жестко, в плен не брали. Но и наши многих их там положили. Все же они, еще достаточно сильные, сдаваться не собирались, отчаянно упираясь, думается, на пределе, стреляя всем, что имели, и даже, душегубы, кассетниками.

Сегодня бойцы после вчерашнего долгого и жаркого огня с вражеских позиций, к концу уже все более редкого, наверно, из-за нехватки боеприпасов, вышли из добротных блиндажей и сосредоточились для переломного штурма. Но, видимо, разведанные запоздали, да и свои проспали, а укры за ночь получили солидное материальное подкрепление. И теперь, заметив приготовления российских подразделений, они открыли мощный предупреждающий огонь.

Бежать назад к укрытиям было поздно, неизвестно, где тебя быстрее накроет. И командир отдал приказ вратиться в землю. Сергей распластался на снежно-земляной хляби, когда услышал особый звук летящего именно к нему снаряда.

Взрыв раздался в воздухе. Крутой сообразил, что это проклятый кассетник. В тот же миг небольшие, но многочисленные взрывы покрыли все вокруг. Со всех сторон

до него донеслись стоны бойцов, и сам он ощутил сильную боль в ногах. Превозмогая ее, он повернул голову и понял, что у него перебиты обе голени. Оглянувшись, Сергей увидел — многие из его ребят ранены. Вызванная старшим на помощь эвакуогруппа также попала под шквальный обстрел, большинство ее санитаров получили ранения, и она оказалась недееспособной.

Обстановка была очень напряженная, и командир по связи попросил больше никого не присылать за ними, а бойцам приказал выбираться своими силами.

Сергей, едва передвигаясь по слякотной земле и часто теряя сознание, полз через почти сожженную, всю исковерканную рошу, прячась под каким-то еще сохранившимся подобием веток, но тянувшихся к нему, словно стараясь по-матерински, насколько возможно, укрыть его. Высокое серое небо казалось хищным из-за круживших в нем многочисленных и разномастных, пока, к счастью, не замечавших людей, дронов. Впереди себя Крутой толкал найденную им крупную, длинную ветку, на всякий случай, если встретится затаившийся неразорвавшийся боеприпас. Два раза, благодаря ей, спасительнице, взорвались части кассетной бомбы на безопасном расстоянии.

Но вот его все же засек один остроглазый дрон и сбросил два боезаряда. С первым Сергеем повезло — он не сработал. Но осколки второго достали спину и поясницу. Наверное, исчерпав свое смертоносное снаряжение, «птица» ворча удалилась восвояси.

Истекая кровью, часто забываясь, на одной неодолимой воле, Крутой полз и полз вперед. Как же ему сейчас помогали навыки пребывания в лесу! Ведь в детстве он жил в лесной местности и много времени проводил в уральской тайге. Однако из еды и питья у Сергея почти ничего не имелось. Он жевал влажные салфетки, добывая из них капли живительной влаги, ел молодую кору, в оттаявшей земле нашел так называемый медвежий лук, или, по-простому, черемшу, и, ножом откопав пару луковиц, съел их.

До наших позиций отделяло всего-то примерно пятьсот метров. Лейтенант ясно видел своих, но крикнуть не хватало сил, выходило только негромкое мычание. Разжечь огонь было нечем, да и он опасался, как и стрелять, ибо его могли принять за укра, да и дроны заметили бы.

Здоровый, он мог даже и спокойной ходьбой пройти это расстояние за пять минут. Однако, тяжелораненный, изнемогающий Крутой преодолел его только за четыре дня. Это было по-настоящему адским испытанием для него. Почти обездвиженные ноги, страшная боль в них, в спине и пояснице позволяли продвигаться лишь по десять метров в час, после чего он либо проваливался в бессознательное состояние, либо, обессиленный, отдыхал, набираясь энергии.

Все эти тяжелейшие дни Сергей не переставая молился и благодарил Высшие Силы, что дроны оставили его в покое.

В один из провалов-полуснов сознания он ясно увидел Настю, дорогую синеглазую жену, и маленькую донечку свою, Маришку. Они стояли на крыльце и жестами манили к себе. Это еще более придало ему сил.

Лейтенант с юных лет занимался спортом и закалкой, но спасся он не только благодаря этому, а прежде всего по вере, воле и тяге к родному дому — малой родине, защитником которой он чувствовал себя всегда. Потому главным была поставленная перед собой цель — во что бы то ни стало добраться до своих, и вера в ее осуществление. В этом ему помогало необыкновенное душевное мужество и сильная тяга к жизни, не как к личной собственности, а как данной ему Свыше.

Когда он дополз, то все бойцы и медики поразились, — как такое стало возможным! А Сергей первым же делом, едва придя в себя, спросил, каково положение на их передовой? — ведь на пути он слышал шум боя. Его заверили, что все в порядке, пришло штурмовое подкрепление, село взято, и не только, мы продвинулись, и

линия фронта выровнена! Крутой облегченно вздохнул и, преодолевая, теперь, после достижения цели, всепоглощающую мучительную боль во всем теле, довольно улыбнулся.

Его эвакуировали в тыл. Выдержав несколько сложных операций, он прошел длительное лечение и реабилитацию. По ее окончании Сергей, ввиду сильного дефекта ног, как он ни умолял врачей, был комиссован. Но мужественный воин не мог не вернуться на передовую. Крутой пробовал подписать новый контракт, но ему, хотя он и чувствовал себя в приемлемой физической форме, отказали из-за инвалидности. Тогда он, не желая стать «командиром дивана», добился, чтобы его взяли в добровольческий отряд — батальон «Урал» своей родной области, связистом, чтобы, хоть и не штурмовиком, но защищать Родину от укронацистов. И, что не менее важно, делиться опытом спасения с товарищами.

ПОБРАТИМЫ

*«Избегай делать врагов из друзей;
старайся, наоборот, обращать своих врагов в друзей»*

Пифагор

*«Война испытывает храбреца,
гнев — мудреца, нужда — друга»*

Арабская пословица

В октябре 25-го года, когда всюду бушевала златокудрая среднерусская осень, Дмитрий пошел добровольцем на СВО. Как только хищные дроны стаями полетели на родной город, стало не по себе. Было сильное ощущение, что фронт уже здесь, рядом. Возмущение от коварных ударов ВСУ то тут, то там по мирным людям, напоминавших о зверствах врага в былой кровопролитной войне, желание чего бы не стоило отстоять нормальную жизнь и создать семью в спокойное, послепобедное время, когда твоим детям больше ничего не будет угрожать, — вот что двигало им. Целых полтора года Дима готовился: собирал средства, закупал все необходимое, записался на курсы военной подготовки, ибо в армии не служил — более чем положено худой был, прошел обучение стрельбе, ручному бою, тактической медицине, топографии и прочим нужным премудростям.

Как практически готового бойца, Дмитрия, вслед за некоторой непродолжительной стажировкой, привлекли к участию в операциях по захвату опорных пунктов. Служба эта была, как говорится, горячей, да и опасной. Каждая, казалось бы, единственная мелочь играла здесь большую роль. Потому прежде требовалось добыть максимум сведений о противнике. Затем проводился артиллерийский или минометный обстрел, после которого оставалось только несколько секунд для начала молниеносной атаки, чтобы не дать бандеровцам собраться и перегруппироваться. Причем, атаковать полагалось не в лоб, а маневрируя. И в случае удачи тут же приготовиться к тщательной обороне. Эти навыки Дмитрий постигал и в теории, и на практике, в ходе боевой работы.

В тот день, когда их подразделение в количестве сорока девяти человек отправили на штурм, все происходило в принципе обыкновенно. Однако неприятель в данном месте был как никогда силен. Дмитрию с сослуживцами понадобилось восемь часов, дабы захватить весь опорник со всеми блиндажами и очистить его.

Но неожиданно к врагам пришло подкрепление, — видимо, этот пункт имел для них большое значение, и они стали бить минометами в упор. За тридцать минут от группы осталось всего пятеро.

Дмитрия ранило в ногу и в спину, а также касательно в голову. Но он, собрав все силы, начал пробираться к своим. И тут снова прилетело. Ударной волной его отбросило на несколько метров. Упав, он почувствовал во рту много крови, стал захлебываться. Прошли минута-две — сознание не терял, понял, что шейная артерия цела, и все не так плохо.

Оглядевшись, Дмитрий заметил человека, вроде незнакомого ему, лицо и вся форма которого были в крови и грязи. Кругом лежало множество трупов и наших, и врагов, и того, что уцелело от людей. Накануне пришло пополнение,— может, кто-то из новеньких, подумалось. Человек также заметил его и задвигался к нему, и по тому, как он передвигался, можно было догадаться, что у него ранена нога. Встретившись, они вместе заползли в видневшуюся впереди воронку.

И тут из-за ошметков грязи на рукаве незнакомца блеснуло что-то сине-желтое. Дмитрий понял, что это укр, чудом выживший из зачищенных ими блиндажей. А тот, увидев, что перед ним русский, рванулся из убежища.

Но стал работать снайпер, догадавшийся, что это не свой. Парню попало в руку. Дмитрий затащил его обратно к себе.

— Как звать-то тебя, «бандера»?

— Степаном...

— А я Дмитрий Степанович. Почти тезки!

Он немного помолчал и поинтересовался:

— Ну, что, навоевался?

— Так я не по своїй волі, на вулиці зловили і запхали в автобус!

— Эх, ты... «Зловили... запхали...» Откуда родом будешь?

— Дніпропетровський я...

— Да там же все по-русски испокон века разговаривают?

— Зараз змушують всюди говорити по мові...

— Ну ладно, хватит! Здесь никто не заставляет — говори, как привык с детства!

— Что думаешь делать дальше? — чуть погодя спросил Дмитрий.

— К своим пробираться...

— К своим, кхм... Так я тебя и отпустил! Ты мой пленный, понял? И если в дальнейшем обменяешься, вновь станешь «мясом», а если пойдешь со мной, то на фронт попадешь только в качестве добровольца — есть у нас такие части. А не захочешь, будешь трудиться в нашем в тылу, и со временем, при желании, сможешь получить и гражданство. Выбирай!

— Выбор не великий — «мясом» снова стать нежелательно...

— Вот и молодец! И по-русски не забыл как говорить!

Они пожали друг другу руки, перевязали один другого, по мере возможности, из остатков бинтов, и, выбравшись из воронки, вновь поползли во тьму ночную...

Раны не позволяли Дмитрию передвигаться проворно, как ему бы хотелось. Да и Степан с поврежденной ногой не мог быть в том помощником. Так они и ползли по ночам, едва-едва продвигаясь на восток по мерзлой, немного припорошенной снегом харьковской земле. А днем лежали в очередном убежище, укрываясь от дронов и рывкавших тут и там бандеровцев. Погода стояла не очень морозная, но для них, находившихся часами в неподвижности и без какого-либо согрева, да еще без еды и воды, оказалась губительной. Начались обморожения. Кроме того, требовалась перевязка, а средства закончились, и они истекали кровью.

Особенно мучился менее выносливый Степан. Однажды он стал просить Дмитрия: — Зарежь меня, я устал, больше не могу! — Они ползли без автоматов, оставив их, чтобы было легче двигаться. Дмитрий подбадривал его, говоря, что все будет нормально.

В одном окопе, попавшемся на пути, нашли аптечку и перебинтовались.

Как-то, когда они днем в воронке притворялись убитыми, один из украинских

дронов, постоянно пролетающих над местностью, начал спускаться к ним и низко завис, словно заподозрив что-то. Тогда Степан, и откуда только силы взялись у парня, вскочил и, вымахнув из убежища, схватил лежавшую корягу и сбил ею аппарат. Тот, поврежденный, не успевший ни выстрелить, ни выпустить снаряд, перевернулся в воздухе и упал недалеко, в стороне от них. Степан прыгнул обратно прямо на Дмитрия и замер. Снаружи раздался взрыв, но к ним залетели лишь комья земли.

— Теперь мы с тобой побратимы, братишка! — сказал Дима.

Степа в ответ улыбнулся, нашел руку товарища, крепко пожал ее, палец другой руки прижал к губам и молча указал глазами на небо над ними, кишевшее дронами.

А потом, на третий день, Дмитрий увидел своих.

Степан заволновался и принялся выбрасывать документы — мобилизовали-то его в какую-то «нехорошую» часть... Дмитрий успокаивал парня, обещая помочь, заявив, что тот добровольно сдался.

Их эвакуировали, и через несколько часов они уже были в госпитале.

Степана после лечения направили в пункт сбора военнопленных, предварительно выслушав и записав рассказ Дмитрия о добровольной сдаче того в плен, о совместном пути сюда и о взаимопомощи, а главное о самоотверженном поступке Степана. В итоге они расстались друзьями, и Дмитрий дал слово — во что бы то ни стало найти своего побратима.

Татьяна Бугримова
(г. Москва)

ЖЕНСКАЯ ДРУЖБА

Первая публикация в нашем журнале. Лауреат различных конкурсов и фестивалей, печаталась в литературной периодике.

Марфуша и Любочка дружили с самого детства.

Синеокая и белобрысая, юркая да веселая Марфа была главной заводилой во всех детских играх и забавах: в салки — так она лучше всех бегала, в прятки — сроду ее найти было невозможно. Казалось, уже и все места известны, ан нет: уляжется в бурьян — и попробуй найди ее! Пока не прочешишь каждый метр огромной поляны — не сыщешь.

А кареглазая Люба была спокойной, уравновешенной, рассудительной. Главный арбитр всех споров, главный примиритель между враждующими сторонами и девочка, которой всегда не хватало в игре, если мама почему-то не выпустила ее гулять.

Детство в деревне — что может быть прекраснее! По весне девчонки собирали такую охапку одуванчиков, что в их золотой красоте можно было утонуть, и плели из них венки. Водружая готовый венок на голову, Марфа становилась юной сказочной принцессой, а Люба — лесной феей. Мальчишки замирали от такой красоты — но лишь на миг. А потом им непременно надо было сорвать венки с девчоночьих голов и всё, как всегда, испортить.

А летом деревенской детворе было раздолье: носись себе по бескрайним полям, засеянными пшеницей, свеклой, зеленым горошком; купайся в реке сколько хочешь, ныряй с обрыва; встречай по вечерам коров с пастбищ, помогай бабушке подоить сытую буренку с отяжелевшим выменем, напейся молока из железной кружки прямо тут, в хлеву, и стремглав мчись дальше по своим самым важным в мире детским делам! А как же — не дай бог пропустить важные дебаты на поле брани или переговоры о примирении! Вдруг не успеешь поучаствовать в договоренностях о правилах игры или случится без тебя драка среди местных пацанов? В принципе, мальчишки девчатам были не нужны. На что они? Вечно с ними неладишь и не договоришься! Вот придумали, что в речку с моста ныряем по очереди — так нет же, прыгают в тот момент, когда им захотелось! Или скажешь им: не бери картошку из костра — сырая еще. Так нет — вынут, а потом ноют, что надо было еще подержать. Бестолковые! То ли дело девчонки — все понимают с первого слова, соблюдают правила и договоренности. С ними ясно, как вести беседу. Мальчишки же — непредсказуемы.

Так рассуждали Марфуша и Любаша вечером, на закате, опершись спинами о стог душистого сена. Марфа жевала стебелек высохшей травинки, а Люба лузгала тыквенные семечки — бабушка говорила, что они очень полезные. Да и вкусные, что уж там скрывать! Любаша очень любила семечки — и подсолнечника, и орехи разные. Какой радостью для нее было бежать в поле с подружками и проверять, дошли ли уже семена в наклонившихся солнышках, набрали ли объем да сладость, можно ли уже оборвать эту шапку и с наслаждением вскрывать сладкие, сочные семена!

Девочки обсуждали план побега. Им уже по шесть лет, а они еще ни разу не были

на той стороне реки! Там открывались завораживающие виды — зеленые полянки на пригорках, высоченные деревья — крепкие дубы и манящие тенью липы, стройные тополя и загадочные березки. Казалось, сама природа зазывает их к себе. Но родители строго-настрого запрещали им туда ходить. Много легенд ходило про те места — и цыгане детей воровали, и кручи там обваливались — тонули дети в реке, и жило там чудище страшное: огромное да лохматое, злобное да прожорливое. И откуда только сказки такие берутся? Но, ух, страшно даже представить, что чудище это действительно существует! А побывать там все равно хотелось.

Сговорились подружки сохранить свой побег в тайне — никому не рассказывать о своих планах. Наметили бежать в воскресенье утром. Родители, как всегда, встанут рано — отец в огороде будет работать, мать корову подоит, скотину накормит, гусей да уток выгонит на пруд. В этот момент Марфе и можно будет тихо и спокойно удрать со своего двора. А Люба вообще жила с одной только бабушкой. Тайна исчезновения ее родителей так и оставалась по сей день неразгаданной. Бабуля своей внучке доверяла — знала, что она умненькая и осторожная.

С вечера напекли картошки в костре, отрезали ломти вкусного деревенского хлеба. Предусмотрительная Люба еще и яичек сварила, и молочка с собой во фляжке взяла — голодными они точно не останутся!

Выскочили девчонки со дворов в условленное время и махнули вдоль деревенских заборов к дорожке, которая вела между соседними огородами к реке. Заросли кругом — трава выше головы. Но дорожка натоптана, значит, пользуются ею деревенские жители. Яркие летние сарафаны да косынки — это все, что было на девочках из одежды. Шли босиком. Жара стояла знатная в тот год, даже шмели летали какие-то ленивые и так вяло собирали нектар, что хотелось им помочь. Мухи жужжали как обычно — им жара была нипочем.

Девчонки продвигались вперед. С дорожки то и дело спрыгивали лягушата, и чем ближе к реке — тем больше их становилось. Страшно было наступить и раздавить — живые ведь, жалко!

Вот и обрыв, а внизу река. Теперь нужно было аккуратно пробраться по узкой тропинке, что шла вдоль обрыва. До чего всегда страшно было Марфе здесь ходить! Того и гляди закружится голова и свалишься вниз, а там река с сильным течением, унесет в водоворот — и нет девчушки. Ох, как жутко! Марфа даже разговаривать боялась, когда шла по этой тропке. А Люба утешала ее:

— Иди аккуратно, Марфуша, не оступись. И главное — не бойся, переступай с ноги на ногу и ступни ставь одну за другой. Здесь нельзя широко ноги ставить — оступишься и полетишь!

До чего же Люба спокойная и бесстрашная! «Эх, мне бы научиться быть такой!» — думала Марфа. Справа были трава и лесок, где они часто собирали сладкую землянику и полезные травы по наказу бабушек.

Внезапно Марфа оступилась, и ее левая нога стала соскальзывать вниз. Она упала на руки и закричала от страха. Хорошо, что в этом месте ноге было за что зацепиться — какой-то сучок торчал, а под ним трава с густой середкой выросла. Люба быстро схватила Марфу за руку и потянула на себя, в противоположную сторону от обрыва. Удалось вытащить подружку. Ох и напугались же девчонки! Посидели, перевели дух — сердца колотились, но решили потихоньку двигаться дальше.

Впереди была стоячка — так называли запруду реки. В разное время года она была то совсем узкой, как лужа, то полноводной — такой, что и не перейти ее. Дальше, вправо, она расширялась и превращалась в настоящий пруд — там роскошествовали гуси да утки: плавали и ныряли. Туда и выводила мамка Марфы свой плавающий птичник.

Сейчас перешеек был узким — можно было поднять сарафаны и спокойно перейти его вброд. Несмотря на жару, вода была приятной и прохладной. Это потому, что

течение в реке было сильным — не успевала она прогреваться как следует. Тем радостнее было в нее нырять, чтобы остудиться в летний полдень, когда солнце так безжалостно пекло макушки, что только холодная вода и могла спасти от теплового удара.

Впереди была круча. Взобраться на нее — та еще задача для маленьких девочек. Песок вперемишку с глиной сыпался из-под ног, и никаких сил не хватало, чтобы быстро подняться наверх. Марфа заныла:

— Люба, давай не пойдем дальше... Искупаемся в запруде и съедем что-нибудь. Я проголодалась! Посмотри, сколько мы уже прошли!

— Марфуша, мы еще и трети пути не одолели! Да и не так уж много осталось. Сейчас поднимемся, еще чуть вдоль обрыва пройдем, и вот он — мостик на ту сторону реки! Потерпишь? А там уж и позавтракаем спокойно под кроной тополя с серебристыми листочками. Помнишь, как мы смотрели с этой стороны реки на него и гадали: сколько же ему лет? И не скучно ли ему одному среди берез да дубов? Давай, Марфочка, ты сильная и справишься!

— Легко тебе, Любочка, говорить — ты быстрее всех бегаешь и худая вон совсем. А у меня смотри какие щеки! Их разве легко унести?

Люба рассмеялась шутке подружки, и у Марфуши сразу прибавилось сил — от самокритики и Любашиного смеха.

И вправду — до мостика через реку осталось совсем чуть-чуть. Это расстояние преодолели быстро и вышли на мост. Он был подвесной и здорово болтался под ногами. По мостику бежать было весело, потому что под ним была полноводная, с сильным течением река, которая поднимала настроение и придавала сил. А мостик был сделан добротно, с хорошими, из крепких тросов, перилами. Дощечки были уложены одна к одной, так что и ноги нигде не застревали. А потому девочки быстро его перебежали и — о, чудо! — наконец-то оказались на той, так манящей их стороне реки. Раньше они подолгу фантазировали, как окажутся здесь, как попадутся им невиданные раньше травы и цветы, насекомые или животные. Такие животные, которые не боятся людей и легко идут в руки: белки или хорьки, ежики или мышки. И к тому же умеют разговаривать на человеческом языке!

Они прошли еще немного, чтобы оказаться в тени того самого тополя с серебристыми листочками, который не давал им покоя, когда они были на своей стороне реки.

— Так вот ты какой красавчик! — Марфа водила рукой по стволу и нарезала круги вокруг него — один, второй, третий... Люба засмеялась:

— Смотри, Марфуша, — закружится голова и опять свалишься!

Марфа вспомнила неприятный случай на обрыве и, чтобы отвлечься, сказала:

— Ну, теперь, Люба, мы заслужили еду?

— Теперь точно можно, — важно, с достоинством ответила подруга. Они развязали котомки, постелили на траву красивый мамин платок и выложили на него свои яства. Ах, как хотелось есть! Хлеб, в котором Марфа больше всего любила корочки, а Люба — мякушку, они поделили по-честному: кто что любит, то тому и досталось. Девочки почистили картошку — мякоть хоть и была уже холодна, но до чего вкусна! А яички деревенские, от своих домашних курочек, — вообще сказка. В городе, наверное, нет таких, часто рассуждали девчонки. Они твердо, еще с детства, решили, что проживут всю свою жизнь в деревне. Разве можно было променять всю эту красоту и натуральную пищу на город? У них и в мыслях не было, что можно жить где-то еще, кроме как в своей любимой деревне. Здесь было все для счастья — и живность, и огород, и река, и лес, и поле. Зачем куда-то уезжать? Тем более они не представляли себе разлуку — так бы и жили всю жизнь рядышком, в соседних домах, так бы и копошились в своих огородах, между которыми и перегородок-то никаких не было, не то что высоких заборов.

Внезапно послышались голоса, к тому же мужские. Страшно-то как стало! Схватив свои пожитки, девчонки, не сговариваясь, бросились в кусты, которые были бли-

же к речке. Ободрались все, но в тот момент даже не заметили этого. Затаились, спрятались. Мимо прошли мужики — с ружьями за спинами, с котомками охотничьими. Они громко разговаривали и смачно шутили. Поскольку это была только мужская компания, то слышали подружки новые для себя словечки и поняли, что дядьки просто так общаются — смеются и ругаются одновременно. Станные они, эти мужчины!

Девчата дали им спокойно пройти и дождались полной тишины.

— Как хорошо, что мы успели спрятаться и они нас не заметили! Представляешь, если бы мы им попались? Неизвестно, что за люди. Я их в нашей деревне никогда не видела. Чужие, значит, — рассуждала Люба.

— А говорят, как чудища лесные! Я и слов-то таких раньше не слыхивала!

Подружки выдохнули, взялись за руки, и все их волнение вылилось в смех, который они пытались сдерживать, опасаясь, что их все же могут услышать.

После завтрака котомки их стали намного легче — только молока немного осталось. Решили двигаться дальше. Марфа по-своему, по-особенному, попрощалась с тополем:

— Не грусти, красавец! Мы на обратном пути тебя обязательно проведем и расскажем о нашем путешествии и всех приключениях!

Тополь благодарно прошелестел в ответ листвою, и девчата пошли по тропинке, ведущей в заросли, прочь от реки.

В деревне их хватились к обеду. Родители Марфы вдвоем прискакали во двор к Любиной бабушке:

— Не у вас наша проказница?

— Ах, как же так, я думала, они на вашем дворе играют! Может, в поле побежали?

— Мальчишки к нам заглядывали, интересовались, куда это Марфа с Любой подевались.

— Надо искать, — твердо сказала бабуля. — Сейчас кликну пацанов — пускай по дворам пройдут, людей соберут.

Бабы и мужики, дети и собаки — все вышли на поляну. Бабуля командовала — распределяла, кто куда пойдет. Дети по двое и по трое побежали в разные стороны — кто в поле, где коров пасли, кто вдоль всех дворов по деревне, кто с другой стороны пруда — там девчонки тоже иногда собирались своей девчачьей компанией, чтобы обсудить военные планы против них, пацанов. Но ходили девочки туда, исключительно получив разрешение взрослых. За реку, конечно, отправили отца Марфы с другими мужиками.

Шаг у них шире, времени перейти мост и оказаться на другой стороне реки потребовалось совсем немного. Однако, поиски ни к чему не привели. И к вечеру стало ясно, что до темноты девчат уже не найти.

Страшное напряжение и ужас царили вокруг: а если чужаки сгубили их? Если уже и живых их нет? Мальчишки всхлипывали, явно делая для себя вывод: мамок лучше слушаться, чтобы и их такая беда не настигла.

А девочки наши прошли лесок, да вышли на красивую поляну. Пчелы кружили, суетливо собирая нектар, кругом муравейники — жизнь насекомых кипела. Цветов летних было столько, что хоть миллион букетов собери, а они все равно бы не кончились. А животные если и попадались, то были такими же трусливыми и осторожными, как и дома, — не давались в руки, сразу прятались и убегали. Первое разочарование...

Вдруг на поляне они заметили старушку. Та была сгорбленной, но совсем не страшной, и лицо ее было добрым и притягательным. Она удивилась, увидев кого-то в этих местах:

— Откуда вы, ласточки, прилетели? Не потерялись ли? Совсем маленькие, а гуляете одни. И не страшно вам?

Она ласково им улыбалась, и девочки обрадовались взрослому человеку.

— Нет, мы здесь всегда гуляем и знаем каждую тропинку,— тут же придумала Марфа.

— Землянику едим,— подтвердила Люба.— Только очень пить хочется, а воды не взяли...

— А я живу здесь недалеко,— сказала бабушка.— Зовите меня бабой Таней. Пойдемте, напою вас своей колодезной водой. Вы такой больше нигде и никогда не попробуете!

Девчонки переглянулись и кивнули друг другу в знак согласия. Просто пить очень сильно хотелось, а поблизости не было никакого источника воды.

Они свернули в просеку и прошли по ней совсем чуть-чуть. И вправду — на краю опушки стояла избенка, сложенная из бревен. Они уже почернели, но изба была крепкой. Недалеко от дома виднелся колодец. Баба Таня зачерпнула ведром ледяной колодезной воды и вытащила его на поверхность. Ах, как она сияла, блестела и переливалась на солнце! Как захотелось скорее прильнуть к ней губами и напиться вдоволь!

Уже смеркалось, когда девчонки, напившись от души, рассказали, наконец, бабе Тане о своих приключениях. Та качала головой и причитала:

— Ах, проказницы! Ох, и влетит же вам от родителей! И что теперь с вами делать? Как обратную дорогу искать?

Июньские дни были длинными, ночи — светлыми. И казалось, дню не будет конца, но ночь все-таки настала. Баба Таня разумно решила, что идти в ночь, неизвестно куда,— не очень хорошая затея. Тем более, что и объяснить, откуда они пришли, девочки толком не смогли.

А потому она накормила их, чем бог послал, постелила скромные постели — с льняными простынями и маленькими пуховыми подушечками — да уложила их спать. На ночь рассказала им про свою жизнь. Марфуша и Любочка были такими уставшими после насыщенного дня, полного приключений, опасностей, страхов и переживаний, что уснули без задних ног, так и не услышав окончания рассказа бабы Тани. Когда девочки мерно засопели, бабуля погасила свечку и сама улеглась на печь — ее любимое спальное место, где спала она добрых последних сорок лет.

Она думала о том, как с утра накормит девчат завтраком, и пойдут они все вместе, горемычные, искать их родительские дома.

Ворочалась долго, не могла уснуть: не каждый день с ней такие истории приключались. В это место вообще редко заглядывали чужаки, здесь и птиц-то всех она знала наперечет. А тут — дети! Две девочки-лапушки. Вспомнила она и своих дочек. Взгрустнулось ей, и пришлось смахивать со старых морщинистых щек слезы. И след дочерей давно простыл, и не имеет она никакого понятия, где они обитают, как живут. Да и живы ли вообще? В конце концов уснула баба Таня, и снилось ей ее босоноегое деревенское детство. И как ушла она однажды далеко, за поля да за луга, и как встретила там мальчишку, с которым дружить стали, да так и выросли вместе. А потом поженились. И была у них семья, и хозяйство, и дочки. Но муж давно умер, а девочки уехали жить в город. Первое время навещали мать, к себе в город звали — в гости, а потом совсем пропали. И не было от них уже много лет ни слуху, ни духу. Так и жила баба Таня одна на опушке леса — ягоды собирала да травы, в огороде работала, хлеб сама себе в печке пекла.

Наутро, как проснулись все, быстро перекусили и отправились в путь. Девочки наперебой рассказывали, откуда они пришли и куда идти нужно, но баба Таня, исходя из своего большого жизненного опыта, вывела их к реке. А там уже и девочки вспомнили места и сообразили, в какую сторону к мосту двигаться. Радости было целый вагон, когда показался на горизонте тот мосток. Счастье! Скоро они будут дома. После моста останется сползти с кручи вниз, перейти запруду вброд, пройти вдоль обрыва, который теперь будет справа от них,— а там уже и их огороды начнутся. Ну и влетит же им от родителей! Где это видано — ушли и так надолго пропали! И к ночи домой не вернулись!

Баба Таня проводила их до самой изгороди, где уже начиналась тропка, которая шла через Марфушин огород к самому двору и дому.

Когда девчонки обняли бабу Таню, чмокнули ее в увядшие щеки и уверенно побежали по дорожке, она хотела было развернуться и пойти обратно. Но тут появились люди.

— Чужая, чужая! — кричали и бабы, и мужики.

— Чужая! — вторили им дети.

Их было несколько человек, и они явно кого-то искали.

— Кто такая? И чего здесь ошиваешься?

— Так я девочек привела, потеряшек.

— Не может быть! Где они?

— К дому побежали по тропинке.

Глядь — а уже обратно идут и Марфуша, которую крепко за руку держит мать, и Любочка, за которой еле поспевает ее бабуля.

— Это наша баба Таня! — закричала Марфа. — Она спасла нас, когда мы сильно пить хотели! И ночевали мы у нее. Видишь, мама, ничего страшного не случилось, а ты ругаешься!

Мать подошла к бабе Тане. Ее глаза были огромны и полны слез от счастья, что с Марфочкой ничего не случилось. Руки тряслись. Она откинула волосы, которые еще и прибрать не успела после бессонной ночи, и с благодарностью сказала:

— Спасибо вам, баба Таня, за наших девочек! Мы уже и не надеялись их найти.

Баба Таня не заплакала, а только ласково взглянула в последний раз на своих бывших подопечных. Развернулась и быстрым шагом пошла восвояси.

Народ еще пошумел, обсуждая случившееся, и стал разбредаться по своим дворам — работы в деревне всегда у всех было много: и скотина, и огород, и сад. Полно ручного труда. Это вам не в городе жить, здесь только поспевай за всем!..

Так и росли Марфуша с Любашей — не скучали и другим скучать не давали. То за коровами на пастбище убегут и в поле с зеленым горохом застрянут — вкусно ведь, не оторваться! То в соседнюю деревню ут́пают — там такое огромное тутовое дерево росло, а на нем — ягоды медовые, бело-розовые, сахар с них по рукам тек до самых локтей! Пока не наедятся, с дерева не слезут.

Потихоньку родители Марфы и бабушка Любы смирились с таким свободолюбием своих девчат — стали меньше волноваться за них. Делали свои дела, потихоньку поджидая их возвращения. И ругать их было бесполезно — головами кивают, а сами знай свое творят.

Минуло девчатам по семнадцать годков. Уже и принаряжаться по вечерам стали. И мальчишки перестали казаться им такими бестолковыми да вредными...

По субботам в деревенском клубе устраивали разные мероприятия: то просмотр кинофильма, то танцы. Со всей деревни в клуб молодежь стягивалась и до утра шумела, гудела под музыку. Соединялись в пары, танцевали вместе, в обнимку сидели в кинотеатре. Влюблялись, парни дарили девчатам цветы, звали замуж. И женились потом, а там — дети, хозяйство. И жизнь шла своим чередом.

Тогда-то и пришлось нашим героиням свою многолетнюю дружбу испытать на прочность. Заприметили они обе красавчика молодого: чернявого да кудрявого, высокого да крепкого Андрюшу. Как было не влюбиться? Обе утонули в его жгучих черных глазах. Что-то цыганское в нем было — завораживало и притягивало. И хитрец был страшный! Знаки внимания оказывал обоим: и кареглазой Любочке с челкой на высоком лбу, и синеокой Марфе со светлыми волосами, забранными в густой хвост. Красивые девчонки были — глаз не отвести! Как тут выбрать? Была бы воля — на обоих бы женился! Но не по-христиански это, не в нашей русской культуре. Да и девчонки не готовы были даже дружить втроем. Так и ставили его все время перед выбором: Марфа или Люба? Думай же, определяйся, решай поскорее!

А 22 июня началась война. Андрюша вместе с друзьями тут же пошел в военкомат:

— Мы хотим защищать Родину!

Записали их всех в один отряд, и вскоре отправили на фронт. Не писал ничего с фронта Андрюша девочкам, и они не писали ему. А только ждали: когда же он вернется и кого выберет? Любили его обе крепко, и одна другой не собиралась уступать:

— Вспомни, Марфа, как Андрюша на меня смотрел на проводах! Меня он любит! Ты хоть и красивая, а любит меня.

— Ничего подобного! Ты просто умная и спокойная, Любочка. Ему этого во мне не хватает. Но все равно он только меня любит! Вот посмотришь — как вернется, сразу замуж позовет!

Фантазировали девчонки. А между тем годы были тяжелые, военные. Работать приходилось много, так что молодость проходила мимо. Кожа на солнце становилась темной и обветривалась, морщинки появлялись не по возрасту рано.

А в один из угрюмых осенних дней, когда и жить порой совсем не хочется — от этого низкого черного неба над головой, от уныния в лесу и в поле, от того, что ни одного насекомого на дворе уже не встретишь и луча солнечного не дождешься, пришла страшная весть: погиб Андрюша. Погиб геройски: вывел весь отряд из засады немцев, все побежали, а он отвлекал на себя внимание врага. Там и остался, на белорусской земле, не желая отдать врагу даже пяди той земли и желая лишь одного — спасти своих друзей-товарищей.

Рыдали, обнявшись, девчонки. И не было конца их горю-несчастью. Утешали друг друга как могли:

— Да, Любочка, Андрюша только тебя любил! Это я вредничала, когда говорила, что он мне тайком подарки носил...

— Марфуша, нет, мне Андрей говорил, что красивее девушки, чем ты, он в жизни своей не встречал и уже не встретит. А потому и жениться хотел только на тебе!

Не было предела девичьему горю. И слезами их можно было бы запруду наполнить доверху, так что и не перейти бы ее больше никогда вброд...

Горевали подруги долго, и воспоминания об Андрюше были общими. Но не осталось ничего от него — лишь могилка где-то на далекой белорусской земле.

А потом получили они на почте письмо. Адресовано было обоим, так и выдала им его почтальонша — Марфе и Любе. Писала его неизвестная женщина:

«Нашла ваши адреса и имена в кителе Андрея. Не представляю, как вы выглядите. Только рядом было письмо, в котором ваш солдат каялся да говорил, что любит вас обеих одинаково. И если и суждено ему будет погибнуть в этой войне, то только потому, что выбор не мог сделать. Марфу любил как Любочку, а Любу — как Марфушу. И нет ему за то прощения на этой земле, нет ему здесь пути и жизни».

Это письмо разрешило все их девичьи споры. Не было больше сомнений и вопросов, кого все же любил Андрюша и почему так рано и несправедливо прибрал его Господь.

А потому жизнь понеслась своим чередом. Вскоре пришла Победа. Молодые люди стали возвращаться с фронта. И девочки быстро нашли каждая свое счастье. По выходили замуж, детки пошли. Но дружить не переставали:

— Завтра в город поеду: в аптеку нужно и в собес. Посидишь с моими оборванцами, Люба?

— Конечно. Тем более моим девочкам с твоими охламонами всегда веселей!

Марфа не обижалась — мальчишки ее и вправду, под стать ей самой, были безобразниками: слушались мало, делали все по-своему, зато самостоятельности им было не занимать.

А Любины девочки были умничками — послушными да аккуратными. Одно удовольствие было с ними нянчиться да возиться. И мальчишки Марфины более спокойными и уравновешенными становились в присутствии Любиных девочек.

Вырастили детей, поразъехались те из родительских домов — учиться в город. А там и семьи свои завели.

Марфин муж спился да помер, а Любин умер от чахотки. Остались они вдвоем — самые близкие и родные друг другу души. И не было такой силы, которая могла бы их разлучить.

Так и жили они добрыми соседushками и подружками: дом к дому, палисадник к палисаднику, огород к огороду. Вместе коротали свою старость. И никогда не было им скучно: загрузтит Марфа — Любочка всегда рядом:

— А помнишь, Марфа, как мы с тобой на танцах чуть не подрались только потому, что Андрюха притащил тебе букет ромашек с поля?

— Помню, как ты вцепилась мне в волосы и кричала: «Это мне, это мне!»

Подружки начинали смеяться, и вся грусть их улетучивалась.

Или Люба захандрит: то поясницу ломит, то голова болит. Марфа и утешит ее:

— Вспомни, как с кручи в реку ныряли, а у тебя трусишки соскочили. Ты мне кричишь: «Помоги, помоги натянуть!» Я ныряла да тянула их наверх, чтобы тебе голопопой, при всем честном народе не пришлось выходить на берег. А там ведь мальчишек полно было! Стыда бы потом не обралась!

Опять смех да счастливые воспоминания. Нет их дружбе предела, нет конца. Такую женскую дружбу не каждый день встретишь...

Весной попа к попе картошку в своих огородах сажали, грядки готовили под помидоры да огурцы. А по вечерам, накинув теплые шали, подолгу сидели на лавочке у калитки — любовались закатом, провожали за горизонт солнышко. И говорили много, а иногда просто молчали — и молчать им вместе было не скучно.

Зимой реже виделись: одеваться было трудно и снег чистить нелегко. Но все равно иногда проберется одна к другой — и давай чай душистый вместе пить да мед есть. И вспоминать:

— Помнишь, Марфа, как на сеновале тебя с мужем твоим застучала? Ах, проказники, подумала! И позавидовала вам. Мой-то мужик чинный был — глупости разные не приветствовал и не допускал.

— А ты Люба, вечно как в город уедешь, так твой весь ум терял сразу и давай по соседским избам ходить, да всех своими разговорами завлекать. И детей мог оставить — лишь бы болтать, да чтоб его слушали.

И опять смеются.

— Счастливые мы с тобой, Марфа, дружим уже почитай как семьдесят лет. Разве бывает еще такая дружба у кого? Ты видела?

— Нет, Любочка, не встречала. Соседи обычно глотки друг другу готовы перегрызть, а мы с тобой за всю жизнь раза два только поссорились. Помнишь ту бабу Таню, что за рекой нас тогда приютила? Одна ведь прожила много лет, и ни души рядом! Да, счастливые мы с тобой, Люба!

Случилось как-то поехать Любе в город — на несколько дней к дочке своей. Внуков захотела навестить — давно дочка звала. И не было Любы в деревне всего-то четыре дня.

Как вернулась — первым делом в дом к подружке. А там чужие люди ходят, зеркала занавешены и иконы все вынесены — неизвестно куда и кем. И Марфа в гробу лежит. «Лучше бы и не было этих четырех дней вовсе! Может, Марфа моя жива бы осталась... Это она от тоски умерла».

Стояла весна — то время, когда цветут одуванчики. Набрала Люба их целую охапку, сплела два венка, надела себе на голову один, а второй Марфе на могилку отнесла:

— Носи, Марфа, да будь прекрасна в нем, как прежде! И не грусти — скоро мы с тобой свидимся...

Евгений Асташкин
(г. Омск)

ЗА МЕТАЛЛОМ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С.Лескова.

На базаре, где попавший под сокращение Вешкин продавал записанные аудиокассеты, легко находились новые знакомые. Таким стал один не в меру веснушчатый парень, который ходил сюда из Раздольного. Жорик приносил с собой кусок поролона и раскладывал на нем мелкие запчасти от машин, в том числе и легковых. Их он насобирает еще когда работал на складе в военном городке, вынося за территорию под одеждой. Когда вояки уехали, ему было чем торговать первое время. Старался любым доступным образом обеспечивать свою семью. Не заметно было, чтобы он носил с собой сигареты или прикладывался к рюмке. В любом действии или даже разговоре он придерживался рассудительности, не тратя времени на пустопорожние слова.

Этот Жорик промышлял и сбором цветного металла. Однажды он сагитировал Вешкина пошариться в заброшенном гаражном «анклаве» военного городка Степной-1. Основная часть гаражей уже была обезображена и опустошена. Лихие люди стали взламывать и те, на которых висели замки.

— Там еще есть чем поживиться, я проверял погреба, их не успели распотрошить, — делился он, соответственно настраивая Генку на новый промысел. Пусть оторвется от прилавка на пару деньков, в накладе не останется.

Ясно было, что ему одному разбирать покрытия погребов несподручно, нужны дополнительные руки. Что ж, можно попробовать, хотя Вешкину не особо хотелось погрязнуть в сборе цветмета, который в пункте приемки пока еще оценивался не очень дорого. Расчет разве что на объемы. Жорик уверял, что во многих погребах потолки перекрыты алюминиевыми балками толщиной с рельс. Если набрать хотя бы тонну алюминия, тогда игра будет стоить свеч. А железо никто не собирал, потому что за кило полагался всего рубль, смешно даже.

Медь, конечно, намного дороже, но в гаражах ее уже не осталось — вся электропроводка везде выдрана «с мясом».

В назначенный день Вешкин спозаранку положил в наплечную сумку кусачки, гвоздодер, пилку по металлу и направился по Набережной в сторону военного городка. Он любил ходить этим путем мимо закрывшегося уже ремзавода с кислородной станцией, которая тоже недавно перестала дробно хлопать, слышимая издали. Запасных, еще советских полотен к пилке он не стал брать с собой, пусть останутся на крайний случай, это теперь страшный дефицит, нигде не купить, даже в областном центре. Там на базарах предлагают какую-то китайскую гадость — зубья мгновенно стачиваются, даже если пилишь деревяшку.

По дороге вспомнилось, как недавно погорел на сборе цветмета бывший медработник Кургузин. Он почему-то в такую безработицу бросил кормное место в поли-

клинике и пустился в свободное плавание. Иногда торговал на базаре лекарствами, которые умудрялся где-то доставать. У него была манера действовать масштабно, чтобы сразу сорвать хороший куш. На заброшенной точке, которую Вешкин неоднократно проезжал по пути в Донской и где когда-то стояла на страже ядерная «Сатана» с разделяющимися головками, Кургузин обнаружил закопанную в земле алюминиевую емкость для воды. Цистерна была длиной почти в восемь метров. Вот это удача! Другие копаются в патернах, с превеликим трудом отколупывают нержавейку от стен, а тут сразу столько алюминия.

Кургузин быстро нашел подельников и они стали сообща выкапывать эту емкость. К вечеру наделали круговых траншей в рост человека. А когда стали тянуть трос, прикрепленный к люку, даже не смогли оторвать от земли такую тяжесть. Решили наполнить траншеей водой.

На следующий день подогнали водовоз и спустили всю воду в шурф. Емкость всплыла, но ее так и не смогли вытянуть наружу, так как в жару вода сразу стала впитываться в землю. Фокус с водой не прошел.

Принялись в Донском искать тракториста, который мог бы вытянуть из земли эту емкость. У одного частника стоял во дворе гусеничный ДТ. Хозяин запросил ни много ни мало сто баксов. Когда он все же выволок на тросе эту алюминиевую цистерну, на «точке» внезапно, как из-под земли, выросла троица полицейников, которых так перекрестили местные после переименования милиции. Самый главный по званию оперативник, похлопывая рукой по явно не пустой кобуре на боку, потребовал половину емкости. Оказывается, служаки все это время наблюдали за промышленниками из лесополосы и в нужный момент объявились, чтобы потребовать свою долю, «а то будет хуже».

Кургузину снова пришлось топать в Донской — уже в поисках сварщика, который разрежет пополам эту емкость. Новые затраты. А потом еще надо заплатить типчакскому шоферу, который доставит уполовиненную алюминиевую махину в райцентр. Словом, выигрыш от затей получился сравнимым с понесенными затратами...

Сам Вешкин чуть не погорел на этой ниве. Бывший эстражник Стаурин, младший брат того проходимца, который воровал с дальних сельских кладбищ мраморные портреты, чтобы заполировать старое изображение и набить новый портрет, предложил Вешкину подзаработать. Вручил ему серебряный контакт от ракеты в виде квадратика размером с двухкопеечную монетку.

— Такого добра имеется шестнадцать кило. Ты часто мотаешься в Москву, разужнай там, куда можно все это пристроить. Сейчас кругом бардак, за границу вывозят все что угодно...

Вешкин как раз собирался в столицу за цветными фотоматериалами. Прибыв туда, он показал сестре Изольде серебряный контакт. Сестра оказалась в теме.

— Да, мои коллеги из ветлечебницы на пенсии нашли новый бизнес. Переправляют за границу цветной металл. Умудрились огромную бронзовую чушку вывезти за кордон под видом железа — обмазали ее глиной для маскировки. Ничем не брезгают ради наживы, ни стыда, ни совести. Но с драгоценными металлами опасно связываться. Даже не вздумай! Это верная статья при провале. Так что пусть там тебя не смущают разные проходимцы серебром — может выйти боком...

По возвращении Вешкина прилипчивый эстражник стал допытываться у него результатами. Генка сразу открестился от этой опасной затеи.

— Есть там гаврики, что связаны с Западом, но я пас. Даже не уговаривай...

— Да мы уже нашли таких клиентов. Просто надо им передать сумку. Тебя встретят на вокзале и за это отстегнут две тысячи баксов.

— Нет, нет и нет! — отмахивался Вешкин. — На меня не рассчитывайте. Почему сам не отвезешь все это добро в Москву? Боязно? То-то!..

Своя голова дороже. И вновь Вешкин убедился в своей дальновидности. Эту

сумку с серебром повез в Москву молодой парнишка, маявшийся от безработицы. На Казанском вокзале его действительно встретили — прямо на перроне подошли к нему крепкие парни с особой выправкой.

— Ваша сумка?

И тут же красную корочку под нос.

И в такое безвременье начавшейся перестройки спецслужбы не дремали. Значит, кто-то «просигналил» в Москву.

Загремел доверчивый парнишка основательно. Родственники поехали на выручку своим ходом — на новеньком «жигуленке», чтобы оставить его в столице в виде подарка. Машинешку приняли, но срок незадачливому коммивояжеру все-таки вклепили. «Зачавкали легковушку», как потом комментировали типчаки сию остросюжетность.

Вот что ожидало Вешкина, клонь он на легкие деньги. Нет, лучше помаленьку, помаленьку...

Миновав пустующий ремзавод, Вешкин направился в сторону дальней проходной городка, где ворота теперь были нараспашку при любой погоде. На подходе у бетонной ограды снова попался на глаза отрезок толстого силового кабеля, торчащий из-под земли. В небо ощерились три алюминиевых жилы треугольной формы, свисают кольца просмоленной цинковой оплетки. Который год все это устрашает прохожих. Никто не знает, под напряжением ли кабель. При дожде, вроде, ничто не искрится, но шут его знает, лучше на всякий случай близко к нему не подходить, не говоря уже о том, чтобы поковырять все это выкопать. С киловаттами не шутят.

Сам Степной обезлюжен, обеззвучен. Оставшиеся жильцы из гражданской обслуги, которым ничто уже не светит, никаких цивилизованных переводов в российские регионы, постепенно разграбили основную часть пятиэтажек в поисках дров, чтобы топить свои буржуйки на кухнях. Они начинают сгруппировываться в крайних, более новых пятиэтажках ближе к Типчаку, чтобы не мерзнуть зимой по отдельности, ведь если за стенами нет других жильцов, они нещадно промерзают.

Рита так и не вернулась в свою трехкомнатную квартиру. Закончив в таком зрелом возрасте медучилище, перевелась в омскую воинскую часть и дочку Машу забрала с собой, а Глаша уехала в Москву. Их совместная неподконтрольность в пустовавшей три года квартире навсегда закончилась. Хорошо хоть успели отучиться в местной вечерней школе.

С аттестатами получилась заминка по воле злого рока. Директор школы Кургамбеков, узнав, что это племянницы Вешкина, не отдавал им документы. Ничем это не мотивировал, откровенно потешаясь над безвинными девчонками. А виноватым был сам Геннадий. Кургамбеков приглашал его к себе завхозом вместо старого, ушедшего на пенсию. Вешкин знал, что тот за все время работы так и не подписал акта приемки материальных ценностей. Сознал, что директор не преминет его подвести под монастырь, чтобы свалить на него все недостатки. Соответственно и Вешкин не горел желанием добровольно лезть головой в хитроумную петлю. Тогда директор принял на работу какого-то безродного соплеменника из дальних краев, а вскоре дотошная ревизия навесила на него огромные суммы. Так и получил срок ни за что, ни про что. Посему и затаил директор обиду на несговорчивого Вешкина и мстил ему через племянниц.

А они надеялись лишь на помощь дяди, чтобы он придумал какой-то ход. Генка сразу успокоил племяншек: «Все сделаем, как надо!» Он знал, как действовать. Подгадал момент, когда Кургамбекова не было на месте, и предстал перед секретаршей вместе с племянницами. «Вот, девчонки пришли за своими аттестатами...»

Секретарша и не подозревала о слишком своеобразных отношениях своего шефа с этим посетителем. Он из газетчиков, единственный цветной фотограф, да еще и занимался дискотеками. Словом, далеко не рядовая личность. Спросила у девчат фа-

мили и тут же выбрала из стопки аттестатов нужные. Ох, и разорился, должно быть, потом этот злыдень, что его так ловко провели, явно намеревался подольше помурить выпускниц вечерней школы...

Хорошо, что гаражный участок сразу за проходной — в сторону реки. Не придется шагать среди этих мрачных остовов от пятиэтажек. Однако уже и в гаражном хозяйстве воцарился сплошной разор. Под ногами кругом кирпичные обломки. Вешкин брел наугад узким проходом. Гаражи когда-то были капитальными, из силикатного кирпича, реже сварные. Один такой был нараспашку. Внутри сгорбился на корточках немец, чуть старше Вешкина, с сильно очерченными пухлыми губами и с неприятными мутноватыми глазами. Немного знаком, возит из Кустаная на продажу продуктов: чай в пачках, кока-колу, порошковый сок «Юпи» и даже щербет, хотя весов у него нет. Торгует возле остановки за главной проходной. Что характерно, при разговоре с мужиками поворачивает на единственную тему. Любая проходящая мимо фря комментируется им непременно таким похотливым. В ответ раздается грязный поощрительный смешок скотского толка.

Он всем уши прожужжал, что собирается перебираться в Германию. «Устроюсь там хоть кем, лишь бы в публичный дом...» Как будто и там сможет всех жриц любви иметь на халяву. Озабоченный до потери пульса.

Недавно съездил-таки на историческую родину. Видно, и там на собеседовании брякнул нечто такое, посему его сразу же завернули назад. Вернулся к разбитому корыту и больше не помышляет о репатриации. Никто не знает, откуда он взялся и почему здесь пропадает; какая-то темная личность.

Сейчас этот губошлеп сортировал в гараже мелкие штучки: медь — сюда, а латунь в эту кучку. Тоже насобирав цветмета, но как-то жидковато. С Генкой он не поздоровался, чувствовал, что тот испытывает к нему законную брезгливость.

В левом ответвлении раздался характерный звук ударов по бетону. Вешкин завернул в этот закоулок и увидел, что в углублении раскрытого погреба орудуют двое — Жорик с мужиком лет пятидесяти в военной форме уже не первой свежести. Они бы с головой ушли под землю, если бы погреб не был наполовину завален мусором. Жорик бил молотком в самом углу забетонированного погреба вокруг торчащего куска гибкого металлического шланга. Снаружи он блестел тонкими переплетениями.

— Надо вытащить металлорукав,— с ходу пояснил Жорик и передал молоток Генке: — На, покочай...

Он уступил место, Генка прыгнул в захлащенное углубление. Приноровился и стал отбивать бетон с боков металлорукава. Он был всего около метра длиной и служил для проветривания. Мелкие крошки крепкого раствора отлетали прямо в лицо, и дело продвигалось слишком медленно. Из-за такого малого куска столько мук.

Жорик не посчитал нужным представлять вновь пришедшему своего напарника. Он называл его Хомой. Пока Вешкин обливался потом, они двинулись обследовать другие места.

Полчаса потребовалось Вешкину, чтобы вырвать, наконец, этот кусок металлизированного питона. Если и дальше будет только такое, сильно не разживешься.

Напарники вернулись с хорошими новостями.

— Пошли. Там целые балки из алюминия. Будем их выдергивать...

Действительно, в соседнем проулке на одном погребе покрытие не было тронут. Вешкин через люк спустился вниз и увидел над головой целые ряды белых балок сложного профиля, как на рельсах. Придется срывать сверху полы среди остатков былых стен. С этим довольно быстро справились и стали складировать на дороге двухметровые балки. Они оказались удивительно легкими при значительной толщине. Таких штукенций Вешкин в жизни не видывал. У ракетчиков все особенное. Для них не жалели высокосортного алюминия, на нем даже не было следов коррозии в

виде белого налета. Интересно, для чего служили эти балки, которые вояки использовали для своих нужд? Их еще надо было как-то списать.

У Хомя здесь оказался собственный металлический гараж. Перенесли в него этот десяток балок и стали дальше промышлять. Снова выдергивали куски металлолома, некоторые были не очень сильно замурованы. Набралась уже порядочная куча металла.

Потом Жорик повел помощников к дальнему погребу. Он оказался идеально круглой формы. Целая алюминиевая «кастрюля» диаметром почти в три метра была закопана в землю. Она была накрыта крышкой, в которой проделали люк.

— Что ж ты сразу сюда не повел? — изумился Вешкин такой находке.

— Эта крышка по всему периметру прикручена болтами, — стал пояснять Жорик задумчиво. — Я ее нашел еще неделю назад, но не знаю, получится ли снять...

— Давайте сначала все очистим сверху, — деловито предложил Хома.

Он принес из гаража пару лопат и стали по очереди счищать с этого загадочного погреба все лишнее. Через некоторое время обнажилась огромная крышка. Она действительно была по окружности усеяна гайками на 32, как определил Жорик. Хома опять побежал в свой гараж за разводным ключом.

— Застрял здесь, — пояснил Жорик на счет своего напарника. — Ждет, когда появится свободный контейнер, чтобы отправить вещи. Он уже на пенсии. Повезло с таким напарником, а то куда бы мы девали металл...

Гайки поддавались легко, их было штук сорок. Потом изнутри стали бить по крышке обломками досок, чтобы поднялась крышка. В появившийся зазор вставляли монтировку и отжимали крышку дальше — равномерно по всей окружности, настолько плотно она была пригнана.

— Для чего служили эти «кастрюли»? — допытывался любознательный Вешкин, но никто этого не знал. Какой-то военнотруженик умудрился приватизировать и такое.

Когда выволокли на дорогу эту «тарелку», оказалось, что она не пролезет в гараж Хомя. А куда ее тогда девать? Не на крышу же затаскивать. Все равно не долежит до утра — уволочут. За день заскакивают всякие празднотшатающиеся в эти развалины, что-то вынохивают.

Ни у кого не было никаких идей, что делать с этим алюминиевым кругом. Наконец Вешкин смекнул:

— Надо ее подпилить с краев, чтобы сложить пополам.

Выудил из сумки ножовку по металлу и стал вгрызаться в край «тарелки», который был толщиной почти в два пальца. За полчаса углубился сантиметров на десять, дальше пошел изгиб, уже более тонкий. Потом стал проделывать то же самое с противоположной стороны.

Запыхался, рука одеревенела, и его сменил Хома. Он стал так вилять ножовкой, что сразу сломал каленое полотно.

— Тыфу! — чертыхнулся Вешкин. — Запасного полотна у меня нет. Придется теперь пилить этими обломками.

Хома только сделал проблему. Обломок было тяжело удерживать в руке, но пропил постепенно увеличивался. Вскоре Хома повторно сломал и этот обломок. Не из того места, что ли, растут руки?..

Вешкин уже никому не доверял оставшийся обломок, сам шаркал. Уже началось смеркаться. Никак не успевалось поставить последний аккорд с этими пропилами. Ночь явно опередит. Генка и тут нашелся:

— Давайте бить кувалдой по этим пропилам, чтобы дальше появилась трещина.

Стали нещадно колотить по крышке в обоих местах. На сгибах действительно начали разрастаться трещины. Далее принялись колотить по визуальной прямой — от пропила к пропилу, делая углубление в податливом алюминии. Это позволит согнуть пополам изделие. «Тарелка» постепенно поддавалась напору, вот уже половин-

ки под прямым углом друг к другу. Подложили под сгиб найденное бревнышко и сверху давай втроем топтаться, еще более сгибая круг. Вплотную согнуть половинки не получилось, но уже может пролезть металл в гаражную дверь.

Потащили сотворенное из круга в гараж как на полозьях. Действительно, проходит в дверь гаража, но снаружи торчит кончик. Пришлось убирать в углу лишний хлам, чтобы развернуть согнутую «тарелку» наискосок. Лишь тогда смогли закрыть дверь на замок.

На следующий день еще пособирали металла. Вешкин не мог отделаться от противоестественности происходящего вокруг. Вот жизнь наступила! В перестройку можно заработать лишь перепродажей, либо разрушая в прах ранее возведенное, чтобы выудить что-то на продажу. По-другому — никак! Даже самая востребованная сейчас профессия сварщика не будет кормить. Попробуй достать хоть килограмм карбида для ацетиленовой горелки.

Часа в три присели на корточки — перевести дух. Хома вдруг разоткровенничался:

— Я не смог никому продать автотрансформатор для телевизора. Везде слабое напряжение, а все равно никто не хочет покупать эту штуку. С собой я не собираюсь это увозить. Зашел на мост и просто сбросил в реку...

Надо же, какой куркулидзе! Не захотел кому-нибудь из малоимущих подарить прибор. Лучше утопить, чтобы никому не достался бесплатно.

Следом удивил и Жорик. Заботу о поиске транспорта для погрузки металла он возложил на Генку:

— Иди ищи машину. А то все мы, да мы. Покажи, на что способен.

Он думал, что Вешкин отчасти завирусен инфантилизмом и не сможет ни с кем договориться. Но когда Вешкин проходил мимо ремзавода, возле одного коттеджного дома увидел «Кировец» с ажурным прицепом для перевозки сена. Рядом прохаживался паренек. Вешкин на ходу перебрался с ним парой слов. Оказалось, что тот помогал в совхозе Валиханова убирать сено, а сейчас свободен, пока снова куда-нибудь не позовут. Вот к нему он и направится прямой дорогой.

Парень оказался дома и сразу согласился помочь с перевозкой металла. Только опасался, что часть железяк будет просыпаться в щели. Вешкин заверил, что все собранное — крупных размеров и не будет вываливаться на ходу.

Вместе сразу двинулись к воинским гаражам. Доехали до них, и парень сначала пешком прошелся внутри, определяя, как сможет протиснуться в такие узкие проходы.

— Придется пятиться задом до вашего гаража. Иначе потом не смогу развернуться,— пояснил он.

Так и начал ехать задом наперед, медленнее медленного, заморачиваясь на поворотах. Потом сообщая нагрузили тележку всем собранным алюминием и нержавеющейкой. В кабину вчетвером было не поместиться. Жорик сказал, что вместе с Хомой поедет вкруговую до приемного пункта, а Вешкин пусть напрямик шествует туда.

К молзаводу, рядом с которым прямо на открытой площадке была приемка металла, Генка пришел первым. Через какое-то время из-за дальнего угла бетонной стены военного городка показался «Кировец». Он с полевой дороги заехал на трассу и докатил до приемного пункта.

— Еле проехали по ухабам! — чертыхался Жорик, отплевываясь от пыли, навязшей на зубах.— Не думал, что за городком будет столько рытвин...

Оказалось, что в кассе деньги кончились. Надо разгружаться под честное слово, либо завтра заявиться снова к обеду. Жорик отпустил владельца трактора домой, наказав назавтра в два часа снова подъехать сюда.

Генке вся эта канитель надоела, он и так пропустил два торговых дня, а тут опять надо сюда заявляться. Сами все сдадут без него. Он нисколько не сомневался, что потом Жорик отдаст ему причитающуюся долю.

Жорик появился на базаре спустя два дня. Подошел к будке Вешкина и сразу с претензиями:

— Ты почему-то не пришел на разгрузку...

— Как будто без меня нельзя было обойтись...

— Хома сказал: раз он не явился, значит, деньги ему не нужны. Вот и поделили с ним выручку пополам...

И принялся изливать глубокое сожаление:

— Надо же, столько работы провернули, а получилось всего по триста пятьдесят на брата. Совсем невыгодно...

Вешкин не успел постигнуть до конца неудобоваримое — такое отказывались выслушивать уши. Это что-то новенькое. Выходит, ему ничегошеньки не перепадет?...

А Жорик уже в пяти шагах от него, не спеша прогуливается по рядам. Значит, Вешкин зря надрывался в гаражах эти два дня? Могли бы хоть что-то подкинуть ему. Именно он предложил согнуть ту «тарелку» пополам. А то пришлось бы ее где-то прятать, закапывать в землю. Попробуй, спрячь такую махину...

Прямо какой сюр. Если такое спроецировать на производство, там бы пропустившему рабочий день перед самой зарплатой тоже сказали бы: раз не вышел на работу, никакой тебе зарплаты! На деле такое, конечно, непредставимо («Народ нас не поймет»), оно прижилось только в летучих бригадах, лишь там такое выгодно.

Могли бы из Генкиной доли вычесть штраф за третий неполный день. Ну сколько они повозились на приемке. Скинуть груз и взвесить — от силы полтора часа займет. Напарники же просто обнулили долю Вешкина.

А выручка, действительно, ни к черту. Он за день больше наторговывает. Это продать всего пять кассет.

И, что самое интересное, весь этот полудармовой металл эшелонами укатывает прямиком в Китай. Там, поди, сами не верят свалившемуся с неба счастьем. Благодаря чей-то дурости китайская экономика получит мощный толчок, ведь который год не требуется добывать из земли металл, его и так уже скопилось целыми курганами под открытым небом. Вот Поднебесная и возвышается до небес прямо на глазах...

Илья Чесноков
(г. Белгород)

МОРЗЕ, ПЕС И ПУСТАЯ ТАРЕЛКА (рассказ)

Родился в Чимкенте, Казахстан. В 2000 году переехал с семьей в Россию. Занимается в литературной студии «Младость». Работает преподавателем общественных наук в Белгородском педагогическом колледже. Наш постоянный автор.

1. Капризы

— Мам, я не хочу больше есть,— хнычет ребенок. Ему четыре с половиной года, и зовут его Петя. Он сидит на краешке стула, готовый мигом с него соскользнуть и скрыться в своей комнате.

Рядом стоит его мама. Ее зовут Мария. Это красивая молодая женщина с темно-каштановыми густыми волосами, заплетенными в косу, и большими серо-зелеными глазами. На ней надет цветастый фартук, а через плечо перекинута кухонное полотенце.

— Сынок, ну еще две ложечки бульона, пожалуйста,— мама наклоняется к ребенку, нежно гладит его по голове и заглядывает в глаза.

— Ма, ну честно, я уже не могу. Я наелся. Можно я пойду к себе?

— Никуда ты не пойдешь, пока не поешь, как следует,— повышает голос мама и выпрямляется над столом, но тут же снова светится в улыбке:

— Петюша, солнышко, послушайся маму!

Ужин в таком духе проходит ежедневно. Слышен шум в коридоре.

— А вот и папа пришел. Ты сейчас ему и расскажешь, какой сытый.

Это я приехал с работы. Переодеваюсь, умываюсь и захожу на кухню.

— Что здесь у нас происходит?

— Вот смотри, Илья, как ужинает твой наследник. Отодвигает тарелку — и все!

Сын вскакивает с места, подбегает ко мне и обнимает за ноги. Я сажусь на стул, а его сажаю на колени.

— Петя, ты пойми, что без сытного питания ты не вырастешь большим и сильным. Мама старается готовить все самое вкусное и полезное. А ты? Ну что нам с тобой делать?

Петя смотрит на маму и повторяет.

— Ну что с тобой делать?

Он сползает с колен и направляется в свою комнату, на миг обернувшись:

— Мам, а мороженое будет?

Я строго смотрю на жену. Она, уловив мой взгляд, отвечает:

— Нет.

— Ну маааам! Ну хоть половинку.

И я непреклонен:

— Как полопаешь, так и потопашь. Готовься ко сну. Я сейчас к тебе приду, поговорим по-мужски.

Петя, поникнув головой, уходит в свою спальню, не прикрыв дверь.

Мы некоторое время молча смотрим друг на друга. Я не выдерживаю и начинаю первым:

— Ну что? К чему приводит твое «выборочное питание»?

— Ты доешь за сына? Не выкидывать же.

— Ну конечно же! Кто пришел с работы? Товарищ доедалкин. Нужно что-то придумать. Мы, два взрослых человека, не можем убедить ребенка доедать до конца.

Маша начинает убирать грязную посуду:

— Нужно что-то придумать, чтобы ребенок ел с аппетитом.

— Надо как-то его перехитрить.

— Илюша, вот и придумай, как это сделать. Ты же такой изобретательный, — отвечает супруга, подогревая ужин.

После ужина я отправляюсь в спальню к сыну. Он лежит под одеялом, повернувшись к стене. Я подсаживаюсь на краешек кровати, наклоняюсь к нему и шепчу:

— Сынок, а давай утром завтрак проглотим полностью и еще добавки попросим. Хорошо?

— Хорошо, пап.

Я выключаю свет и выхожу из спальни, медленно прикрывая дверь. Постояв немного у двери, выключаю свет в коридоре и захожу в зал. В моей голове крутится: «Нужно что-то придумать».

2. Придумал!

Я сажусь на диван и включаю телевизор. Перебирая каналы, останавливаюсь на передаче, в которой рассказывается о применении азбуки Морзе в годы Первой мировой войны. Вдруг за окном начинает громко лаять и подвывать соседский кобель по кличке Таки. Такеша, как мы его называем, помесь хаски неизвестно с кем. На фоне рассказа об азбуке американского изобретателя заливается лаем полуяпонец, которого слышно через открытую форточку на кухне, а если посмотреть с другой стороны, то на фоне собачьего лая где-то в глубине зала бормочет телевизор о точках и тире, придуманных в середине девятнадцатого века. А между ними сидит на диване задремавший мужчина, вытянувший усталые ноги.

И вдруг мне начинает казаться, что собачье гавканье имеет определенную ритмичность и последовательность, что короткие рваные обрывки собачьих «фраз» чередуются с длинным рычанием, как тире чередуется с точками. Я уменьшаю звук телевизора и снова подхожу к окну. Через некоторое время, смотря куда-то вдаль и поджав губы, я начинаю улыбаться. Медленно закрывая шторы окна, я шепчу:

— Придумал!

И так с легкой улыбкой ложусь спать.

Следующий день был выходным, и можно рано не вставать. Но это касается всех, кроме меня. Я поднялся и сел за компьютер, нашел в Интернете таблицу этой азбуки и распечатал ее. Вспомнилось, как родители в детстве подарили мне на день рождения игрушечный аппарат Морзе. Он работал на батарейках. Из него выползала бумажная лента, на которой рисовались точки и тире. Уносясь мысленно в детские годы, я вспомнил, что, по причине недоедания, со мной такие же велись разговоры. Неужели все вернулось через десятки лет?

Неугомонный пес с утра завел свою гавкательную пластинку. Выходя из дома, я заглянул в холодильник, взял бумажный пакетик, где лежали вареные куриные шейки для пса, и сунул его в карман. Подошел к сетке, сквозь которую мы подкармливаем лохматого соседа, и сел на корточки.

— Такеша, ко мне! Голос, Таки! Голос!

Пес подбежал к забору, ткнулся носом в сетку и облизнулся, смотря мне в глаза.

— И чего ты молчишь? Есть хочешь? А мне хочется, чтобы ты погавкал, да лучше.

Пес перевел взгляд на мои руки. Видя, что в них ничего нет, он снова взглянул на меня, чуть наклонив голову. Нарисовался просящий, почти человеческий взгляд. В собачьих глазах отчетливо читалось: «Тебе жалко, что ли? Ты же хороший. Достань из кармана чего-нибудь погрызть».

— Такеша, погавкай, пожалуйста, как это ты делал вчера. Ну! Гав, гав, давай! Гав, гав! С чувством, с толком, с расстановкой. Ну, давай! Поработай сегодня на науку. Ты меня понимаешь?

Пес начал семенить передними лапами и вертеть головой.

— Так, сосед, давай по-хорошему. Ты лаешь, гавкаешь и рычишь. Делаешь то, что тебе природой предназначено, а я тебе чего-нибудь вкусенького дам. Договорились?

Такеша опустил морду и прилег у сетки, вытянув лапы перед собой.

— Ах, так? Тогда я отдаю твою закуску Митяю, что наблюдает за нашей беседой.

Я поворачиваюсь к огороду и рукой указываю на примостившегося у сарая старого кота с взъерошенными клочками пегой шерсти, который внимательно следил старческими слезливыми глазами за моими движениями.

— Митяй, кыс-кыс, иди сюда, не прячься, смотри что у меня для тебя есть.

Пес моментально встрепенулся, поставил торчком уши и сел на задние лапы, а я начал громко шуршать пакетом в кармане. Поднимаюсь и направляюсь к дому.

— Г-г-гав! — слышу я за спиной.

— Ну вот. Другое дело, старина! — поворачиваюсь к собаке и включаю диктофон.

Записав разные варианты рычаще-гавкающих откровений голодной собаки, я протягиваю псине угощение. Разворачиваюсь и иду домой. За спиной слышу довольное урчание и хруст. Захожу в ванную и плотно закрываю за собой дверь, чтобы никого не разбудить. Включаю диктофон и стараюсь перевести записанные звуки собачьей «речи», подвывания и пауз в точки и тире по таблице. Короткий «гав» — это точка, а протяжный звук — тире. И это все пытаюсь перевести в буквы, а буквы склеить в слова. Получается несуславица. Это меня не устраивает. Нужно сделать так, словно Такеша своим лаем и подвыванием, якобы, хочет сказать ребенку что-то важное. И это что-то можно было бы расшифровать, используя универсальный ключ Морзе. Идея мне нравится, но нужно воплотить ее в жизнь. Я решаю своим об этом эксперименте не говорить.

В дверь ванной стучат:

— Илья, чего так долго? Звуки я слышу какие-то странные. Ругаешься с кем-то по телефону? Или это тебе так премию выписывают?

— Нет. Все нормально. Это в животе урчало у меня. Сейчас выйду, руки вытру, — отвечаю я.

— Ты чего так рано поднялся? — спрашивает жена.

— Да вот, полукровка растягвался с утра пораньше. Разбудил меня. Мне показалось, что пес что-то хочет нам сказать.

— А я знаю.

Я приоткрыл рот.

— Ты знаешь, что он говорит?

— Он тебе почти на человеческом уже объясняет, чтобы ты не шумел и семью не будил. Ты ему еще карандаш с бумагой передай. Он же умный, почти японской породы. Он тебе и письмо нарисует иероглифами.

— Остришь?

— Нет, ну правда. Ты же подкармливаешь его. Может он «спасибо» хочет сказать. А по-нашенски у него не получается. Вот и мучается совестью, бедняга.

— Ты лучше завтрак приготовь. Мы с сыном договорились все съесть и еще до-
бавки попросить.

Из своей спальни выходит заспанный ребенок, потирая глаза. Я беру его на руки:

— Привет, богатырь! Как спал?

— Хорошо, па.

— Давай сегодня вместе покормим Такешу. Там у нас лапки куриные вареные
лежат в холодильнике. Устроим ему сегодня культурный завтрак на тарелочке с го-
лубой каемочкой. Хорошо?

— Ага.

Маша из кухни кричит:

— Вам что на завтрак приготовить?

— Гренки и какао! — крикнули мы в один голос.

3. Первая проба

После завтрака мы пошли с сыном к холодильнику. Достали кастрюльку с лап-
ками, взяли с собой небольшую тарелочку и вышли из дома. Уложили лапки на таре-
лочку, просунули это угощение сквозь забор и поставили на землю.

— Сынок, позови Такешу и посмотри, как он примется за любимое занятие.

Петя приблизился вплотную к сетке.

— Таки, Таки, иди сюда. Иди ко мне. Я тебе кое-что принес! Таки, Таки!

Пес вынырнул из-за угла. Он сытно зевнул и поднял морду. Тут же обнюхал свой
второй завтрак и начал грызть лапки. Мы присели на корточки и стали смотреть.

— Видишь? Никаких уговоров. Стабильно перемалывает угощение. Еще и тарел-
ку вылизет. А ты?

— Пап, это же собака. Они всегда голодные.

— Сынок, а как ты думаешь, если мы отдадим ему твои недоеденные обеды, он
их съест?

— Да.

— И мороженое твоё съест?

Взгляд сына погрузнел и губки опустились книзу.

— Да.

А я подумал: «Кажется, с мороженым я переборщил»

— Ладно, мороженое твоё мы ему не отдадим. А тебе не кажется, что Такеша на
своем собачьем языке, когда гавкает, что-то хочет нам сказать?

— Кажется. Пап, пойдем домой. Сейчас мультики начнутся.

И только мы поднялись и направились к двери, как неожиданно услышали гром-
кое и ритмичное гавканье, как шелканье клавиш старой печатной машинки: гав, гав,
гав-гав-гав, гав, гав-гав.

Я моментально включил диктофон.

— Сынок, мы сейчас запишем его голос и дома расшифруем.

— Как это?

— Увидишь.

«Да, — подумал я: недолго это было тайной. Может, это и к лучшему».

Из окна кухни высунулась жена:

— Вы домой собираетесь или усыновить пса задумали?

— Мы уже идем.

Вид у нас с сыном был таинственный. Зашли в спальню и начали внимательно
прослушивать запись. Сердце мое учащенно заколотилось, словно я придумал маши-
ну времени и готовился к ее испытанию. У Пети тоже глаза блеснули. И он все при-
говаривал:

— Папа, давай быстрее начнем расшифровывать. Вдруг он что-то важное нам со-
общил! Пап, а вдруг мы и вправду научимся понимать язык животных и птиц.

— Подожди, сынок, с птицами то. Здесь хотя бы с одним псом разобраться.

Я приоткрыл дверь:

— Маша, нас не зови и не отвлекай. У нас важная работа.

— А обедать-то вы будете?

Мы без ответа закрыли дверь. И работа наша началась. Сначала я перекинул все записанное на компьютер. Нужно было пронумеровать аудио записи, расчертить на листе таблицу, куда вписывать полученные буквы, на отдельном листе перерисовать всю азбуку Морзе и начать прослушивать записи. Время летело быстро. Маша нас не отвлекала, занимаясь готовкой воскресных блюд. Через несколько часов она постучала к нам:

— Вы обедать собираетесь, пинкертон? А то все остынет.

— Да, мы уже скоро...

В результате нашей работы нарисовалась груда букв, слогов и нелепых созвучий, готовых выкарабкаться из таблицы крохотными существами, спрыгнуть на пол и разбежаться в разные стороны. Много чего было переправлено и перечеркнуто, но понятных слов и предложений так не получилось.

— Ничего, сынок, это только начало. А ты как хотел? Вот так вот сразу и разгадать собачью морзянку? Нет, брат, это научная работа. И у нас все получится. А после обеда нас ждет двойная порция мороженого.

Я пытался поднять сыну настроение, видя его угасающее любопытство.

После обеда все разбрелось по своим делам. А у меня не выходили из головы мысли о том, что так бросать дело нельзя. Нужно пойти на хитрость, придумать что-то оригинальное, чтобы получились слова. И я начал составлять предложения, которые, якобы, пес хочет сказать мальчику. Самым простейшим было: «Надо все кушать до конца» и «Спасибо за угощение!». Пересчитав все гласные и согласные буквы, составив из них в разных комбинациях слоги и, словно из кирпичиков, выстроив из них слова, я понял, что не так уж это и просто. А если использовать реверсное прослушивание аудио и это обратное звучание перевести в буквы и слоги, которые тут же перевернуть или вывернуть как-нибудь шиворот — навыворот, то может быть что-то и склеится? Голова шла кругом от этих гуттаперчевых упражнений со звуками и буквами. Нужно было обязательно убедить сына в том, что именно так придется, пройдя через все эти выкрутасы, расшифровывать собачий язык.

День в заботах прошел быстро. Вечерним городским гулом укутались деревья и дома. Все улеглись спать. Только я лежал с открытыми глазами, уставившись в ночные блики на потолке.

— Ты чего не спишь? — буркнула, поворачиваясь на бок, жена.

— Думаю.

— Смотри, ночью не загавкай. И не вертись, а то с кровати упадешь и хвостом не успеешь зацепиться.

— Очень смешно.

4. Сон

Город придавила душная ночь. В душе зародилась тревога, переходящая в тяжелый сон. Мне снилось, что сижу я за длинным массивным столом, на котором стоят два высоких канделябра медного блеска. В каждый вставлено по несколько огромных свечей, тлеющих слабыми огоньками. От этой тусклости стол кажется огромным и мрачным. Передо мной на столе лежит лист бумаги. Он похож на клочок, вырванный из альбома для рисования. Лист прижат стеклянной чернильницей, а в руке моей зажато длинное гусиное перо, заточенное у основания. На мне тесный военный мундир с короткими рукавами и медными пуговицами, а на голове солдатская железная каска, надвинутая до бровей и давящая на уши. Я всматриваюсь в сидящих за столом существ и узнаю в них собак, лохматой стаей бродящих по нашему поселку в поис-

ках еды. Одеты они в темно-серые пиджаки, из-под которых выглядывают белые воротнички и рукава. Псы прилизаны и сосредоточены. Их всего двенадцать.

Во главе стола, напротив меня, восседает на высоком стуле наш сосед, Такеша. На нем темно-зеленый френч с воротничком, обшитым красной лентой. На голову его напялен белый парик с завитыми локонами. На носу висит крохотное пенсне. Перед ним в тарелке горкой топорщатся мертвецки бледные куриные лапки. Он поднимается из-за стола и, почесав грязным когтем волосатое горло, на ломаном русском произносит:

— Слющайетися дэло безъродный кота Митяй. Готови ли присяжный заседатель, изучай этот материал дела, вынести приговор?

Все двенадцать собак одновременно подняли правую лапу и исподлобья зыркнули в мою сторону. Стало немного жутковато.

И тут Такеша обратился ко мне:

— А ви напишайть, напишайть бумага, шеловиек! И оущень корочо напишайть!

В голове моей чувствую помутнение. Глаза мои широко раскрыты, нижняя челюсть свисает до предела. Я ртом хватаю воздух, но не могу глубоко вздохнуть. Пот стекает по лицу из-под тяжелой каски. Холодными руками я макаю перо в чернила и начинаю писать. Но с ужасом вижу, что вместо человеческих слов вывожу на листе точки и тире, тире и точки. И так быстро это делаю, словно занимался этим всю жизнь. А в это время Такеша, представляющий, как я понял, Верховного судью, продолжал уже без акцента:

— Дворовым кошачье-собачьим сообществом обвиняется кот Митяй за воровство продуктов питания, щедро даруемых людьми: колбасных обрезков, куриных косточек и лапок, кусочков мяса, снятых с шампуров выпившими гостями хозяина, и так далее. Дело для окончательного решения передано присяжным бездомным свободным членам сообщества.

И только тут я смог разглядеть в дальнем тусклом углу комнаты клетку, а в ней, стоящую на задних лапах, дрожащую серую фигуру кота. Он, схватившись передними лапами за прутья решетки, стоял молча, смотря в мою сторону. Мне показалось, что Митяй ждет от меня помощи. Откуда-то сверху доносился «Аллилуя» Генделя. Звуки церковного хора пронизывали все живое и неживое и уходили в пол, обостряя и так мрачную обстановку. А из-под моего пера пулеметной лентой вылетали точки и тире. Тут я почувствовал, что меня начинает тошнить. Захотелось выйти. От спертых запахов собачьей закваски начала кружиться голова. Я приподнялся и, пытаясь создать на лице улыбку, начал говорить:

— Товарищи! Вы меня, конечно, извините, но...

И не успел я закончить фразу, как Верховный судья одним прыжком, сбивая со стола подсвечники и теряя парик, подскочил ко мне и уперся в мой лоб. Он схватил меня лапами за воротник и начал трясти. Горячо дыша в мое лицо и продолжая трясти, он начал кричать:

— Очнись, Илья! Очнись! Проснись! Ты лаешь! Ты гавкаешь, Илья! Проснись же ты! Это я!

5. Пробуждение

Кошмарное видение продолжалось совсем недолго. Буквально несколько секунд. Музыка стихла также неожиданно, как и началась. По комнате закрутил спиралью сильный ветер. С ним унеслись под потолок стол с подсвечниками, огромные деревянные стулья с седаками. Митяй, высунув лапы из клетки с криком: «А как же я?», также растворился в гнетущей мгле подземелья. Морда Такешы исчезла, и тут я учуял знакомый запах женских духов. Открыв глаза и увидев над собой испуганное лицо жены, закричал:

— А! Что случилось? Где я? Где заседатели? Где Верховный судья? Где Митяй? Его спасли?

Маша, стоя передо мной с широко раскрытыми глазами на коленях, трясла меня за плечи:

— Ты что! Совсем спятил? Какой судья? Какой Митяй? Ты начал орать во сне, лаять на весь дом! Ты ребенка до слез довел. Посмотри, вот он стоит — весь в слезах и трясется!

Я сел на кровать, опустил голову, обхватив ее руками. Через пару секунд поднял голову и перед собой увидел сына.

— Иди ко мне, сынок.

Петя подбежал к матери и обнял ее, вытер слезы и сказал:

— Па, я все понял, я больше не буду.

— Чего ты не будешь?

— Я больше не буду капризничать. Я буду все-все доедать до конца. Честное слово. Я ни капельки в тарелке не оставлю.

Сын медленно подошел ко мне, забрался на колени, крепко обнял за шею и заплакал.

— Я испугался, па.

— Это был сон такой, сынок. Все будет хорошо. Иди, ложись в кровать.

Я вытер холодный пот с лица. На часах было половина четвертого. Зашел в зал и, не включая свет, сел на диван. В памяти пролетели обрывки сна. Запомнилось ощущение сырости и какой-то средневековой затхлости. Уснуть я уже не мог. Надел старую куртку, в которой работал на огороде, и вышел из дома. Подошел к сетке, через которую мы подкармливали собаку, и увидел блестящие глаза Такеши. Я присел на корточки:

— Ну, а ты чего не спишь?

Пес придвинул морду к забору.

— Напугал ты меня, старик. Не получается очеловечить твой лай, как бы мы не старались. Но ты все равно нам помог. Ладно, утро вечера мудренее. Завтра увидимся.

Пес сладко зевнул, побрел к конуре.

Я подмигнул любопытным звездам, свидетелям моего разговора с собакой, глотнул свежей предутренней прохлады, вспомнил, что через час мне собираться на работу, и зашагал к дому. За сеткой, отражая лунный свет, на земле белела вылизанная тарелка.

Сергей Криворотов
(г. Астрахань)

Наш постоянный автор.

ПОСЛЕДНЯЯ ИОРДАНЬ

Вадим Михайлович Сапунков для своих шестидесяти шести оставался довольно крепким поджарым мужчиной, да и выглядел гораздо младше своего возраста. До заведующего отделом архитектурно-проектного бюро он так и не дослужился, но благодаря его опыту и профессиональным знаниям никто из начальства не помышлял пока избавиться от такого ценного, незаменимого специалиста.

Хотя немало его коллег из соседних отделов именно по возрасту уже покинули их небольшой коллектив, Вадим Михайлович продолжал трудиться на прежнем месте, числясь теперь в категории «работающих пенсионеров». Пенсию по старости он получал, но ежегодной индексации, как у полностью ушедших на покой, она не подлежала. Правда, давно обещали принять закон для исправления подобной несправедливости, но он рассчитывал только на свою неплохую зарплату с премиями раз-два в год, да и вполне легальные шашки иной раз случались. Да и то, кто, кроме него, еще мог бы при проведении технической экспертизы какого-нибудь старинного строения вот так с ходу, на глазок, точно в градусах определить уклон пола? Такое устанавливалось прежде только отвесами и водяными уровнями, а теперь приходившими им на смену уже лазерными уровнями и нивелирами.

На вопросы любопытных, как ему удалось сохранить такую физическую форму, несмотря на возраст, Вадим Михайлович охотно пояснял, что занимался когда-то легкой атлетикой, играл в сборной института по волейболу, а потом многие годы неизменно по утрам перед работой совершал километровые пробежки при любой погоде. Однако с годами оставил эту затею. Отчасти его насторожило публичное уверение одного из светил кардиологии, что «те, кто бежали от инфаркта миокарда, к нему, в конце концов, и прибежали». Тем не менее, утренней зарядкой с обязательным холодным душем Вадим Михайлович привык не пренебрегать. К тому же, никогда не курил, не считая двух-трех лет подобного баловства в молодости. Не употреблял крепкого спиртного. Когда на юбилей кого-то из коллег ему приходилось поучаствовать в застолье, самое большее — выпивал полрюмки коньяка, после чего уже не поддавался ни на какие уговоры продолжить.

Обычно отказываясь от участия в редких общих мероприятиях, Сапунков ссылался на ждущую дома супругу. Его жена, Мария Николаевна, младше своего Вадима на десяток с лишком лет, работала учителем литературы в школе, с нетерпением дожидаясь, когда и ей придет время выхода на пенсию. И тогда они, наконец, съедят вдвоем хотя бы в вожаденные Кисловодск и Ессентуки, как собирались уже много лет. Правда, она еще не знала, уйдет ли совсем с работы или останется подрабатывать, как Вадим Михайлович, чтобы не считать копейки. Их дети давно разъехались в другие города, перестали нуждаться в их материальной поддержке. Но как же обойтись без подарков им и внучатам, с которыми они приезжали ненадолго погостить раз-другой в год?

Хотя Вадим Михайлович как бы дистанцировался от коллег, большинство из ко-

торых были много моложе, на самом деле он постоянно продолжал оставаться незримой душой отдела, и это чувствовали все сослуживцы. Никогда он сам не вмешивался в споры коллег или обсуждение чего-либо, но его мнение неизменно имело вес, и нередко к нему обращались, как к судье, не только в профессиональных вопросах. С неизменно подчеркнутой вежливостью он обращался ко всем только на «вы». Даже на могущее иногда показаться непрошеным панибратством «Михалыч» никогда не отвечал подобным. Никто не слышал от него ни единого матерного слова, даже когда рядом не находились женщины.

Если не требовалось провести экспертизу объекта на месте, все сотрудники сидели, уткнувшись в мониторы на своих столах, изредка отрываясь для распечатки нужного на принтере. Внизу за изрядно запыленным стеклом окна тянулись бесконечные серые крыши гаражей и малоэтажных строений, смотреть на унылую панораму которых никому и не хотелось. После усиления борьбы с курением отведенных для подобного занятия мест становилось все меньше, но Вадима Михайловича, давно решившему для себя подобную проблему, такое совершенно не беспокоило.

Последние годы большинство сотрудников отдела, включая одну из двух наличных женщин, то ли следуя моде, то ли для собственного развлечения и адреналина, повадились принимать участие в крещенских купаниях. Причем, «моржами», то есть любителями зимнего плавания, никто из них не являлся. Также, как ни один из них не был замечен в столь уж рьяном следовании прочим православным правилам. Сам Вадим Михайлович, воспитанный еще в советские времена, хотя и носил нагрудный крестик от бабушки, тайком от родителей крестившей его в атеистическое время, и вовсе придерживался привитых ему еще в школе взглядов. Он полностью соглашался с мнением когда-то любимого американского писателя Курта Воннегута: «За все творящееся на Земле Бога может извинить только его полное отсутствие». Но при всем том, никаких богохульств себе никогда не позволял. Коллективные крещенские купания коллег его, скорее, забавляли. Не раз, поминая спортивное прошлое Сапункова, они предлагали ему присоединиться к коллективу, окунуться разок в называемую Иорданью прорубь.

— Неужели, Михалыч, слабо самому такое? Не хотите попробовать? После чувство такое, будто заново родился!

На такие провокационные подначки он лишь вяло махал рукой. Любимой при сказкой на все подобные соблазны у него было: «Жизнь прошла стороной и в основном ночью».

К удивлению зазывал, на этот раз Вадим Михайлович неожиданно согласился. Спросили его просто так, по привычке, нисколько не надеясь на положительный ответ, как всегда до сих пор и бывало. Похоже было, что он и сам не ожидал от себя такого внезапного решения. Что его подвигло на такое? Вряд ли ему захотелось взглянуть в глазах других таким бодрячком, доказать, что и он на такое еще способен. И есть еще порох в пороховницах. Мнение окружающих его давно особо не интересовало. Скорее всего, решил доказать самому себе, проверить свои еще имеющиеся возможности. Мероприятие предстояло назавтра.

После работы, уже в сумерках, дежурная газель отвезла всех желающих к специально устроенному для того месту на реке. Вырубленная во льду «Иордань» представляла собой крестообразную полынью — два прямоугольника, один побольше, наложенные друг на друга. К ней соорудили деревянный настил с временной просторной сторожкой, в которой можно было переодеться и отогреться после ныряния. Подтянули провод с двумя мощными электрическими лампочками. Ступени деревянного трапа уходили в темную воду. Мороз выдался не великий, всего-то семь-восемь градусов. Видимо, глобальное потепление, о котором столько говорилось последнее время, сказалось и на обычных крещенских холодах. И все же, это был мороз, усиленный порывами ветра.

Вадим Михайлович окунулся трижды, как положено, затем проплыл до противоположного конца «Иордани», не спеша вернулся обратно. На чей-то заботливый вопрос ответил, что чувствует себя превосходно.

От предложенной водки отказался, и уже в сторожке, переодевшись, выпил припасенного женщинами в термосах горячего крепкого чая с лимоном. После та же дежурная газель развезла всех по домам.

Следующие дни выдались выходными, а в понедельник жена Сапункова позвонила в отдел и сообщила, что он заболел, с высокой температурой, кашлем и болями в груди. Не разрешил поначалу позвонить в Скорую помощь, считая, что это всего лишь обычная простуда. Но вызванная Марией Николаевной врач из поликлиники сразу связалась со «Скорой», бригада которой быстро забрала заболевшего в больницу то ли с инфарктом, то ли с воспалением легких. После тщательного обследования поставили диагноз: «крупозная пневмония». Состояние продолжало ухудшаться. А через несколько суток, несмотря на проводимое лечение, Вадим Михайлович скончался.

Похоронили его в воскресенье с предварительным отпеванием в кладбищенской церкви, все честь по чести. Заплаканная вдова не захотела особо говорить ни с кем из сотрудников отдела. До произносимых у разверстой могилы слов о Вадиме Михайловиче ей не было совершенно никакого дела. Своим молчанием она явно винила их в смерти мужа. Это показалось сослуживцам несправедливым. Принять участие в крещенском купании в проруби стало его собственным решением, которое он принял в полном праве самостоятельного опытного человека, прожившего не короткую жизнь. Но неприятное чувство у всех после такого надолго осталось.

Поминали Вадима Михайловича на работе в конце первого трудового дня новой недели. На столе никаких коньяков, никаких женских мартини, только водка, больше подходящая под «этакое». Да и закуска оказалась небогатой, собранной на скорую руку. Разделанная селедка, пара разновидностей салатов с обязательным оливье, соленые огурцы и томаты. Две сорокалетние на вид женщины, четверо мужчин разных возрастных категорий от тридцати до пятидесяти и седовласый, делового вида заведующий, обычно не примыкавший к застольям коллектива по поводу более веселых поводов.

— Судьба...— глубокомысленно заключил старший по должности, вставая с поднятой стопкой.— Пусть, как говорится, земля ему будет пухом.— С начальственной строгостью добавил, хотя и так все помнили правило: — Не чокаясь!

Сдержанно закусил, не больше, чем того требовалось после первой, осмотрел примолкший осиротелый коллектив, в полном составе собравшийся за сдвинутыми столами, и раздумчиво усомнился:

— Как же вы теперь без Михалыча-то? Потянете? Что скажете, Лидочка?

И тогда Лидочка, которой на самом деле было уже далеко за сорок и которая редкий день не спрашивала у Вадима Михайловича какого-нибудь совета по работе, торопливо откликнулась за всех:

— Конечно... Справимся как-нибудь!..

Но уверение ее прозвучало совершенно нетвердо и неубедительно, в глазах заблестели слезы, а рука, все еще державшая стопку, предательски задрожала. Лидочка вовсе не боялась отныне отвечать за все сама, обходиться без подсказок и опыта всегда безотказного Михалыча. Такого надежного знатока их дела рядом уже никогда не будет, теперь все будет иначе. И это не то чтобы пугало, все они были все-таки состоявшимися специалистами, в чем-то благодаря все тому же Вадиму Михайловичу Сапункову. Такая внезапная перемена не могла не напрягать каждого из присутствующих. Будто все они разом лишились надежной и верной подстраховки. И только припорошенные местами снегом серые крыши за окном внизу оставались совершенно равнодушными к происшедшему, как и прежде.

АВТОМОБИЛЬНЫЙ ХРИСТОС

Место для показательной расправы избрали не случайно: гигантскую парковку между взметнувшейся ввысь десятками этажей пирамидой супермаркета и кажущимся по соседству совсем небольшим и приземистым зданием управления полиции. Вряд ли строители остекленного колосса для повседневного шопинга предвидели, что их детище когда-нибудь станет свидетелем подобного. Его внутренние торговые площади при всем старании никому не осмотреть и за несколько дней. Чтобы возможный покупатель не ощутил себя беспомощной букашкой на грандиозной выставке нужных и не нужных товаров, всем на входе предоставлялись на время удобные и простые в обращении гироскутеры.

Да и вне подобных комплексов оставаться без колес давно считалось крайне неприличным, просто недопустимым. Только речь уже не шла о скутерах или велосипедах, которые запрещались на внешних трассах и улицах, полностью отданных во власть автомобильных потоков. Те отщепенцы, что не имели собственного авто даже напрокат, дабы не нарушать порядок и не угодить под чужие колеса, всегда могли воспользоваться дешевыми, а то и бесплатными социальными такси, заменившими остатки убыточного общественного транспорта. На машинах ездили на работу, развозили детей по детским садам и школам, посещали рестораны, кинотеатры и спортивные комплексы, на них же отправлялись на богослужения в церкви и мечети, на свадьбы и похороны. Большинство общественных заведений в обязательном порядке обзавелись удобными многоместными стоянками. Все продумывалось так, что нередко прибывавшие на то или иное мероприятие могли даже не покидать салонов своих авто.

Никто не хотел выглядеть белой вороной или бельмом в глазах окружающих, иного и вообразить казалось невозможно. Да это и не позволялось. Отклонение от такой нормы выглядело не просто дурным тоном, а попыткой подрыва основ экономики и государственности, напоминанием почти забытого варварского терроризма стародавних времен. Любое подобное нарушение пресекалось незамедлительно. Система бдительно оберегала сложившуюся пирамиду ценностей.

Разумеется, открыто никем не признавалось, что Автомобиль превратился в общего для всех бога. Его негласно почитали своим идолом и кумиром, нисколько не забывая про обычное повседневное использование. Комфортные стоянки, обустроенные гаражи и мастерские нередко свидетельствовали о гораздо большей заботе о самих машинах, чем о жилищах людей, на них ездивших.

Законь давно приспособили под воцарившееся засилье личных средств передвижения ради удобства их владельцев. Не имеющие собственного авто юридически не рассматривались полноправными гражданами. Жалкая кончина под колесами считалась вовсе не тем же самым, как, например, достойная смерть на скорости за рулем или внутри салона.

Социальные выплаты и суммы по страховке в последнем случае выглядели совершенно несоразмерно таковым при гибели пешехода. Убогих отщепенцев, окончивших земной путь на своих двоих, с незапамятных времен не хоронили на благоустроенных кладбищах автомобилистов. Понатыканные повсюду видеорегистраторы исключали малейшую возможность обойти такое правило даже с помощью определенных взятков.

Неизвестно откуда прибыл этот очень странный тип. Даже в горах пасти овец без помощи горного вездехода или квадрокоптера уже много поколений считалось вопиющей дикостью и анахронизмом. А этот запросто приехал на двухколесном велосипеде, разумеется, столь вызывающий поступок никак не мог остаться без внимания. Последний бомж, обитавший на свалке или под мостом, всегда мог вызвать благотворительное социальное такси, оплатить заказ честно выклянченными за день деньгами. На множестве наземных и высоко подвешенных лентах трасс, разделявших многоэтажные спирали, параллелепипеды, пирамиды и цилиндры всевозможной толщины и

протяженности, место для пешеходов и подобных музейных средств передвижения, как правило, не предусматривалось изначально. Где-то глубоко под поверхностью в заброшенных туннелях метро и среди вонючей канализации еще обитало какое-то количество отщепенцев, вовсе лишенных возможности выйти наверх, да и не пытавшихся делать этого, но вряд ли их жизнь можно было назвать приемлемым существованием.

Приехавший воспользовался не простым велосипедом, а специально сконструированным для катания по склонам гор, что уже ясно показывало склонность к экстремизму. Видимо, предубеждение не позволило ему создать для начала собственный блог в Интернете, чтобы употребить наряду с социальными сетями для изложения своих странных взглядов. Не исключено, что владение приемами нейролингвистического программирования давало ему уверенность в преимуществах прямого общения с людьми без виртуала.

Однако, в дальнейшем ничем не объяснимое навязчивое многословие незнакомца заметно противоречило современным нормам поведения в общественных местах, заставляя забыть о его некондиционном средстве передвижения.

Едва въехав на городские улицы, он начал с того, что почти на каждом шагу, точнее, со всяким оборотом колеса своего горного велосипеда желал счастья и благополучия всем незнакомым встречным. Вернее, всем тем, кто, как он полагал, находится за тонировкой стекол проносящихся экипажей. Но никто не мог поручиться, что в каждом там — именно сами живые владельцы, а не их голографические аватары или оцифрованные электронные копии. На самом деле многие давно предпочитали без крайней причины не покидать своих квартир, их устраивало дистанционное присутствие в нужных местах, да и все необходимое быстро доставлялось на дом, стоило пожелать. Если даже люди и сидели сейчас в некоторых из мчащихся навстречу и обгоняющих его машин, то в большинстве случаев совершенно не слышали из-за стекол, что он им кричит.

Уже на первой подвернувшейся парковке этот тип принялся приставать к прибывавшим на своих авто, как положено всем приличным членам общества, или уже в них садившихся, чтобы уехали отсюда. Словно неадекватный рэпер минувших времен, странный тип выкрикивал заготовленные скороговорки о порочности обычного для них образа жизни. То ли упрекал невольных слушателей, то ли пытался открыть для них научно-сомнительные и неприятные истины. Например, о том, что хождение на двух ногах — жизненная необходимость для любого человека, или о том, что физические ощущения при ходьбе ничем не заменить.

— Ноги даны людям, чтобы ходить, а не нажимать на педали газа и тормоза! — снова и снова громко убеждал самозванный проповедник, забывая о распространенности сенсорного управления. Люди только испуганно шарахались в стороны, либо продолжали свой путь, делая вид, что не слышат. Многих он просто раздражал, подобно красной тряпке для быка, воспринимался досадной непредвиденной помехой поперек дороги. Лишь у считанных единиц его резкие выкрики находили вялый и мимолетный, быстро гаснущий отклик в сознании.

После того, как он демонстративно бросил горный двухколесник у въезда на многоярусную подземную стоянку, у любого возможного наблюдателя исчезли бы последние сомнения, что с ним действительно что-то не так. Похоже, самое экологичное безотходное средство передвижения без мотора раздражало его не меньше прочих видов транспорта. Видно, чудака решил, что именно угнанный где-то по пути велосипед не способствует убедительности его доводов и мешает дальнейшему успеху агитации. Прежде чем прибыли роботы-уборщики, ему удалось заблокировать движение и собрать возле себя зевак, не поленившихся покинуть свои машины.

Надо заметить, и внешность он имел довольно патологическую, что значительно усиливало впечатление ненормальности. Огромная рыжая борода лопатой, вовсе не какое-то там оригинальное произведение парикмахерского искусства, любовно заплетенное в изящные косички. Об аккуратно подстриженных клинышках, нередко еще

встречающихся, тут и вспоминать не стоило. Не вызывало сомнений, что он не только не расчесывает бунтарские вихры и лохмы, а даже не утруждает себя приглаживать непокорную от природы растительность. Приглядеться повнимательнее — в объемных 3D зарослях на лице можно было приметить засохшие крошки хлеба, а если в них порыться, наверняка, и остатки когда-то употребленной пищи. Человек явно не следил за своей внешностью. Вряд ли такой тип мог вызвать чье-то доверие или симпатию даже молча, а не то что своими бездоказательными дикими суждениями.

Час за часом, подобно кролику из старинной рекламы батареек «Энерджайзер», он не уставал громогласно излагать бредни видимым и воображаемым слушателям, вышагивать без видимой цели по улицам, полным одних автомобилей. Рано или поздно у кого-то оказались опущены стекла, его слова слышали, даже вызвали блюстителей порядка.

Разумеется, одинокий пешеход в гуще транспортного потока представлял угрозу для жизни множества водителей, потому заняться таким вопиющим случаем пришлось дорожной полиции. Правда, до сих пор ее инспекторы занимались преимущественно редкими столкновениями автомобилей и разборками между их владельцами. Нарушения со стороны пешеходов давно не встречались, само понятие «пешеход» при современном уровне автомобилизации превратилось в анахронизм. Почти ругательно звучащее название сохранилось за теми, кто на время оставлял свои автомобили, чтобы передвигаться по подземным торговым рядам и увеселительным заведениям. Но не отреагировать немедленно на сигналы те, в чьи прямые обязанности такое входило, никак не могли.

Полицейская машина настигла злостного нарушителя на одной из трасс между торговым центром и спортивной ареной, в сторону которой он уверенно двигался с надеждой найти там несравнимо более многочисленную аудиторию. Законники вдоволь смогли наслушаться его диких лозунгов после задержания. Однако и по дороге, и уже в местном отделении незнакомец не оставлял попыток привлечь дежурных на свою сторону. Они слушали его, пока один из них не выдержал и не успокоил его надолго щедрым разрядом шокера. Уж очень всем надоел неадекватный баламут, настырно пытавшийся разуверить в том, что давно ни у кого не вызывало никаких сомнений.

А вот как поступить с ним дальше, никто в отделении, включая старшие чины, понятия не имел. Пока за все совершенное грозило лишь административное наказание. Но и для того, чтобы доказать вину доставленного, требовалось провести массу рутинной работы, запротоколировать, найти и опросить свидетелей, собрать записи видеорегистраторов, добиться признания самого подозреваемого. В то же время у них постоянно добавлялась масса новых дел, связанных с нарушением дорожных правил без участия каких-то там пешеходов, которым и взяться-то было неоткуда. Его сумбурные горячечные речи сразу наводили на мысль, что задержанный больше подходит для лечения в психиатрической клинике. Полностью асоциальный тип не имел даже наручного мобильного с компом. Будь у него обычный для всех автомобилей, хотя бы с простеньким встроенным процессором, искал бы себе единомышленников в Интернете и делился с ними своим бредом, сколько влезет! Ведь с такой трапезной внешностью и без малейших средств для существования путь на телевидение или в редакции редких оставшихся газет ему точно заказан. Впрочем, в его обличительных проповедях ими не виделось никакой логики.

Но и перевод в соответствующее медицинское заведение требовал определенной волокиты. Просто так тамошние специалисты без его согласия или постановления суда, основанного на убедительных доказательствах, даже на консультацию не являлся. К тому же, у него не только не было никаких банковских карточек и счетов, но и ни в одной базе данных он не проходил. Что можно взять с такого? В конце концов, начальник отделения решил, что проще всего отпустить бездомного бродягу, взяв с него слово не совершать в будущем противоправных действий. Разумеется, никакой

гарантии подобного никто дать не мог, да и сам отпускаемый ничего конкретно обещать не собирался. На всякий случай его отвезли на другой конец города, где поддерживать порядок полагалось уже совсем другому подразделению дорожной службы. И выпустили на участке с относительно малым движением, строго наказав пользоваться впредь услугами социального такси.

Разумеется, оказавшись на свободе, передохнувший адепт завиральных идей продолжил начатое с еще большим рвением. Чего он хотел добиться от встречных на парковках, которые уклонялись прежде, чем он успевал что-то вразумительно изложить?

Ему удалось изрядно напугать одинокую невзрачную женщину, решившуюся в кои-то веки съездить в торговый центр. Жертва привычного зависания в соцсетях и представить не могла столь натурального воплощения виденных прежде видеоужастики. С лихорадочно блестящими глазами довольно дикого вида мужчина с лохматой бородой внезапно схватил ее за руки, неслыханным образом нарушив женское личное пространство. Уже одно это не могло не повергнуть несчастную в шок, к тому же, следом обрушился поток сбивчивой речи.

— Поймите, автомобиль — ваш враг! Неужели не осознаете? Он навязан извне, из-за него у вас никогда не будет полноценной личной жизни. Неужели вам не хочется вернуться к естественному образу жизни? Ходить по траве босиком? Салон машины никогда не заменит чистое небо над головой, не подарит радость от простых проявлений чувств.

Его торопливые движения и горячечные слова воспринялись лишенной возможности убежать прочь дамой несомненным сексуальным домогательством, о котором она столько видела и слышала из Интернета и телевидения. Она незамедлительно хлопнулась в обморок, вовсе не преднамеренно обмякнув в его своевременно подставленных руках. Немало озадаченный столь неожиданным результатом, обличитель даже умолк на какое-то время, но тут же оставил ее лежать возле собственной машины и устремился прочь в поисках более благодарных слушателей.

Разбив стекла нескольким не по правилам оставленным хозяевами автомобилей, до которых не успели добраться эвакуаторы, он переместился с улиц в места большего скопления народа. Теперь его поведение становилось заботой не столько дорожной полиции, сколько службы госбезопасности, оказавшейся в курсе происходившего. Но на этом этапе повторное задержание уже по всем правилам проводилось силами городской полиции. Неугомонного апостола выдернули буквально из рук разъяренных владельцев изуродованных им автомобилей и обездвигили, чтобы без помех доставить в полицейское управление.

Теперь только предварительно ему уже вменялось в вину сексуальное домогательство, порча частной собственности, подстрекание окружающих к противоправным действиям, не говоря о нарушении дорожных правил с угрозой для жизни других. Серьезность совершенного обусловила немедленное начало следствия по ускоренному протоколу. Прочие дела меньшей важности отодвигались в сторону. Это значило, что без обычных проволочек по горячим следам собрали все возможные свидетельства — от показаний очевидцев до видеозаписей систем наблюдения с электронной реконструкцией событий. Так, чтобы поскорее передать собранное в суд, который должен был состояться в рекордный срок — всего через несколько дней.

К этому времени сообщения о залетном проповеднике уже гуляли по сети и жалким остаткам средств массовой информации, как всегда имея мало общего с действительными фактами. Его необоснованно представляли то террористом-вредителем уличных магистралей, то персонажем рекламной акции по продаже гусеничных и шагающих моделей транспорта. Ничего удивительного, что оперативно прибывшие агенты госбезопасности предъявили полномочия и немедленно взяли ведение дела на себя, к немалому облегчению отстраненных от разбирательства полицейских.

Уже специалисты спецслужбы провели компьютерный анализ возможных по-

следствий с учетом всех полученных данных. Теперь важность приобретало не только публично наговоренное субъектом, но и точное определение степени воздействия его речей на слушателей. Экстраполяция на будущее дала неожиданные результаты, которые не могли не встревожить.

Один из проводивших исследование, молодой компьютерный гений на твердом окладе, одновременно слушал через чип, вживленный в височную кость, старинную рок-оперу «Иисус Христос — сверхзвезда». Музыкальная ретро-мода медленно возвращалась по кругу к своим истокам после столетнего насаждения противных многим рэпа и эрэнби. Сам он никогда не понимал, как можно сравнивать нарезки бессмысленных выкриков со слышанными не впервые партиями Понтия Пилата, Христа или Марии Магдалины. И вот сейчас при виде полученных диаграмм и графиков ему пришлось на ум неожиданное сопоставление анархиста-проповедника с распятым на Голгофе Сыном Божьим, слова Которого звучали сейчас для него в исполнении бесподобного Иэна Гиллана, этого Великого Карузо рок-музыки XX века. Поначалу он даже оторопел от такой мысли, да и слишком надуманным показалось сравнение. Но кто, кроме первосвященника Иудеи Каифы и его приближенных, в свое время воспринял серьезно появление того же Христа? Спустя столько лет и этот «новый мессия» попытался своими речами и поведением что-то зажечь в сознании других, изменить их устоявшийся миропорядок, который считал несправедливым, и не оставался в том одиноким.

Снова и снова всматривался техник в разные ракурсы голографических снимков исследуемого. Только нелепая рыжая борода лопатой стояла поперек восприятия, не давая программисту полностью отождествить самозваного Спасителя с незабвенным провозвестником давно минувшего времени. Вздумай любитель ретро-музыки поделиться с кем-то подобными соображениями, навешанными старинной рок-оперой, наверняка его самого сочли бы психически ненормальным, опасным для окружающих и миропорядка. Разумеется, он оставил такие рассуждения при себе. Работа в службе безопасности давно приучила держать язык за зубами.

Несмотря на изначально предвзятое отношение к нему всех встречаемых, из-за раздражающего настырства и неопрятного вида, анализ определенно показывал, что крамольные проповеди неизбежно изменяют поведение хоть раз их услышавших. Все произносимое проповедником воспринималось поначалу полной белибердой, тем не менее небольшая часть невольных слушателей могла признать резкие обличения не такими уж беспочвенными. Непривычность слов нового мессии противоречила вдалбливаемому каждому с детства. Именно новизна информации способствовала ее полному запоминанию. Заброшенные в подсознание психологические якорьки начнут действовать постепенно, пока не определят полностью все поступки заполучившего ее в свой мозг. Механизм воздействия работал по принципу пресловутого кодирования двадцать пятым кадром, о котором когда-то столько говорилось, только многократно эффективнее. Если неутомимого говоруна и отправят после суда на принудительное лечение, то и там он с большой вероятностью найдет восприимчивых слушателей. Срочно требовался строжайший карантин подстрекателя.

По тем же причинам обычная процедура суда с обязательностью последнего слова обвиняемого становилась невозможна. Любое его новое публичное выступление привело бы только к дальнейшему заражению умов присутствующих.

С самого начала задержанного держали в общей камере, где он продолжал инфицировать своими подрывными идеями всех вокруг. Службисты поспешили немедленно исправить ошибку полицейских, узника перевели в оказавшийся свободным изолятор. Забирать же его в свой ведомственный застенок они не торопились. Допросы следовали за допросами. Их интересовало, кто его направлял, представляет ли он какую-то нелегальную организацию, имелись ли сообщники, или он действовал сам по себе? Им не потребовалось много времени убедиться, что перед ними идеалист-одиночка, стихийный, никак не подготовленный бунтарь. Тем не менее, идеи, кото-

рые он щедро разбрасывал направо и налево и в которые сам безоговорочно уверовал, содержали в себе мощный подрывной заряд и представляли опасность для существующего миропорядка.

Дознатели находились в постоянной связи по закрытому каналу с непосредственным начальством. И как только последние сомнения в правильности полученных выводов разрешились, доложили вышестоящей инстанции.

Стало очевидным, что для перелома ситуации надо прибегнуть к самому жесткому наказанию, непредусмотренному законом. Только так можно было бы избежать распространения крамолы и повторения подобных случаев в будущем. Требовалась яркая запоминающаяся расправа на публике, способная надолго запугать всех вероятных последователей. Исключить малейшую возможность принятия слов еретика за руководство к действиям против повсеместной автомобильной зависимости, основы стабильности и порядка современного общества.

После затянувшегося секретного совещания, как и всё в этом департаменте, в узком кругу руководителей приняли тайный план в духе традиций своего ведомства. Вариант тихого устранения сразу отвергли, даже не рассматривая. Детали дальнейшего предстояло уточнять уже по ходу исполнения. Громко заявившего о себе возмутителя спокойствия заочно приговорили люди, никогда его и в глаза не видевшие.

Нигде не отраженную в документах операцию развернули немедленно. За следующие сутки с десяток частных авто подверглись погрому и сожжению. На почему-то размытых записях регистраторов засветились очень похожие на задержанного личности. Тут же последовал вброс новостей от собственного пресс-центра, что подогрело и без того немалую ненависть к уже популярному в соцсетях и сообщениях СМИ опасному социопату. Факты заведомо приводились такие, чтобы ни у кого не могло появиться малейшее сочувствие к отпетому негодяю.

Да и что могли подумать привыкшие верить официальным сообщениям о внешне неприятном, не имевшем даже собственного авто человеке, пытавшемся лишить их главной жизненной необходимости? Быстро подготовленное общественное мнение оставалось только использовать и направить куда требовалось.

Но прежде чем приступить к финалу, чтобы никто не смог обвинить полицейских, у которых он содержался, в полнейшем отсутствии гуманизма, службисты запустили к узнику исповедника. Дородный батюшка, не задавая лишних вопросов, тотчас прибыл на мощном монструозном джипе-внедорожнике, который бесцеремонно припарковался прямо у входа в управление. Он вообще никогда не задавал вопросов, сотрудничая со службой госбезопасности. Гонорары или пожертвования на его банковскую карту оттуда начислялись регулярно и без задержки. Его холеная гладкая борода отличалась от имевшейся у неизвестного еретика не меньше, чем роскошный правительственный лимузин от старенького, проржавевшего на свалке жука-фольксвагена. Не принимая возражений, он отпустил несчастному все прошлые грехи, включая те, о которых тот сам не знал. После чего с нескрываемым разочарованием подтвердил подозрения вызвавших его: ничего путного без суда приговоренный сообщить не смог или не захотел. Точнее, тот вообще не реагировал на навязчивые попытки духовника вызвать на откровение. Исполнив свой долг и отчитавшись перед своими работодателями, батюшка не спеша удалился, гордо восседая за рулем своего четырехколесного чудища.

Последовавшая утечка, будто бы преступника скоро отпустят на все четыре стороны, заставила к нужному часу собраться возле управления полиции, а затем и на прилегающих улицах десятки, если не сотни машин. Все пути подъезда оказались заблокированы одной гигантской сплошной пробкой. Почти всех сотрудников управления удалили под тем или иным предлогом, в здании оставались лишь двое-трое дежурных. Агенты умело разогрели возмущение толпы, а затем инсценировали налет требующих справедливости владельцев автомобилей на здание управы. Под-

вернувшихся под руку стражей порядка обезоружили и заперли в одной из камер, а самого упиравшегося проповедника выволокли на ступени лестницы перед центральным входом.

При виде жалкого окровавленного бородача, вовсе не казавшегося теперь таким злонамеренным и страшным негодяем, как его представляли, многие утратили прежний настрой и жажду мести, с которыми явились сюда. Пусть неряшливый, неприкаянный и избитый, но он начал вызывать теперь у собравшихся даже некоторое сочувствие. Его вид не отрицал того, что при некотором отличии он один из них, в главном такой же, как они сами. И как видно, его тут подвергали бесчеловечному обращению.

— Люди! Одумайтесь! Машины — ваши враги... Они отбирают вашу жизнь!.. — собрав оставшиеся силы, попытался хриплым, непослушным голосом продолжить свое смутян, но бдительные провокаторы в штатском рядом тут же заставили его умолкнуть парой точных изуверских ударов по лицу.

Гул возмущения прокатился по толпе, не готовый принять такое ничем не оправданное сейчас проявление жестокости. Секретный план операции оказался под угрозой срыва.

— Он сжигал наши авто! — торопливо во всю глотку возвестил один из переодетых агентов.

— Он хочет, чтобы мы снова вернулись в пещеры! — следом визгливо поддерживал другой.

Они сыпали и сыпали психологически безошибочно выверенными для таких случаев фразами, толпа снова начала закипать. Службисты заставили вспомнить присутствующих, зачем они сюда собрались. В воздухе явственно запахло запрещенными курительными спайсами. Все громче раздавались ответные яростные выкрики.

— Сволочь! Такие отбирают будущее у наших детей! — перекрывая все, истошно завопила какая-то впечатлительная женщина.

Если бы люди не сгрудились вокруг столь кучно, в него бы давно полетели отломанные плитки тротуара и пивные банки, все, что подвернулось под руку. Неизбежно нашлись добровольцы продолжить начатую расправу, резво подскочившие к залитой кровью из разбитого носа жертве. Кто-то мерзким голосом заорал «Ты разбил мою тачку, гад!!!» — и на несчастного снова посыпались удары.

Под непрекращающиеся обвинения и тычки со всех сторон, большая часть которых исходила от громко вопивших агентов безопасности, несчастного потащили по ступеням сквозь толпу. Когда его выволокли на еще больше запруженную народом и в спешке плотно припаркованными машинами автостоянку, прямо под запретительные знаки входа пешеходам и въезда велосипедистам, сознание уже покинуло его...

Меньше чем через час изуродованное тело, в котором уже никак невозможно было бы опознать ненавистника автомобилей, извлекли из-под колес на сложной транспортной развязке неподалеку.

Расправу объяснили естественным возмущением граждан преступными действиями и словами возмутителя спокойствия. Выходило, в значительной степени он сам оказался виноват в столь непредвиденных последствиях. Выявить двух-трех зачинщиков волнений, чтобы показательно для всех, впрочем, не слишком строго, наказать по закону, особого труда для службистов не составило. Но в социальных сетях и массовых средствах на этот раз никакой информации уже не появилось. Силовые структуры продолжили тщательно оберегать покой общества.

Никто, включая сотрудников госбезопасности, так и не узнал настоящего имени пришедшего бродяги. Странно, но у него даже не оказалось вшитого идентификационного чипа.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ТРИОЛЕТЫ В ПРОЗЕ ИЗ ЦИКЛА «А РОЗА УПАЛА НА ЛАПУ АЗОРА»

Триолет о крахе деловой активности

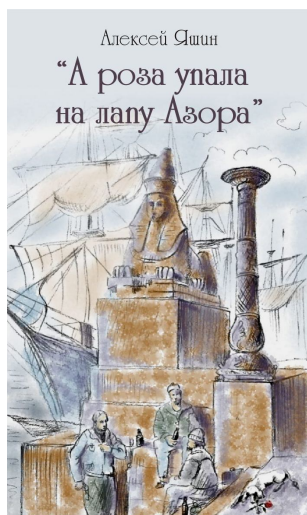
БОГАТСТВО — ВОДА, ШЛА И НЕ ДОШЛА

♦ «От людей не жди блага, а уповай на Господа», — всплыло в голове Игоря Васильевича Скородумова, профессора и первого заместителя директора, то есть зама на науке, недавно созданного недюжинной энергией шефа научно-исследовательского института медико-биологического профиля. Жители Тулуповска, узнавая о таком нововеле, приходили в туповатое изумление. Чудны дела твои господни — это интеллигентские баритонистые тенора; не хрена себе оббить твою жесь — вторили неопохмеленными басами работяги — ленинские гегемоны: это надо же? на взлете апокалипсических девяностых, когда в столицах и университетских центрах в одночасье закрываются научные институты с мировой известностью, основанные еще в царские времена великими учеными, нобелевским лауреатами по физиологии и медицине, в провинциальном областном городе вдруг на абсолютно — это как абсолютный нуль по Кельвину температуры космоса — пустом месте создается медицинский научный институт!?

А ихние, то есть интеллигентов и работяг, бабы ручонками, ручками и ручищами всплескивали: ах! не торговый центр ведь открыли, не автосалон по торговле из Германщины пригнанных б/у-автомобилей, на худой конец даже не интим-салон открыли, а никому сейчас не нужный исследовательский институт? Чудаки какие-то, право слово, на исходе первой капиталистической пятилетки объявились.

...А потому всплыла в голове Игоря Васильевича благочестивая присказка, несколько нетолерантная в новонаступившие демократические времена, когда — опять же по пословице — алтынного вора вешают, а полтинного чествуют, что начала его обижать определенная непропорциональность личного жизнеустройства. Действительно, высокие научные степени и звания наличествуют. Должность по современным, то есть братковским, понятиям почти равнозначная бригадиру районного авторитета со специализацией по проведению стрелок. Опять же в научном мире не только бывшей 1/6 части света, но и некоторого забугорья известен. А вот деньги к рукам, как при генсеках, так и сейчас при президенте, пока что первом в самостийной России, хронически не липнут. Наверное, кожа на ладони суховата.

Само собой разумеется, Игорь Васильевич, прожив от рождения до сорока с небольшим гаком лет при советской власти, к деньгам относился почти что равнодушно. Действительно, если логически помыслить, то для типичного жителя и труженика советской страны денежная составляющая его содержания в чем-то походила на выдаваемые государством не очень большие, но вполне достаточные суммы на карман-

ные расходы. Скородумов даже мысленно посмеялся: это как у советского солдата срочной службы. На всем готовом от едова до обмундирования и казарменного проживания, плюс по субботам кино крутят в клубе воинской части. Опять же баня, стрижка «под Котовского», нулевка то есть, и все прочее до ядерной сапожной смазки на тюленьем жире — совершенно задарма. А раз в месяц — получи и распишись в ведомости за три рубля восемьдесят копеек: можешь в военторговской лавочке в части полкило глазурированных пряников-жамок купить, а в увольнительной мороженым побаловаться и на дневной сеанс за двугривенный новый фильм в гражданском кинотеатре посмотреть. Здоровая жизнь! Истинно, армия всех людьми делала: сообразительными, находчивым и физически крепкими.

Так и на гражданке схожее: все на счет родного государства, от медицины и лютого, самого высшего образования, до смешных квартплат и собственно квартир — бесплатно. Главное, божеские цены на все магазинное от появления на свет до текущего дня жизнедеятельности ни на копейку не меняются. Как и покупательная способность малоразмерных, но таких уютных дензнаков: рыжиков, зелененьких, синеньких и более высокого достоинства с портретом Владимира Ильича*. Вот и получалось, что «небольшие, но хорошие» зарплаты советских людей в общем-то выполняли расширенно понимаемую роль «карманных». Как те самые три-восемьдесят у рядовых бойцов Советской армии.

Но — иные времена, иная роль денег.

◆ Добрый наш народ, то есть оставшиеся в урезанной от 1/6 где-то до 1/7 части земной суши стране, значит православные русские и угро-финские племена, крайние мусульмане и буддисты, не сразу понял эту иную роль денег. Само собой разумеется, дольше всего это доходило до осознания русской интеллигенцией; не зря же упомянутый выше Владимир Ильич называл ее не совсем цензурными словами. Даже развернутыми словосочетаниями.

Где-то на последнем году второй капиталистической пятилетки недавно ставший доктором наук, профессором и заместителем директора Игорь Васильевич Скородумов утвердился в печальной, увы, истине: деньги сейчас решают все — от калорийности домашних обедов и ужинов до внебрачных шалостей с противоположным полом — причем независимо от возраста. Понятно дело, в разумных пределах привлекательности: от старших школьников до молочно-восковой спелости разведенков.

«Люди гибнут за металл. Сатана там правит бал», — умеренно фальшивил Игорь Васильевич, поутру рассеянно меряя по диагонали шагами свой кабинет, досадливо размышляя в части уже ставшей привычной мысли: где взять денег на покупку нового в нынешнем быту компьютера сыну-первокурснику? И вообще, почему это он, профессор и замдиректора, должен если и не примитивно сводить концы с концами, но все же задумываться, входя в винную лавку в табельный день и по-плебейски внимательно изучая этикетки-ценники, делая вид, что он сугубый патриот и плевать хотел на бурбон-виски из Кентукки, мексиканскую текилу и коньячные бутылочки с родины этого славного напитка, что в долинах между речками Роной и Луарой... «А советские парни в рядах партизан воевали в долине Луары, — досадливо морщился бюджетный профессор от навязчивого мотива, — вот и довоевались!»

Раздосадовавшись сам на себя, Скородумов перестал мерить жилплощадь кабинета шагами, решительно взялся за ручку дверцы шкафчика, на верхней полке которого покоилась початая бутылка — снять огорчение, но здесь уже кабинетная дверь ушла вглубь предбанника, вошла его личная секретарша Леночка с утренней почтой. Поскольку недавно институт подключили к интернетовской сети, то с обычной «бу-

* Номиналы советских денег, ассигнаций и монет, были приведены Сталиным к царским, исключая грош, четвертак (25 копеек), империял и полумпериял (15 и 7,5 рублей, соответственно). Даже в 60-е годы был введен эквивалент царскому «петруше» — купюры в 500 рублей, используемые лишь для межбанковских расчетов... — Прим. авт.

мажной» почтой она положила на стол шефа несколько листов с распечаткой почты электронной, которой ведала специально приставленная к этому делу девица.

Усевшись в руководящее креслице, памятуя вошедший в отечественный обиход американский девиз «время — деньги», то есть всю важную переписку сейчас ведут «по мылу», Игорь Васильевич и начал с листов-распечаток.

О, удача! Смилоствивился Всевышний, или как это сейчас по-новорусски именуется? услышал его ненавязчивые стенания меркантильного содержания и послал соблазнительное предложение. Словом, некто Сергей Немчинов, кандидат медицинских наук, ныне на забугорных заработках в Таиланде, в Бангкоке, в медицинском Св. Карлоса «Крунг Сиам», сообщал «уважаемому профессору Скородумову, заместителю директора по науке» и пр., что хорошо знаком с его публикациями в ведущих медико-биологических и технических журналах по тематике разработки лечебной электромагнитной аппаратуры. И их центр, а попросту госпиталь, частная больница для здешних сиамских богатеньких, не хочет отставать от «новых медицинских технологий», потому и решил обзавестись такой прогрессивной аппаратурой электрического и магнитного лечения и общего оздоровления. Предложений от европейских, американских и японских фирм на этот счет предостаточно. Но он, как истинный патриот и коренной русак из Воронежа, убедил свою начальницу, управляющего директора госпиталя доктора Анчуты Йонгорникули, что америкосы, европейские колбасники и лягушатники вполне могут подсунуть по заоблачным ценам малополезную туфту. А вот русский научный институт, в котором трудится известный профессор Скородумов, намного надежнее. Опять же, учитывая нынешнее положение дел в России, и денег по минимуму запросят.

...Словом, простой воронежский хлопец Серега Немчинов настоятельно рекомендовал взаимопользное сотрудничество.

♦ Сам Игорь Васильевич не верил в медикаментозную пользу всех этих расхваливаемых во всевозможных рекламах «чудо-аппаратов электромагнитной терапии», якобы помогающих при самолечении всех заболеваний. Как порой язвительно подшучивал: от кашля и поноса до клинической смерти. Более того, дело было не просто в вере навроде «ромашки: верю — не верю», но на этот счет у профессора Скородумова была разработана и стопроцентно подтверждена сериями экспериментов на лабораторных животных теория в части «не верю». Но многочисленные публикации в солидных российских и европейских журналах почему-то создали Игорю Васильевичу реноме именно большого сторонника электромагнитолечения, а главное, научного руководителя хотя и провинциального, но солидного центра по разработке передовой аппаратуры такого лечения. На это-то и клюнул Сергей Немчинов из тайландского госпиталя.

Впрочем, наш профессор скоро сообразил насчет причины такой инверсии-перевертыша: сработал эффект «читаешь книгу, а видишь фигу», а попросту говоря, серьезных ученых в нынешней медицине заменили малограмотные ловкачи, мало что соображающие, но легкие на коммерческий подъем. А что проще? — как ранее школьники в технических кружках районных домов пионеров — купить на разорившемся заводе партию списанных маломощных реле, спаять простенькую схему управления — и вот готов чудо-аппарат для магнитолечения от всех напастей! Реклама на местном радио копейки стоит, несколько работяг рукастых найти не вопрос: массовые сокращения повсюду! А для солидности дела в телерадиорекламе и в печатных правилах пользования прибором сослаться на «глубокие теоретические и экспериментальные исследования ведущих отечественных ученых, в том числе академика (повысили в звании!) И. В. Скородумова».

Опять же, напроць отрицая вредоносную терапию электромагнитными волнами (одна сотовая связь чего стоит!), Игорь Васильевич признавал, что воздействие магнитными полями сложной структуры может приносить некоторый временный лечеб-

ный успех. Это показал еще в пятнадцатом веке ученый монах Роджер Бэкон, в три столетиями спустя русский самородок, ученый-энциклопедист Андрей Тимофеевич Болóтов, что в Тульской губернии соорудил ландшафтный парк в усадьбе графа Бобринского, незаконнорожденного сына Екатерины Второй и графа Орлова, в числе прочего занимался электро- и магнитолением. Ведь человек живет постоянно в магнитном поле Земли, значит — они для него сродственны...

Понятно дело, что для получения какого-либо эффекта от магнитоления спланными телефонными релюшками не обойтись. Требуется сложная по конструкции и расчетам лечебная система. Здесь-то Игорь Васильевич в себе не сомневался, на то он заслуженный ученый и инженерный специалист. Но все одно как-то пахивало профанацией: в какие-никакие расходы заведение Анчуги Ёнггорникули вводить, ведь какова пса кормля, такова его и ловля. А в обмен на потраченные доллары получает она хотя и сложный по конструкции, научно-экспериментально отработанный аппарат... но эффект-то от его использования по принципу: не навредит и то хорошо. В ином случае проще микстуру выпить, чем принимать сложные процедуры? Опять же его научное имя борца с лжемедициной может в случае чего пострадать, причем на международном уровне? А это не фунт изюма... впрочем, что-то он не слышал о разведении винограда в Таиланде.

Но победил здравый смысл, ибо сразу три карты в масть выпали. Во-первых, Немчинов почти что открытым текстом уточнил: госпиталь их преимущественно ваньку валяет, специализируясь на лечении ожирения, ибо тайские богатеи едят в три горла. А лечить ожирение, что из пустого в порожнее переливать. Не грех и заработать на глупости человеческой. Во-вторых, выяснилось, что недавно принятый им на работу пожилой, по-местному хитроватый и мастеровитый мужичонка с характерной фамилией Рукодеев, уже имеет опыт мастерить нечто подобное: сам на дому, на коленках соорудил для лечения наследственного недуга подагры. В-третьих, супруга профессора, решившая, что она в самом деле замдиректорша, затеяла дорогостоящий квартирный ремонт. Опять же... ну это дело, как говорится, малых мужских радостей.

Заочно, через «мыло», ударили они с Сергеем Немчиновым по рукам. Супругу обрадовал скорым бакшишем, как руководитель конструкторского проекта.

♦ Поневоле хитроумный профессор Скородумов не только и не столько рассчитывал на положенную ему, как руководителю тайландского заказа, премиальную оплату, сколько на солидную экономию в материалах и отчасти работах над установкой. Здесь он в полной мере использовал пресловутый административный ресурс. Дело в том, что волею везучей судьбы в последние два-три года он стал не только первым замом директора института, но и приобрел солидный вес в местном университете, с которым институт крепко завязался через открытый в нем медицинский факультет, деканом которого стал по совместительству все тот же директор института, а также через открытие — в духе времени, то есть мухослонопревращения лихих (во всем!) девяностых — на приборном факультете сразу двух медико-технических специальностей, ввиду их новизны в традиционно пролетарском городе поначалу ставших престижными.

В силу уже сложившейся известности Скородумова в научном мире страны и должности первого заместителя директора научно-исследовательского института, Игорь Васильевич в одночасье возглавил сразу два диссертационных совета в университете — докторский и кандидатский, слегка обременил себя несчастным чтением лекций на медико-технических специальностях, к тому же став опять двойным председателем ГЭК'ов* на них. Понятно, что и аспирантуры по всем этим делам были сориентированы на удачливого профессора в расцвете творческих и физических (это для «малых мужских радостей») сил и устремлений.

* ГЭК — Государственная экзаменационная комиссия, на заседаниях которой выпускники технических (в данном случае) специальностей защищают свои дипломные проекты. — Прим. авт.

Коль скоро так случилось, то и деловой, прагматичный народ потянулся к нему; мигом он оброс сонмом новых знакомых и почти что приятелей. Преимущественно из числа родителей, опекунов по родству, друзей и пр. аспирантов, соискателей учебных степеней, студентов-выпускников.

Идет себе, гуляюще, после трудового дня Игорь Васильевич по тротуару в центре города, где в соседстве *его* институт, университетские корпуса и родной дом разместились, едва успевает дружескими рукопожатиями с новыми знакомцами обмениваться. Иной же ловкач, завидев Скородумова с противоположной стороны улицы, и вовсе сиганет через нее меж панически сигналящих машин — чтобы почтительно, двумя руками поприветствовать «дорогого Игоря Васильевича».

Понятно, что в исторически промышленном городе в числе таких знакомых немало и заводских людей в должностях от замцеха («Замцеха наш, товарищ Сатюко, намерен в клубе так скакал...») до замдиректора.

...Именно последних имел в виду профессор Скородумов, когда просматривал сводную ведомость исходных материалов и их первичной механической обработки, составленную умельцем Рукодеевым, и ставил отметки напротив большинства пунктов, приговаривая вполголоса: «Так, так, это мы Михаилу Дорофеевичу позвоним; у них на Механическом еще не успели весь советский запас нержавеющей за бугор продать. Листовым гетинаксом одолжимся на Приборно-измерительном — только срочно надо делать, их ребята-чубайсята вот-вот приватизируют и обанкротят. С намоточным медным проводом загвоздка... а-а-а, ведь только что в аспирантуру к нам зачислили племянника Бориса Семеновича, что из промышленного департамента областной администрации...». И так по всем пунктам.

...Пока между уважаемым в Таиланде китайским Новым годом, что в конце января, и апрелем месяцем, когда в Бангкоке праздновали 2543-й тайский Новый год*, Рукодеев со своими хлопцами из спешно созданной лаборатории магнитотерапии объезжал на выделенном одним из новых знакомцев Скородумова грузовичке заводы и фабрики города, вывозя добротные материалы, Игорь Васильевич обговаривал «по мылу» со своим тайландским контрагентом условия договора и сроки исполнения заказа.

♦ Сергей же Немчинов торопил: желательно до пятого декабря сего года изготовить аппарат. Понятно, не к дате Сталинской конституции, но к очень почитаемому в Таиланде празднику «День Отца», когда сам король выходит к народным толпам... Дескать, налетело воронье, прослышав, что тайские больнички заинтересовались новомодной магнитотерапией. Вот на днях, проездом из Сингапура в Мадрас, заезжали в наш госпиталь инженеры фирмы из Дюссельдорфа, рекламировали, обхаживая Анчутку-директоршу, свой магнитотерапевтический аппарат в форме «матраса» размером со спальное место, с обилием вариантов индукции магнитного поля по двадцати пяти программам, с музыкальным и цветовым сопровождением...

Игорь Васильевич торопил, в свою очередь, команду исполнительного хитрована, мастеровитого Рукодеева: «Трофимыч! Кровь из носу, но строго к сроку! Что от меня требовалось — абсолютно дармовые материалы, заводская их станочная обработка и все прочее — ты получил, дело только за тобой. И размер премии по итогам работ у тебя будет вторым после меня... а у меня после шефа, хм-м».

Поскольку же для тайландских заказчиков стоимость якобы приобретенных материалов и изготовительных работ составляла поболее половины договорной суммы, то Игорь Васильевич порой непроизвольно потирал руки: ложь во спасение — это не великий грех. Тем более, у буддистов-тайцев иные моральные заветы.

Рукодеев постарался, выдав механизм на год раньше — к годовщине Октября! Директор приводил сторонних гостей любоваться этим произведением медико-тех-

* Соответствует 2001-му году от Р.Х.— Прим. авт.

нического творчества: размером и внешней похожестью на паровоз братьев Черепановых, поставленный на попа. С натужным урчанием поднимались на двухметровую высоту концентрические полые цилиндры магнитных индукторов, внутри которых стоял по стойке «смирно», изображая пациента, самый осанистый работник института Егор Малышев. Гости восторгались.

Перед самым европейским Новым годом прилетела и сама директорша Анчуги Йонгорникули. Пила в охотку десятилетний грузинский «Грэми» с руководством института, подписала договор сдачи-приемки, перечислила удвоенную (Скородумов хитро обосновал) договорную сумму. Но... недолго музыка играла. Премия Игорь Васильевич получило издевательски копеечную. Хитрован Рукодеев так подсуетился, что вся сумма договора была поделена между ним, директором и начальницей плановой службы.

Более того, поскольку Скородумов «мелким шрифтом» вписал в договор статью о доставке продукции за счет заказчика, то в итоге тайцы от устройства отказались: стоимость доставки «паровоза» вокруг полусвета по железной дороге и по морю, а тем более специально зафрахтованным транспортным самолетом, значительно превышала стоимость самой установки. И здесь козырял прохиндей Рукодеев: изделие передали в областную больницу, а Рукодеева взяли туда на полную ставку для обслуживания аппарата... и лечения многочисленных родственников с подагрой.

ВЕРИТЬ СТУДЕНТУ, ЧТО КРЕСТИТСЯ НА ПОЖАРНУЮ КАЛАНЧУ

♦ Когда во время традиционной пятничной, уикэндовской по современной терминологии, встречи давних друзей, профессора Скородумова, доцента-ракетчика Николая Андреяновича и писателя Бурцева, в заведении с «подачей» «Наливай-ка» первый поведал о давней истории, когда его, замдиректора научно-исследовательского института, развели как ребенка его же сослуживцы, не заплатив за им же «выбятый» контракт, то собеседники посочувствовали. Но по-разному словесно и физиономически.

Скептик, как все причастные к литературному творчеству, Андрей Матвеевич скучно поморщился, добавив, что все в том корыте полоскались. Где деньги, там и морали со всякой нравственностью капут. Независимо, как говорится, от возраста, образования-воспитания и, тем более, пола. Женский же сто очков вперед мужскому даст. Но вот Николай Андреянович сомнение на одухотворенном лице изобразил. Как проработавший почти сорок лет на оборонном предприятии, там же защитивший диссертацию по флаттеру, то есть дрожанию в полете несущих поверхностей крылатых ракет, он относительно недавно перешел на послепенсионную работу — доцентом на кафедре ракетостроения военно-технического факультета местного университета. Поэтому с интересом и старанием неофита вникал в психологию современного студенчества. Вообще говоря, мало отличающуюся от «гаудеамус игитур» поры его учения; кстати, все на том же факультете.

— Нет, друзья мои высокоученые и литературно одаренные, — поочередно кивнул он головой в сторону профессора и писателя Бурцева, — есть исключения из этих, как определил с римской прямотой Андрей Матвеевич, всех полов и возрастов. Это наше славное студенчество. Впрочем, с традицией, идущей от средневековых буршей. Все вы сами в свое время поучаствовали в этом славном сословии и не будете отрицать: студент полагает прошедший день пропащим, если он хотя бы в мелочи не обманул препода. Извиняюсь, как слышишь со всех сторон, так и сам говорить начинаешь...

— Что же ты хотел, Андреяныч, — с обычным скепсисом вступился Андрей Матвеевич, — юность, горячая кровь пробудившегося сексуального разгона, чувство не-

обузданной свободы после школьной и родительской дисциплинарной узды, словом, свобода плевать хоть на носок своего ботинка, а если в голову придет, то и в потолок метить!

— Так-то оно и так, литературный вы наш,— вступил в разговор профессор Ско-родумов, но здесь следует, вообще говоря, исходить из того, что человек в своей жизни, где-то до середины четвертого десятка, с немислимым ускорением повторяет весь путь биоэволюции на Земле. В утробе матери за девять месяцев он проходит путь в три миллиарда лет — от первых клеток до млекопитающих. В первые годы жизни масштабируется история первобытного человека, а далее идут стремительные повторы пещерных времен, родоплеменного бытия человека и так далее. Вот, допустим, неизбежное детское воровство, причем не из корысти, а вроде как по инерции — откуда оно? Да это он ускоренно «проходит» этап еще обезьяноподобного существа, предгоминида, еще не ставшего социальным мыслящим животным. Потому и воровал у других таких же все что ни попадя. «Человек человеку волк»,— как сказал философ Гоббс... правда, по другому поводу.

— Все верно,— обрадовался Бурцев,— еще Лев Толстой сказал, что от пяти-летнего ребенка до меня, взрослого, всего один шаг, а от зародыша до младенца целая вечность. А вот пора студенчества, уважаемый профессор, чему древнему соответствует?

— А соответствует наш студизус, кстати, тогда он и зародился, европейскому Средневековью десятого-пятнадцатого веков, когда господствовала эпоха вольных городов и сельских общин, а статус государства, в нынешнем его понимании, еще только обсуждался философами и отцами церкви. То есть человек уже стал полным субъектом социума, но его еще не связала по рукам и ногам кандалная государственная дисциплина. Что-то в этом роде, друзья. А что, Николай Андреевич, что-то выдающееся из своего студенческого далека вспомнил, а? Кого-нибудь объегорил, ха-ха-ха, или тебя кинули на деньги?

— Скорее последнее. Небольшие, но для студента и алтын как золотой червонец.

♦ Старшекурсник, то есть недавно переваливший за третий год учебы на военнотехническом (официально, миролюбиво именовавшемся несколько пространно и запутанно) факультете местного политеха, Николай вышел после занятий из своего «пентагона», как называл их корпус весь город, в ранний, свинцово-сумрачный декабрьский вечер. Под каким-то малозначительным предлогом отказавшись «вдарить по пивку» в парковой стекляшке-распивочной, он, тем не менее, не пошел на троллейбусную остановку, чтобы, спустившись вниз по проспекту, пересест на третий номер автобуса, который довез бы его в Косолучье, заводскую окраину города, в родной дом. А перешел на близком перекрестке на другую сторону проспекта и уже через десяток минут неторопливой ходьбы — не суетливый же первокурсник! — был на вожделенном месте, в единственном в городе магазине «Охота». Он же и с отделом рыболовных причиндалов.

Причина же, по которой Николай в последние месяцы регулярно, не реже раза в неделю, заходил сюда, была проста, но пока что недоступна: появившееся в продаже многозарядное ружье двенадцатого калибра. Последний писк охотничьей моды. Хотя и дробовое или под картечь, но смотрелось не хуже тех автоматических боевых винтовок, которыми солдаты удачи щеголяли в иностранных фильмах, что изредка попадали на советский экран. Чуть ли не доисторическим кремнёвым ружьишком смотрелась по сравнению с ним ижевская двустволка шестнадцатого калибра, что была привезена с другой домашней утварью, когда три с половиной года назад их семейство переселилось из мурманского Заполярья в этот среднерусский город. Именно с этой ижевской Николай, тогда просто Колька, с восьмилетнего возраста на маленьких островах проживания их маячной семьи охотился на куликов и другую птицу, которой очень богата первозданная, дикая природа тех малолюдных мест... не считая

«точек» базирования Северного флота СССР, разбросанных там и сям зенитных батарей и ракетных установок.

Понятно, что после той привольной охоты и обилия пернатой дичи (вот бегающего зверья там, увы, нет), в здешних местах, где охота скорее любительство, а не промысел, Николая и пряником медовым не заставишь прогуляться с ружьишком на плече по лесу или заболотью. Но подержать в руках, тем более полюбоваться *собственной* многозарядной, висящей в твоей комнатке собственного дома с земельным участком на настенном коврике над столом, где Николай вычерчивает курсовые работы и проекты — что может быть сладостнее охотнику с младшешкольных лет... хотя бы и в ушедшем северном прошлом.

И так запало в душу, в голову, в сердце страстное желание иметь это роскошное ружье, что после окончания занятий так и тянуло в охотничий магазинчик полюбоваться им, в то же время беспредельно огорчаясь проставленной на этикетке цене: 320 руб. Сумма немислимая. И хотя, в отличие от всех других факультетов, студентам «пентагона» к стипендии в тридцать пять рз минобороны добавляло червонец (и еще лишний год учебы, итого шест лет), стоимость вожеленного ружья далеко не укладывалась в полугодовую сумму. Не говоря уже о том, что стипендия шла в семейный кошт, а ему оставался лишь минобороновский червонец: на сигареты, проезд, институтский буфет; что-то оставалось на пиво.

♦ Но наступивший новый, в смысле не праздник, а очередной от рождества Христова год неожиданно подвинул Николая от беспочвенных мечтаний к практической реальности. Толчок дал дар судьбы: найденный четвертак в книге, взятой в областной библиотеке, в которую он, как с детства книгочей, не менее раза в месяц заходил. Благо по пути домой из института, как раз на пересадке из троллейбуса на автобус.

Обнаружив во взятом в библиотеке томе Эдгара По кредитку, явно наспех — даже не обратил внимания на штемпель — заначенную отцом семейства, он долго и внимательно всматривался в непроницаемое лицо Основоположника. Усмехнулся; господь бог тоже не лишен чувства юмора, если решил дать обнадеживающий знак во исполнение мечты бумажкой с портретом воинствующего безбожника.

Николай вынул из нижнего ящика стола конверт с самым большим своим сокровищем, оно же неприкосновенный запас — тоже кредиткой с вождем, но только сто-рублевого достоинства: память о стройотрядовской, хотя всего лишь месячной, работе в совхозе, по строительной части. Дело было после второго курса. Он тогда приоделся почти щегольски, а сотенную положил буквально «в долгий ящик», словно предвидя за два года вперед.

Лиха беда начало, а дальше все пошло как по маслу. Зимнюю сессию он второй раз сдал на одни пятерки. Значит, полгода стипендия будет повышенной на двадцать пять процентов, то есть к лету набегит под семьдесят рубликов, что он утаит от домашних. И совесть не будет мучить, ведь «верхние» берет, а не от основных отрывает...

Дальше — больше. На зимние каникулы мать уговорила его съездить к ее архангельскому брату Михайле, что с семейством проживал на станции Плесецк; мол, отдохнешь там с недельку, посмотришь как в *наших* краях живут. Жил дядька Михайла с семейством хорошо, в добротном полутораэтажном доме, с участком, с хозяйственными постройками на нем. Действительно, хорошо отдохнул в северном краю, свое Заполярье вспомнил, попарился в баньке по-архангельски под одной крышей с домом, обедал с дядькой со «старкой», которой Михайла купил сразу ящик. Главное, восстановил живую связь между семейными ветвями. Правда, двоюродную сестру Светлану не повидал. Трудилась она вольнонаемным инженером на Плесецком космодроме «Мирный», что в полуста километрах, отлучиться со службы не смогла. Провожая племянника на станции — в обратный путь, дядька на расстанях сунул ему в карман тоже... с Лениным, но уже пятидесятирублевую. «Студенту, Николка, лишние деньги всегда сгодятся!»

Итак, к июню месяцу две с половиной сотни рублевиков считай в кармане. Осталось добрать еще семьдесят и — ружье вожделенное достойно украсит стену его комнатки. И даже не семьдесят, всего лишь полусотенку: двадцатку как-нибудь на «завтраках» и пивке сэкономит. Но где взять этот бумажный полтинник?

Эврика! Опять масть выпала, только козырь! Ведь именно на начавшийся весенний семестр приходилась даже не рядовая курсовая работа, но именно курсовой проект и как раз по самой математизированной дисциплине, которую преподавал великий и ужасный профессор Мамонов, он же и создатель этой научной отрасли, специалист не только с всесоюзной — в своих кругах конечно — известностью, но хорошо знаемый и за рубежом.

Время тогда было простое; об интернете, где можно найти любой курсач, даже постояльцы сумасшедших домов не помышляли. Более того, Лев Георгиевич относился к созданной им дисциплине как к родному дитяти, охранял ее от дурного глаза, потому специального учебника по ней не издавал. К экзаменам бедные студенты готовились по конспектам, а темы курсовых проектов профессор никогда не повторял, все новые давал. А Николаева эврика относилась к Гришке Неупокоеву, однокурснику и однокласснику. Был тот спортсменом-баскетболистом одновременно высокого класса и роста под два метра. Спортсменов тогда в вузах ценили, им благоволили, но это не относилось к профессору Мамонову. А когда Гришке ходить на лекции, тем более корпеть над мудреными курсовиками, если сборы за сборами длительностью в пару недель, в различных городах, следовали? Его бы с радостью взяли на любой другой факультет, что полегче намного, без особой математики и физики, где бы ему за глаза ставили высокие баллы, лишь бы прославлял на спортивной арене родной институт. Но... все упиралось в его отца, известного конструктора-оружейника, который вбил себе в голову железобетонную мысль вырастить из единственного сына своего преемника, который со временем если не золотую звезду, как отец, но серьезный трудовой орден заслужит. Родители — они всегда наивные в делах, касающихся их детей.

♦ Еще в прошлом, осеннем семестре Лев Георгиевич, в общении со студентами строгий на зачетах и экзаменах, но свойски добродушный на лекциях, объяснял потоку из нескольких групп причину его отсутствия в конце сентября — начала октября. Меня, мол, ребята, пригласили в Сочи поучаствовать в торжествах на юбилее нашего выдающегося ученого в области теории машин и механизмов, анализа сложных многозвенных механических систем, а также классификации пространственных механизмов, академика Ивана Ивановича Артоболевского. Он как раз в тамошнем курорте, подведомственном Академии наук, отдыхал.

Вынув из кожаной папки с серебряной монограммой (уже к своему юбилею) и развернув типографски отпечатанную раскладушку, Мононов зачитал пункт за пунктом расписание недельных юбилейных торжеств по самому высокому разряду. Студенты с немим восторгом, облизывая вмиг пересохшие губы, а девицы мысленно прикидывая стоимость роскошного гостевания, слушали названия гостиниц, ресторанов, цековских и академических санаториев, где участников юбилейных торжеств поджидали обильно сервированные столы на полсотни персон, обслуживаемые высококлассными официантами. Сам любящий плотненько закусить, высокий ценитель русской и кавказской кухни с добротной дегустацией массандровских ликерных* вин и выдержанного армянского, впрочем и грузинского, коньяка, профессор Мамонов и сам поддавался чувственности воспоминаний о недавних торжествах. С толковой основательностью перечислял меню обедов и ужинов, рыбный и мясной сортамент, изобилие закусок, включая черную икорку: паюсную, конторскую, пробойную, зерни-

* Всеевропейскую известность эти вина получили с конца XIX века; они изготавливались из винограда, кисти которого после созревания перекручивались, сок в ягодах сгущался. В упрощенном виде эта технология использовалась в советские времена. Сейчас — увь... — Прим. авт.

стую... «Ой, девочки, меня сейчас стошнит»,— донесся до Николая шепот Катьки Сазоновой, толстушки, бессменно сидевшей на новомодных японских и американских диетах.

В будние, то есть учебные дни Лев Георгиевич обедал в ресторане «Юность», что почти напротив «пентагона» через проспект. В студенческой среде «Юность» иначе как седьмым корпусом, в добавление к шести учебным, политеха не называли. Как раз с обедами Мамонова в этом ресторане связывали добавление к проектируемым в городе подземным переходам такового под проспектом напротив «пентагона». Иным нельзя было объяснить планируемое дорогостоящее строительство в месте, где людских потоков не наблюдается, а в сотне метров перекресток с семафором.

Итак, в похожий майский день профессор Мамонов, мужчина крупный, осанистый, шел обедать в «Юность». Ввиду тогдашней редкости личного автотранспорта и запрета движения по проспекту грузового, Лев Георгиевич, человек по жизни простой, как обычно, проманировал близким перекрестком и пошел напрямую. Здесь то ли робкий «Запорожец» на малой скорости толкнул профессора, а может и сам Мамонов налетел своей крупной фигурой на зеленую машинку-черепашку самой первой модели? Народ разное говорил. Во всяком случае, когда Лев Георгиевич через неделю вышел из больницы, куда его доставили с небольшой травмой, и прямо оттуда отправился в «пентагон» читать лекцию — по расписанию, то малолитражка все еще ремонтировалась...

Поскольку в городе имя профессора, наряду с оружейным конструктором Гусковым, тогда еще не академиком, было на слуху, то в обкоме и горисполкоме возмутились: разве можно рисковать здоровьем таких людей? И постановили: внести в планы постройку подземного перехода напротив «пентагона».

...Вот с таким-то матерым человечеством судьба свела Гришку Неупокоева.

♦ Вообще-то на первых двух курсах Гришку выручал сдружившийся с ним круглый отличник Серега Лянь. Тот был во многом непонятным уникамом со странной судьбой: жил он с русской матерью, по отцу же китаец. Но родился он и даже в школу начал ходить... на Тайване. Как он в эпоху холодной войны оказался в Союзе? — сам Серега отвечал путано. Его-то конспектами Гришка и пользовался по всем предметам. И несложные на младших курсах индивидуальные задания Лянь по дружбе делал Гришке. Но затем кто-то перед самой сессией украл у Ляня его конспект, и тот, осерчав, стал записывать лекции китайскими иероглифами. И с Гришкой они рассорились основательно: из-за девицы. Такие конфликты ставят окончательный ноль на взаимоотношениях.

Николай, человек добрый и сочувствующий, пару раз выручал Гришку конспектами, но от оплачиваемых курсовиков отказывался; щепетильность не позволяла. Но сейчас, когда до исполнения мечты не хватало пятидесяти рублей, он, внутренне морщась, сам обратился к Гришке с предложением сделать ему курсовой проект по предмету Мамонова. Тот пришел в полный восторг, даже и не обсуждая названную сумму оплаты.

Надо отметить, что Николай вовсе не простаком оказался, а прежде разговора о сделке поинтересовался доставшейся спортсмену темой проекта. И только убедившись, что она почти двоюродная сестра теме его собственного задания, сделал коммерческое предложение Гришке.

Человек полагает, а бог располагает. Как он, вседержатель надмирный, подтолкнул Николая к осуществлению его мечты подброшенным в библиотечной книге четвертаком, так он же и не дал ей завершиться в июне месяца.

Держа в уме приближающуюся весеннюю сессию, Николай параллельно творил два курсовика, особо не задаваясь вопросом: отчего это Гришки давно на занятиях не наблюдается? Даже позавидовал: небось на месячные сборы в южные края укатил! Как школьно-хрестоматийный ударник первых сталинских пятилеток, те же Стаха-

нов, сестры* Виноградовы и кузнец Никита Кривонос, еще за месяц до начала сессии Николай завершил оба курсовых проекта и, торопясь уложить в заветный конверт пятидесятирублевую кредитку, все же поинтересовался: а куда это Гришка запропастился? Собеседники в голос рассмеялись. Нечто не знаешь, что Григ-спортсмен сделал всем нам ручкой и отбыл в столицу: с радостью взяли его в Баумановку на такую же специальность. Спортсменов там еще пуще уважают и как раз формируют баскетбольную команду высшей лиги. «Так что, Никола, теперь Гришке без надобности Лянь и все остальные доброхоты... и ты, конечно, со своим курсовиком!» Сделка Николая с Гришкой давно уже стала тайной полишинеля.

...Только к концу лета Николай набрал нужную сумму. Но здесь в телерадионовостях и в газетах начали нагнетать кампанию по устроению правил с охотничьим оружием. А когда опубликовали проект закона об обязательной регистрации такового, периодических проверках и хранении ружей в специальных железных сейфах, у Николая, как неконформиста по натуре, возникло стойкое отвращение к прежней мечте.

Упрятав в нижнем ящике стола все ту же заветную сторублевку, выдав матери на хозяйство такую же, на остаток подновил свой гардероб. В том числе на покупку только что появившихся в обувных магазинах всей страны тупоносых голландских туфель — бартерная расплата гнивающего Запада за нефть и газ.

КАК МИНИСТР ЗА ЯСНОПОЛЯНСКОГО МУДРЕЦА ЗАСТУПИЛСЯ

♦ Возвратившись к позднему ужину домой, писатель Бурцев все продолжал размышлять, как принято было говорить в Литинституте в давние годы учебы в нем, «на заданную тему». Тему же эту — воспоминания о крахе «деловой» активности людей советского воспитания — они только что обсуждали на традиционном пятничном междоусобойчике в питейном заведении «Наливай-ка!». Профессор Скородумов обижался на алчных сотрудников, когда был замдиректора исследовательского института. Доцент же Николай Андреянович на своем примере потерпевшего доказал историческую преемственность студентов в части: обмануть, что стакан воды выпить.

...Да-а, други мои закадычные, все-то вы о материально упущенном сожалеете. Хотя бы оба в доску и советские, старинчатого закала бескорыстные люди. Сразу видно адептов науки и образования, а ранее и вовсе на инженерной службе в военпроме состоявшие. Хорошие мужики, но и им сложно понять: самая большая обида вовсе не недоданные дензнаки, не объегоривший тебя на «бумажный полтинник» студент-одноруппник, но когда тебе в творческую душу плюнут и разотрут! И когда я скину с души своей ту обиду? Вроде год-другой-третий и не вспоминаешь, а как понадобится по делу писательскому какая-нибудь бумажка со стародавними записями, что всплыла а памяти, начнешь в ее поисках ревизию ящиков стола своего письменного проводить и... вот она злосчастная как нарочно на глаза попадается! — порыжелая папочка тонкого картона. А как раскроешь ее — грусть-тоска накатывается на душу. В папке же той верстка его статьи — полтора десятка страниц и отдельно неформатная бумажка, на которой оттиснуты четыре материала — все что ненаборное, не шрифтовое для книги: название книги с годом ее издания 1988 — на обложку, портрет Льва Толстого в фигурно-звездчатой рамочке — это на фронтиспис, подпись Льва Николаевича — тоже на него, и единственная на трехсотстраничный сборник-ежегодник иллюстрация с названием вверху: «Хронологическая таблица творческих периодов ЛЬВА ТОЛСТОГО». Это как раз к его статье.

Всякий раз, как досадливая папочка попадалась ему в руки, сложная смесь недовольства и ностальгической теплоты посещала Андрея Матвеевича. На сего-

* На самом деле они не были сестрами — всего лишь однофамильцы. — Прим. авт.

дняшний день уже юбилей исполнился этой папочке с версткой: три с половиной десятка лет. Чего только за эти годы не прошло, не случилось? И страна с другим наименованием, поменьшенная в размерах, и гимн с иными словами, и сам Бурцев уже не начинающий писатель, но главный редактор литературного журнала «Средняя Россия»... И сама верстка и листок с иллюстрациями иной, докомпьютерной полиграфии: текстовка наборная, а иллюстрации — цинкография. Бумага тоже рыхловатая: от «потребительского» качества и от времени.

Всякий раз, внимательно перечитав ту давнюю литературоведческую статью, так и не увидевшую свет в том далеком, предпоследнем по сути году советской жизни, Андрей Матвеевич расслаблялся душой, оттаивал сердцем и нервами от первого, раздраженного напоминания о литературной его неудаче... Но разве неудачи? А не хотите ли, господа-товарищи, правильнее назвать этот конфуз: поучительный пинок ниже пояса сравнительно молодому литератору, хотя бы с дипломом Литинститута, в прошлом году издавшему первую свою книжку, по существу содержание выпускной работы, но еще без сколь-либо озвученного «имени», вознамерившему опубликоваться во всесоюзном ежегоднике, посвященном изучению творчества гения русской и мировой литературы... он же «зеркало русской революции».

И совсем добрел душою и телом Андрей Матвеевич, вспоминая слова своего литинститутского наставника Бориса Михайловича Зубавина, писателя послевоенного поколения, первого главреда возобновленного «Нашего современника», в творческом семинаре которого он состоял все шесть лет учебы: «Помните, друзья мои, персидские ковры перед вами не будут расстилать на пути в большую литературу. А если и будут в нее подгонять, то только пинками по самолюбию! Относитесь же к этому спокойно, а иной раз не грех и поблагодарить: как царь Петр шведов!»

♦ А началось все тогда, на закате родной советской власти, проданной ни за понюшку табака Мишкой Меченым, с радости истинного библиофила, книголюба по-русски. И именно: зашел Андрей после работы в единственный в городе, а значит и во всей области, букинистический магазин, свойски поздоровался с почтенной, седовласой Натальей Кузьминичной — матерью-настоятельницей для всех книголюбов и книжных же торгашей-перекупщиков. Истинных почитателей книжных редкостей она уважала, тем более постоянных, как молодой литератор Андрей Бурцев. Зная его вкус, указала на стеллажные полки в дальнем углу, на которых она же выставляла книги старых изданий: от прошлого века до советских довоенных: «Вчера парень две связки сдал. Литература вроде как по философии с психологией. Видно от дедова наследства избавляется. Половину уже активно разобрали... посмотрите, может и вам что приглянется».

Да-а, собраты по интеллектуальному увлечению за два дня основательно проредали дедово наследие. Даже по остаткам было видно, что сданные внуком книги «выдернуты» из хорошо подобранной, не менее чем двумя поколениями конца девятнадцатого — середины двадцатого веков, библиотеки, преимущественно по естественным и медико-биологическим наукам. Понятно, что в полном собрании имелась и обширная художественная литература, но видно в этой части внука одернули: треть десятилетия в стране книжный бум. А тут и вовсе старинные книги в изящных переплетах — есть чем перед гостями похвалиться!

В брючном кармане похрустывала новенькая, не мятая еще десятирублевка, главное, совершенно свободная от иных предназначений. Есть чем разгуляться! Даже из прореженных остатков Андрей выбрал суммой на червонец три стоящих книжки: добротный переплетенный, с тиснением названия номер журнала «Вопросы философии и психологии» года начала века; несколько позже изданный томик из собрания сочинений Георга Брандера, но уже в изящном фабричном переплете издательства «Просвещение», посвященной литературному творчеству лорда Биконсфильда, то есть премьер-министра Англии Дизраэли... и, добавив к красненькой кредитке рубле-

вую монету с мелочью — бог троицу любит! — совершенно растрепанную, беспереплетную книжку, заинтересовавшую его словом «эвропатология» в названии, изданную в тридцатых годах в Свердловске.

Всю недолгую пешую дорогу до дома это новое для него слово вертелось в голове. Явно составное: *эвро* — одного корня с эврикой, то есть означающее открытие, изобретение, что-то новое, ранее не известное; патология, понятно дело, неполадки с организмом человека. А раз оно идет в сочетании с *эвро*, то, скорее всего, речь идет о патологии головы, то есть мышления. Усмехнулся Андрей, даже слегка пожалел истраченные на растрепанную книжку два с полтиной: мало ли чего могли в тридцатые годы в Свердловске научно-вольнولهбно сочинить? Тем более, что в выходных данный стояло: «Издание автора»...

♦ Как серьезный библиофил, сдержав любопытство, Андрей, на дому освоивший переплетное дело, в тот же вечер привел книгу в порядок: выровнял двухсотстраничную стопку листов, пользуясь ручным переплетным прессом, что калужская фабрика «Физприбор» изготавливала для детского технического творчества, и резакон из того же комплекта обрезал по всем четырем краям. Перекурив, продолжил увлекательное занятие переплетчика.

...К началу вечерней телепрограммы новостей, которую вся страна, измученная горбачевским суходробительным законом, истово и массово смотрела в надежде услышать что-либо о ликерно-водочном послаблении, работа была сделана. С тихой горделивостью мастер смотрел на дело рук своих: новенькая книжка удобного карманного формата в тонкокартонной обложке с наклеенным на нее титульным листом. И запах волнующий: древний аромат заварного крема от лежалой бумаги гармонично разбавлен островатым душком бумажного клея ПВА ереванской фабрики бытовой химии.

Посмотрев теленовостей, в которых на фоне словоблудия о консенсусе и перестроечном мышлении ни на промилле не говорилось об ослаблении спиртового ярма, литератор Бурцев хотел было устроиться на диване со свежим номером «Литературной газеты», но все же еще раз решил полюбоваться освеженной им букинистической книжкой с занимательным названием «*Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии)*». Оказалось, что это номер журнала с таким названием, датированный 1930-м годом издания, причем целиком посвященный той самой европатологии личности и творчества Льва Толстого. И здесь же в памяти всплыло имя издателя журнала и автора исследования о Толстом — Сегалина, оказывается, уже ему знакомое. Как же! еще учась на последнем курсе пединститута, купил в книжном магазине на Майской улице книжку «Записки вятского книголюбца», в которой автор в живой, рассказовой форме вспоминал о личных встречах со сколь-либо заметными литераторами тех мест, что принято называть «между Волгой и Уралом», в смысле Уральскими горами, не рекой Урал.

Уже через пару минут эта книга, извлеченная из второго ряда книжного шкафа, была в его руках. Отклонив предложение супруги прогуляться перед сном по замечательной раннеиюньской вечерней погоде, взволнованный Андрей залистал страницы и скоро отыскал главку о последнем частном издательстве Свердловска, известном не только в своих краях врачепсихиатре и литературном публицисте на психолого-философские темы. Из книги вятского библиофила, лично знавшего Сегалина, следовало, что изобретенная психиатром, а также издателем, литератором и художником наука *эвропатология* понимала творчество как своего рода патологию, но не в ругательном и не в медицинском смысле, а как своего рода верховенство таланта, отличительного от способностей усредненной массы.

А сам журнал, издаваемый Сегалиным на свои кровные — тираж в тысячу экземпляров не покрывал расходы по изданию — в уральской глубинке, пользовался большой известностью в стране и даже в европейских странах. Особенно хвалил

журнал и лично Сегалина Максим Горький, прочитав статью автора под названием... «Суицидомания в творчестве А. М. Горького» (и сам Горький в молодости стрелялся!). Ромен Роллан слал в Свердловск похвальные отзывы. Тем более все ведущие психиатры Советского Союза — Ганнушкин, Россолимо, даже Бехтерев — высоко ценили новацию свердловского коллеги.

Но — хорошего в меру. Наступали тридцатые годы, а с ними и система доносов по принципу «все против всех» (калька со слов философа Гоббса: «Человек человеку волк»); как сам Сталин сказал, что не он же эти три миллиона доносов написал? Словом, в тридцатом году журнал Сегалина прикрыли. Номер же о Толстом, попавший в рачительные руки Бурцева, как раз и оказался последним.

Надо ли пояснять: чтобы не беспокоить домашних, наш литератор со свежепереплетенной книжкой ушел на кухню, заварил крепкий чай и до трех ночи читал.

♦ После издания первой и пока единственной книги в местном издательстве, Андрей Бурцев сдружился с тамошними редакторами, как на подбор молодыми людьми его возраста, один из которых также был выпускником Литинститута. Приятельство закрепилось трехдневной обмывкой этой книги — в июньскую распогодь на даче одного из них; накануне Андрей вышел из бухгалтерии издательства с двумя пачками кредиток в карманах пиджака. Впервые в жизни он *располагал* такой суммой.

...После прочтения номера журнала Сегалина, посвященного творчеству Льва Толстого, Бурцеву припомнилось, что издательство выпускает ежегодные сборники, также ориентированные на великого писателя — по причине близости к их городу всемирно известной графской усадьбы. А на его вопрос о статусе этого издания, редактор Филимонов пояснил: хотя ежегодник «числится» за вроде как провинциальным издательством, но твердо и изначально держит всесоюзную марку. «Понимаешь, старина, редакционный совет сплошь из ведущих столичных литературоведов-«толстовцев». Они же, так сказать, и идеологию, конечно, нашу советскую, хм-м, издания направляют. Но все очередные сборники формируем мы из присылаемых со всей страны материалов, редактируем по мере нашего скудоумия; всю полиграфическую работу от набора до вычитки гранок и печатания тиража выполняет наше издательство. А что, у тебя есть предложение? Так давай не мешкай. Со стороны в ежегодник сложно попасть, не имея литературоведческого «имени», но и мы здесь люди не последние. Еще время есть до формирования выпуска на восемьдесят восьмой год, так что дерзай! Как говорится, с тебя, Андрюха, бутылка пятизвездочного после выхода тиража. Но не обидимся, если заменишь ее двумя «Столичной», ха-ха-ха».

Не из простого панибратства Толик Филимонов сватал Бурцева в толстовский ежегодник, а убедился в его способности к литературной критике и публицистике, поскольку еще ранее «для прокорма» давал для официального рецензирования рукописи, в смысле машинописные наборы, пары книг — рук местных «толстововедов». Обе книги были изданы, а на обороте их титульных листов значилось: «*Рецензент А. М. Бурцев*». Приятно радовали и гонорары за рецензии: каждый почти под сотенку...

Опять же Андрей и сам не лыком шит. Все его контрольные работы, как в Литинституте именовались курсовики, неизменно получали отличные оценки с устной похвалой даже таких суровых преподавателей, как ведущий у них курс критики Владимир Гусев. Многоопытный же декан заочного отделения Таран-Зайченко и вовсе пару раз рекомендовал Бурцеву перейти в семинар литературоведения и критики. Словом, Андрей сделал отмашку и обещал Филимонову, как ответственному редактору ежегодника, быть-стать со статьей к положенному сроку.

Работал он с восторгом, объяснимым высоким рангом издания и увлекшей его темой: хронология творческих периодов Толстого в свете учения свердловского мудреца об эвропатологии. За основу взял введенные Сегалиным понятия эвропозитивных периодов, то есть годов творческих всплесков, и, соответственно, времен опре-

деленной неудовлетворенности Толстым им написанного. Как ему казалось, сам он очень плодотворно объединил учение об эвропатологии с концепцией о периодах личностных сдвигов. О последней он прочитал в психологической серии «Вестника» МГУ и заочно, перепиской, познакомился с ее автором, профессором Братусем.

...Словесное описание Андрей иллюстрировал той самой хронологической таблицей творческих периодов Льва Николаевича, что, отпечатанная в единственном экземпляре, а также типографская верстка солидной по объему статьи, увы, и остались единственным напоминанием о несостоявшейся публикации.

♦ По заведенному в издательстве обычаю, Бурцев в назначенный срок вошел в кабинет к Филимонову с джентльменским набором: лично им самим отпечатанная на машинке статья с начерченной от руки таблицей-рисунком — в папке, а в брючном оттопыренном кармане — бутылка «Экстры» московского розлива. Не стоит и напоминать, что на всесоюзном дворе стоял восемьдесят седьмой год — самое ожесточение эпохи «алкогольного Меченого», поэтому водка была «талонной», выстоянная в двухчасовой — и то повезло! — очереди в специализированном магазине на углу Гоголевской и Свободы. По раннеосеннему времени одет он был в распахнутую куртку, что маскировала газетные свертки с закуской в ее боковых карманах.

Пока гость готовил бутерброды с колбасой и сыром и ходил в санузел мыть засаленные граненые стаканы, удивительно трезвый (дело было в утренний час) Филимонов редакторским скорочтением ознакомился со статьей, которую и одобрил после первой — отвальной по терминологии старинных ямщиков. Под вторую — разгонную: «Ну что, Матвейч, набьем баки столичным литературоведам, что кормятся именем Толстого!» — И Филимонов положил статью Бурцева в уже заметно потолстевшую рыжую папку с небрежной надписью фломастером: «Толст. сб. 1988».

Исчерпав принесенное Бурцевым и детальные ямщицкие поименования, Филимонов, прощаясь с визитером, пояснил дальнейшую диспозицию: «Где-то к концу года столичный редакционный совет утвердит содержание книги, к марту следующего года будет готова верстка, далее авторам вышлют, тебе я из рук в руки передам, для авторской же правки и — в печать! Ориентируйся на верстку: из нее уже стопроцентно не вылетишь. По опыту говорю. Опять же слишком хлопотно и дорого будет доверстывать. Дерзай и жди!»

...Високосный год только титулованных спортсменов радует олимпийским почетом, а также родившихся в Касьянов день*, у которых именины раз в четыре года случаются. Для всех же остальных он обычно огорчителен. Таким явился и восемьдесят восьмой год для молодого литератора Бурцева. С нетерпением ожидал он марта месяца, даже чувственно обонял свежайший запах типографской краски и представлял, как он новенькой шариковой ручкой с пастой черного цвета взволнованно водит по строкам, порой задумываясь: а может сомнительная запятая вкралась в сложносочиненное предложение? И когда в промежутке между условно мужским и чисто женским праздниками услышал из телефонной трубки характерный, с легкой хрипотцой голос редактора Филимонова, то радостный, счастливый, почти что сладострастный комок ощутимо дважды прокатился от макушки головы до пяток. «Зайди за версткой», — кратко сообщил Филимонов... но как-то неопределенно хмыкнул. Насторожило и не последовавшее напоминание о бакшише в стеклянной таре.

А в издательстве несколько напряженный Анатолий Михайлович вручил Бурцеву полиэтиленовую папочку с версткой и отдельно оттиснутой таблицей. Выждав несколько секунд, соболезнующим голосом огорошил: «Править не надо. Оставь себе на память». И сам, в нарушение всех традиций общения с авторами, вынул из шкафика початую бутылку и пару стаканов.

Когда Андрей, приняв на грудь, поуспокоился, Толик Филимонов рассказал почти детективную историю, которую только сам позавчера услышал от директора изда-

* Касьянов день по святцам приходится на 29 февраля. — Прим. авт.

тельства. В переводе с казенного языка на обычный разговорный суть дела состояла в следующем. Статья Бурцева чем-то раздражила всесоюзно известного литературоведа, которого Андрей уже с десяток лет видел на телеэкране в культуртрегерских передачах, в руки которого попала верстка ежегодника. Имея на то право, прямо позвонил министру, то есть председателю комитета по печати, и высказал свое мнение о «вкравшейся в уважаемый научным миром сборник «статейку с душком», всячески унижающую память о гении русской литературы». А уже министр позвонил директору издательства и приказал выбросить статью, хотя бы книга и была уже сверстана. Поскольку же Андрей, джентльмен по натуре и воспитанию, все же прихватил с собой бутылочку «талонной», то и засиделся в издательстве. Толик рекомендовал не принимать близко к сердцу случившееся, почти дословно повторив слова Бориса Михайловича, учителя Бурцева в писательском деле, о пинках на пути к литературному признанию...

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валерий Демидов
(г. Тула)

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской
литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

ТВОРЧЕСТВО

Творчество похоже на страдание.
В нем боренье разума и чувств.
Это бесконечное блуждание
по камням сомнений и причуд.

В творчестве скрывается желание
выдавить греховность из души
и скакать красивой горной ланью
к белоснежным простыням вершин.

Хоть и трудно отыскать то слово,
что в себе содержит темы суть,
буду я в руде копать снова
и блуждать в поэзии лесу.

Я хочу стихи пропеть романсом,
прикоснуться к вечности пером
и в трудах нелегких не сломаться,
но засеять поле зла добром.

Пусть земное станет вдруг небесным,
Крест Христов возвысится над всем
и падет все дьявольское в бездну
от числа Божественного «Семь»...

...Неуловим подчас процесс творенья.
Мы, словно голубь, ищем высоты.
И вдруг приходит миг тот озаренья,
когда, как стог, слагаются труды.

Изобретай — и ты умрешь гонимым,
поскольку свет всегда накроет тьма.
Поэт не станет в мире херувимом,
художник кистью пишет путь ярма.

Мы создаем автопортрет в твореньях
и разжигаем искорки души,
меняя страх на боли и боренья,
ища искусство, а не барыши...

Жизнь — это холст, где я себя рисую,
подчас вредит мне в этом здравый смысл,
но если уж творю стихи не всуе,
то нахожу в поэзии свой мыс.

На этот мир пусть будет взгляд особый.
Позволь, Господь, увидеть все не так,
как видят ночью спрятанные совы
или хранит сеть паутин чердак.

Я — как пастух, хранящий свое стадо
различных мыслей и красивых слов,
мне на лугах бывать привольных надо,
а не в закрытых ящиках столов.

Коль называю я себя поэтом,
то по реке обязан плыть всегда
против течения, помогая в этом
веслом, которым пенится вода...

Ведь творчество есть дар особый свыше.
Стихи, картины, музыку и все,
что от души,— Господь наш втайне слышит,
в Небесный Дом, возможно, вознесет.

И я боюсь быть к жизни безучастным,
ввергаться в то, где творчеству запрет.
Коль сатана разделит нас на части,
то Личности и не было, и нет.

ШАЛАШ

Много дел за спиной,
много пота и крови,
болеи, ран и обид на уставшей душе.
Ни наград не имею,
ни званий я, кроме
сотворенного рая в моем шалаше.

Этот рай для других
совершенно не виден,
он запрятан на острове веры моей,
где томлюсь,

как поэт древнеримский Овидий,
от любви и грехов, от стихов и поэм.

Может, что-то не так
в моей жизни бывало,
лез в колючий кустарник за ягодой сладкой,
забывая о том,
что мне мама сказала:
«Жизнь всегда будет чуть горьковатой загадкой».

Почему же шалаш
мне для рая удобен?
Почему прячусь в нем от родных и друзей?
Потому что ветра
в земном буйствуют доме,
слякоть лжи и грехов — суть всех русских стезей.

В шалаше мои книги
покоятся стопкой,
как коньяк, набираясь в сей выдержке сил,
я не брошу, как Гоголь,
стихи свои в топку,
потому что всегда их у Бога просил.

Это те семена,
что взойдут через годы,
ибо мысль не останется мертвым штрихом,
если в ней совершились
смирения роды,
предзачатые редким духовным стихом.

Строки пусть прорастут
в шалашовом забвенье,
наберутся тех сил, что Господь им дает,
а потом принесут
радость и упоенье,
как иконы, одетые в строгий киот*.

ФЕЙКИ

Совсем недавно
слово стало модным,
влияющим на факты и людей.
В нем не найти
оттенок благородный,
моральных скрепов и больших идей.

Они умеют
создавать картины
приличных дел и радость бытия,

* Киот — «домик» для иконы, защищающий ее от солнечных лучей, копоти и влаги.

скрывая ложью
мелкий шаг утиный
и дробные подскоки воробья.

Я видел фейки,
у которых сущность
была угодна кругу властных лиц,
и эти фразы,
как порода сучья,
подгавкивали знати двух столиц.

Искусственная правда
всегда в гриме,
она умеет скрасить шрам лица
и убедить,
что нам необходимо
лечить по фейкам разум и сердца,—

так сатана
в красивую обертку
давно уж прячет роковое зло,
и стали люди
этим ходом вертким
рабами фактов из нечестных слов.

Но почему мы
фейкам дружно верим?
Чем привлекает новостной сей плод?
Сложилось так,
что журналистам двери
в дом открываем настежь круглый год,

но эти слуги
созданных режимов
обслуживали замыслы элит,
им пели оды,
пока были живы,
и каждый знал, *за что* он так юлит.

Они умели
прежде и умеют
до наших дней посеять в людях страх
и расшатать
устои, что имеем,
и жечь свободу втайне на кострах.

Во времена ковида
люди стадом
ходили в масках под кнутом «забот».
А ныне мы
уже безмерно рады
войне с соседом, где «плохой» народ.

С «террором» бьёмся,
помощь предлагаем
тем странам, где давно уже живут
получше нас,
но наша Русь нагая
все любит фейки с грифом «Голливуд».

«Вы слышали?
Отменят скоро деньги».
«Вы знаете, что Запад — это враг?»...
Как майские жуки,
летают фейки
по городам, деревням и дворам.

И не всегда
хватает интуиций,
ума и знаний, чтобы обменять
красивый фейк
на правду без амбиций
и «самолет» на верного коня...

Сверяйте слово
с Библией и Богом,
молитесь, чтобы истину понять,
и фейков ложь
уже не будет трогать
людские души и сердца менять.

ДЕПРЕССИЯ

Порой ни есть не хочется, ни спать,
в депрессию впадая, будто в пропасть,—
зловещая невидимая пасть
сглотнула жадно всю мою утробу.

И кажется, любви на свете нет,
и свет едва мерцает в старом доме,
а все слова и доводы — лишь бред,
и в тишине звенящей разум тонет...

Я много лет живу в такой стране,
где невозможно избежать депрессий,
где лик свободы *прячется* во мне,
не доверяя лжи в продажной прессе.

Смеется тот, кто груб и нагловат,
кому святое кажется с овчинку,—
и клонится седая голова,
оправдывая веские причины.

И не поют за праздничным столом
уже давно душевных песен старых,

и общество таранит напролом
эстрада без одежды и без дара...

Убавьте звук, фанфары бытия!
Снимите, стражи, послушанья цепи.
Когда уйдет депрессия моя?
Когда я буду нужен вам и ценен?

Сутулость мыслей и убогость чувств —
вот что сегодня на Земле я вижу.
Я так давно в стране иной хочу
быть среди тех, кто в испытаньях выжил!

Тьму бытия едва ль слова укроют —
они лишь тихо плачут и скорбят...
Когда в лесу зловеще волки воют,
то вряд ли счастье ждет в лесу тебя.

Так что же делать с этой «дамой в черном»?
Нести до смерти крест тяжелый сей
или вуаль своей печали сдернуть,
как в той пустыне сделал Моисей?

Ответ таков: блуждая по пустыне
среди песков без веры и воды,
мы очень скоро без любви остынем,
не укрепляясь Образом Святым.

И нет греха опасней, чем унынье,
чем дух застывший в глубине меня...
Помилуй мя, Господь великих скиний,
и вышвырни унынье как менял,

которых плетью выгнал Ты из храма,
когда ходил живым в стране греха...
Испей, душа, целебного бальзама
из чаши дней, что знала Жениха

той Церкви мертвой без тепла и веры,
что до сих пор страдает много лет...
Пусть буду я сегодня грешник первый,
зато не спящий рыцарь на Земле.

ВРЕМЕНА И ОБРАЗЫ

Я чучело, сожженное в апреле.
Подснежник, распутившийся весной.
Я — запах сена и осенней прели.
Мороз трескучий. Полудневный зной.

Косуля я, убитая навывлет.
Подранок, улетевший вглубь болот.

То волком чувства вдруг мои завыли,
то плещется душа среди щедрот.

Бросаюсь вниз я водопадом горным.
Бегу домой — дороге нет конца.
Я у природы был всегда придворным
поэтом, знавшим навыки чтеца.

Смотрел на небо, где мигали звезды,
а утром, ежась от ночной прохлады,
спешил домой, как птицы в свои гнезда,
и слушал соловьиные рулады...

Я Дед Мороз, — за голубой кушак мой
цепляются детишки и визжат.
Во мне есть что-то от заумных шахмат
и от полетов маленьких стрижат.

А в старости паденьем ястребиным
я возвещу знакомым и друзьям,
что каждый год был для меня любимым,
коль так спешил везде и всем быть я...

ГОЛАЯ МАМА

Я первый раз увидел маму голой,
когда лежала на столе она
и формалина делал врач уколы,
и в мозг вонзилась жалом тишина.

Она лежала царственно красивой
и бледность тела и ее лица
как будто бы в святые возносила
усопшую без пеней и венца.

Вот только губы сжаты непривычно,
да руки тонкой связаны тесьмой.
И думал я, что мама — Божья личность,
Его живое, во плоти, письмо...

След доброты ее вселился в память
и будет душу родной образ греть.
И холодно не голой было маме,
а мне — на скорбный этот миг смотреть...

Но скоро тело и мое омоют,
желанье жизни — смерти не указ,
и будет нас в могиле уже двое —
ты и твой сын, живой еще пока...

Елена Колесникова
(г. Воронеж)

Колесникова Елена Николаевна родилась в г. Кузнецке Пензенской области. По профессии учитель музыки. Член Союза писателей России. Стихи публиковались в Германии, Литве, Латвии, США и Абхазии. Автор трех сборников стихов. Лауреат литературных премий и конкурсов.

ПРОЩАЛЬНАЯ

Собрав всю дань нехитрую стихов —
С подвластных только мне одной миров,
В зрачки впитав всю розовость закатов,
Что видела моя земля когда-то —
Должно быть, на заре своих веков,

Запомнив сердцем юный лепет звезд,
И вновь весенний сад, пошедший в рост,
Луны давно пустующую зыбку,
Последней освященная улыбкой
Окна, — идешь, и город вслед плывет...

И снова — круг выдавших виды ламп,
Откинутый в пространство ночи трап,
И сонный бред холодного вокзала.
И мама что-то тихое сказала,

И папа тихо не ответил...— Пап!
И поезд — баллистически — навyleт,
И рельсы — словно лопнутые — взвыли,

По старым швам — прорезав свежий путь.
По вечно-детским шрамам — незажившим,
И — тишина, но есть ли благо выше
Для сердца, не дающего уснуть...

* * *

Облака тягает кран подъемный —
К солнцу — неподъемное подъял —
Вынести бы только неумный
И стихов, и нежности обвал.
В небо горстью канули, как в прорубь,
Буквами свинцовыми — грачи,
Что весна творит — прочти попробуй,

А прочтешь — попробуй прокричи!
На волне предельной день бушует —
Сердца не услышать своего,
Полосы смешались улиц шумных
Гранки зачерниленных домов,
Чувства недописанного — тайны,
Замыслов невоплощенных лес —
Стройки,
 строки —
 до седьмых небес! —
До последних самых — Вира! Майна!

ДЕРЕВЕНСКАЯ ВЕСНА

Просторечье дней первовесенних —
Деревенский чистый пересвист,
Гуслей да жалеек развеселье,
Ладный — в зубчик вырезанный лист.
По тропинкам — скрученные стружки,
Бусины, иголки, лоскутки,
Все — в трудах, заботах — друг по дружке —
Время золотое береги.
Дотемна — кроят, тачают, ткачат
Подмастерья шумные весны,
Там — крестами шиты гнезда грачи,
Там — синичьи пилочки слышны.
Крылья необсохнувших простынок
Пестрых красок — сушит ветерок,
И щебечет в алыче, за тыном,
Южнорусский мягкий говорок.
Скоро день, умаявшись, растает —
Деревенский тихий пересвет,
Смотришь в небо — сна в помине нет,
Чисто все — и только легкий след
Облачка, отставшего от стаи...

* * *

Старый двор — с налетом зимней древности —
Здесь, в сердечном замкнута скиту,
Спит любовь — в сохранности и целости —
Если говорить начистоту.

И когда проснется утром ласковым,
Стоит только мне сюда свернуть —
Заиграет радостными красками,
Оживет на несколько минут.

Приоткроешь дверку одиночества,
Запустив к себе весенний свет —
Как сейчас забыть навечно хочется
Эти сто земных мелькнувших лет.

Не вдохнуть, не выдохнуть — незваной мне,
Терпок воздух — к раннему теплу,
Сон-травы невинные признания,
Солнца мимолетный поцелуй

Позабудь, и с прежней безмятежностью
Спи, в сердечном замкнута скиту,
Во дворе — с налетом зимней нежности,
Если говорить начистоту...

В СИРЕНЕВОЙ ДАЛИ

По видимости всей и всей окружности
Земли всгустел сиреневый налет —
Пора живых воспоминаний юности,
Для тех, кто ими, светлыми, живет.

И даже тех, чьи дни текут безоблачно,
И мысли невесомей мотылька,
Случайным утром, безупречно солнечным,
Сирени накрывают облака.

По видимости всей и всей поверхности,
И там, где только достигает взгляд,
Цветет сирень — неистошимость нежности,
Моей весны застенчивый наряд.

Во всех и вся — поет она и ветрится,
Развеивая прежние года,
Вдохну — и вновь у юной грусти в пленницах —
На счастье, на мгновенье, навсегда.

По видимости всей и всей незримости,
В прохладном, нарастающем пылу,
Я по твоей, весна, небесной милости
Опять сирень в секретницы беру.

Раскрупнелась — хлеб душе насущный мой,
Не утолиться, сколько не вдохни, —
Где ж ты теперь, неожиданный, неотпущенный —
В какой грустишь сиреневой дали?

РАЗНЫЕ МЕЧТЫ

Все вьют да вьют, обматывают нитками
Стрижи для гнезд ворсинки облаков.
Все — фью да фью — да, видно, стали
хлипкими
Силенки от пылающих югов.
Возьму свою иголочку я старую,
Свои воздушно-детские мечты
И к голубому хлопку приваляю я

Тропические снежные цветы,
Молочных рек извивы говорливые
И сахарные горы вдалеке,
И брызги чаек — пенные, игривые,
И волны с розовеющими гривами,
И белый зонт — на тающем песке.
А вам сошью я облако, налитое
Прохладным ветром, солнечным дождем,
А вам совью я радугой укрытое,
Большое небо — теплый окаём.

* * *

Невинно кучерявясь, насветле,
Стоят у коновязи тополей
Безветрием обузданные тучи.
Еще не предначертаны дожди,
И призыв их еще не уследим
В нежнейшей совокупности созвучий.
Прихвачен к небу белой ниткой сад,
По веткам пчелы блеклые шуршат —
Окно — вощина, вставленная в раму.
И мысли роем, искрясь и вясь,
Низают эту солнечную вязь
Желаньем жить — неистошимым самым.

И стерта предначертанная смерть,
Весне, с весной и о весеннем — петь!
В ее хорах — высоких, колокольных...
И стоит зорче присмотреться лишь —
По листику простому проследишь
Историю души новорожденной.

Александр Романов
(г. Тула)

Родился в Хабаровске. Поэт, прозаик. Победитель областных, всероссийских, международных литературных конкурсов. Автор трех книг. Публикации в «толстых» журналах. Член Союза писателей России.

ПОЛЯРНОСТЬ

Твой город снова ждет тепла,
а мой — сорвался в дождь осенний.
Разлука наша пролегла
вдоль параллелей невезенья.

Меридианами тоски
определяем расстояние.
Однажды мы с тобой смогли
Принять, как жертву, расставанье.

Я каждый день потоком слов
перехитрить пытаюсь хронос.
Но слышу только скрип полов
в квартире, где звучал твой голос.

* * *

От порога до дороги сделать нужно только шаг,
оставляя страх, тревогу к Богу: «Аз, есмь нищ, убог и наг!».
Как по нотам, как по строкам, в небо устремлен душой,
понимаю, грешен, Боже, но хочу быть лишь с Тобой.

Предавал и ненавидел, обижал и воровал.
Говорил: «Тебя не вижу!», но везде Тебя искал.
Страстью блуд манил беспечной, растворял в потоке дней
и казалось, будто легче жить тогда среди людей.

А теперь и боль, и слезы... Понимаю, не могу, —
эта ноша тянет в пропасть, от себя к Тебе бегу.
Не хочу в грязи валяться, погружаясь в вечный мрак.
Покаянья дверь отверзи... Пред Тобой — аз, есмь, дурак!

Знаю, есть еще надежда достучаться до небес,
на незримую Голгофу понесу свой тяжкий крест.
Пусть смеются, тычут пальцем, говоря: «Ведь Бога нет».
Пусть, теперь уже не важно, я увидел Его свет.

ОСЕННИЙ ЛИСТ

В холодной маршрутке в осеннюю тьму
Спешу по привычке. Куда — не пойму.
Часы перешли на замедленный бег,
И падает первый непрошенный снег.

Отчаянный лист на стекле лобовом
Цепляется, зная, что будет потом —
Он сдастся и, словно последний солдат,
Сорвется на землю, где братья лежат.

Природа расставила все по местам.
Один только я по чужим адресам
Ищу, где увядшим, опавшим листом
Опять удержусь на стекле лобовом.

НА ЗЛОБУ ДНЯ

Афган, Чечня — казалось, все прошло,
зарубцевались раны и могилы.
Утихла боль, и умирало зло
в надежде обрести былые силы.

А годы берегли календари.
Но время убегало безвозвратно.
И дух шептал: «Спаси и сохрани!
Не возврати, Господь, ту боль стократно».

И всем казалось, хорошо, что так —
спокойно, тихо в этом бренном мире.
А зло сжимало тайно свой кулак,
мечтая о кровавом, страшном пире.

И час настал... Терпенью есть предел.
Добро бывает тоже с кулаками.
Безумный Запад без конца галдел,
нас обзывая зло боевиками.

А мы, забыв про грай «продажных птиц»,
что на зимовку «сплыли» за границу,
про крик медийных, недовольных лиц,
вписали свою новую страницу.

Кто видел слезы жен и матерей,
кто знает боль утраты и потери,
не оправдает этих упырей,
кто служит злу, кто свято ему верит.

Слеза ребенка — лучший ориентир!
В ней скрыто все — от страха до спасенья.
Веди отряд свой, слышишь, командир,
пускай минуют беды и раненья.

Увы, сражений много впереди,
но верю, что должно так получиться:
останутся все скорби позади,
добро над миром снова воцарится!

Ирина Егорова-Нерли
(г. Москва)

БЕРЕЗОВЫЙ ПЛАЧ ОТ ЗЕМЛИ

Родилась и работает в Москве. Окончила факультет графики МГХИ им. В. И. Сурикова. Художник и литератор, член МСХ (Московский эстамп), Союза художников России, аспирант Российской академии художеств, член редколлегии альманаха «Истоки» и Литклуба «Москвитянка». Печатается в альманахе «Московский Парнас» — вестнике Академии российской литературы. Автор ряда книг и альбомов.

* * *

Дрожит отражение часовни
На кружеве чистой воды.
Что словом приходит в бессонье,
Письмом заполняя листы?

Что слышит душа за пределом
Смолкающих белых ночей?
Все белое движется в белом
И с каждой зарей горячей...

И берег по берегу плачет,
И лодка за лодкой плывет,
Вода открывает и прячет
Белесых церквей хоровод.

Ничто не уходит бесследно,
Как свет, что ведет впереди —
Ответ говорится ответно
И путь продолжает пути.

И вечные наши вопросы
Остались от светлой мечты,
Как ветки плакучей березы
И лодка у тихой воды.

* * *

*Памяти моего деда Алексея Никитовича Зайцева,
погибшего под Москвой в декабре 1941 года.*

Перебинтованные ноги...
А лазарет — среди берез,

И навещает на пороге
Сквозным дыханием мороз.

Мне это снится в лютый холод,
Когда в пути спешит декабрь:
Меня отпустит сон не скоро,
Как бы ни длился календарь.

На полевых носилках снова
Передо мной лежит мой дед:
Как ни была б судьба сурова —
Он мне, вздыхая, шлет привет.

В жару метаясь, он не плачет.
Голубизной лучится взгляд.
И только сердце дико скачет,
И на снегу полно солдат.

Военный госпиталь, фонарик,
На лицах талая вода,
И алый блеск в замерзшей Наре,
И черной строчкой провода...

* * *

Колонна танков поле режет —
На них фашистские кресты,
А лес становится все реже,
И у моста скрипят кусты.

Как белый хлеб, что режут свежим,
Дробится поле по кускам,
А под мостом по снегу пешим
Спешит боец к большим кустам.

И *что* винтовка против танка?
Что может взвод в таком бою?
Там претерпеть немало страха
Пришлось, сползая в колею.

Бураном стал притихший ветер,
От взрывов снег вскипел во рву...
Сгорели танки в том кювете,
Хоть шли колонной на Москву!

* * *

От колокольни — дверь и арка,
А крест уплыл на небеса...
Война дыхла вдаль из мрака
И отсверкала, как гроза.

И от деревни, что стояла,
Уж не осталось ничего:
Лишь цапля с криком пролетала
Там, где никто не ждал ее.

Там, за обочиной, стеною
Подрос дубов червонный ряд.
И ветер с чуткой тишиною
Поет в кустах про бывший сад.

Название старое — Хохловка —
На карте не найти давно!
Но все же цапля издалека
Летит на ветхое бревно...

Николай Тимохин
(г. Семипалатинск, Казахстан)

Наш постоянный автор.

* * *

«Я вам нравлюсь хоть немного?» —
Ты меня спросила взглядом,
И молчала всю дорогу,
Хоть и шла со мною рядом.

Я держал тебя под руку
И боялся потерять —
Милую мою подругу.
Только ты молчишь опять,

Страстно смотришь мне в глаза:
«Я вам нравлюсь хоть немного?»
Ничего я не сказал.
Пусть пройдёт твоя тревога!

С нежностью поцеловал
И обнял тебя за плечи.
Это словно был сигнал
К продолженью нашей встречи.

Мы идем с тобою рядом,
Широка у нас дорога,
И теперь спрошу я взглядом:
«Нравлюсь я тебе немного?»

* * *

Мне слышатся сердца удары,
Они — будто голос в ночи.
Звучат, словно струны гитары.
Душа так надрывно кричит.

Они — будто голос в ночи,
Все мысли мои и желанья.
От них, как от солнца, — лучи
С тобою спешат на свиданье.

Звучат, словно струны гитары,
Слова, что я слышу в ответ.
И кажется, с неба фанфары
Оставят в любви нашей след.

Душа так надрывно кричит,
Звучит, будто струны гитары.
Слова — это голос в ночи,
И слышатся сердца удары.

* * *

Все должно само собой решиться —
Ты ко мне вернешься на рассвете.
Улетят печали вдаль как птицы,
Жизнь моя в другом предстанет цвете.

И ты будешь в ней совсем другая,
Все начнется заново, иначе.
Ведь не разлюблю тебя я, знаю,
Моё сердце горной ланью скачет.

Только возвращайся поскорей.
Годы пролетают, словно птицы.
Я уверен, станешь ты моей.
Все само собой должно решиться.

* * *

Я искал тебя всю ночь,
Мне зимой приснилось лето.
И никто не мог помочь
В поисках, чтоб дать совета.

Видел даже города,
Неизведанные дали.
Буду ждать тебя всегда,
Только встретимся едва ли

На просторах суеты,
Нескончаемых проблем.
Мне нужна одна лишь ты,
А другая мне зачем?..

И опять мне снилось лето,
Я искал тебя всю ночь.
Далеко сейчас ты где-то
И тоску не превозмочь.

* * *

Если все отбросить предрассудки
И начать все заново, с нуля,

Может быть, ты даже через сутки
Не чужая будешь, а моя.

Только надо что-то предпринять,
Не решится все само собой.
Но я верю, будем мы опять
Вместе — так начертано судьбой.

Ты же про меня совсем забыла,
Время пролетает, как ракета.
Есть в тебе одной такая сила —
Не давать покоя до рассвета.

Кажется, мне больше не уснуть,
Без тебя не жить мне ни минутки.
Мы прошли такой тяжелый путь,
И оставим в прошлом предрассудки.

К ***

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.*

А. С. Пушкин, 19 июля 1825 г.

Я помню чудное мгновенье —
Однажды сон приснился мне:
Сам сочинил стихотворенье.
Жаль только, что оно во сне

Легло красиво на листок:
«Передо мной явилась ты...»
Я написал немало строк,
Став тут же пленником мечты

Тебя увидеть. Нетерпенье
Вдруг сердцем овладело вмиг.
Как мимолетное виденье
В душе моей пронесся крик,

И с ним я потерял покой:
«С ней будешь долго счастлив ты.
Она останется с тобой,
Как гений чистой красоты».

Анфиса Третьякова
(г. Симферополь)

ВАЖНЕЙ ЦВЕТОВ — ПЛОДЫ

Родилась в Симферополе. Филолог, учитель. Финалист литературной премии «Слово». Публиковалась в «Литературной газете», в журналах «Москва», «Невский альманах», «Российский колокол», «Александръ», «Приокские зори» и др.

ДЕНЬ ПАМЯТИ ГРИНА

Восьмое июля — день памяти Грина,
Крым в пене морской и в пуху тополином.
От Черного моря до северной Вятки
Кораблик плывет по линейкам тетрадки.
А цвет парусов — обязательно алый.
Который, как в сказке, Ассоль намечтала
Во сне о чудесном своем капитане,
Уставшем от бурь и от долгих скитаний.
Грин создал из сора Ассоль и в награду
За голод и боль подарил Петрограду.
Шампанским обрызгав глазающих пенным,
Отчалил корабль от серой Каперны...

Мечтают девчонки, и в детской игре
На море глядят, ожидая «Секрет».
И каждая хочет, как в книге Ассоль,
Проснувшись, увидеть на пальце кольцо.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ

Благодаря Екатерине,
Хоть это было и не просто,
В состав России Крым был принят —
Российским стал наш полуостров!

Вели Екатерину тропы
В мой добрый город-собираатель,
В столицу Крыма — Симферополь,
Который добрый мой приятель.

Виднелась из окна кареты
Селений разноцветных горстка.

Дал Самодержице ответы
Рельеф скалистый Белогорска.

Но стал и Крым царице тесен,
Хоть был он в дикости прекрасен.
Она решила: быть Одессе
При адмирале де Рибасе!

Жаль, не пришлось императрице
В Одессе-маме погостить...
За то, что там сейчас творится,
Самих себя нам не простить.

РОССИЙСКАЯ ЗЕМЛЯ

«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить...»
Крепка моей страны броня,
И в русский дух хочу я верить.

Страна, где каждою зимой
Леса забелены порошей...
За то, что Крым пришел домой,
Спасибо Родине хорошей!

Ее богатствам нет числа!
Своей любовью непорочной
Березой белой проросла
В моей душе Россия прочно.

Пусть время крутит колесо,
Ломая стены и границы,
Пшеницы каждый колосок
Всегда на белый свет стремится.

Черемух белых рукава,
Простор небес безбрежно-синих
Заставят блудных тосковать
По нашей матушке-России.

И в темную глухую ночь
Мне виден свет от звезд Кремля,
Ведь я твоя родная дочь,
Российская земля!

ПОЭТ

Власть отвратительна, как руки брадобрея,
А власть стихов чем дольше — тем добрее.
Кому в письме об этом написать?
Поэт идет, умывшийся слезами,

Сдавать судьбе последний свой экзамен,
В уме перебирая адреса.

В тиши библиотечной и пыли
С ним говорят герои из былин
И летописей Нестора-монаха.
Поэзия как кровь бежит по венам...
Печатают его попеременно
То в сборниках стихов, то в альманахах.

Поэт в природе видит красоту,
Жалея, что раз в год сады цветут,
Но знает он: важней цветов — плоды.
Хоть вызреет и яблоко раздора,
Но память понесет по коридорам
Туда, где он остался молодым.

Где ты, мудрец, доживший до седин?
Приди, мой друг, со мною посиди,
Яви мне блеск твоих умнейших глаз.
От времени легли под веки тени...
Бессмертен дух твоих произведений!
Пусть наблюдает Смерть из-за угла.

Александр Шепшелевич
(г. Майкоп)

Родился на Урале. Земляк Бажова, внук «бестужевки» — воспитывался на их сказках (рассказах о прошлом). С шести лет жизнь связана с Майкопом. Учеба в Ленинграде, служба под Североморском. Публикации в 65 изданиях. Автор книг «Созвездие Лебеда (Музыка души). Стихи и песни» и «Аромат алычи». Член редакционного совета журнала «Огни Кубани» (Краснодар).

СВИДЕТЕЛИ

*«Этот вытертый плед
довоенных времен — всю дорогу
таскался за нами».*

Владимир Рецептер

Вот старый плед — сто лет в обед,
И он живет и в ус не дует!
Он в памяти — полжизни след,
А та подушка, спору нет,
Ко мне его давно ревнует.

Подушка — антиквариат,
Ей больше ста — вот это новость!
Ждет на диване. Дед был хват —
Осуществил ее захват,
Остановив австрийцев поезд!

На фронте Первой Мировой
Служил солдатом он достойно,
По фотографиям — герой,
Красавец, жизнь унес с собой
В 37-ом внезапно... Больно

Мне до сих пор. А вещи-вещи
Живут... (Им что с того!)
Наполненные смыслом вещим,
Они служить готовы вечно,
Ну, а кому — не все ль равно?

Но мне они завещаны судьбой,
Я их люблю и бережно храню,
За них я отвечаю головой.
Пусть продолжают жить моей мечтой,
А я заветов их не предаю...

А МАЛЬЧИК БЫЛ ЛИ?
(ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ)

«А был ли мальчик?»

Максим Горький.
«Жизнь Клим Самгина»

Искал следы бывшего я —
Смотрел на дом какой-то странный.
Ужель фантазия моя
Разбредила детства рану?

Нарыв ушедшего я вскрыл, —
Коварной памяти прогулка!
Мне кажется, что здесь я жил,
За поворотом переулка.

Но дом другой. Забора нет.
Следа от сада не осталось...
И в пелене забытых лет
Картинка четкая распалась.

Но ясно помню: облака
По небу точно также плыли...
Как видно, правда далека.
Один вопрос: а мальчик был ли?..

АДЫГЕЯ МОЯ, АДЫГЕЯ

Краше места не видел нигде я.
У Кавказского гребня подков
Пробуждается Адыгея
В белом кружеве яблонь-садов,

Где от гор убегают барашки
Своенравной и гордой реки...
Адыгеи века были тяжки,
Как поведали мне старики.

Но Руфабго поет водопадно
Гимн природе и вечной любви.
О, моя Адыгея, стократно
Твои гены в сыновьей крови.

Я никак не могу насладиться
Ароматом широких полей.

Адыгея — как вольная птица,
И простор — голубей, голубей!

Вновь дольмены на страже я вижу,
Круг курганов сомкнулся опять.
Адыгея... Ночь ближе и ближе,
Чтоб любимую землю обнять.

Краше места не видел нигде я.
У Кавказского гребня подков
Засыпает моя Адыгея
Под покровами звездными снов.

РОССИЯ

Ни перед кем на свете не встану на колени,
Лишь пред одним Всевышним я голову склоню.
За Англию-старуху не дам я и полпенни,
За Родину-Россию целковый посулю!

Любимая Отчизна! Распахнутое поле.
Нетронутые горы и Заполярья круг.
Немеркнущая Память, бесстрашие и воля
Сильнее злых потоков и ненасытных выюг.

И горечь поражений, и радость избавленья,
И бравурные марши, что так ласкают слух...
За нашими Крылами столетия терпенья,
Безмерно закалившие нетленный русский дух!

ЗАВОЕВАТЕЛЬ. К ПОСЛЕДНЕМУ МОРЮ

Я здесь и не здесь, я везде и нигде,
И шлем золотой на седой голове,
И ветер весенний терзает плюмаш,
Кровавый закат, но только не наш.

И новому бою я рад и не рад,
Хоть меч мой булатный не знает преград.
Достаточно крови! Багрянцем взошел
Неистовый месяц. Он с миром пришел...

Последнего моря достиг караван.
Устала земля от дымящихся ран.
Достаточно! Хватит! Последний порог...
Теперь все свершилось! Я сделал, что мог!
Уже все свершилось! Нет больше дорог!
И вот все свершилось! Так милостив Бог!..

БЕСПАМЯТСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

— Доктор, я все забываю!
— Это нормально. Защитная
реакция на агрессивную
окружающую действительность.

На приеме у психиатра

Проснулся в сильном я поту —
БЕСПАМЯТСТВО!!!
И силюсь вспомнить — не могу!
Могло ль такое и представиться?!
Кто я, зачем и почему
Здесь оказался?!
Вопрос ни сердцу, ни уму —
Проспался!..

Была ли у меня родня?
Вопрос обычный...
Кто знает, кто найдет меня
В квартирке личной?!

Да и какой опять же год,
Страна какая?!
Когда-нибудь найду ли код,
С замком играя?

И что за месяц за окном —
Листва живая?!
И как покинуть этот дом?
Не знаю...

Но, как положено, на все
Свои причины.
Лишь провидение спасет —
Мир без лучины!

ПОДАРОК

Прозрачен воздух. Дышится легко.
И облака застыли в чистом небе.
И над горами, где-то далеко,
Зависло солнце, греясь в нежной неге.

Идиллия!.. И вечер, уходя,
Не торопясь, как будто в назиданье
Оставил в память меркнувшего дня —
И верить хочется, что только для меня —
Звезды родившейся заветное мерцанье.

Юрий Пчелинцев
(г. Тамбов)

КОГДА ЛАДОНЬ ЛОЖИТСЯ НА ПЛЕЧО...

Поэт, член Союза писателей России. Родился в 1961 году в с. Сурава Тамбовской области. Автор пяти поэтических книг. Публиковался в литературных журналах.

* * *

— Ты, если можешь, подожди!
— Когда внутри прольют дожди?
Пройдут года?
— Они пустяк.
В горшке оконном портулак
Пробился к солнцу. Отожму
Салфетку, дам попить ему.
А жизнь? Она есть ожиданье,
Но жизнь еще и созиданье,
Порыв, искание, любовь.
— Я знаю. Мне не прекословь,
Ведь я судьба, ведь я Омега.
— Сегодня день опять без снега
Расстроил зиму. Как же так?
— В горшке пробился портулак,
А он немного больше знает,
Когда весь старый снег растает.
— Ты разрешаешь?
— А готов
Порхать внутри весенних снов,
Привыкнуть к запаху сирени,
Сажать закаты на колени,
Встречать безбрежие рассветов
И ждать цветущий праздник лета?
Готов прогнать хандру и стыть?
Ну, значит, так тому и быть!

* * *

Я буду ждать, а, может, ты придешь?
Прочту стихи,
Как хиромант с ладони
Читает линии, что жизни чертит нож.
И как цветок, пробивший щель в бетоне,

Ласкает взор.
(А сила — это вздор),
Она нужна, но главное не это.
Цветок, растущий всем наперекор,
Когда ему прошепчет тихо лето —
Вот это сила!
Что? Поговорим?
Стихи не знают, что такое ложь.
Хочу стать собеседником твоим.
Я буду ждать, надеясь, — ты придешь!

* * *

Какая сила первого тепла
Пробила бронь чешуй набухшей почки!
Родятся любопытные листочки,
Чтоб зеленью своей сгореть дотла,
До красноты и хмари октября.
Но молодость ничуть не верит в брэнность,
И в том ее особенная ценность:
Бежать вперед и верить, что заря
Главней всего, а ласковое утро
Всегда найдет заветные слова,
Чтобы приободрить.
А молодость права
Хотя бы тем, что, поступая мудро,
Становишься, увы, совсем не смелым,
И, в коконе житейском схоронясь,
Боишься наступить ногою в грязь.
И ищешь оправдания то и дело.
Листочек первый — молодой бунтарь!
Он только начинает видеть время.
Пусть ветер рвет, а дождь целует в темя.
Ведь календарь — он только календарь.
А, может быть, набрав от веток сок,
Порадует природу и пространство?
Увидит циклы даже в постоянстве,
Поймет, как философски мир глубок.

* * *

Имеет каждый право на любовь,
На нелюбовь и даже безразличие.
Но. Есть ли боль у сорванных цветов?
И так ли неприемлемо двуличие?

Когда ладонь ложится на плечо,
Соединяя трепетные души,
Прикосновенья жалят горячо,
А воздух вздохом, как озоном, душит.

И что-то тесно прорастет в груди,
Почти что не оставив больше места.

И тут суди, а хочешь,— не суди.
Хотя не обязательно, что вместо.

Любить двоих, по-разному, а что?
А если так, и это пусть запретно.
Как два букета сорванных цветов,
И две любви, где каждая ответна.

Сердца троих, их бой не в унисон.
Они стучат в гармонии лишь парно.
И это так напоминает сон,
Где в нем любовь опасна и коварна.

Я Вас любил, и я люблю Вас впредь.
Я полюбил другую, тоже очень.
Мне каждую из вас теперь болеть,
Обняв одну безумной темной ночью,

Невольно думать тут же о другой
И путать имена, при этом злиться.
Подарок, но... безумно дорогой!
Груди одной — две жалящие спицы.

Я на ромашке погадаю. Пусть
Исправлю это или не исправлю?
Листы сорву и тихо улыбнусь,
Но все равно два лепестка оставлю.

* * *

Поднялся с пяток на носки
И заглянул за край Вселенной,
Где горизонт ложится лентой.
Видны какие-то куски
Холмов и рваных всплесков леса,
Одетых сверху в небеса.

От драгоценного обвеса
Звезды, сорвавшейся, коса
Вонзается в искристый свет,
Теряясь, гаснет, чтобы вновь
Придумал, может, про любовь,
Еще одни стихи поэт.

Благоухание сирени!
Почти сиреневая ночь —
Весны задумчивая дочь.
Не ночь, а только полутени.
Из растворенного окна
Заходит в комнату пространство
Весеннего непостоянства
И бледно-желтая луна.
Мир не понять и не объять,
Хотя так надо постараться.

Как звезды радостно искрятся!
И им всегда в ночи сиять.

* * *

Дающий, дай и не проси взамен.
Все хорошо. Это твое решение.
И ни к чему оглядки и сомненья.
Когда окажешься в плену скучливых стен,
Получишь тишину, и тоже безвозмездно.
И очень главное — общение с душой.
Стереть своих бахвал налет помпезный
Хоть изредка... но это ж хорошо?
Когда даешь, ты делаешь подарок
Прежде всего счастливому себе.

А знаешь, мир наш безупречно ярок.
Он тоже подношением судьбе
Для каждого предъявлен бескорыстно.
Но, может быть, к чему-то и в обмен...
Искать во всем порядок — мало смысла.
Дающий, дай и не проси взамен.

ОСЕНЬ, СОЛЬ И ТЕКИЛА

— По пути?
— По пути.
Улыбаешься мило.
— Ты с собойхвати
Соль, лимон и текилу.
— Ты в конец сентября?
Боже правый, я тоже.
— Там тепло, говорят.
— В сентябре? Быть не может!
— Нет спасенья в вине.
— Есть спасение в чае.
— У меня на окне
Синий вечер скучает,
Когда солнце уснет
И на время погаснет.
— Скоро снег. Скоро лед
Всю округу украсит.
Отнесу, положу
На стеллаж свои мысли.
— Я с тобою дружу.
— А лимон очень кислый?

— Все, пока.
— Да, пока.
Завтра встретимся в восемь?
— Как ледышка рука...
Значит, все-таки осень.

Станислав Черняк
(г. Тамбов)

ЦВЕТOK КАТАЛЫПЫ

Поэт, прозаик, общественный деятель, руководитель Тамбовского регионального отделения Союза писателей России. Автор пяти поэтических книг, исторического романа «Мы — Николай II» и серии научно-популярных книг для детей. Лауреат литературных премий и конкурсов. Имеет литературные награды.

БАЛЕРИНА

На маленьких пуантах от беды
Спешат умчаться крошечные ножки.
Воздушные тревоги и бомбежки
Ворвались в мир изысканной слюды.

Фуфайка прикрывает декольте,
Сползла посеребренная корона.
Смотреть на мир из тонкого картона
Все тяжелее с каждым фуэте.

А музыка в шкатулке лишь бодрей,
Но посмотрите на неровность пола —
Несовершенства, трещины и сколы,
Следы от ног вчерашних бунтарей.

Пуанты и шкатулка, как судьба,
И приговор — движение по кругу.
Ах, балерина, вечная подруга,
Любимица Дидло и Петипа.

Стоит шкатулка на краю стола,
И если к ней неловко прикоснуться,
На тысячу осколков разобьются
Нелепых стен кривые зеркала.

Ждут балерину веник и совок,
Отдельно — голова, отдельно — ноги,
Пуанты беззащитны и убоги.
Не убежать, когда приходит срок...

Сменяют фуэте на фуа-гра,
Приобретут шкатулку подороже...
Но вряд ли кто-то поименно сможет
Припомнить всех, разбившихся вчера.

ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ

Вчерашний день забытой акварелью, —
Померкли краски, устарел сюжет.
И райских птиц загадочные трели
Затихли на полночном вираже.

Один рассказ из толщи фолианта.
Потрепанной обложки нет грустней.
Мои находки и твои таланты —
Предания давно минувших дней.

Живешь в дремоте тягостной и сладкой,
Навеянной шуршанием страниц...
Что позади? Не перескажешь кратко.
Что впереди? Мельканье новых лиц.

Где краски взять, чтоб освежить реальность?
И как хранить, чтоб все не растерять?
Ведь новых дней печальную банальность,
Как ни старайся, не запустишь вспять.

А надо ли? Ушло и не вернулось
В тумане — серебрители волос...
Вновь тучи за окном, и мне взгрустнулось.
Так, на секунду только, не всерьез...

ЖЕМЧУГ

Храня в себе жемчужины стихов,
Я, как моллюск, чуть приоткрывший створки.
Пусть вместо них сегодня тюль и шторы
Хранят мой мир от страхов и грехов.

Убрать смартфон и выключить навек
Пугающе-поющий телевизор.
Ты капельки мне выпиши, провизор,
Чтоб я забыл про двадцать первый век.

Бушует океан, вода бурлит,
У раковины ненадежны створки.
Не отвлекут готовки и уборки
От мыслей, что же завтра нам сулит?

Мой жемчуг обожает тишину,
Чернильницу, уютный тихий вечер,
Уютный плед, накинутый на плечи,
И календарь, забывший про войну.

Течение времен и мутных вод,
И полуправда между тьмой и светом.
Стать суждено философу поэтом —
Чему произойти — произойдет.

Жемчужины выбрасываем в мир
В надежде тщетной изменить талантом
Его законы и его константы,
Не покидая раковин-квартир.

Разбиты створки. Нет преграды злу.
Все кончилось. Крестами стали плюсы...
Но кто-то снова собирает бусы
Из россыпи жемчужин на полу...

ПОВЕРЬ, МОЙ ДРУГ!

Поверь, мой друг, что все мы состоим
Из атомов времен Большого Взрыва,
А значит, если точно посчитать, —
Нам миллиарды лет!
И миллиарды лет, без перерыва,
Нам велено искать
Запрятанный ответ:
Зачем мы жизни огонек храним?

Зачем живем и движемся вперед
Среди миров, для многих параллельных?
К чему нам всем бороться и искать?
К чему идти на свет,
Рискуя пасть от выстрелов прицельных?
И пули у виска,
Как вечности привет,
Которая нас вскоре призовет.

...Дышать и жить, пока горит свеча,
Пока Вселенной не упала сфера,
Пока встречают птицы первый луч
И гнезда свои выют...
Вдруг все вокруг — великая афера,
В которой ты могуч,
Пока тебе дают
Нести свой мир на худеньких плечах?

ТИШИНА

Широкий шаг... Ну, здравствуй, тишина.
Скорее обними меня за плечи
И расцелуй... Уютный зимний вечер,
В котором я один, и ты одна.

Снег маслянистый нынче не скрипит,
Боясь нарушить ход печальных мыслей,
Как будто он продукт молочнокислый,
Который приготовил общепит.

Я поднимаю взгляд. Окно темно
В квартире наших войн и примирений.
И только флер былых стихотворений
Влечет назад, в прекрасное «давно».

За шторой расставаний и потерь
Ты спряталась разумно и надежно.
Смотрю наверх, ступая осторожно,
Не в силах позвонить в родную дверь.

Опять спешу навстречу тишине,
Укутываясь в черный бархат ночи...
И ты спешишь, надеешься, хлопочешь,
И, дай-то Бог, вздыхаешь обо мне.

ЦВЕТОК КАТАЛЬПЫ

Мы пробегаем мимо красоты,
Под грузом дум и вейпов ароматов...
«О чем ты, друг? Где мы, а где цветы?
Сейчас эпоха дронов и “сарматов”».

Воздушны, грациозны и легки
Цветки катальпы, словно орхидеи...
Идут на смерть простые мужики
За Родину, за правду, за идею.

И каждый, как цветок, неповторим —
Немыслимо, почти неуловимо.
Остановись, давай поговорим
Пока вся жизнь не пробежала мимо.

Что там сокрыто — в глубине души,
За лепестками комплексов и страхов?
Поговори со мною, не спеши.
Не убежит твоя земная плаха...

Цвети, цветок! Так короток твой век,
Как, впрочем, у всего на этом свете...
Цвети, цветок! И здравствуй, человек, —
Цветок любви на огненной планете.

Но это все идеи и слова,
Поэзия: «...цветы, как наши лица...»
Мелькают дни, как пыльная листва.
Остановись, чтоб чудом насладиться!

* * *

Через полсотни лет, когда не будет нас,
Да и вообще никто не ведает, что будет,
Осколки наших чувств, обрывки наших фраз,
Примерят на себя совсем другие люди.

Такой же зимний день, такой же гололед,
Такая же толпа в любое время суток.
Чего они все ждут? Возможно, звездолет,
А может быть, внучат сегодняшних маршруток.

И не дай Бог дожить до роковых времен,
Когда уйдут все те, кто был с тобою рядом,
Оставив на Земле лишь звуки от имен,
И вроде жить и жить, а вроде и не надо.

Все превратится в прах, все, что вокруг, — падет,
На матушке-Земле мы все в командировке.
Останутся зима, привычный гололед,
Толпа чужих людей и холод остановки...

Ольга Молодцова
(г. Новомосковск)

**ПИШУ О ГЛАВНОМ:
О ЛЮБВИ, О ЖИЗНИ**

Член Тульского регионального отделения Союза писателей России. Член Новомосковского литературного объединения «НЛО» и Пушкинского общества. Лауреат и дипломант литературных премий.

О ГЛАВНОМ

Пиши о главном: о любви, о жизни.
Где бы ни жил — в деревне, в городке
Березовой, рябиновой отчизны,
Иль за порогом отчим, вдалеке.

О том, что не дает душе покоя,
Плач перепелки в заливных лугах.
Про костерок, мелькавший за рекою,
Про звезды, ночевавшие в стогах.

О первом снеге — он бывает главным
Однажды тоже в чьей-нибудь судьбе.
Как летний дождь, веселый и забавный,
С нечаянною радостью тебе.

Про небеса с крылатой птичьей волей,
Про землянично-выспевший рассвет.
Где храмы всюду, всюду лес и поле,
И краше этих мест на свете нет.

Что где-то рядом с Богом наши мамы,
На хлеб сменявшие прабабки шаль...
Пиши о главном, лишь о главном самом —
О них, познавших в сорок первом сталь...

Вся сила их — в Святом Великом Духе.
Над Иртышом протяжных два гудка.
Пишу о главном — о ржаной краюхе,
Что жив наш род за счет того куска.

ПРОГУЛКА ПО ТУЛЕ

Мой тульский край — засечная черта:
Следы подков на поле Куликовом.
Обыденным понятием «места»
Для русского не будет это слово.

У Спасской башни Тульского кремля
Великие князья «вступали в стремя» —
Здесь искони российская земля,
Поля не раз огнем пытало время.

Весенний ледоход рекой прошел,
Вода моста качала отраженье.
Знакомый с детства многим хорошо
Зареченский, и он же — Оружейный.

Обняли остров рукава Упы,
Гостеприимна круглый год ротонда.
Вокруг, насколько хватит горизонта,
Живет град героической судьбы.

Кузнечных дел и символ мастерства —
Левша-умелец с бойкой наковальней.
Да плашек деревянных кружева
На дивных термах провинциальных.

Мой тульский край — засечная черта.
Ты — Арсенал и щит России, Тула!
Душой проста, и в помыслах чиста,
Ты смелым шагом в новый век шагнула.

ВОЗЛЕ ПЕЧКИ

Словно спелые орешки,
Печка шелкает полешки.
Под шестком еще охапка,
Согреваясь, пахнет сладко.

А в печурках-закуточках
Травы сушатся в мешочках,
Да заманчиво душисты
Дольки в яблочном монисто.

Потеснив грибные связки,
Коротают время сказки
Те, что зимней ночью кряду
Бабушке рядить в наряды,

Вить кудельку русской речи
На полатях у запечья —
Словом тихим и высоким
Внуков возвращать к истокам,

Под вихрастые макушки
Ладить мягкие подушки,
Чтоб в подол уткнулись бабкин
Позабыв про все царапки.

И грозить бабайке с волком
С русской печки втихомолку.

МАЛАЯ РОДИНА

Березовый распадок в снег и в дождь.
Колодезь старый посреди деревни.
Так и бывает, не всегда поймешь —
Все это малой родины владенья.

Туманный луг и спящая река,
Звезд хоровод спускается к земному.
Тропинка заячья от родника
Околицей и на задворки к дому.

Крылечка скрип под ветром у окна.
Любая мелочь повседневной жизни,
Та, что порой не сразу и видна,
В себе содержит капельку Отчизны.

В сених забытый дедом дымокур,
Его скамейка за кустами терна,
Где мама утром бойкой стайке кур
Насыплет щедро солнечные зерна.

И птичий хор к заутрене в дали
В ладу с веселым звоном колоколен.
Все это — ипостась родной земли,
И без нее я, русский, обездолен.

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

Июньский дождь, парок стелился пашней,
Старуха, горбясь, шла при батожке.
Отец твой, ноне без вести пропавший,
Созорничал в таком же вот стожке.

С печалью бабьей не была знакома:
Трудыга был такой — из носа кровь.
Везде помощник в огороде, дома
И хоть бы полсловечка про любовь.

А с бережка к реке — крутые сходни,
А он подхватит ведра на-гора.
Ну, как же не припомнится сегодня
О том, как было сладко мне вчера.

Что за дела, о чем соседи судят?
Тем языкатым завидно, небось.
Что целый свет? Что значили те люди,
Когда нам до рассвета не спалось?

Наверно, помнят тамошние ивы,
Сколь набирал лозинок для корзин.
И все ладком, так, Господи, красиво,
Как мастерить мог только он один.

Что помнится еще: субботний вечер,
Последний тот, с гармошкой на крыльцо
Отец твой вышел, расправляя плечи,
Я обронила в пляске пальтецо.

Пылали щеки ягодой-рябиной,
А каблучкам, казалось, сносу нет...
Отец пропал под городом Берлином,
Попробуй, отыщи, не ближний свет.

ВОЛШЕБНАЯ ПОСТУПЬ СНЕГА

Не снег летит, а звездные крупицы.
Замолкла луж восторженная медь.
В снег никуда не нужно торопиться,
Иначе волшебства не разглядеть.

Снежинок в свете фонарей роенье:
Зима пришла уютно и светло.
Погасли листья в первое мгновенье,
Но сердцу удивительно тепло.

Ах, этот снег вселенского масштаба
Привычной жизни изменяет бег:
В чудесной сказке возле снежной бабы
Безмерно счастлив взрослый человек.

Как будто счастье снизошло со снегом,
И с целым миром всяк душой в ладу,
А он расписан мирным птичьим бегом
Под одноногим пугалом в саду.

В платке посадском рядышком рябина
Зарделась летним сполохом огня.
С небес снежинки пухом тополиным
По-доброму встречают здесь меня.

ПОТЕРЯННЫЙ МЕЧ

Вослед волхвам звенела степь уздой,
Росу с ковыльной встряхивала гривы.
Тянулся шлейф по небу золотой,
Зари рассветной слышались мотивы.

Огни Вселенной гасли в синеве.
Земные звуки заполняли утро —
Сердился шмель, запутавшись в траве,
А ветерок тревожил полог юрты.

Ей мнилось вновь, бунчук венчает шест
У Красного холма с Красивой Мечей —
Серебряною гривной этих мест —
Дар птицы Сва былинного двуречья.

Над капищем сияет Солнце-царь,
В его лучах языческие боги
Да половецких идолов алтарь
У брода древней Столповой дороги.

Под тяжестью веков осел угор,
Святилище укрылось в луговине.
Татарский меч таится до сих пор
За Каменною Бабой на быстрине.

ОСЕННИЙ ШТИЛЬ

На небосводе влажные следы
Оставят утром радужные дуги.
С покатою крыши скатятся дожди,
Замрет на месте бригантина-флюгер.

Его ковал вполне земной Гефест
Забавой ветру, не для дальних странствий.
Листвой играя, за кормой норд-вест
На юг форштевень развернул в пространстве.

Залетной чайке мачты темный шпиль
Без брызг морских — как ветка сухостоя.
Средь поредевших клумб в осенний штиль
Воскреснет бабье лето золотое.

Скользнет берез прозрачный тихий лист,
Взгрустнется мимоходом отчего-то...
Здесь ничего придуманного — жизнь,
Она дает всем крылья для полета.

Душе летящей к Божьему суду,
Той утренней звезде над бригантиной.
И яблоку, светившему в саду,
Издалека цепочке журавлиной.

ПРОПАДИ ТЫ ПРОПАДОМ

— Пропади ты пропадом! — кричу.
Слов в ответ неизреченных милость.
К твоему прильнуть во сне плечу,
Словно сумасшедшая, стремилась.

— Пропади ты пропадом! — кричу.
— Громом будь сражен небесной кручи!
А сама за здоровье свечу
Ставлю и шепчу: «Он — самый лучший!»

— Пропади ты пропадом! — вослед.
— Только, если сызнава родиться
Предстоит в другой эпохе лет,
Дай, Господь, мне вновь в него влюбиться!

РОЖДЕНИЕ УТРА

В первозданной тишине рассвета
С неба льется благолепный свет.
Заспанной кукушки голос где-то
Обещает долгих-долгих лет.

В заводи молочного тумана
Гаснет золотистый светлячок.
Тянет нить Вселенной из кармана
Деловитый скряга-паучок.

Дремлет сон-трава в росинках влажных,
Льнут к ромашкам капли серебра,
Чтоб душа откликнулась однажды
Светлым вдохновением пера.

Пахнет пылью звездной и дорожной
Яркая восторженность цветов.
Здесь не стать поэтом невозможно,
Ощущая вечность облаков.

Теплому дыханью горних высей
Словом благодарным отзовись.
Знаю, что Божественною Мыслью
Каждым утром торжествует Жизнь!

Иван Чудасов
(г. Санкт-Петербург)

Иван Владимирович Чудасов родился в г. Астрахани. Кандидат филологических наук. Редактор-составитель трехтомной антологии астраханской поэзии «Колос(с) слова» (2008—2010), лауреат премии им. В. Хлебникова за первый том. Публиковался во многих литературных изданиях.

ПОИСК ПОКОЯ

*Просите, и дано будет вам;
ищите, и найдете; стучите, и откроют вам...*

Матф. 7:7

Как путник, жаждущий, в пустыне знойной
Влачит изнемогающий труп свой
К воде животворящей, беспокойно
Ищу я жизни легкой, но достойной,
Не бури, но гармонию, покой.

Хожу по кругу, миражи встречая.
И каждый раз я словно сам не свой,
Находке радуясь и оживая...
Глупец и сумасшедший!.. Значит, рая
Ворота мне доступны и покой.

* * *

Море, как шифер, волнистое,
Черное небо, как толь.
Звездочки-гвозди лучистые
Шляпками пишут пароль,

Шлют нам привет галактический
Из неизвестных миров.
Около моря готический
Лес и орда комаров.

Луч от ночного прожектора
Тянется вниз до земли.
Ясно, что без Архитектора
Здесь обойтись не смогли.

ПРИТЧА

Когда предстал пред Богом человек
(Он много повидал за краткий век),
Вся жизнь его виднелась как дорога.
На ней следы двоих — его и Бога.
В беде и притеснениях на его
Пути следы виднелись одного.
И человек спросил, как гром в ненастье,
Зачем Он оставлял его в несчастье?
Тогда ответил Бог ему, любя:
«В тот трудный час Я, милый, нес тебя».

ОБ УЧЕНИКАХ

— Простите, что я беспокою Вас, Учитель.
Вас новый ученик покинул — Вы молчите.
Вы с ним делили кров и пищу, с ним молились...
Но почему Вы на него не разозлились?
— Ты помнишь, в нашем прошлом диалоге-споре
Решили знания назвать водой и морем?
Он, как животное, подходит к водоюю,
Но не бросается в пучину с головою.
— Как он труслив! К чему же он тогда стремился?
Я не покину Вас: я плавать научился.
— А что ты сделаешь, завидев крокодила?
Тебе рабыня «Ты был с ним» не говорила.

* * *

Вселенная! Бессильный пред тобой,
Как время перед пирамидами,
Иду по жизни и любуюсь видами
Взаимоотношения с судьбой.

БРОДЯЧАЯ ДУША

Когда Душа всех нас покинет,
Пускай запомнит нас такими,
Какими помнят зеркалá,
Не предаваясь ностальгии.

Так будут помнить куполá
Церквёй все небо, где спалá
Луна, что Солнышка ждала,
Где лили звон колоколá.

Идя путем реинкарнаций,
Мерцаая в бликах стран и наций,
Душа, запомни, где была,
Чтоб Телу меньше ошибаться.

* * *

Сижу на берегу реки,
Бросаю скуку в воду —
Взлетают камушки с руки
На время к небосводу.

И я заброшен в этот мир,
Во временную реку.
Единственный ориентир —
Лишь дно от века к веку.

Не помню бросившей руки.
Забудусь я на дне.
И лишь недолгие круги
Напомнят обо мне.

* * *

Мир неизменен: он такой, как есть.
Пытаться изменить его — лишь месть
Мечтам несбывшимся и неудачам,
Месть за потери, о которых плачем.

Меняется сознание и взгляд
На уготованных событий ряд.
Слаба песчиночка в прибойной пене.
Бьют волны вечные. Мир неизменен.

ВАРАВВА

Орала, неистовствовала орава:
«Варавва! Варавва! Варавва! Варавва!»
Я стал на минуту, совсем на немного,
Приравненным к Сыну Единого Бога
И даже Ему предпочтенным толпою.
Я счастлив безмерно и горд был собою!
Но мне не хотела орава молиться,
И гневом сменились азартные лица,
Хотя не прошло еще даже недели.
Но их обвиненья меня не задели.
Хотел я того или нет, интересна
Жизнь стала Христа: обещал Он воскреснуть.
Иисус, говорят, возродился на третий
День смерти, но я Его так и не встретил.
Я встретил Марию. Печальные очи
Смотрели открыто, по-доброму очень.
Не этого взгляда я ждал! Не прощенья,
А злобы, проклятья, желанья отмщенья!
Видать, за Распятым великая сила,
Когда Его Мать мне за Сына простила!
Тот взгляд меня мучит! Мне страшно! О, Равви,
Зачем Ты отдал свое место Варавве?

* * *

Чем ты, брат мой, опечален, милый брат?
Раньше и не замечал я этот взгляд.
Может, снова перезрели зерна ржи?
Брат мой! Что ты, в самом деле?! Расскажи.
Хочешь, лучшую овечку заколю?
Брат мой, милый человечек! Я скорблю.
Что, скажи мне, в этом поле будит грусть?
По твоей, братишка, воле будет пусть!
Ты как будто неприкаян и смурной.
Не молчи же, брат мой Каин, брат родной!

ЛОГОС

Дельта, забытая Альфой-Омегой,
Гаммой тревожною в сердце звенит.
Дао-пути я не знаю, но с негою
Самозабвенно блуждаю по снегу я,
Пью восходящее солнце в зенит.

Ка была прежде изысканной каппою,
В ней заключается буквы душа.
Разумом в камень науки я капаю,
Чтением знания хапаю-хапаю,
Но не успеть, даже очень спеша.

Времени нет, чтоб объять необъятное.
Даже не знаю я весь алфавит
Греческий... Как же мне будут понятными
Жизнь и слова? Буквы белыми пятнами...
Сути папирус нечитанный свит.

* * *

Елене-Алене Мироновой

Пророческие сны — как зерна бытия:
Для прошлого плоды, для будущего семя.

Не знаю снов весны: пью воду забытья,
стираю все следы и упускаю время.

Зерну не прорасти в беспамятстве моем,
И не провидеть мне свою судьбу до срока.

Не надо и горсти: я зерна в водоем
Швырну, и Лета не позволит стать пророком.

ИМЯ

Среди культур, среди времен
Ты носишь множество имен.

Мне Астрахань — земля родная,
Хотя и трудно здесь вращаться.
К какому богу обращаться?
Как звать Тебя? Увы, не знаю.
Здесь все смешалось — мать честная!

Аллах ли, Иисус ли, Будда?..
Твои непостоянны лица.
Кому из них — Тебе — молиться?
Единственный, скажи мне. Тут-то
Ты в зеркалах кривых как будто.

Адам, наученный Тобою,
Дал птице имена и зверю...
Кто Ты, неназванный судьбою?
Знай, все равно в Тебя я верю!

РУКОПИСЬ

Мир — это рукопись Бога.
Есть у меня лишь срок
Для понимания слога
И для разбора строк.

Прочь отошла бы тревога,
Не нависал бы рок —
Лестница или дорога
Встала бы поперек?

Думаешь, что я бы смог, а?
Или, как прежде, полага,
Будет стезя-итог?
Есть в чертеже ли чертога
Дух от трубы до порога?
Значит, повсюду Бог.

* * *

Есть ли надежда? Всегда
Что-то кому-то мерещится:
Светит костер ли, звезда,
Море в пустыне ли плещется...

ALTER EGO: РАССКАЗЫ ЛЮДЕЙ УВЛЕЧЕННЫХ

Евгений Скоблов
(г. Москва)

ПЕРВЫЕ ПЛАНЕТОХОДЫ

Наш постоянный автор. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

операторы «Лунохода-1» в честь Международного Женского дня дважды «нарисовали» на Луне колесами цифру «8».

«Луноход-2» стартовал с Земли 8 января 1973 г. на борту автоматической станции «Луна-21» и совершил посадку 15 января на равнинной местности в кратере Лемонье — заливе Моря Ясности. За четыре месяца работы «Луноход-2» прошел 39,1 километра, передал на Землю 86 панорам и около 80000 кадров телесъемки. Прекратил работу 10 мая 1973 года.

«Луноход-1». Марка из серии СССР, 1971 г.

СССР, 1973 г. Марка «Луноход-2»

Эти события стали грандиозным достижением в изучении ближнего космоса и, главное, в непосредственном исследовании других планет и для своего времени, и на много лет вперед. В те годы, казалось, освоение космоса стало делом обычным, к 1970 году уже мало кого удивляли те или иные успехи, достигнутые как советской, так и американской космической отраслью. Но никто не мог предположить, что советские Луноходы станут на долгие годы единственными и неповторимыми планетоходами, установят немало рекордов, выполнят огромный объем научных исследований и займут свое достойное место в истории цивилизации.

Тем не менее, мировое научное сообщество уже в те годы сумело рассмотреть в Луноходах будущее космических изысканий человечества в беспилотном (дистанционном) режиме. Поэтому почтовые службы многих государств посчитали не просто желательным, но и необходимым осуществить соответствующие выпуски, и не только непосредственно во время событий, но и в последующие годы.

Первыми отреагировали на запуск АМС «Луна-17» и начало работы «Лунохода-1» в Болгарии. 18 декабря 1970 года в серии «Русская лунная миссия» тиражом 115 тысяч экземпляров вышел сувенирный блок в строгих бордово-серых тонах. Примерно месяцем ранее в этой же серии был издан сувенирный блок, посвященный автоматической межпланетной станции «Луна-16».

16 марта 1971 года в СССР вышла серия, также объединенная в сувенирный блок, отмеченная в международных каталогах как «Советский беспилотный зонд «Луна-17». В серию вошли марки: ««Луноход-1» на поверхности Луны», «Следы «Лунохода» на поверхности Луны», «Луна-17» на Луне» и «Пункт управления и радиотелескоп» (дизайнер Р. Стрельников).

Болгария, 1970 г. Сувенирный блок «Луноход-1»

СССР, 1971 г. Сувенирный лист «Луна-17» и «Луноход-1»

А вот выпуск сувенирных марочных листов, посвященных «Луноходу-2», был приурочен ко Дню космонавтики и осуществлен 12 апреля 1973 года (дизайнер Р. Стрельников, тираж по 900 тысяч экземпляров каждый). В тот же день была выпущена отдельная марка «Луноход-2» (представлена выше).

20 марта 1971 года Румыния выпустила большой сувенирный блок тиражом 200 тысяч экземпляров, посвященный запуску в Советском Союзе автоматических межпланетных станций «Луна-16» и «Луна-17». Кроме собственно изображений на блоке имеется подробная информационная справка.

К этому времени к Луне уже успели слетать пилотируемые американские «Аполлоны» — 8, 10, 11, 12 и 13, двое из которых — с посадкой людей на Луну. Разумеется, основное внимание мировой общественности было сосредоточено на программе

«Аполлон». Но советский «Луноход» стал вызовом в области космической инженерии, можно сказать, опережающим шагом в конструкторских, технических и научных решениях в мировой космической отрасли. И это смогли оценить, а главное отметить на филателистических выпусках в большинстве стран мира начала 70-х годов.

СССР, 1973 г. Сувенирные марочные листы «Луноход-2»

Румыния, 1971 г. Сувенирный блок «Луна-16», «Луна-17», «Луноход-1»

В 1971—1972 годах филателистические выпуски, посвященные Луноходу-1, вышли в первую очередь в странах социалистического содружества.

17 ноября 1971 года в Польше достаточно большими тиражами вышел комплект, условно состоящий из марки, марки с купоном, а также сувенирного блока (полной панели) «Лунный аппарат «Луноход-1». Одновременно был выпущен конверт первого дня.

8 марта 1971 года в Венгрии был издан сувенирный блок «Луна-17», в который вошли 4 марки с изображениями траектории полета на орбите Земли и селеноцентрической орбите, «Лунохода» на посадочной платформе АМС «Луна-17» и «Лунохода-1» непосредственно на поверхности Луны. Издание вышло тиражом более 300 тысяч экземпляров.

Польша, 1971 г. Марочный комплект «Лунный аппарат «Луноход-1»»

Венгрия, 1971 г. Сувенирный блок «Луна-17»

Чехословакия (12 апреля 1973 г.), ГДР (30 марта 1971 г.), Куба (12 апреля 1972 г.), Вьетнам (15 октября 1971 г.) также осуществили издания, посвященные «Луноходу-1» и «Луноходу-2». Помимо собственно марок были выпущены конверты первого дня.

Причина такого интереса и внимания была очевидной. В то время люди могли проработать на поверхности Луны двое-трое суток максимум, «Луноход-1» проводил исследования с 17 ноября 1970 по 14 сентября 1971 года, т. е., более десяти месяцев. И он продолжал работу, когда состоялась очередная экспедиция «Аполлон-14», а экипаж «Аполлон-15» опробовали в деле свой лунный ровер.

Между тем, Луноходы начали, как тогда любили говорить, свое победное шествие по странам и континентам, разумеется, филателистического мира.

Марки 1971—1973 г.г. ГДР, Чехословакии, Кубы и Вьетнама, посвященные Луноходам

Эмират Шарджа, 1972 г. Сувенирный блок, марка из серии, марка-проба печати

20 мая 1972 года в Эмирате Шарджа был издан комплект, в который вошла серия марок, посвященная советским достижениям в освоении космоса, сувенирный блок «Луноход и посадочный модуль», а также шесть люкс-блоков, на основе сюжетов марок серии. Интересна надпечатка на марке, сувенирном блоке и люкс-блоке «Луна-9». Как известно, автоматическая лунная станция «Луна-9» успешно выполнила свою задачу, проработав на поверхности Луны 75 часов в 1966 году, и до создания и запуска первого планетохода было еще четыре года. Возможно, издатели допустили ошибку, что случается нередко в филателистическом мире, а может быть они просто напомнили таким образом о первом в истории значимом успехе в изучении Луны. В ходе подготовки этого материала мне удалось разыскать интересный филателистический предмет, имеющий отношение к этой серии. Это т.н. «проба печати» при подготовке к запуску в печать филателистической продукции.

19 сентября 1972 в Республике Чад и 9 октября 1972 года в Исламской Республике Мавритания вышли марочные пары, посвященные полетам АМС «Луна-16» и «Луна-17» и, соответственно, работе «Лунохода-1» на поверхности Луны.

В 1973 году в Республике Гаити, в серии «Космические исследования», и в Республике Верхняя Вольты (ныне Буркина-Фасо) в серии «Исследования Луны» среди других значимых достижений, в том числе и по программе «Аполлон», была отмечена работа наших «Луноходов».

В этой связи считаю необходимым дополнительно показать некоторые специальные выпуски, на которых значимость автоматических аппаратов «Луноход» представлена примерно на одном уровне с работой космонавтов/астронавтов.

Хотелось бы вспомнить и о том, что в свое время Главный конструктор Конструкторского Бюро им. Лавочкина Георгий Николаевич Бабакин — создатель и непосредственный руководитель программы «Луноход», считал, что «человек должен отправляться на работу в космос, только если возможности автоматов будут исчерпаны».

Марки 1972—1973 г.г., посвященные Луноходам:
Чад, Мавритания, Гаити, Верхняя Вольты

Россия, 2020 г. Спецгашение
«50 лет «Луноход-1»»

15 апреля 1971 года Королевство Бутан в серии «Покорение космоса» выпустило в стереоформате (сейчас это принято называть 3-D форматом) с пластиковым покрытием сувенирный блок, на котором совмещены марки, посвященные миссии «Аполлон-15» в части использования лунного ровера (впервые испытанного в этом полете) и «Луноходу-1». Также эти марки были выпущены по отдельности, в обычном издании и в разряде «Авиа Почта». Эти экземпляры стали продолжением большого серийного выпуска подобной филателистической продукции, в которую уже вошли издания, посвященные программам «Джемини», «Восток», «Аполлон» и др.

В филателистических выпусках Монголии (сувенирный блок, 1971 г.) в серии «Космос» и Болгарии (сувенирный блок, авиапочта, 1984 г.) в серии «25-я годовщина запуска первого лунного зонда» также одновременно представлены и «Луноходы», и программа «Аполлон». При этом, если на болгарском выпуске мы наблюдаем не названного астронавта на поверхности Луны, то на монгольском — вполне определенно указан лунный модуль экспедиции «Аполлон-14».

Королевство Бутан, 1971 г. Сувенирный блок ««Аполлон-15», «Луноход-1» и марка «Луноход-1»

Болгария, 1984 г. Сувенирный блок. Монголия, 1971 г.

На мой взгляд, это свидетельствует о том, что ценность и значимость работы Луноходов была достаточно высокой именно в долговременной научно-исследовательской деятельности человечества на Луне в начале 1970-х годов.

Может возникнуть закономерный вопрос: почему со времен Луноходов 1 и 2 советская, а позже и российская космическая отрасль не пошла по пути развития, совершенствования и эксплуатации техники для изучения других планет? Можно предположить, что основное внимание было сосредоточено на работе на околоземной орбите и выполнении программы «Интеркосмос». Видимо, в то время и позже эти задачи представлялись более приоритетными и менее затратными (советская лунная программа была закрыта в 1983 году).

Особый интерес вызывают юбилейные филателистические издания, посвященные Луноходам в числе других важнейших достижений человечества в освоении Ближнего и Дальнего космоса и изучении других планет.

В 1972 г. в Советском Союзе в честь 15-летия космической эры вышла большая юбилейная красочная серия, дизайнерами которой выступили Алексей Леонов и Андрей Соколов. Среди прочих сюжетов о ключевых достижениях советской космонавтики отмечен и «Луноход-1». Каждая марка вышла также в виде полной панели, тираж каждой составил 5 300 экз.

Подборка марок, посвященных «Луноходу-1» и «Луноходу-2»: Монголия (1979 г.), Куба (1978 г.), Кампучия (1985 г.), Республика Йемен (1976 г.)

СССР, 1972 г. Марка и полная панель «Луноход-1»

В ноябре 1976 года в Венгрии была издана большая серия «Космические исследования», в которую вошли марки, посвященные беспилотным автоматическим системам, предназначенным для исследования Луны, Марса и Венеры. В комплект также вошел блок, на полях которого в виде символов отмечены основные этапы мировых космических исследований. Среди прочих нашлось место и для Луноходов.

Венгрия, 1976 г. Сувенирный блок. Монголия, 1977 г.

20 июня 1977 года в Монголии вышел сувенирный блок, посвященный 11-летию программы «Интеркосмос». На полях блока мы наблюдаем портрет Константина Эдуардовича Циолковского, а также в виде символов ракетно-космическую технику того времени, в том числе и Луноход.

10 ноября 1994 года в Кооперативной Республике Гайана вышел юбилейный мини-блок (достаточно внушительных размеров), посвященный 25-й годовщине первой высадки на Луну. На марках мини-блока основные достижения космических программ СССР и США 1960-х — середины 1970 годов. На одной из 9 марок блока представлен «Луноход-1».

Республика Гайана, 1994 г. Сувенирный мини-блок и марка «Луноход-1»

Луноходы отмечены на юбилейных филателистических выпусках Республики Джибути (2013 г.) и Демократической Республики Сан-Томе и Принсипи (2009 г.) Акцент в этих изданиях сделан на космической технике, в частности, на самоходном аппарате «Луноход-1» и лунном ровере миссий программы «Аполлон» (15, 16 и 17).

Луноходы появились и выполняли задачи во время «золотого века» мировой космонавтики, в годы большой космической гонки. Именно это соревнование давало необходимый импульс как для нас, так и для наших «партнеров». Казалось бы, что с развитием технологий (не только в космической сфере), появлением новых научных открытий, совершенствованием конструкторских и инженерных возможностей, вполне логично предположить дальнейшее исследование Луны и, возможно, Марса с помощью аппаратов, подобных Луноходам во второй половине 1970-х — 1980-х годах. Но в тот период все закончилось тем, что американцы свернули программу «Аполлон», а мы отложили лунные разработки с помощью автоматических систем на неопределенное время.

Республика Сан-Томе и Принсипи, 2009 г. Сувенирный блок. Республика Джибути, 2013 г.

Республика Джибути, 2020 г. Юбилейный выпуск, сувенирный марочный лист «50 лет «Луноход-1»»

«Луноход-1» и «Луноход-2» были первыми (и весьма успешными) автоматическими самоходными исследовательскими аппаратами и заслуга советских разработок такого класса еще и в том, что эти системы, если так можно сказать, «проложили колею» для подобных аппаратов Нового времени. Так, более чем через 40 лет Китай направил на Луну первый китайский луноход «Юйту» (2013 г.), затем был «Юйту-2» (2019 г.). США, используя планетоходы, сосредоточили свое внимание на изучении Марса с помощью марсоходов: «Соджорнер» (1996 г.), «Спирит» (2004 г.), «Оппортьюнити» (2004 г.), «Кьюриосити» (2011 г.).

Полагаю, что будущие космические исследования и, главным образом, исследования планет Солнечной системы будут проводиться в первую очередь автоматическими системами — планетоходами, которые в полной мере продемонстрировали свою необходимость при изучении Луны и Марса.

Казахстан, 2010 г. Юбилейная монета «40 лет «Луноход-1»»

* * *

В статье использованы визуальные материалы — филателистические и нумизматические предметы из коллекции М. М. Скоблова и Е. М. Скоблова

При подготовке статьи использованы следующие источники:

Мавритания: Марки [Год: 1972] [2/3] : Colnect ?
Камбоджа: Марки : Список по годам : Colnect ?
Гайана: Марки : Список по годам [Тема: Космическое пространство] : Colnect ?
Чад: Марки : Список по годам : Colnect ?
Куба: Марки : Список по годам : Colnect ?
Демократическая Республика Йемен: Марки : Список по годам : Colnect ?
Сан-Томе и Принсипи: Марки : Список по годам [Тема: Космические путешествия] : Colnect ?
Вьетнам: Марки [Год: 1971] [1/5] : Colnect ?
Болгария: Марки [Год: 1970] [1/11] : Colnect ?
Марка: Lunochod 1 on the Moon (Болгария(Russian Moon Mission) Mi:BG BL29,Sn:BG 1911,Yt:BG BF31,Sg:BG MS2053,AFA:BG 2021,Un:BG BF29 ?
Гамбия: Марки [Год: 1999] [2/31] : Colnect ?
Марка: Moon, Lunar Probes LUNA-1, LUNA-2, LUNA-4 (Болгария(25th Ann. of the Launch of the first Moon Probe) Mi:BG BL147,Sn:BG C159,Yt:BG BF121,Sg:BG MS3182 ?
Марка: Intercosmos Satellite with Lines Showing Participating Count (Монголия(Intercosmos Program 11 Years) Mi:MN BL49,Sn:MN C91,Yt:MN BF49,Sg:MN MS1071 ?
Марка: Viking 1 Landing on Mars (Венгрия(Space Research (1976)) Mi:HU BL121A,Sn:HU C373,Yt:HU BF127,Sg:HU MS3068,AFA:HU A3081,Phi:HU 3147 ?

Космические исследования

Viking 1 Landing on Mars
Марка: Man's Conquest of Space (Бутан(Conquest of space) Mi:BT BL46,Sn:BT 127d,Yt:BT BF41 ?
Марка: Lunokhod 1 (1970) (Бутан(Conquest of space) Mi:BT 436,Sn:BT 127,Yt:BT 293 ?
Марка: Soviet Unmanned Probe «Luna-17» (Советский Союз, СССР(Soviet Unmanned Probe «Luna-17»)
Mi:SU BL68,Sn:SU 3837a,Yt:SU BF67,Sg:SU MS3922,AFA:SU 3831a-34a,Sol:SU 3990,Un:SU BF67,Zag:SU BL71 ?
Марка: Lunokhod on moon (Чехословакия(Space Research) Mi:CS 2134,Sn:CS 1876,Yt:CS 1979,Sg:CS 2096,AFA:CS 1979,POF:CS 2022 ?
Шарджа: Марки [Серия: Luna 9 | Тема: Космические аппараты] [2/2] : Colnect ?
Марка: Conquest of Space - The Lunar Roving Vehicle (Джибути: Нелегальные марки(Conquest of Space (2013)) Col:DJ 2013-67 ?
Джибути: Марки [Серия: Lunokhod 1, 50th Launch Anniversary | Тема: Космические аппараты | Год: 2020] : Colnect ?

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Александр Субетто
(г. Санкт-Петербург)

ПОРА ЗАДУМАТЬСЯ...

Александр Иванович Субетто — наш давний автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат Премии Правительства РФ, доктор философских наук, доктор экономических наук, почетный президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Петровской академии наук и искусств.

Пора задуматься над вопросом: «КТО МЫ (ЛЮДИ) ЕСТЬ НА ЗЕМЛЕ И ПОЧЕМУ ИМЕННО МЫ — ПРИЧИНА РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ?»

(Короткая реплика по поводу горящих лесов во Франции, Испании, Португалии, Турции, даже в Британии: не является ли это предупреждением со стороны Биосферы и планеты Земля, чтобы начать всеобщее всечеловеческое Дело — высаживать леса по всем странам на планете Земля?)

Ниже излагаю короткий текст этой реплики, который взят из рукописи моей новой книги, готовящейся к изданию. Публикую эту реплику, чтобы те, кто ее прочитает — задумались, и начали действовать.

Катастрофические пожары (огненные смерчи) лесов во Франции, Испании, Португалии, Турции, даже в Британии (апокалипсические картины, которые мелькают с экранов российского телевидения в последние дни июля этого, 2026-го, года) — только один из сигналов, что климат Земли под воздействием беспощадной, под напором рыночного спроса, вырубки лесов и их уничтожения за счет все более учащающихся пожаров, в том числе и в России, США, Канаде, Бразилии, Венесуэле, Австралии, Индонезии и других странах, перешел в переходной режим. В 2009 году мне на глаза попало в 8 номере журнала «Наука и жизнь» предупреждение А. Макарьевой, на которое я сослался и пересказал в работе, изданной в виде брошюры «Самоутверждение России в XXI веке как Лидера в Ноосферном прорыве человечества».

Протицирую еще раз этот отрывок (с. 19):

«А. Макарьева... формирует более грозное предупреждение всему человечеству, связанное с возможной «логикой» изменений в климате на Земле. Согласно ее теории, главные причины глобальных изменений климата — разрушение естественных

экосистем, а именно, уничтожение лесов и освоение океана. В интернет-интервью с корреспондентом журнала «Наука и жизнь» (№ 8, 2009 г.) она так оценивает сценарий развития социоприродных отношений: «...если разрушить силы, поддерживающие устойчивое состояние климата, произойдет переход в другое устойчивое состояние. Теоретический анализ показывает, что это не похолодание или потепление, а либо адская жара с температурой «+400 °C» и с полностью испарившимся океаном, либо адский холод «-100 °C» с полностью оледеневшей землей. Оба эти состояния одинаково катастрофичны для жизни на планете». Увеличение частот и амплитуды локальных колебаний температура, которые никогда не наблюдались раньше, указывает на то, что произошло существенное ослабление сил, поддерживающих устойчивость климата. Главная из этих сил — функционирование лесов, управляющих водным режимом суши и прилегающих к ней областей океана».

Что из этого Предупреждения А. Макарьевой, более чем 16-летней давности, следует.

Первое. Хотя бы внимательно отнестись к этому Предупреждению, и задуматься над важной ролью лесов в механизмах устойчивости климата и Биосферы на Земле в целом.

Второе. Срочно вынести проблему высадки лесов на планете Земля во всех странах мира как актуальную проблему во внутренней политике, объявив все лесные угодия планеты собственностью народа (народов), которые в этих странах проживают, с тем, чтобы в ближайшие 5—10 лет увеличить площадь лесов на Земле в 5 раз, особенно в тех странах, которые де-факто обезлесили свою территорию почти на 100 % и превратились, таким образом в «экологических должников».

Третье. Сделать проблему сбережения лесов на планете и соответственно в странах мира одним из приоритетов всех государств (в их политике) и массового просвещения по лесосбережению и лесовоспроизводству на телевидении и на всех каналах СМИ. Эта проблема должна стать темой специальной Ассамблеи ООН.

Лесные пожары, которые с пугающей частотой повторяются с растущими их мощностью и масштабами в странах на планете Земля, — могут оказаться «спусковым механизмом» экологической гибели человечества уже в ближайшем будущем!

Над Землей гремят «колокола экологической тревоги»! Пора их услышать и задуматься над вопросом: «Мы кто на Земле: Разум, заботящийся не только о будущем человечества, но и всей цветущей Природы на Земле, или слепая, антиразумная, самоуничтожающаяся сила?».

Здесь уместно вспомнить предупреждение Фиделя Кастро — вождя Кубинской социалистической революции, которое он высказал незадолго до ухода из жизни в 2016 году:

«Я считаю, что действительно впервые в истории человека понятие реальной, настоящей полной свободы, равенства и братства могут существовать только при социализме. Эта проповедь любви к ближнему, о которой говорит церковь... думаю, применяется на деле, находит очень конкретное выражение в равенстве, братстве и человеческой солидарности, к которым стремится социализм... Социалистическая революция поставила это понятие на самую высокую ступень...

Потребительское общество — одно из самых зловещих изобретений развитого капитализма, которое сейчас находится на этапе неолиберальной глобализации...

Развитая капиталистическая система... породила мир спекуляции, создание фиктивных богатств и ценностей... *Эта система ничего не обещает человечеству и не нужна ни для чего, кроме самоуничтожения, причем, вместе с ней будут, возможно, уничтожены природные ресурсы, служащие опорой для жизни человека на планете.*

И процесс рыночно-капиталистического самоуничтожения человечества через «процессы развивающейся глобальной экологической катастрофы» происходит, а политические элиты стран мира, «верхи» мировой финансовой капиталокации, в

первую очередь в США и Британии, так называемые «хозяева денег» в определении В. Ю. Катасонова, демонстрируют то «безумие», рождаемое своекорыстием, о котором написал русский мыслитель Н. А. Бердяев в 1918 году: «Мне кажется, в корыстном интересе таится безумие». Песня Мефистофеля «Сатана там правит бал, люди гибнут за металл», т.е. за деньги, за капитал, приобрела новое, планетарное измерение: «Капитал-Сатана» здесь на Земле свой правит бал, человечество экологически гибнет за капитал!».

При этом климатологическая катастрофа, как одно из измерений планетарной экологической катастрофы, сопровождается возбуждением многих регуляторов Биосферы и планеты Земля, как суперорганизмов, в том числе ростом частоты вирусных пандемий, эндоэкологическим отравлением на клеточном уровне (по поводу которого 25 лет назад «бил тревогу» биогеоэколог Всеволод Алексеевич Зубаков), и другими возможными «сценариями» гибели человечества.

Мир нуждается в Большой Идее, спасающей его от Экологической Гибели. Такой идеей является переход Человечества к научному управлению всей Социо-Биосферной эволюцией на базе возрождения на новой качественной основе планирования, единства науки и государства, развития при доминирующей роли Закона Кооперации, перехода всех обществ стран мира, и в первую очередь России, в состояние научно-образовательного общества.

Пора власти в России осознать, что не «цифра», не «искусственный интеллект», который «интеллектом» не был и не является, а является только комплексом программ, и как формализованная система, рожденная проективно, за пределами своего «искусственного мира» мгновенно превращается в «железо», обреченное со временем превратиться в «ржавый хлам», — а Человек должен стать центром внутренней политики, а значит образования и науки.

Россия — цивилизация, в которой одним из главных законов является «власть большой национальной идеи». Без «большой идеи» она не может развиваться, тем более воспитывать молодое поколение. Такой большой идеей, по моему убеждению, является ноосферный, экологический, духовный социализм как основа стратегии спасения человечества от экологической гибели через его переход, еще раз заостряю внимание, к Научному Управлению всей Социо-Биосферной Эволюцией!

Общее Дело для всего человечества, которое уже «кричит о себе», — это высадка лесов на всей планете, во всех странах мира, если мы не хотим «сгореть» от скачка температуры на планете до «+400 °С», или «замерзнуть, как мамонты» — от скачка до «–100 °С». Это, конечно, «сценарий», который «выдала» имитационная модель развития переходного режима климата на планете, если мы продолжим уничтожать леса на планете, «отдаваясь» процессу рыночно-капиталистического процесса расчеловечивания человека, гибели его разума, сознания, ответственности за общее дело, за заботу о «ближних» и «дальних», и в целом о всей Природе на Земле, духовно-нравственной гибели. И эту «духовно-нравственную гибель» демонстрируют лидеры политических элит Запада, в том числе Д. Трамп, который «силу», «сделку», «коварство» поставил в основу своей империалистической политики.

Закончу эту свою реплику цитатами из статьи Игоря Рейфа «Идеалист! (Вспоминания профессора М. В. Гусева)», опубликованной в журнале «Наука и жизнь» в 2017 году (№ 12, с. 30—39; с. 39).

«Природа погибла сначала в душе человека», — записал в дневнике незадолго до смерти Ролан Быков. И та же мысль пронизывает все «Обращение к человечеству» самого Гусева (2004 год): «Не человек создал все это. Он пришел в последний момент и действует как разрушительная сила. Поэтому сохранение каждого вида, сохранение великого равновесия является поприщем и целью для будущих поколений».

А всем «антикоммунистам» в России и в мире я напоминаю редко вспоминаемое

определение коммунизма, сформулированное Карлом Марксом в «Философско-экономических рукописях»:

«Коммунизм как положительное упразднение частной собственности... и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека... есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой».

Теперь 3-й признак коммунизма по К. Марксу, как «действительное разрешение противоречия между человеком и природой», в Эпоху Великого Эволюционного Перелома, которую мы переживаем, и которая поставила Экологический Предел всей рыночно-капиталистической системе, вместе с постоянно рождаемой этой системой идеологиями либерализма, фашизма, расизма, в том числе и капиталорасизма, принципом богоизбранности одного народа для господства над другими народами, т.е. принципом оправдания колониальной эксплуатации, становится базовым условием выхода из Экологического Тупика истории капитализма.

«Товарищи антикоммунисты» в России и в странах мира — вы за какое будущее «воюете» в своем «безумии от своекорыстия»?

Наступила время разговаривать друг с другом на «языке Правды!» «Не в силе — Бог, а в Правде!» — воскликнул Александр Невский. А теперь на «языке Онтологической Правды» через процессы первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы с нами «заговорила» Природа Земли.

Наступили «Роды» в лице Человечества «Действительного Разума» — того Разума, который взвалит на себя Ответственность за Будущее всей Природы на Земле! И Россия как «Цивилизация Любви и Правды» должна возглавить Прорыв Человечества к новым основаниям Бытия на Земле! И в этом Прорыве одним из первых Общих Дел должно стать высадка лесов на планете как основы стационарного режима климата на Земле как Мегасистемы!

Николай Макаров
(г. Тула)

ЧЕМПИОНЫ И ПРИЗЕРЫ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР С ТУЛЬСКИМИ КОРНЯМИ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Серия: «Знаменитые туляки»

АНДРЕЮК (ЧЕСНОКОВА) ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА

Родилась 23.11.1958 в Туле.

Советская волейболистка (нападающая), игрок сборной СССР (1979—1980), олимпийская чемпионка 1980, чемпионка Европы 1979, 7-кратная чемпионка СССР. Заслуженный мастер спорта СССР (1989).

Начала заниматься волейболом в ДЮСШ города Тулы.

В 1976—1988 годах выступала за команду «Уралочка» (Свердловск). В ее составе: 7-кратная чемпионка СССР (1978—1981, 1986—1988), серебряный (1984, 1985) и бронзовый (1977) призер чемпионатов СССР; двукратный победитель розыгрышей Кубка европейских чемпионов (1981, 1987), серебряный призер Кубка чемпионов (1988); победитель розыгрыша Кубка обладателей кубков ЕКВ (1986), серебряный призер Кубка обладателей кубков ЕКВ (1985).

Серебряный призер Спартакиады народов СССР (1979) в составе сборной РСФСР. Чемпионка Всемирной Универсиады (1979) в составе студенческой сборной СССР.

В сборной СССР в официальных соревнованиях выступала в 1979—1980 годах. В ее составе: олимпийская чемпионка (1980); чемпионка Европы (1979).

После 1988 года играла по контракту в Испании. Окончила Свердловский институт народного хозяйства.

В 1998—2001 годах принимала участие в чемпионатах России среди ветеранов. Дважды становилась чемпионкой (1998, 2001) и дважды серебряным призером (1997, 1999) этих соревнований.

Олимпийские игры:

Москва (1980) — золото (волейбол).

Чемпионат Европы:

Франция (1979) — золото (волейбол).

АФАНАСЬЕВА КСЕНИЯ ДМИТРИЕВНА

Родилась 13.09.1991 в Туле.

Российская гимнастка, двукратная чемпионка мира в командном первенстве (2010) и вольных упражнениях (2011), трехкратная чемпионка Европы, призер этапов

Кубка мира, многократная чемпионка России и обладательница Кубка России. Трехкратная победительница Всемирной летней Универсиады. Заслуженный мастер спорта России (2010).

Олимпийские игры:

Лондон (2012) — серебро (команда).

Чемпионаты мира:

Роттердам (2010) — золото (команда).

Токио (2011) — золото (вольные), серебро (команда).

Глазго (2015) — серебро (вольные).

Чемпионаты Европы:

Клермон-Ферран (2008) — серебро (команда).

Милан (2009) — серебро (многоборье).

Москва (2013) — золото (вольные).

Монпелье (2015) — золото (вольные), бронза (опорный прыжок).

Берн (2016) — золото (команда), бронза (опорный прыжок).

Универсиада:

Казань (2013) — золото (команда), золото (опорный прыжок), золото (вольные), серебро (многоборье).

Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 1-й степени.

ВЕДЕНИН ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ

Родился 01.10.1941 в деревне Слобода Дубенского района Тульской области — умер 22.10.2021, похоронен, согласно завещанию, на родине в деревне Слобода.

Советский спортсмен-лыжник, заслуженный мастер спорта СССР (1970), 2-х кратный чемпион Олимпийских игр, 2-х кратный чемпион мира, 13-и кратный чемпион СССР по лыжным гонкам (1966—1973), знаменосец олимпийской команды СССР на зимних Олимпийских играх в Саппоро (1972).

Почетный гражданин города Кандалакши Мурманской области, почетный гражданин Тульской области.

Из семьи крестьянина. Лыжами начал заниматься в 16 лет. Первые шаги к спорту были продиктованы необходимостью ежедневно добираться до школы, находящейся в 5 км от дома. Летом на велосипеде, зимой на лыжах. В юношестве серьезно занимался велосипедным спортом, подтверждением тому служит норматив «мастер спорта СССР», им выполненный.

Первый советский лыжник, выигравший золото в индивидуальной мужской гонке. Особенно прославился тем, что смог выиграть на последнем этапе эстафеты 4×10 км в Саппоро (1972), уйдя на него с отставанием в 1 минуту от норвежца Харвикена.

Победе Веденина в Саппоро посвящено известное стихотворение Роберта Рождественского «Репортаж о лыжной гонке» («Бесконечен этот тягун...»).

На школе, в которой учился В. Веденин, установлена мемориальная доска.

Олимпийские игры:

Гренобль (1968) — серебро (50 км).

Саппоро (1972) — золото (30 км), **золото** (эстафета 4×10 км), **бронза** (50 км).

Чемпионат мира:

Високе-Татри (1970) — золото (30 км), золото (эстафета 4×10 км), серебро (50 км).

Награжден орденами Александра Невского, Ленина, Трудового Красного Знамени, медалью «За трудовое отличие».

ВОЙНОВА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА

Родилась 05.02.1993 в Туле.

Российская трековая велогонщица, выступает за сборную России в различных дисциплинах начиная с 2009 года. Серебряный призер Олимпийских игр 2016 года, четырехкратная чемпионка мира, чемпионка Европейских игр 2019 года, тринадцатикратная чемпионка Европы. На соревнованиях представляет город Москву и спортивное общество «Динамо». Заслуженный мастер спорта России (2015).

Олимпийские игры:

Рио-де-Жанейро (2016) серебро (командный спринт).

Токио (2020) — бронза (командный спринт).

Награждена медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» 1-й и 2-й степени.

ГИРЕВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился 29.06.2000 в Гаврилов-Яме, Ярославская область.

Российский пловец, специализирующийся в плавании вольным стилем. Серебряный призер Олимпийских игр 2020 года, серебряный призер чемпионатов мира на длинной (2019) и короткой (2018) воде в эстафете 4×200 м кролем, неоднократный чемпион Европы. Заслуженный мастер спорта России (2021).

На соревнованиях Иван выступает за два региона — за Московскую, а также сначала Ярославскую, затем — Тульскую область (воспитанник Новомосковского колледжа олимпийского резерва).

Олимпийские игры:

Токио (2021) — серебро (эстафета 4×200 м, вольный стиль).

Чемпионат мира:

Кванжу (2019) — серебро (эстафета (4×200 м, вольный стиль).

Чемпионаты мира на короткой воде:

Ханчжоу (2018) — серебро (эстафета 4×200 м, вольный стиль).

Абу-Даби (2021) — серебро (4×200 м, вольный стиль).

Чемпионат Европы:

Будапешт (2021) — золото (эстафета 4×100 м, вольный стиль), золото (эстафета 4×200 м, вольный стиль), бронза (смешанная эстафета 4×200 м, вольный стиль).

Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 1-й степени.

ГРИШИН ЕВГЕНИЙ РОМАНОВИЧ

Родился 23.03.1931 в Туле — умер 09.07.2005 в Московской области, похоронен на Троекуровском кладбище (участок № 7).

Советский конькобежец и велогонщик, 4-кратный олимпийский чемпион, 2-кратный бронзовый призер чемпионатов мира (1954, 1956), абсолютный чемпион Европы (1956), 12-кратный рекордсмен мира на коротких дистанциях, 2-кратный бронзовый призер чемпионата СССР в многоборье. Заслуженный мастер спорта СССР (1952), заслуженный тренер СССР (1973).

Почетный гражданин города-героя Тулы.

Из рабочей семьи. Работал гравером на оружейном заводе. Путь в большой спорт начал с велосипеда. В 1949 году установил всесоюзный рекорд среди юношей в командной гонке преследования и в гите с хода на 500 м. В 1951 году — чемпион России в спринтерской гонке и второе место — в чемпионате СССР. В 1953 году на Всемирном фестивале молодежи (Бухарест) — второе место в спринте. В 1951—1952 годах — один из лучших велосипедистов-трековиков СССР, включен в состав сборной СССР на XV Олимпийских Игры в Хельсинки (в соревнованиях не выступал, не

пройдя последнего отбора). Из-за последствий перегрузок вынужден оставить велоспорт, оставшись только в конькобежном спорте.

Олимпийские игры:

Кортина-д'Ампеццо (1956) — золото (500 м), золото (1500 м).

Скво-Вэлли (1960) — золото (500 м), золото (1500 м).

Инсбрук (1964) — серебро (500 м).

Чемпионаты мира в классическом многоборье:

Саппоро (1964) — бронза.

Осло (1956) — бронза.

Чемпионат Европы:

Хельсинки (1956) — золото.

Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями.

ГРИШИНА ОКСАНА ЮРЬЕВНА

Родилась 27.11.1968 в селе Белый Колодезь, Арсеньевский район, Тульская область.

Российская велогонщица, серебряная призер Олимпийских игр. Заслуженный мастер спорта.

Олимпийские игры:

Сидней (2000) — серебро (спринт).

Чемпионаты мира:

Палермо (1994) — бронза (спринт).

Перт (1997) — бронза (спринт).

Сидней (2003) — бронза (кейрин).

ЖЕЛАНОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Родился 14.06.1947 в Алексине Тульской области.

Советский легкоатлет (десятиборье), призер Олимпийских игр. Мастер спорта СССР международного класса. Заслуженный мастер спорта РФ (2003). Заслуженный тренер СССР. (2009).

Олимпийские игры:

Москва (1980) — бронза (десятиборье).

Начал заниматься легкой атлетикой в 1973 году. Первый тренер — Степан Иванович Тимофеев (г. Алексин).

Чемпион СССР в помещении (1986, семиборье). Серебряный призер чемпионата СССР в помещении (1979, 1980). Бронзовый призер чемпионата СССР (1980, десятиборье).

В сборной СССР (1980—1988).

После завершения спортивной карьеры работает тренером. Тренер СДЮШОР «Юность Москвы» имени братьев Знаменских (Москва).

ЗВЕРЕВА (КИШЕЕВА) ЭЛЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА

Родилась 16.11.1960 в Туле.

Советская и белорусская метательница диска, олимпийская чемпионка и двукратная чемпионка мира. Заслуженный мастер спорта Республики Беларусь (1995).

Участница пяти летних Олимпиад (1988, 1996, 2000, 2004 и 2008). Олимпийской чемпионкой Сиднея в 2000 году стала в возрасте 39 лет, на Олимпиаде в Пекине в 2008 году в возрасте 47 лет сумела занять 6-е место.

Олимпийские игры:

Атланта (1996) — бронза (метание диска).

Сидней (2000) — золото (метание диска).

Чемпионаты мира:

Гетеборг (1995) — золото.

Афины (1997) — серебро.

Эдмонтон (2001) — золото.

Чемпионат Европы:

Хельсинки (1994) — серебро.

Награждена орденами Беларуси.

ЗЫКИНА ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВНА

Родилась 07.10.1980 в Калуге.

Российская легкоатлетка, двукратная чемпионка мира (2004, 2005), четырехкратная чемпионка мира в помещении (2001, 2003, 2008), чемпионка Европы (2002), призер Олимпийских игр (2000, 2004). Заслуженный мастер спорта России.

В Туле с 07.10.1980. Выступала за клуб «Динамо» (г. Тула).

Олимпийские игры:

Сидней (2000) — бронза (эстафета 4×400 м).

Афины (2004) — серебро (эстафета 4×400 м).

Чемпионаты мира:

Эдмонтон (2001) — бронза (эстафета 4×400 м).

Париж (2003) — серебро (эстафета 4×400 м).

Будапешт (2004) — золото (эстафета 4×400 м).

Хельсинки (2005) — золото (эстафета 4×400 м).

Чемпионаты мира в помещении:

Лиссабон (2001) — золото (эстафета 4×400 м), бронза (400 м).

Бирмингем (2003) — золото (эстафета 4×400 м).

Валенсия (2008) — золото (400 м), золото (эстафета 4×400 м).

Чемпионат Европы:

Мюнхен (2002) — золото (400 м), серебро (эстафета 4×400 м).

Чемпионат Европы в помещении:

Бирмингем (2007) — серебро (эстафета 4×400 м), бронза (400 м).

Награждена медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» 1-й и 2-й степени.

КАЛЕНЧУК (ДЕМИНА) ЕКАТЕРИНА ИЛЛАРИОНОВНА

Родилась 02.12.1922 в деревне Житово Тульской губернии (ныне — г. Советск Щекинского района Тульской области) — умерла 13.07.1997 в Москве, похоронена на Городском муниципальном кладбище в г. Дзержинском Московской области.

Советская гимнастка, двукратная чемпионка XV Олимпийских игр, Заслуженный мастер спорта (1952), Заслуженный тренер РСФСР (1962).

В 1936—1951 годах выступала за добровольное спортивное общество «Искра» (Московская обл.).

Абсолютная чемпионка РСФСР (1947). Чемпионка России в упражнениях на бревне и в опорном прыжке (1948).

В 1952 году окончила Московский областной педагогический институт.

Чемпионка СССР в упражнениях на брусьях (1952). Бронзовый призер всесоюзных первенств в опорных прыжках (1952, 1953, 1954). Член сборной команды СССР до 1956 года.

Олимпийские игры:

Хельсинки (1952) — золото (команда), золото (опорный прыжок), серебро (группа).

КИРИЛЛОВА (ПАРХОМЧУК) ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА

Родилась 15.05.1965 в Туле.

Волейболистка, связующая сборных СССР и Хорватии и тренер по волейболу. Заслуженный мастер спорта СССР (1988).

Из семьи рабочего. В 16 лет стала волейболисткой первого разряда. В 1980 году приглашена играть в команду «Уралочка» (Свердловск).

Олимпийские игры:

Сеул (1988) — золото.

Чемпионат мира:

Китай (1990) — золото.

Чемпионаты Европы:

ГДР (1983) — серебро.

Бельгия (1987) — серебро.

ФРГ (1989) — золото.

Нидерланды (1995) — серебро (Хорватия).

Чехия (1997) — серебро (Хорватия).

Кубок мира:

Япония (1989) — серебро.

Игры доброй воли:

Москва (1986) — золото.

Средиземноморские игры:

Лангедок—Руссильон (1993) — золото (Хорватия).

18.11.2017 введена в Зал волейбольной славы в Холиоке (штат Массачусетс, США) — городе, в котором в 1895 году зародился волейбол.

КОПЫЛОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился 29.07.1960 в Туле.

Советский велогонщик, трехкратный чемпион мира. Рекордсмен мира на дистанциях 200, 1000 и 500 м с ходу и с места. Заслуженный мастер спорта СССР (1981). Признан лучшим велосипедистом мира по версии UCI (1982).

Почетный гражданин Тулы.

Олимпийские игры:

Москва (1980) — бронза (спринт).

Чемпионаты мира:

Брно (1981) — золото (спринт), бронза (гит 1 км с места).

Лестер (1982) — золото (спринт).

Цюрих (1983) — золото (гит 1 км с места), серебро (спринт).

Награжден орденом «Знак Почета», медалью «За трудовое отличие».

ЛЕДОВСКАЯ ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА

Родилась 21.05.1966 в г. Щекино Тульской области.

Советская и белорусская легкоатлетка, специализировалась в спринте и барьерном беге. Рекордсменка мира (в команде), чемпионка мира и олимпийская чемпионка. Заслуженный мастер спорта СССР (1988).

Олимпийские игры:

Сеул (1988) — золото (эстафета 4×400 м), серебро (400 м с барьерами).

Чемпионат мира:

Токио (1991) — золото (400 м с барьерами), золото (эстафета 4×400 м).

Чемпионат Европы:

Сплит (1990) — золото (400 м с барьерами), серебро (эстафета 4×400 м).

Награждена орденом «Знак Почета».

ЛЕОНОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ

Родился 25.04.1937 в Туле.

Советский велогонщик, призер Олимпийских игр. Мастер спорта СССР (1956).

Заслуженный мастер спорта СССР (1960).

Олимпийские игры:

Рим (1960) — бронза (тандем).

Награжден медалью «За трудовое отличие».

НАЗАРОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

Родилась 01.06.1965 в Туле.

Советская и российская легкоатлетка, двукратная олимпийская чемпионка в эстафете 4×400 метров. Заслуженный мастер спорта СССР (1988).

Олимпийские игры:

Сеул (1988) — золото (эстафета (4×400 м), бронза (400 м).

Барселона (1992) — золото (эстафета 4×400 м).

Чемпионаты мира:

Рим (1987) — серебро (эстафета 4×400 м).

Токио (1991) — золото (эстафета (4×400 м).

ПЕТРАКОВ ВИТАЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился 10.12.1954 в Туле.

Советский велогонщик, олимпийский чемпион (1980), Заслуженный мастер спорта (1980).

Из семьи рабочего. В 1971—1983 годах выступал на треке.

Олимпийские игры:

Монреаль (1976) — серебро (командная гонка преследования 4000 м).

Москва (1980) — золото (командная гонка преследования 4000 м).

В итоге 12-летнего труда в большом спорте на его счету 8 побед в командной гонке преследования в чемпионатах СССР и России, 3 — в парной 6-дневной и групповой гонках, 3 — в гите на 1 км, 2 — в индивидуальной гонке преследования.

Награжден орденом «Знак Почета», медалью «За трудовую доблесть».

ПОСЕВИНА (БЛАЖЕВИЧ) ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

Родилась 13.02.1986 в Туле.

Заслуженный мастер спорта России, российская гимнастка (художественная гимнастика), член национальной сборной России (2000—2008).

Олимпийские игры:

Афины (2004) — золото (групповые упражнения).

Пекин (2008) — золото (групповые упражнения).

Чемпионка мира (2003, 2005), Европы (2005) в групповых упражнениях.

Живет в Нижнем Новгороде.
Награждена орденами Дружбы (2006), Почета (2008).

РЕЗАНЦЕВ ВАЛЕРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Родился 08.10.1946 в Сталиногорске Московской области (ныне — Новомосковск Тульской области).

Советский борец классического стиля, двукратный олимпийский чемпион (1972, 1976), Заслуженный мастер спорта СССР (1970), Заслуженный тренер России (1996).

Почетный гражданин Новомосковска Тульской области.

Олимпийские игры:

Мюнхен (1972) — золото (до 90 кг).

Монреаль (1976) — золото (до 0 кг).

Чемпионаты мира:

Эдмонтон (1970) — золото.

София (1971) — золото.

Тегеран (1973) — золото.

Катовице (74) — золото.

Минск (1975) — золото.

Чемпионаты Европы:

Берлин (1970) — золото.

Хельсинки (1973) — золото.

Мадрид (1974) — золото.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» (2).

СЕМЕНОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Родился 10.08.1995 в Туле.

Российский борец греко-римского стиля. Заслуженный мастер спорта России. Член сборной команды страны с 2015 года. Живет в Москве, начинал заниматься борьбой в секции «Туламашзавода» у Валентина Прусова.

Олимпийские игры:

Рио-де-Жанейро (2016) — бронза (до 130 кг).

Токио (2020) — бронза (до 130 кг).

Чемпионат мира:

Будапешт (2018) — золото (до 130 кг).

Европейские игры:

Минск (2019) — серебро (до 130 кг).

Чемпионаты Европы:

Бухарест (2019) — бронза (до 130 кг).

Бухарест (2024) — золото (до 130 кг).

Братислава (2025) — золото (до 130 кг).

Кубок мира:

Тегеран (2015) — серебро (команда).

Тегеран (2016) — серебро (команда).

Абадан (2017) — золото (команда).

Награжден медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» 1-й и 2-й степени.

СИВКО СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился 07.06.1940 в Туле — трагически погиб 10.11.1966 в Москве, похоронен на Кузьминском кладбище (участок № 44).

Советский боксер легких весовых категорий. Серебряный призер летних Олимпийских игр в Риме, чемпион Европы, неоднократный победитель и призер национальных первенств. Заслуженный мастер спорта СССР (1960).

Олимпийские игры:

Рим (1960) — серебро (о 51 кг).

Чемпионат Европы:

Белград (1961) — золото (до 54 кг).

Награжден медалью «За трудовое отличие».

СЛЮСАРЕВА ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА

Родилась 24.04.1969 в поселке Червоный Донец Харьковской области УССР.

Российская шоссейная и трековая велогонщица, олимпийская чемпионка, шестикратная чемпионка мира, пятикратная чемпионка Европы, победительница Кубка мира, Заслуженный мастер спорта России.

Почетный гражданин города-героя Тулы, города Батайска, Афин (Греция).

Клуб — «Динамо», Тула.

В 1993 году окончила Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, в 2010 году — Орловскую региональную академию государственной службы.

До назначения на должность помощника губернатора Тульской области Ольга Слюсарева проходила службу в Вооруженных Силах Российской Федерации.

В 1989—2009 годах — выступления за сборные СССР/России.

Награждена орденом Дружбы, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени.

Олимпийские игры:

Сидней (2000) — бронза (гонка по очкам на треке).

Афины (2004) — золото (гонка по очкам на треке), **бронза** (групповая шоссейная гонка).

ТАБАКОВА (БУБНЕНКОВА) ЮЛИЯ ГЕННАДИЕВНА

Родилась 01.05.1980 в Калуге.

Российская легкоатлетка, серебряный призер Олимпийских игр. Заслуженный мастер спорта СССР.

Живет в Туле.

Олимпийские игры:

Афины (2004) — серебро (эстафета 4×100 м).

Чемпионат мира:

Париж (2003) — бронза (эстафета 4×100 м).

УВАРОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Родился 07.03.1922 в пос. Одоев, Тульская губерния — умер 24.12.1994 в Москве.

Советский хоккеист (центральный нападающий). Заслуженный мастер спорта СССР (1954).

Олимпийские игры:

Кортина-д'Ампеццо (1956) — золото.

Чемпион мира (1954, 1956), серебряный призер ЧМ (1955, 1957). На ЧМ и ЗОИ — 27 матчей, забросил 8 шайб.

Чемпион СССР (1954). В чемпионатах СССР сыграл 259 матчей, забросил 202 шайбы.

Обладатель Кубка СССР (1948).
Избран в Зал Славы отечественного хоккея (2004).
Награжден медалью «За трудовую доблесть».

УКОЛОВ ДМИТРИЙ МАТВЕЕВИЧ

Родился 23.10.1929 в Тульской губернии — умер 25.11.1992 в Москве, похоронен на Востряковском кладбище.

Советский хоккеист (защитник). Заслуженный мастер спорта СССР (1954).

Олимпийские игры:

Кортина-д'Ампеццо (1956) — золото.

Чемпион мира (1954, 1956), серебряный призер ЧМ (1955, 1958, 1959). На ЧМ и ЗОИ — 38 матчей, забросил 8 шайб.

Чемпион СССР (1950, 1955, 1956, 1958, 1959, 1960, 1961). В чемпионатах СССР сыграл 250 матчей, забросил 48 шайб.

Обладатель Кубка СССР (1954, 1955, 1956).

Избран в Зал Славы отечественного хоккея (2004).

Награжден медалью «За трудовое отличие».

ХАТУНЦЕВА (БАДЫКОВА) ГУЛЬНАЗ ЭДУАРДОВНА

Родилась 21.04.1994 в Башкортостане.

Российская трековая велогонщица, выступает за сборную России в различных дисциплинах. Чемпионка Европы 2021 года в гонке по очкам, многократный призер чемпионатов Европы. Многократная чемпионка России. Победитель Кубка мира 2021. С 2021 года выступает на треке за Marathon-Tula. Заслуженный мастер спорта России (2021).

Олимпийские игры:

Токио (2020) — бронза (мэдисон).

Чемпионаты Европы:

Берлин (2017) — серебро (гонка по очкам).

Глазго (2018) — серебро (мэдисон), бронза (гонка по очкам).

Гренхен (2021) — золото (гонка по очкам).

ХИСАМУТДИНОВ ШАМИЛЬ ШАМШАТДИНОВИЧ

Родился 20.09.1950 в Узловой, Московская область (ныне — Тульская область).

Советский борец классического (греко-римского) стиля. Заслуженный мастер спорта СССР (1972). Заслуженный тренер СССР (1978). Олимпийский чемпион (1972).

Олимпийские игры:

Мюнхен (1972) — золото (до 68 кг).

Чемпионаты мира:

Тегеран (1973) — золото.

Минск (1975) — золото.

Чемпионаты Европы:

Хельсинки (1973) — золото.

Мадрид (1974) — золото.

Ленинград (1976) — бронза.

Награжден орденами Почета, «Знак Почета», медалью «За трудовую доблесть».

ЧУДИНА АЛЕКСАНДРА ГЕОРГИЕВНА

Родилась 06.11.1923 в деревне Крамское, Богородицкий уезд, Тульская губерния — умерла 28.10.1990 в Москве, похоронена на Троекуровском кладбище (участок № 2).

Советская волейболистка, легкоатлетка и хоккеистка (хоккей с мячом). Заслуженный мастер спорта СССР (1948).

Игрок сборной СССР по волейболу (1949—1960), 3-кратная чемпионка мира (1952, 1956, 1960), 4-кратная чемпионка Европы (1949, 1950, 1952, 1958), семикратная чемпионка СССР, нападающая.

Трехкратный призер Олимпийских игр (1952), чемпионка Европы (1954) по легкоатлетическому пятиборью, 40-кратная чемпионка СССР по легкой атлетике.

Олимпийские игры:

Хельсинки (1952) — серебро (длина), **серебро** (копье), **бронза** (высота).

Чемпионаты Европы:

Осло (1946) — серебро (высота).

Берн (1954) — золото (пятиборье), серебро (длина).

Чемпионаты мира (волейбол):

Москва (1952) — золото.

Париж (1956) — золото.

Бразилия (1960) — золото.

Чемпионаты Европы (волейбол):

Прага (1949) — золото.

София (1950) — золото.

Париж (1951) — золото.

Бухарест (1955) — серебро.

Чехословакия (1958) — золото.

Награждена орденом Ленина.

Геннадий Маркин
(г. Щекино, Тульская область)

В ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА **за круглым столом с главным редактором**

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Руководитель творческого совета литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей России.

С огромным интересом прочел очерк главного редактора журнала «Приокские зори» Алексея Яшина под названием «Как нам реорганизовать рабкрин». Благонамеренные рассуждения о нынешних делах писательских*.

В очерке Алексей Афанасьевич поднимает одну из важных на сегодня тем: переаттестация членов Союза писателей России; значение и роль писателя в современном обществе.

В первых строках очерка автор сравнивает нынешнюю переаттестацию писателей с горьковским объединением рапповцев в единый Союз писателей СССР.

«Горьковское в 1930-х годах и нынешнее объединение писателей одного ли корня и задачи? — имеют ли они сходство или еще больше различия? Говоря о сходстве корней горьковского (оно же сталинское) и нынешнего моносоюзного объединения литераторов, мы не для красного словца в заголовок очерка поставили название работы В. И. Ленина («Как нам реорганизовать рабкрин». Авт.), столь памятной всем, заставшим советское школьное, техникумовское и особенно вузовское образование...», — пишет Алексей Афанасьевич в первых строках.

Очерк мне показался интересным, значимым, и я решил продолжить начатый Алексеем Афанасьевичем разговор, высказать свое мнение о писательском формате, самих писателях, читателях и начавшейся в стране переаттестации членов Союза писателей России. Начну с важных, на мой взгляд, вопросов: а кто он, сегодняшний писатель? Продолжает ли он, в свете развития цифровых технологий, обилия других источников информации, стремительно развивающегося искусственного интеллекта, оставаться писателем, формирующим общественное мнение и систему ценностей? Или сегодняшний писатель — это человек, создающий буквенный продукт в угоду рыночных отношений или сиюминутной славы?

«...Уже третий десяток лет на старте, как являюсь главным редактором литжурнала “Приокские зори”. Много чего тенденциозного подметил, знакомясь с присылаемыми и публикуемыми материалами — именно “со стороны” главреда, а не отстраненного от “литературной кухни” читателя. Вот и в творческо-биографических справках об авторах уловил такие спортивно-соревновательные мотивы: дескать, публиковался в 30, 50, 100(!) журналах, в том числе Русского Зарубежья. Итак, началось со спортивного азарта, а далее в действие вступает уже закон психологии: сдвиг мотива на цель. Цифра уже довлеет над творчеством! Незаметно, подлая (для худо-

* См. в настоящем номере в рубрике «Колонка литературного шеф-редактора.— Прим. ред.

жественного мышления), подбирается, вроде как с хихиньками и хаханьками...», — пишет Алексей Афанасьевич.

Да, и мне тоже известны некоторые мои коллеги по перу, направляющие свои рукописи в различные печатные издания, лишь бы где-нибудь их опубликовали. Плохо это или хорошо? Наверное, в современных условиях, все же — хорошо. Во времена Российской Империи или Советского Союза литературные журналы или даже театры буквально вырывали из рук писателей и драматургов их произведения, чтобы первыми их опубликовать или поставить на сцене. Сегодня такого нет. Сегодня писатель сам просит редакции журналов его опубликовать. Но редакции многих литжурналов, особенно именитых, некогда относящихся к категории ведущих литературно-публицистических изданий СССР, не спешат этого делать. Во-первых, во многих таких журналах имеются свои форматы и постоянные авторы, придерживающиеся этих форматов; скажем так: в журналах образовался некий круг, в который постороннему автору не пробиться. Да и не каждый автор пожелает придерживаться неких форматов в своем творчестве. Во-вторых, сегодня писателей, вернее, пишущих людей очень много, тысячи, стоит только зайти на различные литературные сайты — и вот они, готовые произведения, и авторы их и себя расхваливающие, словно лавочники на рынке расхваливающие свой товар, поэтому сегодня литжурналы и не испытывают острую нужду в произведениях. Как говорится, сытый кот и от чашечки со сметаной мордочку отворачивает. В те времена, о которых я упомянул выше, было не принято себя расхваливать — не скромно, бессовестно, а сейчас самопиар вроде даже как и поощряется. У нас сейчас все «само»: само-издательство; само-редактирование, само-корректур; само-публикация; само-пиар и даже само-награждение — некоторые писатели и поэты сами себе присвоили звания заслуженных и народных (я не беру во внимание те российские регионы, где для писателей и поэтов такие звания установлены на официальном, государственном уровне).

К сожалению, а может быть и к счастью, профессиональных редакторов и корректоров среди писателей не так уж и много, не все филологи, а нанять редактора и корректора для своих произведений со стороны не каждому писателю по карману. Поэтому и понизилась грамотность и соответственно качество литературных произведений, особенно среди само-опубликованных в интернете.

После развала СССР из Общероссийского классификатора профессий рабочих должностей служащих и тарифных разрядов профессия «писатель» исчезла, все писатели в одночасье сделались любителями, вследствие чего снизился и престиж писателя — не стало литературных авторитетов, да и какой может быть престиж или авторитет у любителей? В феврале 2023 года я в качестве гостя имел честь присутствовать на XVI съезде Союза писателей России, проходившем в Москве. Сидя в зале ЦДЛ, я всматривался в лица делегатов и гостей съезда, стараясь из массы выхватить знакомые, знаменитые на всю страну лица писательских авторитетов, но не увидел. Писателей уровня Шолохова, Айтматова, Михалкова, Распутина со звездами Героев труда на лацканах пиджаков не было. Хотя были двое писателей, которых сегодня без сомнения можно отнести, скажем, к категории живых классиков — это Юрий Поляков и Александр Проханов, которому, кстати сказать, звание «Герой Труда» было присвоено в 2025 году, а в 2023-ем Александр Андреевич Героем еще не был.

Да, с развалом Советского Союза статус писателя снизился, литература стала коммерческой, сократилось и число читателей. Наше самое читающее в мире общество перестало читать книги, а если общество перестает читать, оно теряет способность правильно мыслить и, как правило, погружается в социальную деградацию, и в конечном итоге такое общество разрушает собственное государство. Безусловно, это понимают и люди, находящиеся в самых верхних эшелонах власти. На мой взгляд, отчасти еще и поэтому сегодня наступило время возрождения писателя-профессионала, а вместе с ним нравственно здорового, думающего, умного читателя. Полагаю, что и это тоже стало причиной вернуть писателю его профессиональный статус. Но здесь

естественно возникает вопрос: а все ли писатели способны отвечать сегодняшним профессиональным требованиям? И по каким критериям необходимо определять профессионализм писателя? По количеству изданных книг? По результатам присуждения литературных премий? Но сегодняшние писатели в большинстве своем книги издают за свой счет: есть у пишущего человека деньги — издал он книги нужным тиражом, значит, он — писатель; нет денег... ну, тогда извини, какой же ты писатель? С премиями тоже не все хорошо, не все славно. Всем известно, какую порой «ценность» несет в себе то или иное произведение, удостоенное премии. Прочтя некоторые премиальные тексты, невольно задаешься вопросом: а имеются ли сегодня критики, которые способны отличать настоящую литературу от халтуры? Да и вообще, есть у нас в стране государственный орган, который на профессиональном уровне может проверить действующих писателей на профпригодность?

Когда создавался Союз писателей СССР, рапповцев в него отбирали в первую очередь по политическим, идеологическим взглядам, а потом уже по художественным качествам литературного произведения. В нашем сегодняшнем случае критерии переаттестации, то есть отбора, в первую очередь определены цифрами. Чтобы успешно пройти переаттестацию и стать профессиональным писателем, к примеру, прозаику необходимы десять публикаций в литературных журналах или иметь книги общим тиражом 3000 (три тысячи) экземпляров. Я задумался: если у писателя-прозаика имеются книги общим тиражом, например, 2.950 экземпляров, то, выходит дело, он, не добрав пятьдесят необходимых экземпляров, не писатель? Получается — количество доминирует над качеством? Но количество — это слабый критерий. Можно издать десяток книг, о которых через полгода, максимум год, никто и не вспомнит. А можно издать одну книгу, которая станет событием, но из-за маленького тиража (на большой денег не хватило) — событием на местном уровне.

Тульская писательница Наталья Деомидовна Парыгина — член Союза писателей СССР и России, лауреат Всесоюзного конкурса ВЦПС и Союза писателей СССР, кавалер Золотого знака «Общественное признание», лауреат Тульской областной премии имени Льва Толстого. В 2004 году она смогла издать книгу (роман «Сын») тиражом всего-навсего 800 экземпляров, хотя в советский период ее книги выходили многотысячными тиражами и до сих пор пользуются читательской любовью.

Да, конечно, нельзя не согласиться: чем больше у писателя книг, тем его быстрее заметят критики, члены жюри различных премий, и главное — заметит и оценит умный читатель. Но если произведение слабое, не имеет никакой художественной ценности, то способно ли оно повлиять на читателя? Способен ли такой писатель, пусть даже и раскрученный, или являясь чьим-то проектом, формировать общественное мнение и систему ценностей? На этот мой вопрос ответил в своем очерке Алексей Яшин.

«...Но литературный процесс должен до последнего сохранять творческое, художественное самовыражение... иначе и сам предмет литературы пропадет. Это должно первостепенно учитываться в работе реорганизации СПР». Как говорится, и не поспоришь!

В заключение мне хочется сказать следующее. Огромная часть писателей — это люди старшего возраста, многие и вовсе пенсионеры (сужу по нашему Тульскому отделению). Думаю, всем понятно, что не каждый из них (из нас) на свою пенсию сможет издать книги большим тиражом, да и маленьким тоже. Хотя знаю, что у многих писателей в письменных столах лежат готовые к изданию повести, поэмы, а то и романы; денег нет на издание, а искать спонсоров, то есть ходить по миру с протянутой рукой, не каждый сможет. О ситуации с толстыми литературными журналами я говорил выше. Что в итоге? А в итоге следующее: первыми кандидатами на отсев как профнепригодные станут писатели-пенсионеры, не отвечающие цифровым требованиям. Но это мое личное, субъективное мнение, — возможно, я ошибаюсь.

«ЭХО ВСЕЛЕННОЙ»

Недавно из печати вышел новый поэтический сборник «Эхо Вселенной», автором которого является член Союза писателей России, доктор технических наук, профессор, лауреат литературных премий Л. Н. Толстого и Н. С. Лескова «Левша» Олег Викторович Пантюхин.

Душевные переживания поэта, связанные с осмыслением событий, отношений и собственного опыта, нашли отражение в этом поэтическом сборнике.

Слово у него не только передает информацию, но и создает эстетический эффект: ритм, интонацию, ассоциации.

Рассвет, ветер, дождь, цветы — становятся метафорами состояния души поэта. Это нежная, тихая любовь — без громких слов, в ощущении уюта рядом с любимой. И одновременно это особый способ познания мира и самого себя.

Чувство любви в его стихотворениях раскрывается по-разному. Он передает в них целую гамму переживаний — страсть, нежность, тоску, благодарность.

«Ни шороха, ни взгляда, ни улыбки. / День вечностью продлится в тишине. / Как хрупко все, как призрачно, как зыбко, / Как в самом долгом нереальном сне. / Но все растает. Нежностью ладони, / Теплом согреет вечера вуаль, / И на высоком темном небосклоне / Откроется чарующая даль. / Под нею мы с тобою во Вселенной / Одни запомним этот краткий миг. / Преобразится осенью нетленной / При свете звезд любви прекрасный лик...»

«Воздух пропитан стихами / Только лови в тетрадь. / Что происходит с нами? / Это не описать... / Вечер окутан дымкой / Гаснущего костра, / Грустной твоей улыбкой, / Нежностью до утра...».

«Я не ждал от тебя сообщений / И не ждал от тебя письма. / Как из сказочных сновидений / Ты однажды пришла сама. / И озябшей от стужи душою / Прикоснулась к моей душе...».

«Но улыбка твоя неземная, / Нежность рук и сияние глаз, / И любовь в моем сердце без края — / Это все происходит — сейчас...».

«Поверю в счастье и удачу, / Чтоб легче было путь пройти. / Ты для меня так много значишь... / Поверь во все сейчас и ты...».

«Любовь моя — ветра сила, / Любовь моя — так красива, / Любовь моя — вдохновенье, / Любовь моя — озаренье».

«Встречи будет миг, / Словно дар судьбы, / Будет Солнца лик, / Будем я и ты. / Свежести простор / Из семи ветров, / Лунный коридор / Сказочных миров...».

«Верю, будет праздник вновь. / Верю, победит любовь. / Верю в каждый новый день. / Верю, и ты тоже верь!»

Стихотворения тонкие, нежные, изумительно лиричные. Это свое, личное, прожитое душой и сердцем.

Чувство любви дает ему ощущение полета и обновления. И часто сочетается с природными образами.

Пейзажная лирика раскрывает еще одну грань в творчестве О. В. Пантюхина — роли природы в духовной жизни человека. Природа в его стихах становится зеркалом эмоций, усиливает оттенки переживаний. Состояние природы отражает внутреннее состояние влюбленного: рассвет — надежда, тишина — умиротворение. Пейзаж становится пространством, где рождается и звучит любовь. Радость и энергия любви передается через пробуждение природы. Природа «сочувствует» или «противостоит» любви: лес молчит, ветер шепчет, река уносит. Здесь почти нет прямых слов о любви — все передано через природные детали: свет, тени, звуки. Чувства растворяются в атмосфере природы.

«Притяжением радости солнце встречаю я, / Благодарностью сердца провожая закат, / Проживаю любовью и ее ощущаю, / Как весну ощущает в цветении сад...».

Этот дождь бесконечен, / Как целая вечность, / И как целая вечность разлука с тобой. / Но однажды, я верю, / Наступит та встреча, / Что давно предназначена / Нашей судьбой...».

«Сказочно все — посмотри / И на мгновенье замри! / Небо, закатом маня, / Дарит нам час октября, / Чтoб до метели успеть / Наши сердца отогреть».

«Утренним солнцем согрето / Или закатом дня, / Сердце энергией света живо, / Любовь храня...».

«Листья осенние, плавно кружась, / Падают тихо на землю. / Чувствую с ними вселенскую связь, / Будто я сам в кружении...».

«Снова осень одарит дождями / С перерывами солнечных дней. / Этим схожа она временами / С переменами в жизни моей...».

«Эта осень стала нам весной / Листья опадают, как цветы, / Нереально светлой, неземной / Для меня сегодня будешь ты. / Даже дождь осенний шел иным, / С чистотою свежести небес. / Разноцветье красок нам двоим / Дарит тихий и волшебный лес...».

«На бескрайнем просторе / Светлый льется поток. / Свежий в поле на воле / Каждый жизни глоток. / Каждый миг, словно воздух, / Радость нового дня. / Светят дальние звезды, / За собою маня. / О грядущем и вечном / К нам приходят мечты, / А моя бесконечность — / Ты, любимая, Ты!».

А многие его стихотворения, посвященные любовной лирике, наполнены духовной жизнью.

«Душа — огонь в веках Вселенной / И искра Божьего огня, / И отражение Вселенной / И для тебя, и для меня. / Храни всегда огонь у сердца, / И в непроглядной темноте / Поможет он тебе согреться, / Дорогу осветив мечте!».

«В огромном этом мироздании, / Среди галактик и миров / Дается душам мир познания / Через вселенскую любовь».

«Когда угаснет юности пора, / Поверь в себя, в свое предназначенье. / Все на Земле — Всевышнего творенье, / Прекрасная вселенская игра...».

«Во Вселенной не гаснут огни / Из сердец, что надеждою дышат. / На Земле этой мы не одни, / Потому что на небе нас слышат...».

«Зажглись на небосклоне звезды, / И спят уставшие планеты. / Как долгожданны стали весны, / Как стали трепетны рассветы. / И в тишине ночной звенящей / Так тонко, так неуловимо / Звучит мелодией манящей / Вселенной эхо, эхо мира...».

Чувство связи с родной землей раскрывается в стихотворении «Наша Победа»: «Истории ветры носили / Ту песню, что пели давно. / Звучит благовест над Россией / Торжественно, тонко, светло. / Звучит как предвестник Победы, / Добра над остатками зла. / Ее подарили нам деды, / И эта Победа пришла! / Придет и теперь светоносно, / Как солнце российских небес. / И луч ее праведный, острый / Уже над Землею воскрес. / Россия веками хранима, / Сподобившись славы венца! / С тобой все небесные силы / И благословенье Творца!».

Удивительная способность и серьезно поразмыслить, и улыбнуться, и погрузить придает творчеству Олега Викторовича Пантюхина духовную полноту, объемность и многозначность.

«Тишина со мной наедине, / Тишины дыхание во мне. / Тишина, звенящая в ночи, / Как вселенский колокол звучит. / В тишине я слышу сердца стук, / Тишина — разлука всех разлук. / Тишина — для мыслей зеркала. / В тишине рождаются слова...».

«Стихи пишу я ночи напролет, / Стихи пишу, в которых след нетленный, / И мысли в них восторженный полет, / И вдохновенья голос неизменный. / И в эти ночи осенью, зимой, / И летом, наступившим как-то тихо, / Придут они звенящею волной / И превратятся в новенькую книгу. / И книгу ту чарующей порой, / Листая нежно каждую страницу, / Однажды принесу к себе домой, / Чтoб чтением неспешным наслаждаться!» (О. В. Пантюхин).

Евгений Трещев, член СПР, г. Щекино

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Редакция этими вопросами не занимается.

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редакция журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

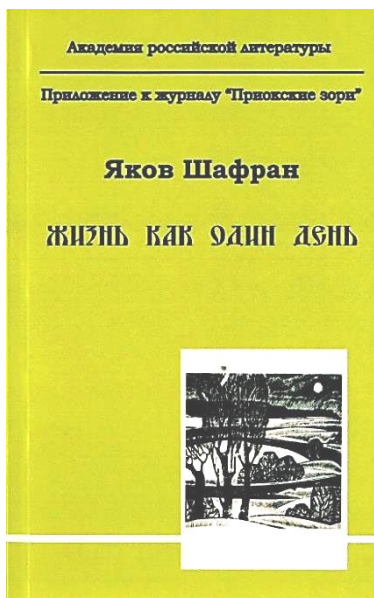
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в двух номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2025.— № 1—4.
2. *Северо-Муйские огни*: Авторский литературный журнал.— 2025.— № 1—6 (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
3. *Московский Парнас*: Вестник Академии российской литературы.— 2026.— №№ 1, 2. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
4. *Север*.— 2026.— № 1—2. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
5. *Дым Отечества. В поисках утраченного*: Альманах. Вып. 18 и 19.— Тула: ТППО, 2025. (Опубликованы материалы многих авторов «Приокских зорь»).
6. Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Глобальное расчеловечивание.— СПб: Изд-во «ЦСЛК на Васильевском», 2025.— 301 с.
7. Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Метафизика биосферного импульса.— СПб: Изд-во «ЦСЛК на Васильевском»; 2026.— 260 с.
8. *Олеся Янгол*. Подарок с неба.— СПб: ООО «Онлайн типография», 2026.— 60 с.
9. *Иртышъ-Омь*.— 2026.— №1—2 (материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. Алексей Яшин. «А роза упала на лапу Азора»: Триолеты в прозе (новая книга рассказов Николая Андреевича): Академия российской литературы.— СПб: Изд-во «ЦСЛК на Васильевском», 2025.— 351 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. Алексей Яшин. Нонконформист в капсуле времени: Повесть странствий.— СПб: Изд-во «ЦСЛК на Васильевском», 2026.— 220 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся два автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза;
- поэзия.

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут

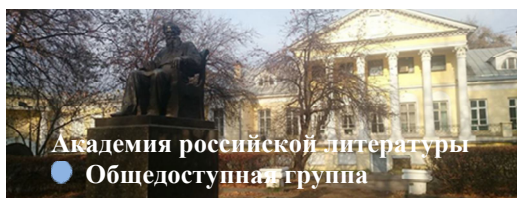
быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место (и страна) проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное номерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2026-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

* * *

Правление и коллектив Академии сердечно поздравляют с Днем рождения главного редактора Всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», члена Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», члена Правления Академии российской литературы, лауреата многих российских, белорусских и международных литературных премий — Алексея Афанасьевича Яшина, удостоенного высшей награды Союза писателей России — Почетного знака «За заслуги в литературе».

* * *

Поздравляет с Днем Победы и напутствует наших воинов Специальной военной операции прозаик, ответственный секретарь Правления Союза писателей России, полковник в отставке, ветеран боевых действий Николай Иванов. Его рукописное поздравление через Главное военно-политическое управления Вооруженных Сил Российской Федерации (ГВПУ ВС РФ) уже доставлено на фронт.

Ниже приводится текст рукописного поздравления Николая Иванова воинам СВО:

«Дорогие братья, наши герои! Приближается очередная годовщина Победы в Великой Отечественной войне. И знаете, что отметил, неоднократно приезжая к вам. У вас, на точке «Ноль», практически не прижилось ни одно иностранное слово. Вы говорите на русском языке, не засоренном иностранными словами. А значит и в этой нашей схватке против объединенной Европы слово «Победа» мы напишем на русском языке! Гордимся вами. Верим в вас. Ждем вас. Ответственный секретарь Союза писателей России Н. Ф. Иванов».

* * *

Сегодня юбилей отмечает ответственный секретарь Правления Союза писателей России Николай Федорович Иванов.

Писатель, журналист, офицер-десантник, участник боевых действий, автор более тридцати книг, человек, который многие годы остается верен литературе, Союзу писателей России и своим убеждениям. За его плечами служба в Воздушно-десантных войсках, работа военным корреспондентом, поездки в горячие точки — от Афганистана до Донбасса, десятилетия литературной и общественной деятельности. Более тридцати лет его жизнь неразрывно связана с Союзом писателей России, а последние годы — с его разви-

тием, сохранением традиций и поддержкой писательского сообщества.

Есть люди, чья работа не всегда заметна со стороны, но именно на них держится большое общее дело. Николай Федорович относится именно к таким людям. Его энергия, ответственность, умение объединять вокруг себя единомышленников и отстаивать интересы русской литературы заслуживают искреннего уважения. От всей души поздравляем Николая Федоровича с юбилеем! Желаем крепкого здоровья, сил, новых книг, верных друзей, семейного благополучия и еще многих лет служения русскому слову и отечественной литературе. С юбилеем!

* * *

Дорогие друзья! Предлагаем вашему вниманию электронную версию 2-го номера (2026 г.) Вестника Академии российской литературы — Международного литературного альманаха «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС». Всем доброго здоровья и успехов! Редакция «МП»

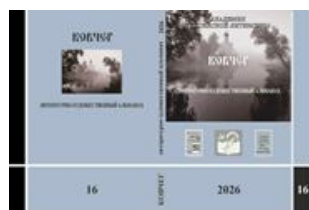

С Днем рождения поэта, переводчика, публициста, литературного критика, обозревателя современности из Белоруссии, члена Союза писателей Белоруссии, Союза писателей России, Академии российской литературы, Международной Славянской академии, Почетного члена Союза русскоязычных писателей Болгарии — Анатолия Юрьевича Аврутина! Анатолий Юрьевич является членом редколлегии журнала «Приокские зори».

Правление Академии и коллеги от всей души желают Анатолию Юрьевичу доброго здоровья, благополучия во всех начинаниях и свершения всего задуманного!

* * *

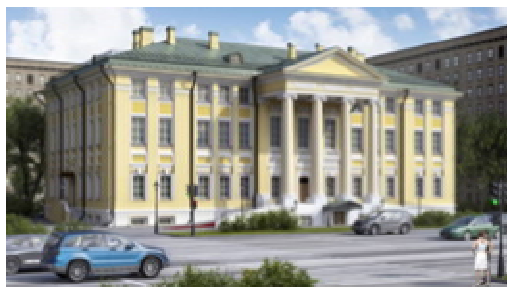

Дорогие друзья! Авторы альманаха «Ковчег»!

Предлагаем вашему вниманию электронную версию 16-го выпуска альманаха «Ковчег» (2026 г.) — альманаха журнала «Приокские зори».

Информационная группа Академии российской литературы

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

* * *

К 170-летию Василия Розанова.

«Россия щедра на большие имена в литературе, философии, искусстве. Так что попробуй, что называется, протиснись в первый ряд русской культуры, где плечом к плечу стоят Чехов, Толстой, Достоевский. Меж тем гений Василия Розанова должен встать в один ряд с этими «священными монстрами». — П. Беседин. Читайте в свежем номере «Литературной газеты» статью к 170-летию писателя, философа, мыслителя Василия Розанова от члена СПР, писателя Платона Беседина.

* * *

10 мая — день рождения Юлии Друниной.

Поэта, чье имя стало одним из главных голосов фронтового поколения.

Она родилась в 1924 году в Москве, в семье учителя истории и библиотекаря. Писать стихи начала еще школьницей — о любви, природе, придуманных далеких странах. Но ее настоящая биография началась не в литературном кружке, а на войне.

* * *

В этот день

13 мая 1934 года первый членский билет Союза советских писателей был вручен Алексею Максимовичу Горькому.

В тот же день в Союз приняли первую группу авторов: Ильфа и Петрова, Александра Безыменского, Бруно Ясенского, Анну Караваеву, Владимира Киршона и других. Именно так зарождалось большое литературное сообщество страны.

* * *

«Юрий Бондарев будет слышать и видеть, как живет Союз писателей России». В. Мединский на открытии кабинета Ю. В. Бондарева в штаб-квартире СПР.

13 мая 2026 года в Штаб-квартире Союза писателей России на Комсомольском проспекте, 13 состоялось торжественное открытие мемориального кабинета Юрия Васильевича Бондарева — писателя-фронтовика, одного из основоположников «лейтенантской прозы», Героя Социалистического Труда и председателя Правления Союза писателей России в 1990—1994 годах.

* * *

15 мая — День памяти писателей в 2026 году

День памяти писателей — памятная дата, установленная Секретариатом Союза писателей России в 2024 году.

* * *

24 мая 1905 года на хуторе Кружилин станицы Вешенской родился Михаил Шолохов — одна из ключевых фигур русской литературы, автор «Тихого Дона», романа, который спустя десятилетия принесет ему Нобелевскую премию по литературе. В начале XX века появились два крестьянских сына: Есенин и Шолохов, которые перевернули не только русскую литературу, но стали одними из важнейших художников для всего человечества» (Захар Прилепин).

* * *

Сегодня день рождения Максимилиана Волошина — поэта, художника, мыслителя. Волошин не укладывался ни в литературные школы, ни в политические лагеря, ни в привычные биографические схемы. Поэт, критик, акварелист, философ, путешественник, он всю жизнь собирал вокруг себя творческих и интересных людей.

* * *

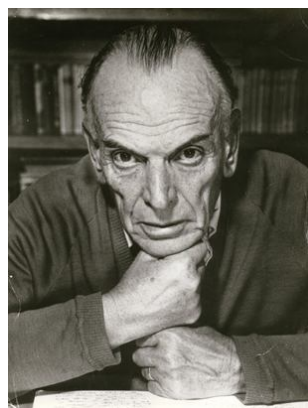

30 мая родился Лев Иванович Ошанин — поэт-песенник, автор более 70 поэтических сборников, профессор Литературного института.

Его строки знала наизусть вся страна, от школьных дворов до фронтовых сцен. Но за этой народной узнаваемостью стояла непростая судьба человека, которому пришлось пройти через подозрения, изгнание, войну и долгий путь к признанию.

* * *

31 мая родился Константин Георгиевич Паустовский — знаменитый писатель, который «все знал», чья биография напоминает длинное путешествие через войны, железные дороги, заводы, редакции, морские побережья и десятки городов страны. Он родился в Москве в 1892 году, в один год с Мариной Цветаевой и всего на год позже Михаила Булгакова. Семья была необычайно пестрой по происхождению: в роду переплелись украинские, польские и турецкие корни. Сам же Паустовский всегда подчеркивал, что считает себя русским писателем и пишет о той земле, которую знает и любит.

* * *

ДУХОВНЫЕ ОРИЕНТИРЫ АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА **Презентация поэмы «Ангел Новоросс» на Красной площади**

Поэма «Ангел Новоросс» Александра Проханова уникальна и неожиданной каноничностью формы, и смелостью буквально нарисованных на поэтическом полотне образов, и завораживающей близостью к языковым традициям православия. Сам автор на состоявшейся 5 июня творческой встрече сказал: «Поэзия - это не моя стихия, это для меня нечто загадочное. Но эта поэма родилась как откровение, как видение. Я не нашел для нее другого названия. Может быть это эпос, может быть — литургия, может быть — акафист...». <...> Часть поэмы Александр Проханов прочитал наизусть. А Сергей Дмитриев продемонстрировал иллюстрации в книге, созданные самим автором — Александр Андреевич художник не только слова, но и кисти. Его живопись дополнила словесные образы, создавая воистину объемное эпическое полотно, которому суждена долгая жизнь. Духовные ориентиры, заложенные в поэме «Ангел Новоросс», необходимы России, которая все ближе к своим истокам и истинным ценностям.

Елизавета Хапланова, заместитель Ответственного секретаря СП России

* * *

Сегодня день рождения Виссариона Белинского — человека, которого современники называли Неистовым Виссарионом. Он прожил всего 36 лет, не окончил университет, постоянно нуждался в деньгах, тяжело болел, но сумел стать главным литературным критиком своей эпохи. Именно Белинский помог читателям по-настоящему увидеть масштаб Пушкина, Гоголя и Лермонтова, а его статьи до сих пор остаются образцом литературной мысли.

* * *

14 июня 1924 года родился Владимир Солоухин — поэт, прозаик, публицист, один из самых ярких представителей русской деревенской прозы второй половины XX века.

Будущий писатель родился в селе Алепино Владимирской губернии. После войны служил в Кремлевском полку, окончил Литературный институт, работал в журнале «Огонек», объехал почти весь Советский Союз и нашел свой жанр — очерк. Но очерк особенный, художественный, наполненный наблюдениями, размышлениями и живым русским словом. Настоящую славу ему принесли «Владимирские проселки» — книга, которая сегодня кажется удивительно современной. По сути, это путешествие по русской глубинке, рассказ о людях, деревнях и дорогах. Никаких производственных рекордов и громких лозунгов. Именно поэтому книга вызвала огромный читательский отклик и одновременно раздражение чиновников, привыкших видеть в литературе прежде всего отчет о достижениях. Владимир Солоухин представлял Союз писателей СССР в 1973 году на открытии памятника Льву Толстому в Туле.

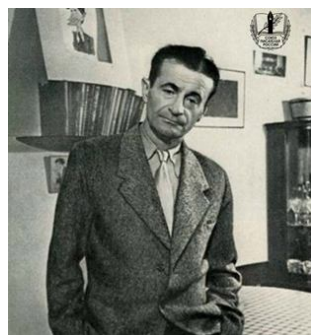
* * *

15 июня 1867 года родился Константин Бальмонт — один из самых ярких поэтов Серебряного века, символист, переводчик, путешественник и человек, которого современники называли «солнечным гением» русской литературы.

Для Союза писателей России память о таких авторах — это память о большой литературной традиции, которую продолжают современные писатели и поэты.

* * *

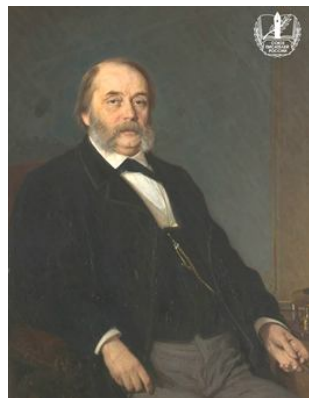

17 июня 1903 года в Екатеринославе (ныне Днепрпетровск) родился **Михаил Аркадьевич Светлов** — поэт, драматург, фронтовой корреспондент, один из самых ярких голосов советской эпохи.

Его именем называли улицы, библиотеки, шахты и даже пароходы. Его стихи знали наизусть миллионы. Их читал со сцены Владимир Маяковский, высоко ценила Марина Цветаева, любила Анна Ахматова. Современники называли его то «советским Гейне», то «русским Экзюпери». А поэтесса Римма Казакова говорила о нем: «Он был волшебник, этому нельзя научиться».

* * *

18 июня 1812 года родился Иван Александрович Гончаров — один из крупнейших русских прозаиков XIX века, автор романов «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв», которые литературоведы позже назовут «трилогией о русской жизни».

* * *

19 июня 1924 года родился Василь Быков — писатель-фронтовик, участник Великой Отечественной войны, один из главных представителей «лейтенантской» прозы.

«Советская военная литература — это не упоение войной, а не утихающая во времени боль от нее».

20 июня 1932 года родился Роберт Рождественский — один из самых известных русских поэтов второй половины XX века, представитель легендарного поколения шестидесятников наряду с Евгением Евтушенко, Андреем Вознесенским и Беллой Ахмадулиной. Сегодня его строки продолжают звучать на литературных вечерах, концертных площадках, в кино и театре. Многие знают песни на его стихи, даже не всегда вспоминая имя автора. Но прежде всего Рождественский был поэтом большого гражданского чувства, памяти и человеческой ответственности.

* * *

23 июня 1889 года родилась Анна Андреевна Ахматова — одна из величайших русских поэтесс. Для нескольких поколений читателей Ахматова — не только автор проникновенной любовной лирики Серебряного века. Ее имя связано с мужеством, верностью слову и способностью сохранить человеческое достоинство в самые тяжелые времена. Свое первое стихотворение она написала в одиннадцать лет. Отец не хотел, чтобы дочь публиковалась под фамилией Горенко, и тогда будущая поэтесса взяла псевдоним Ахматова.

* * *

УКАЗОМ ПРЕЗИДЕНТА

Указом Президента РФ 495 от 20 июля 2026 года Орденом Дружбы награждена председатель Карельского регионального отделения СП России, главный редактор журнала «Север» Пиетиляйнен Елена Евгеньевна

ТУЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

В целях упорядочения деятельности по изданию на территории Тульской области информационной, научно-популярной, краеведческой, методической и художественной литературы, обеспечения высокого качества издаваемой литературы, повышения ее актуальности, художественной и практической ценности для читателя, экономической эффективности издательской деятельности создается Совет по вопросам редакционно-издательской деятельности при Министерстве культуры Тульской

области. От Тульского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России» в Совет вошли Баранова Елизавета Михайловна, Яшин Алексей Афанасьевич.

* * *

5 июня 2026 года в Пушкинском сквере города Тулы прошел культурный марафон, посвященный дню рождения А. С. Пушкина и Дню русского языка «Ай да Пушкин!» в присутствии министра культуры Тульской области Арбековой Е.В.

* * *

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ИСТОРИИ И СЛОВА

Дорогие читатели «Творчества в Туле», продолжая знакомство с тульским писателем Геннадием Маркиным (г. Щекино) и предлагаем вам небольшой репортаж о Всероссийской научно-практической конференции «Провинция в контексте истории и литературы» с его активным участием.

28 и 29 апреля 2026 года старинный купеческий город Крапивна встречал гостей. В эти дни в филиале музея-усадьбы «Ясная Поляна», Музее Земства и градостроительной истории проходила XIX Всероссийская научно-практическая конференция «Провинция в контексте истории и литературы». Свыше 35-и участников конференции из Тульской, Рязанской, Курской и Московской областей представляли свои исследовательские работы в области истории, литературы и культуры.

По сложившейся традиции конференцию открыла директор Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л. Н. Толстого "Ясная Поляна"» Екатерина Толстая. Екатерина Александровна от всей души поприветствовала участников конференции, пожелала успешной и плодотворной работы.

Координатор конференции, заведующая Крапивенским музеем, отделом музея-усадьбы «Ясная Поляна» Ольга Веневцева также обратилась к участникам конференции с приветственным словом: «Конференция собирает частных исследователей,

коллег из музеев, университетов, библиотек, архивов. Важно, что есть постоянные участники, и появляются новые, и для каждого — это всегда общее гуманитарное поле, в котором множество пересечений, взаимосвязей, общих тем. И все вместе мы работаем на сохранение культурного наследия во всем его многообразии», — сказала Ольга Сергеевна.

Участники конференции выступили с докладами на историко-краеведческую и литературную тему, рассказали о новых исследованиях образа жизни дворянства, купечества и крестьянства, а также о роли провинции в творчестве отечественных писателей.

Я на конференции представлял редакцию Всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», подготовил доклад на тему «Революция 1917 года в провинции: события, последствия, судьбы». Рассказал участникам конференции об организации в деревне Городна Ясенковской волости Крапивенского уезда первой в волости комсомольской ячейки и о судьбе ее секретаря Алексея Михайловича Петровичева.

В культурную программу конференции также вошли экскурсия по Музею Земства и градостроительной истории и обзорная экскурсия по историческому центру Крапивны. По завершении работы конференции сделали совместное фото на память.

В заключение хочу от всего сердца поблагодарить организаторов конференции, сотрудников филиала музея-усадьбы «Ясная Поляна», Музея Земства и градостроительной истории и лично его заведомо, координатора конференции Ольгу Сергеевну Веневцеву за предоставленную мне возможность принять участие в работе конференции и за ту теплую и душевную атмосферу, в которой проходила работа конференции.

Геннадий Маркин

* * *

СЛУЧАЙНАЯ НЕСЛУЧАЙНОСТЬ

Дорогие читатели «Творчества в Туле», продолжаем знакомство с тульским писателем Геннадием Маркиным (г. Щекино) и предлагаем вам его вступительное слово к поэме Валерия Кулешова «Зов», а также саму поэму.

В который раз убеждаюсь: непредвиденное или неожиданное событие имеет свою логику, даже не побоюсь такого утверждения: оно кем-то или чем-то предопределено для того, чтобы одному указать путь, другому подтвердить сделанный им выбор, третьему — напомнить о чем-то. Мне случилось напоминание. Третьего дня тому назад я на книжной полке искал нужную мне книгу, и случайно локтем зацепил другую книгу, о которой успел подзабыть. Книга упала на пол и лежала, распростав обложку, словно раскинул крылья упавший с небес подранок. Это был сборник стихотворений моего хорошего товарища, поэта Валерия Кулешова «Корни слова». Я поднял книгу и присел на табурет. «Опять эта книга о себе напомнила. В который уже раз», — подумал я. “Редет ближняя родня, // а те, кто нынче жив... // Все больше вижу, боль продля, // и лиц, и душ чужих”, — прочел я на слегка помятом от падения листе.

Двенадцать лет назад, 18 мая 2014 года, мне посчастливилось быть на творческом вечере поэта Валерия Кулешова по поводу выхода его нового поэтического сборника «Корни слова». Получив в подарок книгу с дарственной надписью автора, я отнесся к подарку не так, как стоило бы. Да, я был рад подаренной мне книге, были с моей стороны и дружеские пожелания автору, и слова благодарности, и даже дежурная улыбка на лице. Но я тогда еще не знал, какой кладetzь держал в руках. Осознал это я вечером дома, когда перед сном решил почитать эту книгу.

С творчеством поэта Валерия Кулешова я на тот момент был знаком, но, честно

скажу, не понимал его стихотворений. О поэме «Зов» я был наслышан и от самого автора, и от своих коллег по перу, но сам я поэму не читал. И вот тогда, в 2014 году, увидев в подаренном мне сборнике поэму «Зов», я решил начать читать именно с этого произведения. Поэма не слишком большая, и я ее прочел быстро. Честно скажу: не понял из прочитанного ничего. Мне была непонятна мысль автора, что он хотел сказать этим произведением? Отложив книгу, я решил спать, но сон не шел. Все больше и больше в моем сознании стали всплывать прочитанные строки и строфы, и они не давали мне покоя, какая-то необъяснимая тревога начала закрадываться в мое сердце. Книга словно притягивала к себе. Я взял ее и начал перечитывать. Моя армейская специальность — радиотелеграфист. Обучали нас отцы-командиры и шифровальному делу, а потому мне не нужно было объяснять самому себе, что в поэме «Зов» что-то зашифровано. “Нам нашей боли не избыть // власть круга не разнять. // Ловлю в тени слепой избы // хрип бледного коня”, — прочел я. Уже засыпая, подумал: где-то я уже читал о бледном коне. Утром вспомнил: так это же Евангелие, Откровение Иоанна Богослова. Взял с полки Евангелие, открыл и прочел: “И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя “смерть”; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и морозом, и зверями земными”. Так и есть — глава 6, стих 8.

Несколько дней я не открывал книгу. Она отталкивала меня от себя тем невидимым порогом, за которым начиналась иная вселенная, неизведанная и страшная, и в то же время она притягивала своей загадочностью и таинственностью, книга словно проверяла меня: свой я или чужой? И я ощутил это как вызов с ее стороны, или как зов. Да, это был именно Зов! Название поэмы - и одновременно притягивающая к себе невидимая сила. Сила Слова! И Сила та заключалась в его Корнях! Именно так и назвал свою книгу Валерий Кулешов: «Корни слова».

Не смогу не сказать о том, что поэтический сборник «Корни слова» заставил меня по-иному взглянуть на творчество Валерия Кулешова и на него самого.

Валерий Владимирович Кулешов родился в 1949 году в деревне Паленка Становлянского района Липецкой области. В 1987 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького (творческие семинары С. А. Поделкова и В. Д. Цыбина). Стихи публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Юность», «Вторник», «Приокские зори» (Тула), «Петровский мост» (Липецк), альманахах «Иван-озеро», «Тула». Автор поэтических книг «Власть огня», «Зерна боли», «Мера времен», «Плоть песни», «Корни слова», «Память чувств» и других. Проживает в городе Щекино Тульской области.

Поэму «Зов» Валерий Кулешов начал писать в 1976 году. Работал он над ней четыре года с шестилетним перерывом. В общей сложности — десять лет: с июня 1976 года по декабрь 1977-го, и с декабря 1983 года по март 1986-го. Предтечей поэмы «Зов» стало стихотворение «Весть», написанное Кулешовым в 1976 году. “Шуршит тревожная листва, // высокий холод — зрим: // на землю падает звезда... // И свет, и мрак за ним”. (Из стихотворения «Весть»). Уверен, многие, прочтя эти строки, скажут: так это же написано о Чернобыльской аварии! Напомню: «Весть» была написана в 1976 году, а «Зов» окончен в марте 1986-го. Ровно через месяц произойдет Чернобыльская трагедия!

Безусловно, стихотворение «Весть» и поэма «Зов» были написаны Кулешовым на основе тревожных предчувствиях о судьбе человечества.

Не побоюсь сказать, что «Зов» — очень серьезное произведение, и свидетельство тому — его многоплановость, его глубина. Поэма несет в себе звучание вечных и в то же время страшных тайн, к которым в той или иной степени прикоснулось, и еще непременно прикоснется, человечество. «Зов» — это голос из будущего, и хотя он уже нашел положительные отклики многих читателей, критиков и литературоведов, но, к сожалению, эта поэма еще не оценена по достоинству современниками...

Я водрузил книгу «Корни слова» на место, завершил свои дела, но еще долго помнил прочитанные строки из поэмы «Зов»: “Редеет ближняя родня, // а те, кто нынче жив... // Все больше вижу, боль продля, // и лиц, и душ чужих”.

Очень актуальные сегодня слова. Особенно для проживающих в России и на Украине некогда близких родственников, людей, в силу своих идеологических и политических взглядов утративших свои родственные связи и люто возненавидевших друг друга. Думаю, что и об этом тоже предупреждал Валерий Кулешов в своем «Зове».

Поэму «Зов» размещу здесь на своей странице в следующем своем посте. Кому интересно, прочтите. Рекомендую!

Геннадий Маркин

* * *

Дорогие читатели «Творчества в Туле», продолжаем знакомство с известным российским писателем Алексеем Яшиным (Тула) и предлагаем вам его новеллу из книги «А роза упала на лапу Азора» «Зимние ботинки, или незнание политеса».

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

28 июня 2026 года в Новотарбеевском сельском филиале № 19 Мичуринской районной библиотечной системы (Тамбовская область) прошла встреча жителей села с членом Союза писателей России Николаем Макаровым.

Окончив 7 классов (1962 г.) Ново-Тарбеевской средней школы и уехав, Н. Макаров постоянно навещает родное село. В очередной приезд (27—29.06.2026) в сельском клубе, в котором размещается библиотека, состоялась презентация книги писателя «Детство и отрочество военного врача».

В книге описываются школьные годы автора (1—7 классы Новотарбеевской школы и 8—11 классы Мичуринской школы № 8); также приведены в хронологическом порядке заметки и статьи из районных и областных газет (1949—1981), написанные директором школы А. Д. Макаровым. Книга заканчивается краткими биографиями и фотографиями учителей Новотарбеевской школы — участников Великой Отечественной войны (9 человек). По окончании встречи, ответив на многочисленные вопросы земляков, Н. Макаров преподнес в дар авторские книги заведующей клубом Надежде Умрихиной (Истоминой), методисту Центральной районной библиотеки Наталье Еськовой, и, естественно, жителям села.

* * *

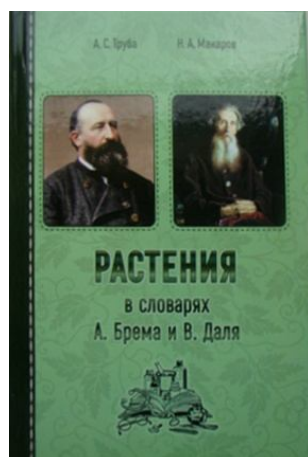
Вышла в свет книга «Растения в словарях А. Брема и В. Даля»

Рязань: Издательство АНО «Социальный центр «Александръ», 2026. — 184 с. — Тираж 500 экз. Авторы — А. Труба, Н. Макаров.

* * *

«Каблуковская радуга» — радуга поэзии, музыки и счастья!

В этом году мы вместе с Валерием Савостьяновым представляли город Тулу на фестивале поэзии и авторской песни «Каблуковская радуга» имени В. И. Львова. Город Тверь и уютное село Каблуково собрали в 26-ой раз поэтов и музыкантов всех возрастов из очень многих регионов России! Это редкий случай современного фестивального долголетия. Поэт, педагог, член Союза писателей России Владимир Ильич Львов (1949—2021 г.г.) был его организатором и художественным руководителем. Замечательный поэт, член правления Тульского регионального отделения Союза писателей России Валерий Савостьянов уже много раз участвовал в этом фестивале, становился лауреатом. В

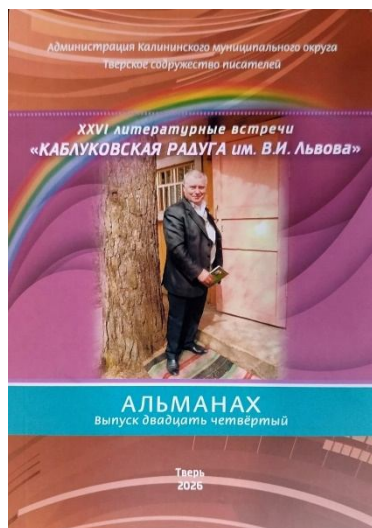

этом году он стал победителем (лауреатом 1 степени) в номинации «Поэзия. Свободная тематика» и финалистом в номинации «Власть слова» (пятое место). Очень яркими и незабываемыми были его выступления на фестивале.

Диплом победителя Валерию Николаевичу вручал нынешний руководитель «Каблуковской радуги» Иван Владимирович Демидов. Ранее все годы существования фестиваля он был заместителем и первым помощником Владимира Ильича Львова. А теперь, заменив Владимира Львова, он не позволил угаснуть любимому фестивалю, вдохнул в него новую жизнь.

Дело Владимира Львова продолжил и нынешний председатель жюри конкурса фестиваля, замечательный поэт из Торжка Василий Рысенков (см. коллективное фото — второй справа). Он теперь к тому же руководит и литобъединением при Тверском Доме поэзии им. Андрея Дементьева, которым ранее руководил Владимир Львов.

Я принимала участие в этом празднике поэзии и музыки впервые.

С удовольствием познакомилась с красивым городом Тверь, побывала на набережной Волги... Три дня замечательного творческого общения, поэзии и музыки для меня стали волшебными!

Нас ждала насыщенная программа, включившая в себя экскурсию по городу Тверь, открытие фестиваля (концертные программы в библиотеке им. А. М. Горького в Твери и в ДК в Савватьево), мастер-классы известных поэтов Ивана Демидова, Евгения Артюхова, Ирины Кучеровой, Василия Рысенкова, Игоря Столярова, Сергея Антипова, Ольги Флярковской, Сергея Берсенева, Светланы Беловой и музыкантов Сергея Наумова, Владимира Абдулова, Владимира Межанина, Светланы Тюриной в Каблуково, а также турнир поэтов и бардов в музыкальном баре «Биг Бен» в Твери и в селе Каблуково, гала-концерт в библиотеке им. А.М. Горького в Твери... Это была действительно радуга творчества, восторга и общения близких по духу людей!

Для меня мастер-классы поэзии оказались очень полезными и интересными. Я почерпнула новые знания, которые пригодятся для совершенствования творчества. Было очень неожиданно и приятно выйти во второй тур поэтического турнира-батла «Завтра едем в Каблуково»! И, конечно же, радостно оказаться в альманахе «Каблуковская радуга им. В. И. Львова», где напечатаны произведения участников фестиваля, которые были отобраны профессиональным жюри. В этом сборнике есть стихотворения и других тульских авторов: поэта, победителя фестиваля Валерия Савостьянова, а также поэта, переводчика, члена СПР, руководителя областного музейно-литературного объединения «Муза», заведующей Домом-музеем В.В. Вересаева Виктории Ткач, которая, к сожалению, по условиям работы не смогла приехать на фестиваль. В сборник вошли произведения поэтов из многих уголков России, в том числе из республик Карелии, Крыма, Коми, Чувашии, ДНР, а также из дружественной Белоруссии.

Мне очень понравилось село Каблуково, его поэтический и музыкальный мир! Трогательным событием было посещение могилы Владимира Ильича Львова, благодаря которому фестиваль родился и живет... Кстати, Валерий Савостьянов в этом году приехал в Каблуково не только на фестиваль, но и поклониться могиле своего

друга и ровесника Владимира Львова. Речь Валерия Николаевича, посвященная его памяти, была яркой и горячей. Конечно, мне запомнились и теплое общение с участниками фестиваля, и вкусная еда в школьной столовой Каблуково (удивительно: совершенно бесплатная!), и красивый закат вечером 4 июля, когда мы после концерта в клубе ждали автобусы для возвращения в Тверь...

Это уникальный фестиваль, который проходит не только в городе, но и в живописном русском селе, на природе. На нем я нашла новых друзей. Аура теплоты, доброго юмора и творчества окутала всех нас на три счастливых дня!

Любовь Старшинова — настоящая душа фестиваля! Она не только все четко организовывала, но и вдохновляла, объединяла нас всех! У нее есть способность чувствовать людей, нести им свет и доброту, а также легко разрешать все возникающие проблемы. Я очень благодарна ей и Валерию Савостьянову, который мне рассказал про фестиваль, предложил подать заявку на участие, сказал, что этот праздник поэзии и музыки действительно незабываем! Я с удовольствием слушала его выступления как финалиста конкурса на концертах, где звучали замечательные произведения и слова благодарности всем тем, кто сделал запоминающейся и неповторимой «Каблуковскую радугу»! Я увезла в Тулу все ее оттенки и эмоции! Надеюсь на новую встречу!

Юлия Зими́на-Конда́кова — тульская поэтесса, участница областного музейно-литературного объединения «Муза», главный редактор сообщества «Творчество в Туле» ВКонтакте.

Ушел из жизни выдающийся ученый, врач, основатель Медицинского института ТулГУ, член Союза писателей России, поэт Александр Агубчикович Хадарцев.

Он родился 8 декабря 1943 г. После окончания средней школы в г. Орджоникидзе СОАССР (ныне — г. Владикавказ) в 1960 г., поступил в Северо-Осетинский государственный медицинский институт, который окончил в 1966 г. с отличием.

С 1966 по 1973 г. работал в Чернской ЦРБ Тульской области, с 1973 г. по 1992 г. заведовал кардиологическим, терапевтическим, а затем пульмонологическим отделениями Тульской областной больницы. С 1992-го по 1994 год возглавлял Комитет по здравоохранению Администрации Тульской области.

С 1994 г. — декан основанного им медицинского факультета, а с 2008-го по октябрь 2022 г. — директор медицинского института, с 1997 по 2017 годы — заведующий кафедрой внутренних болезней Тульского государственного университета. Доктор медицинских наук, профессор, врач-терапевт высшей категории.

Избран действительным членом 13 академий (6 международных и 7 российских).

Результаты его разработок представлены на 36 выставках, в том числе на 11 международных (Мальта, Германия, Индия, Аргентина). Опубликовал 1723 научные работы, из них 106 монографий, 38 учебных и научно-методических пособий, 1 учебник, 905 статей, 536 из которых в журналах, рекомендованных ВАК, 88 авторских свидетельств и патентов на изобретения, 10 открытий.

Александр Агубчикович являлся руководителем Тульской научной школы «Медицинские технологии в системе внешнего управления функционированием организма человека», научный консультант и руководитель защищенных 84 диссертаций (32 докторских и 52 кандидатских).

Председатель докторского и кандидатского диссертационных советов ТулГУ с 1996 по 2009 г.г. Был членом шести докторских диссертационных советов. Эксперт научно-технической сферы ФГБНУ «Научно-исследовательский институт — республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы».

Главный редактор созданных им каталожных, реферируемых, входящих в перечень ВАК, журналов «Вестник новых медицинских технологий» и «Вестник новых медицинских технологий» (электронное издание).

Александр Агубечирович был награжден знаком «Почетный донор СССР», нагрудным знаком «Отличник здравоохранения», почетным званием «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», нагрудным знаком «Почетный работник высшего образования РФ», Почетной грамотой Президиума ВАК Минобразования РФ, Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, лауреат Макариевской премии в номинации «Научные исследования в области естественных и точных наук, имеющие высокое общественное и гражданское значение», «Почетный гражданин города-героя Тулы».

Член Союза писателей России. Опубликовано 23 сборника стихов и прозы, печатался в центральных и местных периодических изданиях. Часть стихов переведена и опубликована за рубежом (в Болгарии).

Два десятка лет Александр Агубечирович являлся деятельным членом редколлегии Всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», в котором он регулярно публиковал свои стихи, отмеченные высокой степенью дарования. Уход Александра Агубечировича из жизни — большая потеря для нашего журнала.

Светлая память об этом замечательном человеке навсегда останется в наших сердцах. Выражаем соболезнование родным и близким покойного.

Редколлегия «Приокских зорь»

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) поля файла обычные;
- 2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;
- 3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14, — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.
- 5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;
- 6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;
- 7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэмы объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);
- 2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже, левее фотографии, выравнивание по левому краю (шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);
- 4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;
- 5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину.

С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

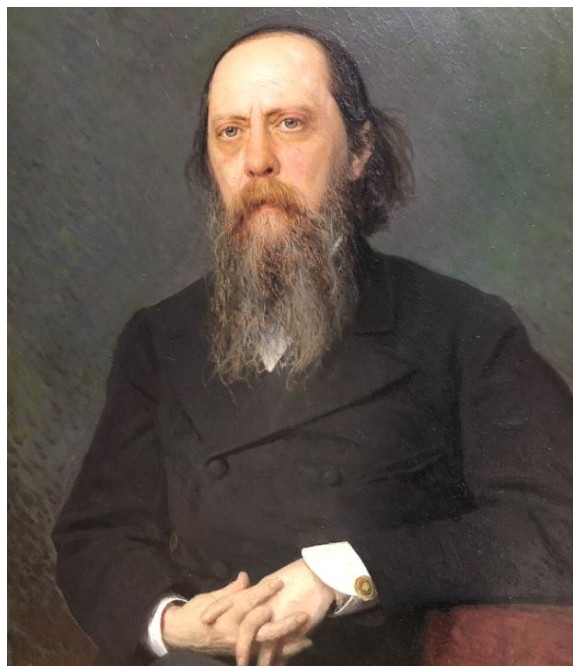
В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

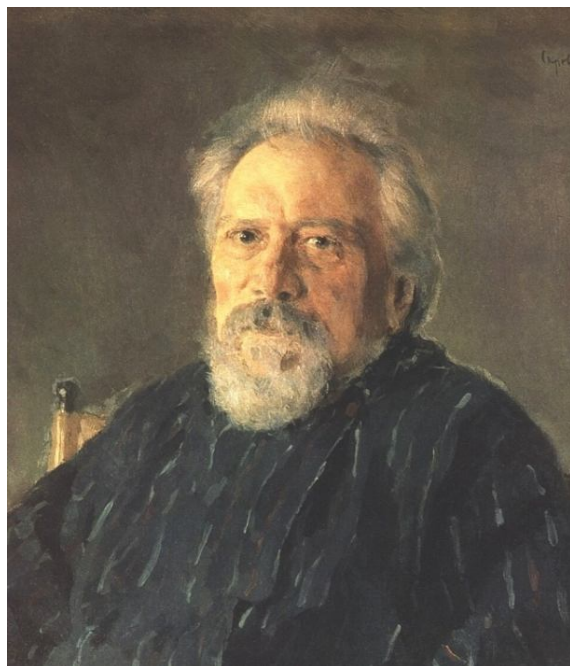
Дата выхода в свет 30.09.2026
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 2026 ГОДА:
РУССКАЯ КЛАССИКА XIX ВЕКА — НАЧАЛА XX ВЕКА**

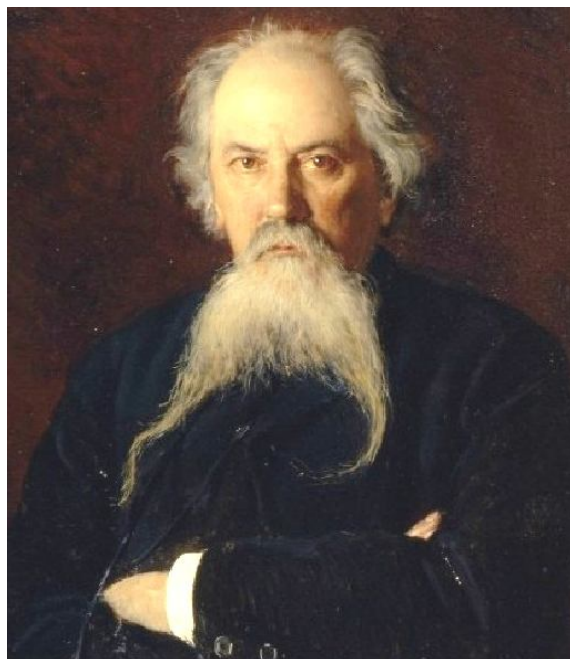
*200 лет со дня рождения выдающегося
русского писателя, сатирика,
административного деятеля
Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина
(1826—1889)*

*195 лет со дня рождения выдающегося
русского писателя, самобытно отобразившего
русскую жизнь 2-й половины XIX века,
Николая Семеновича Лескова
(1831—1895)*

*140 лет со дня рождения выдающегося
русского поэта Серебряного века
Николая Степановича Гумилева
(1886—1921)*

*195 лет со дня рождения видного
русского поэта, одного из авторов
«Сочинений Козьмы Пруткова»,
Алексея Михайловича Жемчужникова
1821—1908)*

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 2026 ГОДА:
РУССКАЯ КЛАССИКА XIX ВЕКА — НАЧАЛА XX ВЕКА**

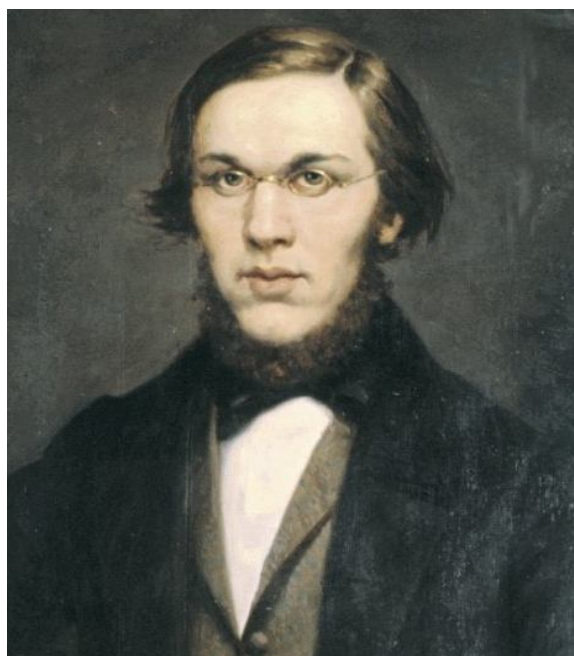
180 лет со дня рождения известного польского писателя, российского подданного Генрика Сенкевича — первого российского нобелевского лауреата (1905 — за роман «Камо грядеши») по литературе (1846—1916)

140 лет со дня рождения известного русского поэта, исследователя-пушкиниста, переводчика и литературного критика Владислава Фелициановича Ходасевича (1886—1939)

215 лет со дня рождения выдающегося русского литературного критика и общественного деятеля Виссариона Григорьевича Белинского (1811—1848)

190 лет со дня рождения выдающегося русского литературного критика, публициста и поэта Николая Александровича Добролюбова (1836—1861)

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии

Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии